

Сингер Питер. Освобождение ЖИВОТНЫХ

1975, источник: [здесь](#).

- [Предисловие](#)
  - [Предисловие к изданию 1975 года](#)
  - [Предисловие к изданию 1990 года](#)
  - [Предисловие к изданию Ессо 2001 года](#)
  - [Благодарности](#)
- [Глава 1. Все животные равны...](#)
- [Глава 2. Инструменты для исследования...](#)
- [Глава 3. Разоблачение промышленного животноводства...](#)
- [Глава 4. Становимся вегетарианцами](#)
- [Глава 5. Владычество человека...](#)
- [Глава 6. Спесишизм сегодня...](#)
- [Примечания](#)

Предисловие

Предисловие к изданию 1975 года

Эта книга о тирании людей над животными. Она причиняла и все еще причиняет столько боли и страданий, что ее можно сравнить лишь с многовековой тиранией белых людей над черными. Борьба против этой тирании столь же важна, как и прочие моральные и социальные проблемы, которые сейчас приходится решать.

Большинство читателей воспримут только что прочитанные строки как дикое преувеличение. Пять лет назад я и сам бы рассмеялся над заявлениями, которые сейчас написал с полной серьезностью. Пять лет назад я не знал того, что знаю сегодня. Если вы внимательно прочтете эту книгу, обращая особое внимание на вторую и третью главы, вы узнаете то, что знаю я, об угнетении животных ровно в таком количестве, сколько возможно узнать из книги разумного объема. Тогда вы сможете оценить, что представляет собой мой первый абзац – преувеличение или трезвую оценку ситуации, о которой общественность в большинстве своем ничего не знает. Поэтому я не прошу вас сейчас верить абзацу, открывающему эту книгу. Я вас прошу об одном – не судить до тех пор, пока не прочтете книгу до конца.

Вскоре после того, как я начал работать над книгой, нас с женой пригласила на чай некая дама (в то время мы жили в Англии), которая узнала, что я планирую написать о животных. По ее словам, она сама очень интересовалась животными, и у нее была подруга, которая уже написала книгу о животных и очень желала бы встретиться с нами.

Когда мы прибыли, подруга хозяйки уже была там, и, конечно, жаждала поговорить о животных. «Я очень люблю животных», – начала она. «У меня есть собака и две кошки, и вы знаете, они так чудесно уживаются вместе. Вы знаете мисс Скот? Она заведует маленькой больницей для больных домашних питомцев...» – и она замолчала. Она сделала паузу, пока подавали закуски, взяла бутерброд с ветчиной и затем спросила нас о наших домашних животных. Мы сказали, что не содержим никаких домашних питомцев. Она выглядела слегка удивленной и откусила свой бутерброд. Наша хозяйка, которая уже закончила подавать бутерброды, присоединилась к нам и включилась в беседу: «Но вы ведь интересуетесь животными, не так ли, мистер Сингер?»

Мы попытались объяснить, что мы заинтересованы в предотвращении страдания и несчастья, что мы против деспотической дискриминации. Что мы считаем неправомерным причинять бесполезное страдание другому существу, даже если это существо не принадлежит к человеческому роду; и что мы убеждены в том, что животные безжалостно и жестоко эксплуатируются людьми, и мы хотим это изменить. Еще мы сказали, что не

особенно интересуемся животными. Никто из нас никогда не был чрезмерно увлечен собаками, кошками или лошадьми в том смысле, как это наблюдается у многих людей. Мы не «любили» животных, мы просто хотели, чтобы с ними обращались как с независимыми, чувствующими существами, каковыми они и являются, а не как со средствами удовлетворения человеческих нужд – не обращались как со свиньей, чье мясо было сейчас на бутербродах нашей хозяйки.

Эта книга не о домашних питомцах. Вряд ли, чтение будет приятным для тех, кто думает, что любовь к животным – это не более чем поглаживание кошки или кормление птичек в саду. Она скорее предназначена для тех людей, кто думает о вопросах прекращения эксплуатации, где бы она ни происходила, а также для тех, кто считает, что основной моральный принцип одинакового рассмотрения интересов не обязательно ограничивается членами нашего собственного вида. Сама по себе идея о том, что для интереса в таких вопросах надо быть «любителем животных», свидетельствует об отсутствии даже малейших намеков на то, что моральные стандарты, которые мы используем в человеческом обществе, могут быть распространены на животных. Никто, кроме расиста, желающего назвать своих оппонентов «любителями ниггеров», не заявит, что для обеспокоенности о равенстве дискриминируемых расовых меньшинств вам надо любить эти самые меньшинства либо считать их очаровательными или дружелюбными. Тогда зачем делать такое предположение о людях, которые работают над тем, чтобы улучшить положение животных?

Изображение тех, кто протестует против жестокого отношения к животным, в виде «сентиментальных, эмоциональных любителей зверюшек», привело к тому, что вопрос нашего обращения с «не-людьми» оказался вне серьезных политических и нравственных дискуссий. Нетрудно понять, почему мы так делаем. Если бы мы взглянули на эту проблему серьезно, если бы, например, мы внимательно присмотрелись к условиям содержания животных на современных промышленных фермах, производящих мясо, мы бы, возможно, почувствовали неловкость из-за бутербродов с ветчиной, бифштекса, жареной курицы и прочих блюд в нашем рационе, о которых мы предпочитаем не думать как о мертвых животных. Эта книга не представляет собой сентиментальную просьбу о сочувствии к «умным» животным. Я не более возмущен массовым убийством лошадей и собак для получения мяса, чем убоем свиней для той же цели. Когда Министерство обороны США узнает, что использование гончих собак для тестирования смертельных газов вызвало бурю протестов, и предлагает использовать вместо них крыс, мне от этого не легче.

В этой книге предпринимается попытка внимательно и последовательно обдумать вопрос о том, как мы должны обращаться с животными. При этом раскрываются предрассудки, которые лежат в основе наших нынешних позиций и поведения. В главах, рассказывающих о том, в чем такое отношение выражается на практике, – как животные страдают от человеческой тирании – есть эпизоды, которые вызовут некоторые эмоции. Я надеюсь, при этом возникнет чувство гнева и возмущения, а вместе с ним желание сделать что-то против описываемых практик. Но нигде в этой книге я не обращаюсь к эмоциям читателя, если они не могут быть подкреплены разумом. При описании неприятных вещей было бы нечестно пытаться рассказывать о них в нейтральных выражениях, пряча истинную неприглядность. Вы не сможете писать об экспериментах, которые «врачи» проводили в нацистских концлагерях над теми, кого они считали «полулюдьми», не испытывая при этом эмоций; и то

же самое касается описаний экспериментов, которые в наши дни проводятся с животными в лабораториях Америки, Британии и других стран. Но конечное объяснение того, почему существует оппозиция этим экспериментам, все же лишено эмоций. Это обращение к базовым моральным принципам, с которыми мы все согласны, а их применение к жертвам и тех, и других экспериментов обосновано разумом, а не эмоциями.

Название этой книги имеет серьезный смысл. Суть освободительного движения заключается в требовании отказаться от предрассудков и дискриминации, которые основаны на произвольных характеристиках, типа расы или пола. Классическим примером служит движение за освобождение негров. Прямой призыв этого движения и его первоначальный, пусть ограниченный успех, сделали его моделью для других угнетенных категорий. Вскоре мы познакомились с движением за права гомосексуалистов и движением за права американских индейцев и испаноязычных американцев. Когда женщины – самая крупная группа – начали свою кампанию, некоторые думали, что это конец света. Считалось, что дискриминация по половому признаку – это последняя форма общепризнанной дискриминации, и она открыто практиковалась даже в тех либеральных кругах, которые в течение долгого времени гордились отсутствием у них предрассудков против расовых меньшинств.

Мы всегда должны проявлять осторожность, когда говорим о «последней остающейся форме дискриминации». Если мы вынесли хоть какой-нибудь урок из освободительных движений, то должны были понять, как трудно осознать скрытые предрассудки, касающиеся нашего отношения к отдельным группам, до тех пор, пока нам на них убедительно не укажут.

Освободительное движение требует, чтобы мы расширили наши моральные границы. Действия, которые раньше казались естественными и неизбежными, в дальнейшем начинают восприниматься как результат неоправданных предрассудков. Кто может с уверенностью сказать, что никакую из его или ее позиций или практик нельзя оспорить? Если мы не хотим оказаться среди угнетателей, то мы должны быть готовы пересмотреть все наши позиции, даже самые общепринятые, по отношению к другим группам. Нам надо рассматривать наше отношение с точки зрения тех, кто из-за этого испытывает страдания, и отталкиваясь от практик, которые возникают вследствие таких позиций. Если мы сможем столь непривычным образом изменить наше мышление, то, вероятно, обнаружим закономерность в наших позициях и практиках, которая заключается в ублажении одной группы (обычно группы, к которой мы принадлежим) в ущерб другим группам. Таким образом, мы приходим к мысли, что появилась почва для нового освободительного движения.

Цель этой книги – подтолкнуть вас к тому, чтобы вы подобным образом изменили ваши позиции и действия по отношению к очень большой группе существ: членов не нашего биологического вида. Я считаю, что наше нынешнее отношение к этим существам основано на длинной истории предрассудков и произвольной дискриминации. Я доказываю, что не существует никаких оснований, кроме эгоистического желания сохранить интересы за эксплуатирующей группой, для того, чтоб отказаться расширить базовый принцип равного внимания на членов других видов. Я прошу вас осознать, что ваше отношение к

представителям других видов – это разновидность предрассудка, и он достоин не меньшего осуждения, чем предрассудки, касающиеся расы или пола.

По сравнению с другими освободительными движениями, освобождение животных имеет много препятствий. Первое и самое очевидное из них заключается в том, что члены эксплуатируемой группы не могут сами устроить протест против отношения, с которым сталкиваются (хотя сами они могут выражать сопротивление и сопротивляются, исходя из своих возможностей). Мы должны высказываться от имени тех, кто не умеет это делать сам. Вы можете оценить, насколько серьезно это препятствие, если спросите себя, как долго неграм пришлось бы ждать равноправия, если бы они не были способны сами подняться на борьбу и потребовать этого. Чем меньше возможностей у группы подняться и восстать против борьбы, тем легче их подавлять.

Важной чертой движения за освобождение животных является то, что в эксплуатацию непосредственно вовлечены участники движения, и они получают выгоды от этого угнетения. В самом деле, немного найдется людей, которые могут взглянуть на угнетение животных с беспристрастностью, которая была присуща, например, людям белой расы на Севере при обсуждении рабства в южных штатах... Людям, которые каждый день едят трупы убитых животных, трудно поверить, что они делают что-то неправильное. Им трудно вообразить, как можно питаться по-другому. В этом вопросе любой, кто ест мясо, выступает в роли заинтересованной стороны. Они получают пользу, или, по крайней мере, думают, что получают пользу оттого, что пренебрегают интересами животных. По этой причине переубеждение становится еще более трудным делом. Скольких южных рабовладельцев удалось убедить с помощью аргументов, которые приводились северными сторонниками отмены рабства, а сейчас принимаются всеми нами? Некоторых, но не многих. Я могу сам и прошу вас перестать есть мясо, когда вы прочтете аргументы, приведенные в этой книге; но я знаю по своему собственному опыту, что даже для человека с самой сильной мире волей это нелегкая вещь. За простым мимолетным желанием поесть мясо в каком-либо случае лежит многолетняя привычка мясоедения, которая обусловила наши отношения с животными.

Привычка. Это – последнее препятствие, с которым сталкивается движение за освобождение животных. Привычки, касающиеся не только питания, но также мышления и языка, должны быть подвергнуты сомнению и изменены. Стереотипы мышления заставляют нас отмахиваться от описания жестокости к животным, как от чего-то эмоционального и предназначенного «только для любителей животных»; и даже если это не так, все равно данная проблема незначительна по сравнению с проблемами людей и не стоит внимания. Это тоже является предрассудком – ибо, как можно понять, что проблема незначительна, не уделив время для исследования ее масштабов. Для более полной трактовки в нашей книге рассматриваются только две области из многих, где люди причиняют страдания животным, но я не думаю, что человек, дочитавший эту книгу до конца, будет когда-нибудь снова думать, что нашего времени и внимания стоят только те проблемы, которые касаются людей.

Стереотипы мышления, которые заставляют нас пренебрегать интересами животных, могут быть подвергнуты сомнению, и это делается на последующих страницах. Данное сомнение

надо выразить словесно, и так получилось, что это делается на английском языке. Английский язык, как и другие языки, отражает предубеждения тех, кто его использует. Поэтому авторы, желающие бросить вызов этим предубеждениям, находятся в известной ловушке: либо они используют язык, усиливающий те самые предрассудки, которые они хотят опровергнуть, либо им не удастся общаться со своей аудиторией. В нашей книге нам пришлось выбрать первый путь. Мы используем слово «животные», в значении «животные, отличные от человеческих существ». Данное употребление слова отделяет людей от других животных, и таким образом подразумевает, что мы сами животными не являемся – но любой человек, проходивший элементарный курс биологии, знает, что это неправильно. В общепринятом смысле термин «животное» объединяет таких различных существ, как устрицы и шимпанзе, но при этом между шимпанзе и людьми раскидывается пропасть, хотя у человекообразных обезьян больше родства с нами, чем с устрицами. Для обозначения животных, не являющихся людьми, не существует другого короткого термина, поэтому в названии книги и на протяжении всех ее страниц я вынужден использовать слово «животное» так, как будто в него не входят люди. Это обидная ошибка, если исходить из стандартов революционной чистоты, но данный шаг кажется необходимым для эффективной коммуникации. Но иногда, с целью напомнить вам, что это всего лишь вопрос удобства, я буду использовать более длинные и точные формы обозначения тех, кого раньше называли «тварями». В других случаях я старался избегать выражений, которые могут унижать животных или маскировать происхождение пищи, которую мы едим.

Основные принципы освобождения животных очень просты. Я старался написать легкую и понятную книгу, при чтении которой не требовалось бы никаких знаний или опыта. Но надо начать с обсуждения принципов, которые лежат в основе того, что я хочу сказать. В них не должно быть ничего трудно, но первая глава может показаться довольно абстрактной читателям, которые не привыкли к таким обсуждениям. Не бросайте чтение. В следующих главах мы займемся малоизвестными подробностями того, как наш вид эксплуатирует другие виды, находящиеся в человеческой власти. И в этом угнетении, а также в главах, где оно описывается, нет ничего абстрактного.

Если рекомендации из последующих глав будут приняты, миллионы животных избавятся от сильной боли. Кроме того, от этого выиграют миллионы людей. В то время как я пишу, во многих частях света люди умирают от голода. Правительство США заявило, что из-за плохих урожаев и оскудевших запасов зерна оно может поставлять только ограниченную (и недостаточную) помощь; но глава 4 ясно показывает, что в развитых странах при выращивании сельскохозяйственных животных на их прокорм тратится в несколько раз больше пищи, чем в итоге они дают. Если мы прекратим выращивать и убивать животных для получения пищи, то сможем производить такое количество дополнительной еды, что при правильном распределении она ликвидирует на нашей планете голод и недостаточное питание. Освобождение животных – это также освобождение человека.

Предисловие к изданию 1990 года

Перечитать первоначальное предисловие к этой книге – значит вернуться к наполовину забытому миру. Люди, заботящиеся о животных, больше не предлагают мне бутербродов с ветчиной. В организациях по правам животных сейчас все активисты – вегетарианцы; но даже в более консервативных группах по благополучию животных, уже начинают осознавать проблему, связанную с употреблением животных в пищу. Те, кто едят мясо, извиняются по этому поводу и готовы предоставить выбор во время приготовления пищи для других. Существует новое осознание того, что сострадание должно быть распространено не только на собак и кошек, но также и на свиней, кур и даже лабораторных крыс.

Я не могу сказать, в какой мере это изменение связано с книгой «Освобождение животных». Писатели популярных журналов «окрестили» ее «Библией движения за права животных». Я нахожу эти слова очень лестными, но одновременно испытываю неловкость из-за них. Я не верю в библию: никакая книга не может иметь монополию на истину. В любом случае ни одна книга не могла бы ничего достичь, если бы она не затрагивала какую-то струнку у своих читателей. Благодаря освободительным движениям 60-х годов, движение за права животных стало следующим закономерным шагом: эта книга собрала воедино все аргументы и преподнесла их в связной форме. Остальное сделали замечательные, равнодушные и трудолюбивые люди – сначала несколько человек, затем сотни, постепенно их количество переросло в тысячи, а сейчас, возможно, и миллионы тех, кто составляет движение за освобождение животных. Я посвятил это пересмотренное и исправленное издание им, потому что без них первое издание постигла бы участь книги Генри Солта «Права животных» (Henry Salt, *Animals' Rights*). Она была опубликована в 1892 году и оставалась пылиться на полках библиотеки Британского музея до тех пор, пока восемьдесят лет спустя новое поколение не сформулировало аргументы снова, случайно натолкнувшись на несколько неизвестных ссылок, и обнаружило, что все это было сказано ранее, но не оказало воздействия.

На сей раз это не будет напрасным. Движение слишком разрослось. Уже были достигнуты важные победы в пользу животных. А еще большие – впереди. Движение за права животных сейчас достигло всемирного масштаба и в будущем очень еще долго не будет снято с повестки дня. Люди часто спрашивают меня, доволен ли я тем, как выросло это движение. По тому, как они задают этот вопрос, становится ясно, какой ответ они от меня ждут: я не думал, что книга окажет такое воздействие. Но они ошибаются. По крайней мере, в моих мечтах каждый человек, прочитавший эту книгу, говорит: «Да, конечно», сразу становится

вегетарианцем и присоединяется к протесту против того, что мы делаем с животными. В результате, больше людей узнают о целях движения, а несокрушимая волна общественного протеста вскоре прекращает хотя бы самые ужасные и ненужные формы страданий животных.

Но я признаю, что такие мечты уравниваются моим осознанием трудностей. А именно, консерватизмом большинства из нас, когда заходит речь о том, чем мы набиваем свои желудки; финансовыми интересами, которые требуют сражаться до последнего миллиона, чтобы защитить свое право эксплуатировать животных ради максимальной прибыли; и весомостью истории и традиций, которые поддерживают настроения, оправдывающие эту эксплуатацию. Поэтому я очень рад встречам и получаемым письмам от многих и многих людей, которые после прочтения этой книги сказали: «Да, конечно...», перестали есть животных и начали активно участвовать в движении за освобождение животных. Я, как никогда, доволен тем, что после долгих лет трудной борьбы, в которой участвовало много людей, движение за права животных стало политикой и социальной реальностью. Но, невзирая на все, этого недостаточно, совсем недостаточно. Это издание ясно показывает, что данное движение еще мало повлияло на основные формы эксплуатации животных.

«Освобождение животных» было впервые опубликовано в 1975 году и с тех печаталось практически в неизмененном виде. Теперь надо пересмотреть 3 аспекта. Во-первых, когда книга появилась, еще не было движения за права животных. Тогда само это понятие было неизвестно; в то время не существовало крупных организаций, и почти не было мелких, которые бы работали над тем, чтобы радикально изменить отношение общества к животным. Сейчас, 15 лет спустя, было бы странно иметь книгу под названием «Освобождение животных», в которой не уделялось бы внимание тому, что в наши дни существует движение за освобождение животных, и по этой причине не комментируется курс, взятый им.

Во-вторых, параллельно с ростом современного движения за освобождение животных невероятно возросло количество литературы на эту тему – и немалую часть здесь составляет комментирование позиции, изложенной в 1 издании. Также я проводил долгие вечера, обсуждая с друзьями и коллегами по движению и философские вопросы, и практические выводы. Я счел необходимым дать некоторые ответы на все эти дискуссии с единственной целью – показать, в какой степени изменились или, наоборот, не изменились мои взгляды.

И, наконец, вторая и третья главы описывают, что означает для животных наша нынешняя позиция, когда речь идет о двух главных сферах их использования: об экспериментах и животноводстве. Как только я услышал разговоры людей типа: «Конечно, многое улучшилось с тех пор, как это было написано», то понял, что необходимо рассказать и происходящим в наши дни в лабораториях и на фермах, а также привести читателям описания, которые нельзя отнести к далеким мрачным векам.

В новых описаниях заключается большая часть различий между предыдущим изданием и нынешним. Но я отказался от предложения добавить информацию о других видах жестокого обращения с животными. Цель фактического материала не заключается в

создании всеохватывающей картины того, как мы обращаемся с животными. Она скорее состоит в том, чтобы продемонстрировать в острой, яркой и конкретной форме философскую концепцию спесишизма, изложенную в 1 главе. Опускание дискуссий об охоте и ловле капканами, о меховой промышленности, о жестоком обращении с животными-компаньонами, о родео, зоопарках и цирках не означает, что эти вопросы менее важны. В данном случае дело всего лишь в том, что для выполнения моей цели достаточно двух главных вопросов о проведении экспериментов и производстве пищи.

Я решил, что не буду стремиться к ответам на все вопросы, которые возникали у философов при рассмотрении этических аргументов этой книги. Чтобы сделать это, мне пришлось бы изменить характер самой книги и превратить ее в работу по академической философии. В таком виде она представляла бы интерес для моих коллег-философов, но широким массам показалась бы скучной. Вместо этого я указал в соответствующих эпизодах текста некоторые труды, в которых могут быть найдены мои ответы на определенные возражения. Также в последней главе я переписал один отрывок, относительно которого я изменил свои философские взгляды; но он имеет лишь отдаленное отношение к этической основе аргументов, на которых базируется книга. Что касается самих основ, то я в течение длительного времени читал по ним лекции, делал доклады на конференциях и семинарах, проводившихся на философских отделениях, обсуждал их и устно, и в печатных трудах. Но мне не приходилось сталкиваться с непреодолимыми возражениями, из-за которых я мог бы подумать, что простые этические аргументы, лежащие в фундаменте книги, ничего не значат. Меня ободрило то, что многие из моих наиболее уважаемых коллег согласны со мной. Поэтому данные аргументы сохранены здесь без изменений.

Но, как я упомянул выше, первый из трех аспектов этой книги, нуждающийся в обновлении, – это рассказ о движении за освобождение животных и о его курсе. При разговоре об экспериментировании, о промышленном животноводстве, а также в последней главе исправленного издания я упоминаю некоторые крупные компании и победы движения за права животных. Я не предпринимал попыток подробно описывать кампании, потому что некоторые из ведущих активистов сделали это сами, в книге под названием «В защиту животных» (In Defense of Animals), которую я недавно редактировал. Но одному важному для движения вопросу надо посвятить в этой книге достаточно внимания, что я и делаю здесь. Это проблема насилия.

Для продвижения к целям освобождения животных активисты использовали разные средства. Некоторые стремятся просвещать общественность через распространение листовок и написание писем в газеты. Другие лоббируют правительство и их избранных представителей в конгрессе. Группы активистов проводят демонстрации и протестуют рядом с объектами, где животные подвергаются страданиям для удовлетворения человеческих потребностей. Но многие теряют терпение из-за медленного прогресса, который достигается такими методами, и обращаются к более прямым действиям, чтобы прекратить страдания прямо сейчас.

Ни один человек из тех, кто понимает, что приходится выносить животным, не может осуждать такое нетерпение. Вряд ли достаточно сидеть и писать письма, в то время как продолжаются варварства. Надо помогать животным сейчас. Но как? Обычные законные

пути политического протеста медленны и не дают гарантии. Нужно ли вламываться и освобождать животных? Это незаконно, но требование подчиняться закону не абсолютно. Например, оправдания заслуживают те его нарушители, которые помогали беглым рабам на американском юге – и это только одна возможная параллель. Более сложная проблема заключается в том, что непосредственное освобождение животных из лабораторий и промышленных ферм может оказаться всего лишь символическим жестом, потому что исследователи просто закажут новую партию животных. Кроме того, кто найдет дом для 1000 свиней или 100000 кур? В нескольких странах рейды, совершенные Фронтом освобождения животных, оказывались более эффективными, когда в их ходе добывались свидетельства жестокого обращения с животными, которые иным путем не всплыли бы. Например, во время рейда в лабораторию доктора Томаса Дженнарелли (Thomas Gennarelli) в Пенсильванском Университете (University of Pennsylvania) украденные видеокассеты дали такие свидетельства, которые убедили министра здравоохранения и социального обеспечения в необходимости прекратить эксперименты. Трудно представить себе иной способ, с помощью которого можно было бы добиться этого результата, и мне остается только похвалить смелых, заботливых и умных людей, которые спланировали и провели то конкретное действие.

Но бывают и совсем другие незаконные действия. В 1982 году группа, называющая себя «Милиция за права животных» (Animal Rights Militia), послала письмо-бомбу Маргарет Тэтчер (Margaret Thatcher). В 1988 году Фрэн Трат (Fran Trutt), защитница животных, была арестована, когда устанавливала бомбу в здании Хирургической корпорации США (U.S. Surgical Corporation). Эта компания использовала живых собак для демонстрации своих хирургических приборов. Ни одно из этих действий ни коим образом не характерно для движения за освобождение животных. О «Милиции за права животных» ничего не было известно, и ее действия немедленно осудили все британские организации за права животных. Трат работала одна и ее действия сразу получили публичное осуждение со стороны американского движения (очевидно, это была провокация, потому что ее подвозил к офису корпорации оплаченный тайный информатор, нанятый консультантом безопасности Хирургической корпорации США). Все же такие акции надо рассматривать как крайнее средство воздействия на экспериментаторов, меховщиков и других угнетателей животных, и поэтому важно, чтобы люди, участвующие в зоозащитном движении, четко излагали свою позицию по этому поводу.

Было бы трагической ошибкой, если бы даже малая часть движения стремилась достигнуть своих целей, причиняя вред людям. Некоторые считают, что люди, причиняющие животным страдания, сами их заслуживают. Я не верю в отмщение; но даже если бы верил, это шло бы вразрез с нашей задачей прекратить страдания. Чтобы этого добиться, мы должны изменить позицию здравомыслящих людей в нашем обществе. Мы, возможно, убеждены в том, что человек, который издевается над животными, совершенно бессердечен и бесчувственен; но мы сами опускаемся до этого уровня, когда наносим физический вред или угрожаем расправой этому человеку. Насилие может только породить еще больше насилия – это клише, но оно оказывается трагической правдой в половине конфликтов, происходящих во все мире. В случае с освобождением животных роль силы выполняют этические обязательства; мы придерживаемся высоких моральных принципов, и отречься от них означает сыграть на руку тем, кто выступает против нас.

Найти альтернативу пути, ведущему к возрастанию жестокости, – значит последовать примеру двух величайших, и, что вполне закономерно, наиболее успешных лидеров освободительных движений современности – Ганди и Мартина Лютера Кинга. Они отстаивали принцип ненасилия с огромным мужеством и решимостью, несмотря на провокации своих оппонентов. В конце концов, они добились успеха, потому, что справедливость их дела нельзя было отрицать, а их поведение затронуло совесть даже тех, кто противостоял им. Зло, которое мы причиняем другим биологическим видам, все равно неопровержимо и когда-то станет видно всем; а будущее нашей победы лежит не в страхе перед нашими бомбами, а в правоте нашего дела.

Предисловие к изданию Ессо 2001 года

Более чем через четверть века после того, как появилось первое издание этой книги, многие американцы все еще не в курсе, как делается их пища. Это не случайно. Производители мяса и яиц делают все возможное, чтобы ситуация не изменилась. Недавно одна телекомпания захотела сделать интервью со мной и предложила снять разговор об освобождении животных на фоне животных. «Конечно, – сказал я, – но только чтобы это не были кадры, где я держу на руках собаку или кошку. Освобождение животных не в этом заключается. Давайте зайдем в помещение, где содержатся куры или свиньи, в загон обычного производителя». «Отличная идея», – сказали представители телекомпании. Они начали связываться с фермами в Нью-Джерси, где я работал, и по достижении какой-либо договоренности обещали проинформировать меня. Они позвонили через неделю, чтобы сообщить о неудаче. Ни один из фермеров, к которым они обращались, не соглашался на съемку своих животных. Они даже пошли в Организацию промышленного животноводства (Animal Industry Foundation) – это лоббистская группа людей, которые используют животных, и она утверждает, что у американских фермеров нет поводов стыдиться по поводу условий содержания животных. Организация промышленного животноводства не смогла найти производителя, который согласился бы пустить к себе съемочную группу. Европейцы больше узнали об агробизнесе благодаря двум вспышкам болезни: коровьего бешенства и ящура. Из-за первого заболевания европейская общественность узнала, что мы читаем нашим детям устаревшие рассказы. Коровы живут не на одной только траве. Более того, они уже не травоядные. Чтобы увеличить количество белка в пище, им скармливают отходы бойни. Потом, когда по Британии распространился ящур, в вечерних телевизионных новостях люди видели расстрел сотен тысяч животных только потому, что у них может оказаться ящур (это незначительное недомогание для большинства животных, болеющих им, но, если бы его не ликвидировали, оно бы положило конец экспортной мясной промышленности в Британии). Телезрители стали свидетелями неопровержимого факта, что современное животноводство основывается на обращении с животными как с вещами, как со средствами, не имеющими других причин для существования. После просмотра всего этого тысячи людей в поисках альтернатив животным продуктам обратились в организации, занимающиеся проблемами вегетарианства и прав животных. Отказ от мяса – правильное решение, и лучше поздно, чем никогда, но что, по их мнению, происходило с животными, которых они едят, до того, как они увидели по телевизору расстрел животных? Неужели им казалось, что животные умирают естественной смертью? Удивительно, что для понимания того, что собой представляет современная животноводческая промышленность, людям понадобилось так много времени.

«Освобождение животных» было впервые опубликовано в 1975 году. Текст, который следует за предисловием, – это исправленное издание, и впервые оно было опубликовано в 1990 году. Исправления включают в себя рассказ о том, какие кампании провело движение за права животных до 1990 года, и каких побед достигло. С тех пор, идеи, лежащие в основе этого движения, стали частью популярной американской культуры, вошли в такие фильмы как «Бейб» и «Побег из курятника», а также в телепередачи вроде «Закона и порядка» (Law and Order), которая выходит на канале NBC. В той передаче в январе 2001 был показан эпизод о вегетарианце, активисте движения за права животных, который освобождал обезьян из лабораторий, и об идеях моей книги говорилось с одобрением.

За последние 25 лет усердная работа миллионов людей, которые неравнодушны к страданиям животных, принесла свои плоды – они выражаются в некоторых конкретных победах во благо животных. Под натиском зоозащитного движения косметические корпорации начали вкладывать средства в поиск альтернатив экспериментам на животных.

Вскоре это распространилось на химическую промышленность. Разработка способов тестирования продукции, которые не требуют животных, стала движущей силой в научном сообществе, и, отчасти благодаря этому, число используемых животных снижается.

Несмотря на то, что пушная промышленность заявляет о «возвращении меха», объем продаж меха не смог подняться до уровня 1980-х годов, когда зоозащитное движение начало проводить кампании против этой индустрии. Владельцы животных-компаньонов стали более осведомленными и ответственными, в результате число ненужных и бездомных животных, которых убивают в приютах, сильно сократилось, хоть и остается большим.

Но самые большие достижения для животных были сделаны в Европе, и это касается обращения с сельскохозяйственными животными. Неизбежный, казалось бы, рост промышленного животноводства впервые регрессировал в Швейцарии – в конце 1991 года там была запрещена батарейная система содержания кур, описанная в главе 3. Сейчас швейцарские производители дают возможность курам царапать пол, покрытый соломой или другим органическим материалом, и откладывать яйца в укрытый ящик с мягким полом.

После того, как Швейцария продемонстрировала возможность такой перемены, протесты против клеток распространились по всей Европе, и Европейский Союз, куда входят 15 государств-членов, принял решение постепенно отказаться от стандартных проволочных клеток. К 2012 году от европейских производителей яиц будут требовать, чтобы на каждую птицу приходилось, по меньшей мере, 120 квадратных дюймов (750 квадратных сантиметров), и чтобы у кур имелся доступ к насесту и ящику для гнезда. Если они, невзирая на все, желают содержать кур в клетках, то их размер должен быть гораздо больше, чтобы можно было обеспечить все эти требования. Многие производители сочтут, что экономичнее перейти к совсем другой форме содержания, при которой птицы могут свободно ходить либо в помещении, в большом сарае с насестами, подстилками и ящиками для гнезд, либо с доступом ко двору.

Обращение с курами-несушками – это лишь один пример того, как Европа предпринимает меры для защиты сельскохозяйственных животных. В главе 3 ясно показано, что телята,

выращиваемые для употребления в пищу, живут в клетках, в которых невозможно повернуться, лишённые соломенной подстилки и доведённые до анемии, возможно, самые несчастные сельскохозяйственные животные.

Такая система содержания телят уже была запрещена в Британии, когда я пересматривал текст книги для издания 1990 года. Европейский Союз сейчас решил, что к 2007 году это должно распространиться на всех его участников. В 1998 году в Британии было запрещено содержание беременных свиноматок в индивидуальных загонах, в будущем этот запрет распространится и на другие страны Европы; исключение составят последние 4 недели беременности.

Эти колоссальные перемены получили широкую поддержку во всем Европейском Союзе, и в их пользу говорят мнения ведущих научных экспертов, специализирующихся на условиях содержания сельскохозяйственных животных. Они представляют собой доказательство многого из того, что в течение долгого времени говорили защитники животных, а начался данный процесс в 1964 году, еще до выхода первого издания этой книги, когда появилась книга-первопроходец Руфи Харрисон «Животные машины» (Ruth Harrison, *Animal Machines*).

Когда я присоединился к кампании против промышленного животноводства в 1971 году, казалось, что мы боремся с гигантом, свергнуть которого могут лишь экономические обстоятельства. К счастью, оказалось, что это не так, по меньшей мере, в Европе. Но, к сожалению, перемены, которые сейчас происходят в Европе, еще почти не ставились на повестку дня в США: в типичной клетке на одну курицу там приходится всего 48 квадратных дюймов (310 квадратных сантиметров) – на 60% меньше нынешнего европейского минимума и на 40% меньше того, что Европейский Союз потребует к 2012 году. Телята и свиноматки по-прежнему содержатся в индивидуальных клетках, которые настолько тесны, что в них невозможно повернуться, и настолько коротки, что по ним невозможно ходить. Как ни странно, в США наибольшие надежды на то, что условия жизни животных улучшатся, связаны с «Макдоналдсом». Эта сеть закусочных объявила в 2000 году, что она потребует от своих поставщиков яиц, чтобы те обеспечивали каждой курице пространство в 72 квадратных дюйма (460 квадратных сантиметров). Это требование подводит только к минимальному европейскому стандарту, и сами европейцы говорят, что он устарел. Другие директивы «Макдоналдса» запретят морить кур голодом, чтобы вызвать у них линьку. Эта практика уже незаконна в Европе, но широко распространена в США. Несушки внезапно обнаруживают, что у них полностью исчезла пища и вода. Подача воды возобновляется через день, но птицы не получают пищи в течение двух недель, чтобы в дальнейшем, по окончании голодания, у них повысилась яйценоскость. «Макдоналдс» также рассматривает способы того, как можно отказаться от обрезания большей части клюва – это болезненная процедура, которая в плановом порядке проводится в яичной индустрии для сокращения потерь, потому что птицы, находящиеся в состоянии стресса, заклеивают друг друга. Со времени появления первого издания книги более четверти века назад эти перемены стали первым значительным улучшением благополучия животных в американской яичной индустрии, но если других крупных покупателей яиц в США не удастся убедить последовать примеру «Макдоналдса», то прогресс будет по-прежнему затрагивать лишь малую часть американских кур.

Американцы часто с презрением относились к некоторым европейским странам, особенно к странам Средиземноморья, потому что они меньше заботятся о животных, чем Америка. Но сейчас ситуация обратная. Даже в Испании с ее традицией корриды основная масса животных имеет большее пространство, чем в Америке, и разрыв будет увеличиваться по мере продвижения реформ в Европейском Союзе. А число быков, погибающих на арене, ничтожно по сравнению с числом кур, свиней и телят, которые содержатся в плохих условиях в Америке.

После переезда в Соединенные Штаты в 1999 году я задумывался, почему Америка так отстает от Европы в области защиты сельскохозяйственных животных. В том ли дело, что американцы просто более жестоки и недалеки, чем европейцы? Возможно, тем не менее, есть и другие объяснения. По понятным причинам организации за права и благополучие животных в США приложили еще недостаточно усилий, чтобы привлечь внимание общественности к вопросам сельскохозяйственных животных. Когда в конце 70-х-начале 80-х годов движение за права животных стало привлекать внимание всей страны, вопросы, которые поднимались, были во многом связаны с использованием животных для тестов в промышленности и в науке. Эксперименты по изучению половой жизни кошек в Американском музее естественной истории (American Museum of Natural History), тестирование косметики на глазах кроликов, обезьяны, наносящие себе увечья в грязных клетках Института поведенческих исследований (Institute for Behavioral Research) (Сильвер Спрингс) – именно эти факты попадали в газеты. Сосредоточение внимания на животных, которые используются в исследованиях, особенно на кошках, собаках, человекообразных обезьянах, мартышках и кроликах привлекает общественность и вызывает сочувствие. Но этого не происходит с фотографиями кур и даже поросят. Эксперименты на животных представляют собой индустрию, в которой задействованы миллиарды долларов, и, конечно, новому движению с очень малым бюджетом было трудно бороться с ней, но это все же более уязвимая цель, чем агробизнес, и она меньше связана с политикой. Поэтому условия содержания сельскохозяйственных животных получали ограниченное внимание, несмотря на то, что в США на каждое лабораторное животное приходится 100 тех, которые выращиваются либо для получения пищи, либо для откладывания яиц.

Еще одна причина различий между США и Европой заключается в том, что в США политический процесс просто более коррумпирован. Выборы обходятся во много раз большую сумму – в 2001 году в Британии на общие выборы ушло меньше средств, чем сенатор Джон Корзайн (John Corzine) затратил в 2000 году при борьбе за одно только место в сенате Нью-Джерси. Поскольку деньги играют более значимую роль, кандидаты более привязаны к своим спонсорам. Кроме того, сбор средств в Европе в значительной мере производится не отдельными кандидатами, а политическими партиями, по этой причине он оказывается более открытым для общественного контроля, а если будет замечена связь с какой-то конкретной индустрией, то возрастут шансы, что это бросит тень на всю партию.

Из-за таких различий агробизнес может в большей степени контролировать Конгресс США, чем политику в Европе. Поэтому самые успешные американские кампании – вроде кампании против использования животных в тестировании косметики, когда в роли объекта протеста изначально выступал Ревлон (Revlon), а также недавние переговоры с «Макдоналдсом» по поводу обращения с животными, которых они покупают, – были направлены скорее на

корпорации, чем на Конгресс.

Прежде чем сделать вывод, мне хотелось бы вернуться к теме, которую я поднимал в последнем параграфе вступления к первому изданию. По мнению многих людей, из-за роста населения мы просто вынуждены прибегать к промышленному животноводству, чтобы прокормить такое большое количество народа. Они сосредотачивают внимание на том, что на промышленной ферме большое количество животных находится на маленькой площади, и им кажется, что это более эффективное использование земли, чем традиционная ферма, где маленькое число животных бродят по обширному пространству. Но правда заключается в обратном. Поскольку для прокорма животных на интенсивных фермах нам нужно выращивать зерновые и сою, промышленное животноводство исключительно неэффективно, и при нем теряется до 90% пищевой ценности урожая, который мы скормливаем животным, находящимся на тесном пространстве. И, заканчивая вступление к изданию 1975 года, я писал, что, если бы мы прекратили выращивать и убивать животных для получения пищи, мы бы смогли производить большее количество пищи с меньшим ущербом для экологии. Это по-прежнему так, и, невзирая на то, что сейчас меньше людей ложатся спать голодными, чем в 1975 году, реальное число голодающих людей в наши дни увеличилось по сравнению с тем временем. Распространение промышленного животноводства в Азию, чтобы производить пищу для азиатского среднего класса только усугубляет дело. Но появилась еще одна проблема, о которой я в 1975 году не знал, хотя, когда я вносил поправки для издания 1990 года, у меня уже появилась информация на данную тему, и это – глобальное потепление. Как я описываю в главе 4, интенсивное животноводство способствует глобальному потеплению, потому что при нем на выращивание корма для животных, а также на вентиляцию помещений уходит много энергии. Кроме того, сами животные, особенно коровы, вырабатывают большое количество метана – это парниковый газ, который удерживает тепло в 20 раз эффективнее, чем диоксид углерода. В 1990 году у некоторых еще имелись сомнения по поводу глобального потепления. Сейчас все единодушно согласны, что оно действительно имеет место. В США вырабатывают больше парниковых газов на человека, чем какая-либо другая страна в мире, и типичный американец ответственен за выработку, по меньшей мере, в 15 раз большего количества этого вещества, чем средний индиец. Согласно Доклад о развитии человека, подготовленному ООН (United Nations Human Development Report) в 1998 году, ребенок, родившийся в Соединенных Штатах, за свою жизнь потребляет больше и вносит больший вклад в загрязнение, чем 30-50 детей из развивающихся стран. Питание, в котором присутствует много животных продуктов, полученных с помощью интенсивного животноводства, в большой мере способствует расточительству и загрязнению, а также изменению климата планеты. Настало время перейти к другой пище, как ради животных, так и ради людей.

Питер Сингер

Нью-Йорк, июнь 2001

Благодарности

Благодарить тех, кто помогал при написании книги, – это общепринятая практика, но в данном случае мои благодарности носят особый характер, и их возможно указать только с помощью краткого перечисления.

Осенью 1970 года я был выпускником Оксфордского университета. Хотя я специализировался в области моральной и социальной философии, мне, как и большинству людей, не приходило в голову, что наше отношение к животным стало серьезной нравственной проблемой. Я, конечно, знал, что с некоторыми животными жестоко обращались, но считал, что это были случайные нарушения, но не показатель чего-то принципиально неверного.

Мое спокойствие нарушилось, когда я встретил Ричарда Кешена (Richard Keshen), моего студенческого товарища по Оксфорду и вегетарианца. Во время завтрака я спросил у него, почему он не ест мясо, и он начал рассказывать мне о тех условиях, в которых жили животные, чье мясо я сейчас ем. Благодаря Ричарду и его жене, моя жена и я подружились с Розлинд и Стэнли Годлович (Roslind and Stanley Godlovitch), тоже вегетарианцами, изучающими философию в Оксфорде. В долгих беседах с ними, и особенно с Розлинд, у которой была своя собственная подробная этическая позиция, я убедился, что, поедая животных, я участвую в систематическом угнетении другого биологического вида моим собственным. Центральные идеи этой книги берут свое происхождение из этих бесед.

Теоретический вывод – это одно, а претворение его в практику – другое. Без поддержки и подбадривания Ренаты, моей жены, которая точно так же была убеждена в правоте наших друзей, я мог бы все еще есть мясо, пусть и испытывая угрызения совести.

Идея написать книгу возникла после взволнованных откликов, которые появились после моей рецензии на книгу «Животные, люди и мораль» (Animals, Men and Morals). Редакторами этой книги были Стенли и Розлинд Годлович и Джон Харрис (John Harris), а появилась она 5 апреля 1973 года в «Нью-Йоркском книжном обозрении» (The New York Review of Books).

Я благодарен редакторам этого обозрения за публикацию этого обсуждения книги на немодную тему. Та рецензия, однако, никогда не превратилась бы в книгу без поддержки и помощи следующих людей:

Элеонора Силинг (Eleanor Seiling) из Объединенного действия в защиту животных (United Action for Animals), Нью-Йорк. Она обеспечила мне доступ к уникальному собранию документов об экспериментировании, которым располагала ее организация. А резюме Элоиз Аковиц (Alois Acowitz) на доклады экспериментаторов помогли мне гораздо быстрее найти то, в чем я нуждался.

Ричард Райдер (Richard Ryder) любезно предоставил мне материалы, которые он собрал для своей собственной книги «Жертвы науки» (Victims of Science).

Джоанна Боуэр (Joanne Bower) из Общества по пищевым продуктам и сельскому хозяйству (Farm and Food Society) в Лондоне, предоставила мне информацию об условиях содержания сельскохозяйственных животных в Великобритании. Кэтлин Дженевай (Kathleen Jannaway) из Веганского Общества Великобритании (Vegan Society of the United Kingdom), помогла мне найти отчеты, где рассказывается о полноценности растительной пищи.

Джон Нортон (John Norton) из Лиги спасения животных (Animal Rescue League) в Бостоне и Марта Кое (Martha Coe) из Архивов Аргуса (Argus Archives) в Нью-Йорке предоставили материалы по транспортировке и убою животных в США.

Шотландское Общество по Предотвращению Вивисекции (Scottish Society for the Prevention of Vivisection) помогло достать фотографии экспериментов над животными.

Дадли Джил (Dudley Giehl) из «Освобождения животных», Inc. (Animal Liberation, Inc.) в Нью-Йорке позволил мне использовать собранные им материалы по интенсивному животноводству и вегетарианству.

Алиса Херингтон (Alice Herrington) и Джойс Ламберт (Joyce Lambert) из «Друзей животных» (Friends of Animals) в Нью-Йорке помогали многими способами, и Джим Мэйсон (Jim Mason) из той же организации подготовил визиты на интенсивные животноводческие фермы.

На кафедре философии Нью-Йоркского Университета (New York University), куда меня пригласили читать лекции в 1973-1974 учебном году, для меня была благоприятная атмосфера и идеальные условия для исследований и написания, а мои коллеги дали мне ценные комментарии и критические замечания. Также у меня была возможность предоставить мои взгляды на животных для критического рассмотрения студентам и преподавателям, которые учились и работали на философских отделениях следующих университетов: Брауновский университет (Brown University), Фордхэмский университет (Fordham University), Университет Лонг Айленд (Long Island University), Университет Северной Каролины (North Carolina State University), Университет Патгерса (Rutgers University), Калифорнийский Университет (California University), Университет Нью-Йорка (State University of New York) в Брокпорте, Университет Тафтса (Tufts University), Университет Майами (University of Miami), Уильямс-колледж (Williams College), Юридическая школа Йельского университета (Yale Law School). То же самое можно сказать про собрание Общества Философии и связей с общественностью (Society for Philosophy and Public Affairs) в Нью-Йорке. Главы 1 и 6 заметно выиграли после обсуждений, следовавших за моими лекциями.

Наконец, я должен поблагодарить редакторов и издателя «Нью-Йоркского книжного обозрения» за то, что они поддержали книгу, и особенно Роберта Силверса (Robert Silvers), чьи ценные редакторские советы значительно улучшили первоначальную рукопись. Остается только добавить, что всю ответственность за какие-либо недостатки я беру на себя.

П.С.

Сентябрь 1975

Благодарности к исправленному изданию

При подготовке этого исправленного издания мне помогало так много людей со всего мира, что я вынужден некоторых пропустить, за что извиняюсь. Иногда помощь заключалась в чтении черновиков, иногда в пересылке материалов, чтобы я был в курсе событий, происходящих в самых разных странах. Вот список, и порядок в нем не имеет никакого значения: Дон Барнз (Don Barnes) и Мелинда Морилэнд (Melinda Moreland) из Национального Антививисекционного Общества (США) (National Anti-Vivisection Society), Алекс Хершафт* (Alex Hershaft) из Движения за реформы в животноводстве (Farm Animal Reform Movement), Макдональд Уайт (MacDonald White) и Энн Сен-Лопен (Ann St. Laurent) из Объединенного действия в защиту животных (United Action for Animals), Джойс Д'Сильва (Joyce D'Silva) и Кэрол Лонг (Carol Long) из «Сострадания в мировом животноводстве» (Compassion in World Farming), Клер Дрюс (Clare Druce) и Виолет Спэлдинг (Violet Spalding) из «Освобождения цыплят» (Chickens' Lib), Генри Спира (Henry Spira) из Международной организации по правам животных (Animal Rights International), Брэд Миллер (Brad Miller) из Ассоциации гуманного животноводства (Humane Farming Association), Ким Сталвуд (Kim Stallwood) и Карла Беннетт (Carla Bennett) из организации «Люди за этическое отношение к животным» (People for the Ethical Treatment for Animals), Питер Гамильтон (Peter Hamilton) из «Силы жизни» (Lifeforce), Мария Комниноу (Maria Comninou) из Ассоциации Энн Арбор за ответственное отношение к животным (Ann Arbor Association for Responsible Animal Treatment), Джордж Кейв (George Cave) из «Видов без границ» (Trans-Species Unlimited), Паола Кавальери (Paola Cavalieri) из «Этики и Животных» (Etica & Animali) в Милане, Биргита Карссон (Birgitta Carsson) из Шведского Общества против болезненных экспериментов над животными (Swedish Society Against Painful Experiments on Animals), Детлеф Фёльш (Detlef Folsch) из Института наук о животных (Institute of Animal Sciences), Швейцарский федеральный технологический институт (Swiss Federal Institute of Technology), Чарльз Мейджел (Charles Magel), Джон Роббинс (John Robbins), Ричард Райдер (Richard Ryder), Клайв Холландс (Clive Hollands) и Джим Мэйсон (Jim Mason).

Особую благодарность выражаю Лори Груэн (Lori Gruen), которая работала в качестве координатора в США, собирая новые материалы и помогая мне усовершенствовать главы по экспериментам и животноводству. Она также внесла много ценных предложений по поводу всей книги. Лори, в свою очередь, желает поблагодарить людей, в добавление к вышеуказанным, которые снабжали ее информацией: Диану Халверсон (Diane Halverson) из Института Благополучия Животных (Animal Welfare Institute); Эви Мэгидофф (Avi Magidoff), Джеффа Дайнера (Jeff Diner) и Мартина Стивенса (Martin Stephens), чья работа по исследованию экспериментов над животными в США оказалась бесценным источником информации; Кена Ноулза (Ken Knowles) и Дейва Макаули (Dave Macauley).

Кроме того, когда я вносил исправления в главу о промышленном животноводстве, мне помогла та огромная и тщательная работа, которую проделали Сюзанна Поуп (Suzanne Pope) и Джеф Рассел (Geoff Russel) из Австралийской и Новозеландской Федерации обществ защиты животных (Australian and New Zealand Federation for Animal Societies). Мои комментарии по рыболовству пополнились из другого замечательного источника, который подготовила в штате Виктория для «Освобождения животных» Петти Марк (Petty Mark). Наконец, я снова в огромном долгу перед «Нью-Йоркским Книжным Обозрением» (the New York Review of Books): перед Робертом Силверсом (Robert Silvers) за то, что он поддержал идею нового издания и применил свои прекрасные навыки критика при подготовке к печати; перед Риа Хедерманом (Rea Hederman), который руководил многими аспектами публикации; и перед Нейл Гордон (Neil Gordon), чья помощь в контроле типографского набора была неоценимой.

П.С.

Ноябрь 1989

Глава 1. Все животные равны...

или почему этический принцип, на котором основывается равенство людей, требует от нас такого же уважения к интересам животных

«Освобождение животных» может скорее показаться пародией на другие освободительные движения, чем серьезной целью. Идея прав животных когда-то действительно использовалась для того, чтобы пародировать доводы в защиту прав женщин. Когда Мэри Уолстоункрафт (Mary Wollstonecraft), предшественница сегодняшних феминисток, в 1792 году опубликовала свою книгу «Защита прав женщины» (Vindication of the Rights of Woman), многие сочли ее взгляды абсурдом. А через непродолжительное время появилась анонимная публикация под названием «Защита прав животных» (A Vindication of the Rights of Brutes). Автор этой сатирической работы (сейчас известно, что им оказался Томас Тейлор (Thomas Taylor), известный кембриджский философ) попытался опровергнуть аргументы Мэри Уолстоункрафт, показывая, какими бы они были, если бы их перенесли на одну степень вперед. Если аргумент, касающийся равенства, распространяется на женщин, то почему бы его не применить к собакам, кошкам и лошадям? Казалось, что эти рассуждения подходят и для животных; но признание того, что у животных есть права, выглядело откровенным абсурдом. Следовательно, рассуждение, с помощью которого был сделан вывод, должно быть ложным; а если оно неправомерно относительно животных, оно должно быть также неверно по отношению к женщинам, потому что в обоих случаях использовались одни и те же аргументы.

Анализ аргументов за равенство женщин поможет объяснить основы доводов в пользу равноправия животных. Давайте предположим, что мы хотим защитить аргументы за права женщин от нападок Томаса Тейлора. Как мы должны ответить?

Один вариант возможного ответа: сказать, что переносить на животных иного вида доказательства равенства между мужчинами и женщинами – это неправомерно. Женщины, например, имеют право голосовать, потому что они так же способны принимать разумные решения о будущем, как и мужчины; собаки, с другой стороны, не способны понимать смысл голосования, поэтому они не могут иметь права голоса. Существует много других

очевидных особенностей, в которых мужчины и женщины очень сходны друг с другом, в то время, как люди и животные очень сильно отличаются. Таким образом, можно было бы сказать, что мужчины и женщины – похожие существа и должны иметь похожие равные права, в то время как люди и животные различаются и поэтому не должны иметь одинаковых прав.

Аргументация этого ответа на тейлоровскую аналогию имеет правильный смысл, но не простирается достаточно далеко. Ясно, что существуют важные различия между людьми и другими животными, и эти различия должны служить отправной точкой для некоторых различий в правах, которые имеют те и другие. Осознание этого очевидного факта, однако, не является препятствием, когда речь идет о распространении основного принципа равенства на неразумных животных.

Различия, которые существуют между мужчинами и женщинами, неоспоримы, и сторонники освобождения женщин осознают, что эти различия могут давать начало разным правам. Многие феминистки считают, что женщины имеют права на преждевременное прерывание беременности по требованию. Отсюда не следует, что, поскольку эти же феминистки проводят кампанию «за равенство мужчин и женщин», они также должны поддерживать право мужчин на аборт. Мужчина не может сделать аборт, поэтому говорить об этом праве для них бессмысленно. Так как собаки не могут голосовать, бессмысленно рассуждать об их праве на голосование. Нет причин, по которым движение за освобождение женщин или за освобождение животных должно заниматься таким абсурдом. Перенесение основного принципа равенства с одной группы на другую не подразумевает, что мы должны обходиться с обеими группами совершенно одинаково или предоставлять обеим группам точно такие же права. Необходимость поступать таким образом будет зависеть от природы тех, кто входит в эти две группы. Основным принцип равенства не требует одинакового или идентичного обращения; он требует равного уважения. Одинаковое уважение для различных существ может привести к различиям в обращении и разным правам.

Таким образом, можно по-другому ответить Тейлору, пытающемуся спародировать доводы в защиту прав женщин. Этот путь не отрицает очевидных различий между людьми и животными, а рассматривает вопросы равенства гораздо глубже и приходит к выводу, что нет ничего абсурдного в идее о том, чтобы применить основной принцип равенства к так называемым «зверям». Сейчас такое заключение, возможно, покажется странным. Но если мы более глубоко рассмотрим фундамент, на котором основываются наши возражения против дискриминации по половому и расовому признаку, то обнаружим шаткость нашей позиции, если будем требовать равенство для чернокожих, для женщин и других групп угнетенных людей, но при этом станем отрицать одинаковое уважение к животным. Чтобы объяснить это, нам сначала надо понять, почему расизм и сексизм – это зло. Когда мы говорим, что все человеческие существа, независимо от их расы, вероисповедания, пола равны, что конкретно мы имеем в виду? Защитники иерархических, неравноправных обществ часто указывали на то, что какой бы критерий мы ни выбрали, все люди равными не окажутся. Так или иначе, мы должны признать тот факт, что люди бывают различного телосложения; они бывают с разными моральными качествами, различными интеллектуальными способностями, с различной мерой альтруизма и чуткости к нуждам других, с различными навыками эффективного общения, и с различными способностями

переживать удовольствия и боль. Короче говоря, если бы требование равенства основывалось на действительном равенстве всех человеческих существ, мы вынуждены были бы прекратить его требовать.

Все же, кто-то, возможно, захочет придерживаться точки зрения, что требование равенства среди всех людей основывается на фактическом равенстве разных рас и полов. Можно сказать, что, хоть люди и отличаются как индивидуумы, между собственно расами и полами разница отсутствует. Из простого факта, что у человека черный цвет кожи или он относится к женскому полу, мы не можем сделать каких-либо выводов о его интеллектуальных или моральных свойствах. Можно сказать, что именно поэтому расизм и сексизм неоправданны. Расист утверждает, что белые люди превосходят черных, но это неверно; хотя существуют различия среди индивидуумов, некоторые негры превосходят некоторых белых людей по всем сопоставимым в данном случае параметрам. Противник сексизма сказал бы то же самое: пол человека не является показателем его или ее способностей, и поэтому дискриминация по половому признаку неправильна.

Но существование индивидуальных вариаций, выходящих за границы расы или пола, вовсе не дают нам защиты от более изощренного противника равенства, того, кто предлагает, скажем, меньше учитывать интересы людей с показателем IQ ниже 100, чем интересы тех, у кого эта оценка выше 100. Возможно те, у кого оценки ниже этого показателя, были бы в таком обществе превращены в рабов тех, у кого оценки выше. Было бы такое иерархическое общество действительно намного лучше, чем общество, основанное на расовом и половом неравенстве? Я думаю, что нет. Но если мы связываем моральный принцип равенства с фактическим равенством различных рас и полов, взятых в целом, наше противостояние расизму и сексизму не дает нам никаких оснований возражать против этого вида неравноправия.

Существует и другая важная причина, по которой мы не должны основывать наше отрицательное отношение к расизму и сексизму на любом существующем равенстве, пусть даже ограниченного вида. То есть, когда утверждается, что различия в способностях и умениях распространены одинаково среди различных рас и между полами, мы не можем иметь абсолютной гарантии, что эти способности и умения действительно имеют одинаковую распространенность среди людей обоих полов и разных рас. Что касается фактических способностей, то здесь, по-видимому, существуют некоторые различия и среди рас, и между полами. Эти различия, конечно, не проявляются в каждом случае, они заметны только тогда, когда берется средняя величина. Еще более важно, что мы не знаем, какая часть этих различий действительно обусловлена генетикой расы и пола, а какая плохим образованием, жилищными условиями и другими факторами, которые связаны с дискриминацией в прошлом и настоящем. Возможно, со временем выяснится, что все важные различия связаны скорее с окружающей обстановкой, а не с генетикой. Любой, кто против расизма и сексизма, будет, конечно, надеяться, что так и произойдет, ибо это облегчит задачу прекращения дискриминации; тем не менее, было бы опасно основывать доводы против расизма и сексизма на вере в то, что все значимые различия изначально обусловлены окружающей средой. Например, противник расизма, выбирающий такую линию, будет просто вынужден признать некую оправданность расизма, если в конце концов выяснится, что различия в способностях имеют определенную генетическую связь с

расой.

К счастью, нет необходимости подводить доводы в защиту равенства под один определенный результат научных исследований. Для тех, кто заявляет, что обнаружилось различия в генетических способностях между расами и полами, есть подходящий ответ. А именно, не настаивать на позиции, что объяснение с точки зрения генетики неправильно, какие бы ни приводились свидетельства обратного; напротив, мы должны ясно понять, что требование равенства не зависит от интеллекта, духовных способностей, физической силы и т.д. Равенство – нравственная категория, а не констатация факта. Не существует логически обусловленной причины, по которой можно было бы предположить, что различие в способностях двух людей оправдывает разное отношение к их нуждам и интересам. Принцип равенства людей не означает мнимое фактическое равенство среди людей: это предписание того, как нам следует обращаться друг с другом.

Джереми Бентам (Jeremy Bentham), основатель реформистской утилитарной школы моральной философии, ввел в свою этическую систему основной принцип морального равенства с помощью формулы: «Каждого считать за единицу и никому не придавать значения больше единицы». Другими словами, следует принимать в расчет интересы каждого существа, затрагиваемые какими-либо действиями, и им надо придавать такое же значение, как и подобным интересам любого другого существа. Более поздний утилитарист Генри Сиджвик (Henry Sidgwick) выразил эту идею следующим образом: «С точки зрения Универсума (если можно так выразиться) благо любого индивидуума не важнее блага всякого другого». Еще позднее ведущие представители современной философии морали продемонстрировали удивительное согласие, когда установили в качестве основной предпосылки в своей теории морали аналогичное требование, согласно которому к интересам каждого следует относиться с одинаковым уважением. Хотя в целом, эти писатели не смогли прийти к единому мнению о том, как лучше сформулировать это требование.[1]

Смысл этого равенства выражается в том, что наша забота о других и готовность уважать их интересы не должны зависеть от того, как эти субъекты выглядят или какими способностями они могут обладать. Действительно наши действия, исходящие из требований заботы о других и уважения, могут варьироваться, в зависимости от характеристик тех, с кем мы имеем дело. Забота о благополучии американских детей потребовала бы от нас научить их читать; забота о благополучии поросят, возможно, потребует от нас всего лишь предоставить им возможность находиться вместе с другими поросятами и в таком месте, где имеется подходящая пища и пространство для бега. Но основной элемент – принятие в расчет интересов этого существа, какими бы эти интересы ни были – должен, в соответствии с принципом равенства, быть распространен на всех существ, на черных и белых, на мужчин и женщин, на людей и животных.

Томас Джефферсон (Thomas Jefferson), который ввел в американскую Декларацию независимости (the American Declaration of Independence) принцип равенства людей, понимал его смысл. Это сделало его противником рабства, хотя он не смог полностью освободиться от своего рабовладельческого происхождения. Вот что он написал автору одной книги, опровергающей распространенную тогда точку зрения, что умственные

способности негров ограничены:

«Будьте уверены, что ни один живущий человек не желает более искренне, чем я, увидеть, как будут полностью опровергнуты сомнения относительно их врожденных способностей, мною же посеянные, и как выяснится, что они на одном уровне с нами... Сэр Исаак Ньютон превосходил других по интеллекту, но это не давало ему права распоряжаться собственностью или личностью других людей».[2]

Аналогичным образом, когда в 1850-х в Соединенных Штатах встал вопрос о соблюдении прав женщин, выдающаяся черная феминистка Соджорнер Трут (Sojourner Truth), выразила более ясно ту же самую идею в феминистской конвенции: «Они думают об этом; как они это называют? [«Интеллект» – прошептал кто-то] Да, это он. Какое это имеет отношение к правам женщин или негров? Если в мою в чашку поместится не более пинты, а ваша вмещает кварту, не будет ли это нечестно с вашей стороны не позволить мне наполнить мою вдвое меньшую чашку».[3]

И именно в соответствии с этим принципом следует также осудить отношение, которое мы можем назвать «спесишизм», по аналогии с расизмом. Спесишизм (данное слово не очень привлекательно, но у меня не получается придумать термин лучше) – это предубеждение, при котором предпочтение отдается представителям своего вида в ущерб представителям других биологических видов. Должно быть очевидным, что эти основополагающие возражения против расизма и сексизма, приведенные Томасом Джефферсоном и Соджорнер Трут так же применимы и к спесишизму. Если более высокий уровень интеллекта не дает права одному человеку использовать другого для своих собственных эгоистических целей, как это может давать право людям на эксплуатацию животных с той же целью?[4]

Многие философы и писатели выдвинули в качестве основного морального принципа принцип равного уважения интересов, в той или иной форме; но мало кто из них осознал, что он применим не только к членам нашего биологического сообщества, но и к другим видам. Джереми Бентам был одним из немногих, кто понимал это. В пророческом отрывке, созданном тогда, когда черные рабы были освобождены французами, хотя во времена британского владычества с ними обращались так же, как сейчас с животными, Бентам написал:

“ «Может наступить день, когда остальная часть мира живых тварей обретет те права, которые не могут быть отняты у них иначе, как рукой тирании. Французы уже открыли то, что чернота кожи не есть основание для того, чтобы оставить человеческое существо капризу мучителя без какой-либо компенсации. Может наступить день, когда признают, что количество ног, наличие шерсти на коже или завершение *os sacrum* (попросту – хвост) – столь же недостаточные основания для того, чтобы предоставить чувствующее существо такой же судьбе. Что ещё должно прочерчивать это непреодолимую линию? Способность разума или, возможно, способность речи? Но взрослая лошадь или собака несравненно

более рациональные и общительные существа, чем младенец в возрасте одного дня, одной недели и даже одного месяца. Но предположим даже, что верно обратное. Что это дает? Вопрос не в том, могут ли они рассуждать или могут ли они говорить, но в том, могут ли они страдать»[5].

В данном отрывке Бентам указывает на то, что способность страдать – это принципиальная характеристика, дающая право на равное уважение. Эта способность страдать – или точнее, способность страдать или наслаждаться или быть счастливым – не является просто еще одной характеристикой, похожей на способности к языку или высшей математике. Бентам не говорит, что те, кто старается провести «непреодолимую границу», исходя из которой, интересы существа должны приниматься во внимание, случайно выбрали неверную характеристику. Говоря, что мы должны считаться с интересами всех существ, способных страдать или наслаждаться, Бентам не исключает из рассмотрения вообще никаких интересов – в отличие от тех, кто проводят границу, ссылаясь на обладание разумом или владение речью. Способность страдать и наслаждаться является предпосылкой для наличия интересов вообще, условием, которое должно выполняться прежде, чем мы можем говорить об интересах осмысленно. Было бы глупо говорить, что это не в интересах камня быть брошенным на дорогу школьником. Камень не имеет интересов, так как он не может страдать. Ничего из того, что мы можем сделать с ним, не могло бы иметь какого-либо значения для его благополучия. Но способность страдать или наслаждаться служит, однако, не только необходимым, но так же и достаточным условием, при котором мы можем сказать, что существо имеет интересы, и, как минимум – интерес в отсутствии страданий. Например, мышь, безусловно, заинтересована в том, чтобы ее не сбили на дороге, потому что в этом случае она будет страдать.

Хотя Бентам говорит в процитированном мною отрывке о «правах», здесь на самом деле речь идет скорее о равенстве, чем о правах. Действительно, в другом известном отрывке, Бентам изобразил «естественные права» как «чепуху», а «естественные и неотъемлемые права» как «высокопарную чепуху». Он говорил, что моральные права – это кратчайший способ обращения к защите, которую должны иметь люди и животные; но реальное значение моральной аргументации не зиждется на аргументах, защищающих существование права, ибо, в свою очередь, его следует объяснить, исходя из возможностей страдания и счастья. Таким образом, мы можем доказывать равенство для животных, не запутываясь в философских спорах об элементарной природе прав. Некоторые философы предпринимали неверно направленные попытки опровергнуть аргументы этой книги и при этом столкнулись с проблемами, когда развивали доказательства того, что животные не имеют прав.[6] Они заявили, что для наличия прав существо должно быть самостоятельным или же членом общества или уметь уважать права других, или должно обладать чувством справедливости. Эти требования не имеют отношения к Освобождению Животных. Язык прав является удобным политическим условным обозначением. Это представляет еще большую ценность в эру 30-секундных телевизионных информационных клипов, чем во времена Бентама; но в нем нет никакой необходимости при дискуссии по поводу радикальной перемены в нашем отношении к животным.

Если существо страдает, то не может быть никаких моральных оправданий для того, чтобы не принимать в расчет его страдания. Независимо от природы этого существа, принцип равенства требует, чтобы его страдания учитывались наравне с подобными страданиями любого другого существа (какие бы грубые сравнения ни приводились). Если существо не способно к страданию или к наслаждению и счастью, то принимать в расчет просто нечего. Таким образом, граница чувствительности служит единственной оправдываемой чертой беспокойства об интересах других. Отмечать эту границу с помощью какой-либо другой характеристики, типа интеллекта или разумности, означало бы отмечать ее произвольным образом. Почему бы не выбрать какую-нибудь другую характеристику, типа цвета кожи? Расисты нарушают принцип равенства, придавая большее значение интересам членов их собственной расы, когда происходит столкновение ее интересов с членами другой расы. Сексисты нарушают принцип равенства, покровительствуя интересам их собственного пола. Подобным образом, спесишисты позволяют интересам своего собственного биологического вида попираť важнейшие интересы членов другого биологического вида. Во всех случаях модель одинакова.

Большинство людей являются спесишистами. Следующие главы показывают, что обычные люди – не некоторые, исключительно жестокие и бессердечные, а преобладающее большинство людей – принимают активное участие в этом, молча соглашаются и позволяют своими налогами оплачивать действия, которые требуют ущемления наиболее важных интересов представителей других видов, чтобы поддерживать наиболее тривиальные интересы нашего собственного рода.

Но существует один главный аргумент в пользу практик, о которых пойдет речь в последующих двух главах; его надо развенчать, прежде чем мы начнем обсуждать сами практики. Если этот аргумент правилен, то он позволил бы нам делать с животными что угодно по малейшему поводу или совсем без повода, и никаких законных нареканий это не вызвало бы. Этот довод утверждает, что на нас не лежит вина за то, что мы пренебрегаем интересами других животных, по одной невероятно простой причине: они не имеют интересов. Согласно этой точке зрения, животные не обладают ими, потому что они не способны страдать от знания того, что они будут убиты через шесть месяцев. Это сдержанное утверждение является, несомненно, истинным, но оно не освобождает людей от ответственности за спесишизм, поскольку здесь допускается, что животные могут страдать другим образом, когда их бьют электрическим током или содержат в маленьких, тесных клетках. Аргумент, который я собираюсь обсудить, представляет собой намного более радикальное, хотя, соответственно, менее правдоподобное утверждение, что животные вообще не способны как-то страдать; что они, фактически, представляют собой бессознательные автоматы, не обладающие ни мышлением, ни чувствами, ни какой-либо ментальной жизнью.

Хотя, как мы увидим из дальнейшей главы, точка зрения, что животные являются автоматами, была предложена французским философом XVII столетия Рене Декартом (Rene Descartes), для большинства людей, как тогда, так и сейчас, очевидно, что если, например, мы вонзим без анестезии острый нож в желудок собаке, то она почувствует боль. Это признают законы большинства цивилизованных стран, которые запрещают беспричинную жестокость по отношению к животным. Те читатели, кому здравый смысл подсказывает, что

животные все-таки страдают, возможно, предпочтут пропустить остаток этой главы, и перейти прямо на страницу 15– на страницах между ними нет ничего, кроме опровержения позиции, которой они не придерживаются. Эту скептическую позицию надо обсудить для целостности, какой бы неправдоподобной она ни казалась.

Чувствуют ли животные боль? Как мы узнаем об этом? Как мы вообще можем знать, чувствует ли кто-нибудь боль, будь то человек или животное? Мы знаем, что мы сами можем чувствовать боль. Мы знаем это из непосредственного переживания боли, которая появляется у нас, когда, например, кто-то прижимает горящую сигарету к тыльной стороне нашей ладони. Но как мы узнаем, что кто-то еще чувствует боль? Мы не можем непосредственно пережить боль кого-то еще, будь этот «кто-то» нашим лучшим другом или бродячей собакой. Боль – это состояние сознания, «ментальное событие», и ее невозможно наблюдать. Такое поведение, как визжание или отдергивание руки от горячей сигареты не является самой болью; собственно, не являются болью и записи об активности, которые неврологи делают во время наблюдений за работой мозга. Боль – это нечто, что мы чувствуем, и мы можем лишь по различным внешним показателям сделать выводы, что другие ее чувствуют.

В теории мы всегда могли бы ошибаться, допуская, что другие люди чувствуют боль. Вполне можно представить себе, что один из наших близких друзей является на самом деле хитро сконструированным роботом, талантливый ученый управляет им так, что имеются все признаки боли, но в действительности он не более чувствителен, чем любая другая машина. Мы никогда не можем быть абсолютно уверены в том, что это не так. Но в то время как это может представлять головоломку для философов, ни у кого из нас нет ни малейшего действительного сомнения, что наши близкие друзья чувствуют боль точно так же как и мы. Это очень разумный вывод. Он основан на наблюдениях за их поведением в ситуациях, когда мы чувствовали бы боль, и на том факте, что у нас есть все основания предполагать, что наши друзья являются подобными нам существами. Их нервная система аналогична нашей, и функционирует, предположительно, так же, порождает похожие чувства в похожих обстоятельствах.

Если предположение, что другие человеческие существа чувствуют боль так же, как и мы, резонно, то есть ли какая-либо причина для того, чтобы подобное заключение было бы неоправданно в случае с другими животными?

Почти все внешние признаки, которые заставляют нас делать заключение о боли в других людях, можно обнаружить и у других биологических видов, особенно у наиболее близких нам – млекопитающих и птиц. Поведенческие сигналы включают в себя искривление лица, стоны, визг или другие формы зова, попытки избежать источника боли, появление страха при его повторном появлении и т.п. Кроме того, мы знаем, что эти животные имеют нервную систему, очень похожую на нашу. С физиологической точки зрения в обстоятельствах, при которых и мы чувствовали бы боль, их нервная система реагирует так же, как наша: у них наблюдается первоначальный подъем кровяного давления, расширенные зрачки, пот, увеличение частоты пульса, и если раздражитель продолжает действовать, падение кровяного давления. Хотя человеческие существа имеют более развитую кору головного мозга, чем другие животные, эта часть мозга скорее связана с функциями мышления, чем с

основными побуждениями, эмоциями и чувствами. Эти побуждения, эмоции и чувства расположены в мозговой подкорке, которая хорошо развита у многих других видов, особенно у млекопитающих и птиц.[7]

Мы также знаем, что нервная система других животных не была искусственно сконструирована, подобно тому, как может быть искусственно сконструирован робот, чтобы подражать поведению людей в случае боли. Нервная система животных развивалась, как у нас, и, фактически, эволюционная история людей и других животных, особенно млекопитающих не различалась до тех пор, пока не появились главные особенности нашей нервной системы. Способность чувствовать боль, очевидно, повышает видовые перспективы выживания, так как она заставляет членов этих биологических видов избегать источников повреждения. Безусловно, было бы неразумно предполагать, что нервная система, которая, в сущности, идентична физиологически, имеет общее происхождение и общую эволюционную функцию, и приводит в результате к похожим формам поведения в похожих обстоятельствах, должна действительно работать совершенно по-разному на уровне субъективных чувств.

В науке уже давным-давно правильным курсом считается поиск самого простого возможного объяснения для всего, что мы пытаемся объяснить. Время от времени утверждалось, что по этой причине «ненаучно» объяснять поведение животных с помощью теорий, которые ссылаются на чувства, желания животных и т.п. Данная идея заключается в том, что если исследуемое поведение можно объяснить без обращения к сознанию и чувствам, то это будет более простой теорией. Однако сейчас мы можем увидеть, что такие объяснения, если их оценивать по отношению к действительному поведению, как людей, так и животных, на самом деле гораздо более сложны, чем конкурирующие объяснения. Потому что мы знаем из нашего собственного опыта, что объяснения нашего поведения, не обращающиеся к сознательности и чувству боли, были бы неполными. Проще предположить, что надо объяснять аналогичное поведение животных с похожей нервной системой так же, вместо того, чтобы пытаться изобрести другие объяснения поведения животных, а также, исходя из последнего, толковать различия между людьми и не-людьми.

Подавляющее большинство ученых, обращавшихся к этому вопросу, пришли к единому мнению. Лорд Брейн (Brain), один из наиболее знаменитых неврологов нашего времени сказал:

“ «Я, лично, не вижу причины для признания души у многих товарищей и отрицания ее у животных... я, по крайней мере, не могу сомневаться в том, что интересы и деятельность животных связаны с осознанием и чувствованием так же, как у меня, и настолько же ясны».[8]

Автор книги о боли пишет:

«Каждая часть действительной очевидности поддерживает утверждение о том, что высшие млекопитающие - позвоночные животные, переживают ощущения боли так же остро, как и мы сами. Было бы нелепо утверждать, что они чувствуют меньше, потому, что являются более низшими животными. Можно легко показать, что многие из этих чувств развиты гораздо острее, чем у нас: зрение у некоторых птиц, слух у большинства диких животных и осязания у других; эти животные зависят больше, чем мы сегодня от сурового воздействия враждебной окружающей среды. За исключением сложной коры головного мозга, их нервные системы почти идентичны нашим, и их реакции на боль в значительной мере похожи. Эмоциональная составляющая действительно слишком очевидна, главным образом в форме страха и гнева».[9]

В Великобритании три независимых экспертных правительственных комитета по вопросам, связанным с животными, пришли к выводу, что животные чувствуют боль. После приведения очевидного поведенческого доказательства этого взгляда, члены Комитета по вопросам жестокости к диким животным (Committee on Cruelty to Wild Animals), сформированного в 1951 году, сказали:

«...мы считаем, что физиологические и особенно анатомические свидетельства полностью подтверждают и подкрепляют убеждение, основанное на здравом смысле и заключающееся в том, что животные чувствуют боль».

После обсуждения эволюционной ценности боли, в отчете комитета делается заключение, что она является ярко выраженной биологической целесообразностью и это – третий вид доказательства, что животные чувствуют боль. Затем члены комитета продолжали рассматривать формы страданий, отличные от простой физической боли, и добавили, что они «удостоверились, что животные действительно страдают от сильного страха и ужаса».

Последующие отчеты комитетов по экспериментам на животных и по благосостоянию животных при интенсивном животноводстве, которые сформированы при британском правительстве, поддерживают это мнение. Оно заключается в том, что животные способны страдать и от непосредственных физических повреждений и от страха, тревог, стресса и т.д..[10] Наконец, за последние 10 лет, благодаря публикации монографий с такими названиями как «Мысли животных» (Animal Thought), «Мышление животных» (Animal Thinking) и «Страдание животных: наука о благосостоянии животных» (Animal Suffering: the Science of Animal Welfare) стало очевидным то, что сознание не-людей сейчас считается серьезной темой для исследований.[12]

Можно подумать, что для решения вопроса вышеуказанной информации достаточно, но надо рассмотреть еще одно возражение. Человеческое существо, испытывающее боль, имеет один поведенческий признак, которого нет у животных: развитая речь. Возможно, другие животные общаются друг с другом, но, кажется, не таким сложным образом, как мы. Некоторые философы, включая Декарта, считали важным то, что люди очень подробно могут рассказывать друг другу о том, как переживают боль, а другие животные не могут

(интересно, что некогда четкая разделительная грань между людьми и другими видами сейчас оказалась под угрозой из-за открытия, что шимпанзе можно научить языку¹²). Но, как давно указывал Бентам, способность использовать язык не имеет отношения к вопросу о том, каким должно быть обращение с существом – если эту способность нельзя связать со способностью страдать таким образом, что отсутствие речи бросает сомнение на существование этой способности.

Эта связь может быть предпринята двумя способами. Во-первых, существует неосознанная установка философского мышления, которая, возможно, происходит из некоторых доктрин, ведущих начало от влиятельного философа Людвиг Витгенштейна (Ludwig Wittgenstein). Он утверждает, что мы не можем с уверенностью говорить о наличии сознания у существ, которые не владеют речью. Эта позиция кажется мне очень неправдоподобной. Речь может быть необходимой для абстрактного размышления, по крайней мере, в какой-то степени; но состояние вроде боли является более примитивным и не имеет никакого отношения к речи.

Вторым и более легким для понимания способом, связывающим речь и способность к боли, является утверждение, что лучшее свидетельство – это то, что нам рассказывают. Это четкая линия доказательства: в данном случае отрицается не то, что не обладающие речью, возможно, могут страдать, а, скорее, то, что мы получим достаточные доказательства, чтобы поверить в их страдания. Однако, и этот путь аргументации также неудачен. Как показала Джейн Гудолл (Jane Goodall) в своей монографии о шимпанзе «В тени человека» (In The Shadow Of Man), когда дело доходит до выражения чувств и эмоций, речь менее важна, чем невербальные способы коммуникации, такие как одобряющее похлопывание по спине, эмоциональные объятия, хлопанье в ладоши и т.д. Основные сигналы, которые мы используем, чтобы передать боль, страх, гнев, любовь, радость, удивление, половое возбуждение и многие другие эмоциональные состояния, не уникальны для человеческого рода.[13] Заявление «Мне больно» может быть доказательством для вывода, что говорящий испытывает боль. Но это не единственное возможное доказательство, а поскольку люди иногда лгут, даже не лучшее возможное доказательство.

Даже если бы существовали более веские основания для отрицания того, что субъекты, не наделенные даром речи, испытывают боль, логические следствия такого отрицания, возможно, заставили бы нас отвергнуть это заключение. Человеческие младенцы и маленькие дети не могут использовать речь. Должны ли мы отрицать, что годовалый ребенок может страдать? Если нет, тогда речь не может иметь решающее значение.

Конечно, большинство родителей лучше понимают реакции своих детей, а не животных; но это только говорит об относительно большем знании о нашем собственном роде и о том, что мы имеем больший контакт с детьми. Те, кто изучал поведение других животных, или же содержит их в качестве компаньонов, вскоре обучаются понимать их реакции так же, как мы понимаем младенцев, а иногда и лучше.

Итак, вывод получается следующий: поскольку не существует достаточных научных либо философских оснований для отрицания того, что животные чувствуют боль, мы не должны сомневаться в том, что животные испытывают боль.

Животные могут чувствовать боль. Как мы видели ранее, с этической точки зрения ту боль, которую испытывают животные, нельзя считать менее важной, чем боль, испытываемую человеком. Но какие практические выводы следуют из этого умозаключения? Чтобы предотвратить недопонимание, я немного позже разъясню, что имею в виду.

Если я сильно шлепну лошадь ладонью по крестцу, она, возможно, вздрогнет и почувствует незначительную боль. Ее кожа достаточно толстая для защиты от небольшого шлепка. Если я так же шлепну ребенка, он, наверное, почувствует боль и заплачет, так как его кожа более чувствительная. Поэтому, если сила обоих шлепков одинакова, то шлепать ребенка хуже, чем шлепать лошадь. Но, возможно, некоторый удар – я не знаю точно, каким бы он мог быть, но, вероятно, в данном случае речь может идти об ударе тяжелой палкой – причинит лошади столько же боли, сколько мы причиняем ребенку, когда бьем его рукой. Именно это я имею в виду под «такой же болью», и если мы считаем неправомерным причинять такую боль ребенку без достаточной причины, тогда при неспесишистском подходе мы должны также считать неприемлемым причинение такой же боли лошади без серьезных оснований.

Другие различия между людьми и животными вызывают другие сложности. Нормальные взрослые люди обладают умственными свойствами, которые в определенных обстоятельствах заставят их страдать сильнее, чем страдали бы животные в таких же обстоятельствах. Если, например, мы решим провести чрезвычайно болезненные или смертельные эксперименты на нормальных взрослых людях, которые были бы для этого похищены наугад из парков, то взрослые люди, наслаждающиеся прогулками в парках, стали бы бояться похищения. К боли, причиняемой в ходе эксперимента, прибавилась бы еще и такая форма страданий как страх. Такие же эксперименты на животных вызвали бы у последних меньше страданий, так как животные не испытывали бы предварительного страха перед похищением и перед грядущими экспериментами. Это, конечно, не значит, что проведение экспериментов на животных было бы правомерным, дело здесь всего лишь в том, что существует неспесишистская причина, по которой предпочтительно использование животных, а не нормальных взрослых людей, в случае проведения этого эксперимента.

Следует, однако, заметить, что тот же самый аргумент дает нам основание предпочесть для этого эксперимента человеческих младенцев, возможно сирот, или умственно неполноценных взрослых, так как младенцы и отстающие в развитии люди также не осознавали бы, что им предстоит. Что касается этого аргумента, то и животные и младенцы, и отстающие взрослые относятся к одной и той же категории; и если мы используем этот аргумент, чтобы оправдать эксперименты на животных, то должны себя спросить, а готовы ли мы также разрешить эксперименты на человеческих младенцах и умственно неполноценных взрослых; и, если мы проводим различие между животными и этими людьми, то какое мы имеем для этого основание, помимо наглого и морально-неоправданного предпочтения членов нашего человеческого рода?

Существует много аспектов, где имеют значение большие умственные способности нормальных взрослых людей: предвидение, более детальная память, лучшее знание того, что происходит и т.д. Но все эти различия не указывают на то, что нормальное человеческое существо страдает больше. Иногда животные могут страдать больше из-за меньшей

осведомленности. Если, например, мы берем в военное время пленных, то можем объяснить им, что, несмотря на то, что им предстоит арест, обыск и тюремное заключение, никакой другой вред им не будет причинен, а по окончании военных действий их ждет освобождение. Однако если мы отлавливаем диких животных, мы не можем объяснить им, что не угрожаем их жизням. Дикое животное не может различать попытку покорить его и посадить в клетку от попытки убить; и то, и другое вызывает одинаковый ужас.

Может возникнуть возражение, что сравнить страдания различных биологических видов невозможно, и поэтому при столкновении интересов животных и людей нельзя руководствоваться принципом равенства. Вероятно, в самом деле нет возможности точно сравнить страдания у представителей разных видов, но эта точность не существенна. Даже если бы нам надо было избавить животных от страданий только тогда, когда совершенно определенно интересы людей не будут затронуты в той мере, в какой они затрагиваются у животных, нам пришлось бы радикально изменить наше обращение с животными. Это затронуло бы нашу пищу, методы ведения животноводства, экспериментирование во многих областях науки, наш подход к диким животным и к охоте, ловле животных капканами и ношению мехов, а также к таким сферам развлечения как цирки, родео и зоопарки. В результате можно было бы избежать огромных страданий.

До сих пор я много говорил о причинении страданий животным, но ничего об их убийстве. Этот пропуск был преднамеренным. В теории, по меньшей мере, применение принципа равенства к страданиям – дело довольно простое. Боль и страдание сами по себе плохи и должны быть предотвращены или сведены к минимуму, независимо от расы, пола или биологического вида существа, которое страдает. То, в какой степени боль плоха, зависит от того, насколько она интенсивна и как долго она длится, но боли такой же точно интенсивности и продолжительности одинаково плохи вне зависимости от того, люди их испытывают или животные.

Неправомерность убийства живого существа – это более сложный вопрос. Я оставляю и буду оставлять вопрос об убийстве на заднем плане: в условиях нынешней человеческой тирании над другими видами животных наиболее простой, прямой принцип равного принятия во внимание боли или удовольствия служит достаточным основанием, с помощью которого можно распознавать наиболее значительные жестокости к животным, осуществляемые людьми, и выражать протест против них. Тем не менее, необходимо кое-что сказать об убийстве.

Большинство людей являются спесишистами из-за своей готовности причинить боль животным, вместе с тем, по той же причине они не причинили бы подобную боль людям.

Таким образом, спесишизм большинства людей выражается в том, что они готовы убить других животных, но не убили бы человека. Но в этом месте нам надо быть более осторожными, потому что мнения людей относительно того, в каких случаях правомерно убивать человека, очень разнятся. И свидетельство тому – продолжающиеся споры об абортах и эвтаназии. Философы тоже не могут прийти к согласию по поводу того, из-за чего конкретно убийство человека считается злом, и при каких обстоятельствах убийство человеческого существа может быть оправдано.

Давайте сначала рассмотрим мнение, что забирать невинную человеческую жизнь всегда неправомерно. Мы можем назвать это «святость жизни». Люди, которые соглашаются с данной точкой зрения, выступают против аборт и эвтаназии. Однако, они обычно не против убийства животных – поэтому, возможно было бы более правильно обозначить эту точку зрения как позицию «святости человеческой жизни». Вера в то, что человеческая жизнь и только человеческая жизнь является священной – есть форма спесишизма. Чтобы понять это, рассмотрите следующий пример:

Допустим, что младенец родился с тяжелой и непоправимой патологией мозга, такое иногда случается. Эта патология настолько серьезна, что ребенок не сможет быть чем-то большим, чем «человеческим растением», он не будет способен говорить, узнавать других людей, действовать независимо от других людей или проявлять чувства самосознания. Родители этого младенца понимают, что не могут надеяться на какое-либо улучшение состояния их ребенка, и не расположены тратить тысячи долларов на ежегодный уход за этим ребенком (или обращаться с этой просьбой к государству); поэтому они просят врача безболезненно его умертвить.

Должен ли врач выполнить просьбу родителей? По закону – нет, и в данном случае закон отражает точку зрения о святости жизни. Жизнь каждого человеческого существа – священна. И все же, люди, которые сказали бы это о младенце, не возражают против убийства животных. Как они могут объяснить свои суждения? Взрослые шимпанзе, собаки, свиньи и представители многих других биологических видов превосходят умственно-неполноценного младенца в своих способностях общаться с окружающими, независимо вести себя, обладать самосознанием и любыми другими качествами, которые могли бы, как справедливо говорится, придавать ценность жизни. При самой интенсивной заботе, какая только возможна, некоторые особенно отсталые младенцы никогда не могут подняться до интеллектуального уровня собаки. Мы так же не можем апеллировать к обеспокоенности родителей младенца, так как они сами в этом придуманном примере (и в некоторых реальных случаях) не хотят, чтобы этот ребенок продолжал жить. Единственная вещь, которая может отличить младенца от животного, для утверждающих, что он имеет «право на жизнь», – это его биологическая принадлежность к виду *Homo Sapiens*, тогда как шимпанзе, собаки и свиньи к нему не относятся. Но наделять младенца правом на жизнь и отказывать в таковом животным, основываясь на данном различии, – это, конечно, спесишизм в чистом виде.[14] Именно подобного рода произвольное различие используют самые грубые и откровенные расисты, пытаясь оправдать дискриминацию по расовому признаку.

Это не значит, что во избежание спесишизма мы должны придерживаться мнения, что убить собаку – это так же несправедливо, как и убить человека, обладающего всеми присущими ему способностями. Единственной безнадежно спесишистской позицией является та, что пытается провести такую границу права на жизнь, которая была бы строго параллельна границе нашего собственного вида. Это делают те, кто придерживается мнения о святости жизни: ставя резкое разграничение между людьми и другими животными, они в то же время не позволяют делать различий внутри человеческого рода, когда протестуют против убийства умственно отсталых так же сильно, как и против убийства нормальных взрослых людей.

Чтобы избежать спесишизма, мы должны признать, что существа, которые сходны во всех отношениях, имеют одинаковое право на жизнь, и простая принадлежность к нашему человеческому роду не может быть морально оправданным критерием для получения этого права. В этих пределах мы все еще могли бы считать, например, что хуже убить нормального взрослого человека, способного к самосознанию, к планированию будущего, к осмысленным отношениям с другими, чем убить мышь, которая, предположительно, не обладает всеми этими качествами. Мы можем апеллировать к семейным или другим личным связям, которые имеются у людей, но у мышей в такой степени их нет. Мы могли бы считать, что принципиальное различие заключается в последствиях для других людей, которые будут бояться за свою жизнь. Так же мы можем считать, что дело тут в комбинации вышеприведенных факторов и, возможно, прибавляются другие факторы.

Какие бы критерии мы ни выбираем, мы будем вынуждены признать, что они не в точности совпадают с границей нашего собственного вида. Мы можем по праву считать, что у определенных существ имеются особенности, которые делают их жизни более ценными, чем жизни других существ; но, наверняка, найдутся некоторые животные, чьи жизни, по всем стандартам, более ценны, чем жизни некоторых людей. Шимпанзе, собака или свинья, например, будет обладать более высоким уровнем самосознания и большими способностями к осмысленным отношениям с другими, чем недоразвитый ребенок или человек, впавший в старческий маразм. Поэтому, если мы основываем право на жизнь на этих характеристиках, мы должны предоставить этим животным такое же право на жизнь, как недоразвитым и престарелым людям, или даже большее.

Этот аргумент перерезает оба пути. Его можно было бы воспринимать как показатель того, что шимпанзе, собаки и свиньи и некоторые другие биологические виды имеют право на жизнь, и мы совершаем серьезное моральное преступление всякий раз, когда мы убиваем их, даже когда они старые, и нашим намерением является избавить их от страдания.

Напротив, этот аргумент можно воспринять, как довод в пользу того, что умственно отсталые и престарелые люди не имеют право на жизнь и могут быть убиты по вполне тривиальным причинам, так же, как мы сейчас убиваем животных.

Так как основная тема этой книги связана с животными, а не с допустимостью эвтаназии, я не буду пытаться дать окончательный ответ на этот вопрос.[15] Я думаю, достаточно ясно, что, хотя обе вышеописанные позиции избегают спесишизма, ни одна из них не является удовлетворительной. Нам нужна некоторая срединная позиция, которая избегала бы спесишизма, но не делала бы жизни умственно отсталых и престарелых людей такими же дешевыми, какими сейчас являются жизни животных. То, что мы должны делать – это включить неразумных животных в наш этический круг и прекратить обращаться с их жизнями, как с расходным материалом для каких бы то ни было наших мелких целей. В то же время, когда мы осознаем, что одна только принадлежность какого-либо существа к человеческому роду не является достаточной причиной, чтобы всегда считать его убийство неправомерным, то, возможно, пересмотрим нашу практику сохранять человеческую жизнь любой ценой, даже когда отсутствует перспектива осмысленной жизни или существования без ужасной боли.

Я заключаю, что отказ от спесишизма не подразумевает равноценности всех жизней. В то время как самосознание, способность думать наперед, иметь надежды и ожидания на будущее, поддерживать осмысленные отношения с другими и т. д. не относятся к проблеме причинения боли, так как боль есть боль, а любые другие способности, имеющиеся у существа, помимо способности чувствовать ее, имеют отношения к вопросу отнятия жизни.

Нельзя считать произвольным убеждение, что жизнь существа, обладающего самосознанием, способного к абстрактному мышлению, планированию будущего, к сложным актам коммуникации и т.п. является более ценной, чем жизнь существа без этих способностей. Чтобы понять разницу между проблемами причинения боли и отнятия жизни, давайте посмотрим, как мы бы делали выбор в рамках нашего собственного рода. Если бы нам пришлось выбирать между сохранением жизни нормального человеческого существа либо интеллектуально ущербного, мы бы, вероятно, выбрали сохранение жизни первого. Но если бы нам пришлось выбирать между предотвращением боли у нормального человеческого существа или умственно отсталого (вообразим, что оба получили болезненные, но поверхностные ранения, а обезболивающего хватит только на одного), то не столь ясно, кому отдать предпочтение. Это так же верно и при рассмотрении других видов. Зло боли – в ней самой, вне зависимости от характеристик существа, переживающего ее; на ценность жизни влияют другие характеристики. Вот лишь одна причина, по которой следует делать такое различие: лишить жизни существо, которое надеялось, планировало и стремилось к какой-то цели, – значит свести на нет все эти усилия. Если же отобрать жизнь у существа, чьих умственных способностей недостаточно для осознания будущего, в этом случае такого рода потери не происходит.[16]

Если нам придется выбирать между жизнью человеческого существа и жизнью другого животного, мы, по существующим нормам, должны выбрать спасение жизни человека; но могут быть особые случаи, когда верным окажется противоположный вариант, потому что данное человеческое существо не обладает качествами нормального человеческого существа. Таким образом, этот взгляд не будет спесишистским, хотя он может показаться таким с первого взгляда. В нормальных случаях, когда приходится сделать выбор, он падает на жизнь человека, а не животного, и основывается на характеристиках, присущих человеческому виду, и не на простом факте, что они принадлежат к нашему собственному роду. Поэтому при рассмотрении членов нашего собственного человеческого рода, у которых отсутствуют характеристики нормальных людей, мы уже не можем сказать, что следует предпочитать их жизни жизням других животных. Этот вопрос обсуждается на практических примерах в следующей главе. Но в целом у нас нет нужды давать определенный ответ на вопрос о том, правомерно ли безболезненное убийство животного.

До тех пор, пока мы помним, что мы должны уважать жизни животных так же, как жизни людей с подобным умственным развитием, мы не будем неправы.[17]

В любом случае, выводы, которые доказываются в этой книге, вытекают только из принципа минимизации страдания. Мысль о том, что безболезненное убийство животных также неправомерно, дает некоторым из этих выводов дополнительную поддержку, которая желательна, но не строго необходима. Что примечательно, это действует и для умозаключения, что мы должны стать вегетарианцами – этот вывод, согласно

общепринятому мнению, основывается на полном запрете убийства.

Читателю, возможно, уже приходили в голову некоторые возражения против этой позиции, которой я придерживаюсь в этой главе. Что, например, я предлагаю делать с животными, которые могут причинять вред людям? Должны ли мы пытаться останавливать животных от убийства друг друга? Чтобы не нарушать ход мысли в основном доказательстве, я решил обсудить эти и другие предложения в отдельной главе, а читатели, которым не терпится получить ответы на их возражения, могут заглянуть вперед в главу 6.

В следующих главах исследуются два практических примера спесишизма. Я ограничился двумя примерами для того, чтобы у меня осталось место для относительно полной дискуссии. Вместе с тем данное ограничение означает, что в книгу совсем не включена дискуссия о других практиках, существующих только потому, что мы не принимаем всерьез интересов других животных – это охота ради спорта и меха; разведение норок, лис и других животных ради их меха; отлов диких животных (часто после убийства их матерей) и содержание их в маленьких клетках для развлечения праздных людей; использование животных для развлечения публики на родео; убийство китов разрывными гарпунами под видом научных исследований; гибель свыше 100 000 дельфинов ежегодно в сетях, установленных на тунцов рыболовецкими судами; ежегодный отстрел 3 миллионов кенгуру в Австралии. А также игнорирование интересов диких животных в то время, как мы расширяем по всей поверхности земного шара нашу империю бетона и загрязнения.

Я не буду говорить ничего или почти ничего об этих вещах, потому что, как я показал в предисловии к этому изданию, эта книга не является перечнем всех тех отвратительных вещей, которые мы творим с животными. Вместо этого я выбрал две центральные практические иллюстрации спесишизма. Они не служат изолированными примерами садизма, но одна из них ежегодно затрагивает миллионы животных, а другая – миллиарды.

Мы также не можем притворяться, что не имеем никакого отношения к этим действиям. Одно из них – экспериментирование на животных – поддерживается правительством, которое мы выбираем, и в значительной степени финансируется из налогов, которые мы платим. Другое – выращивание животных для употребления в пищу – становится возможной только потому, что большинство людей покупают и едят продукты, полученные в результате этой практики. Вот почему я решил обсудить эти особые формы спесишизма.

Они исполняют роль ядра. Они причиняют больше страдания большему числу животных, чем что-либо еще из того, что творит человек. Чтобы прекратить это, мы должны изменить политику нашего правительства, а также наши собственные жизни, а для этого в определенной степени изменить наше питание. Если эти официально поддерживаемые и почти всемирно принятые формы спесишизма можно отменить, то отмена других спесишистских практик будет не за горами.

Глава 2. Инструменты для исследования...

На что идут ваши налоговые отчисления

«Проект X» (Project X), популярный фильм 1987 года, дал многим американцам первое представление о том, какие эксперименты проводятся вооруженными силами США. События фильма вращаются вокруг эксперимента, который проводят Военно-воздушные силы. Его цель – увидеть, смогут ли шимпанзе «пилотировать» тренажер-имитацию самолета после того, как их подвергли радиоактивному облучению. Молодой курсант из военно-воздушного училища, в обязанности которого входит дежурить в лаборатории, привязывается к одной из обезьян; он научился с ней общаться, используя язык жестов. Когда приходит время подвергнуть эту обезьяну воздействию радиации, молодой человек (разумеется, с помощью своей привлекательной девушки) решает освободить шимпанзе.

Сюжет фильма – выдуманный, а эксперименты – нет. Основой для них послужили опыты, которые в течение многих лет проводились на военно-воздушной базе в Бруксе (Brooks Air Force Base), штат Техас, и до сих пор продолжают в различных вариациях. Но создатели фильма поведали не обо всем. То, что случается с шимпанзе в фильме, – это сильно смягченная версия происходящего на самом деле. Поэтому мы должны узнать об экспериментах из их описаний в документах Брукской военно-воздушной базы.

Как показано в фильме, эксперименты включают в себя нечто вроде летательного тренажера. Это устройство известно как Платформа равновесия для приматов, или ПРП. Оно состоит из платформы, которую можно наклонять и вращать как самолет. Обезьяна сидит в кресле, оно – часть платформы. Перед животным находится рукоятка управления, с помощью которой платформу можно вернуть в горизонтальное положение. Как только обезьяна обучается делать это, ее облучают радиацией и подвергают действию химических веществ, используемых на войне; цель эксперимента – понять, как эти препараты влияют на способность управлять летательным аппаратом.

Стандартная процедура обучения на ПРП описана в публикации Брукской военно-воздушной базы, которая носит название «Обучение на Платформе равновесия для приматов».[1] Вот ее краткое изложение.

Стадия I (адаптация к креслу): Обезьяны «удерживаются» (другими словами, привязываются) в кресле ПРП на один час в день в течение 5 дней, после чего начинают

вести себя спокойно.

Стадия II (адаптация к рукоятке): Обезьяны удерживаются в кресле платформы. Затем кресло наклоняется вперед, и обезьяны получают удары электрическим током. Это заставляет обезьяну «поворачиваться в кресле или кусать платформу... Это поведение перенаправляется на одетую в перчатку руку экспериментатора, которая помещается прямо на рукоятку управления». Прикосновение к руке приводит к прекращению ударов током, а обезьяне (которую в тот день не кормили) дают изюминку. Это происходит с каждой обезьяной по 100 раз в день в течение 5-8 дней.

Стадия III (манипулирование рукояткой): На данном этапе, когда платформа наклонена вперед, одного только касания рукоятки недостаточно, чтобы прекратить удары электрическим током. Обезьяны получают электрические разряды, пока не потянут рукоятку назад. Это повторяется 100 раз в день.

Стадия IV-VI (толкание рукоятки вперед и оттягивание ее назад): На этих стадиях платформа наклоняется назад, и обезьяны получают разряды тока до тех пор, пока не начнут толкать рукоятку вперед. Затем платформа опять наклоняется вперед, и они должны снова научиться тянуть рукоятку назад. Это повторяется 100 раз в день. Потом платформа начинает беспорядочно наклоняться вперед и назад, и обезьянам снова наносят электрические удары, пока они не станут реагировать правильно.

Стадия VII (рукоятка управления в действии): До этого момента, когда обезьяны тянули рукоятку управления назад и вперед, это не влияло на положение платформы. Теперь обезьяна управляет положением платформы, толкая рукоятку. На этой стадии автоматический электрошокер не функционирует. Электрические разряды подаются вручную приблизительно каждые 3 или 4 секунды длительностью в 0,5 секунды. Это более медленная скорость, чем прежде, необходима для гарантии того, что правильное поведение не будет наказываться и, следовательно, выражаясь жаргоном руководства, не будет «гаситься». Если обезьяна перестает работать так, как от нее требуют, обучение возвращается к стадии VI. В противном случае стадия обучения VII длится до тех пор, пока обезьяна не научится удерживать платформу на почти горизонтальном уровне и не сможет избегать 80% подаваемых электроударов.

Для обучения обезьян на III-VII стадиях требуется от 10 до 12 дней.

После этого периода обучение продолжается еще 20 дней. В течение этого времени для более сильного раскачивания и вращения кресла используется генератор случайных чисел, но обезьяна должна быть столь же эффективной при возвращении кресла в горизонтальное положение – иначе она получает частые электрические удары.

Все это обучение, включающее тысячи ударов электрическим током, представляет собой всего лишь подготовку к настоящему эксперименту. Как только обезьяны начинают большую часть времени стабильно удерживать платформу в горизонтальном положении, их облучают смертельными (или близкими к смертельным) дозами радиации либо подвергают действию химических веществ, которые используются на войне. Цель эксперимента –

выяснить, как долго обезьяны при этом смогут продолжать «полет» на платформе. Например, когда они испытывают тошноту и, вероятно, страдают рвотой от смертельной дозы радиации, их заставляют удерживать платформу в горизонтальной позиции, а если им это не удастся, они получают частые удары электрическим током. А вот один пример, взятый из отчета Школы авиакосмической медицины Военно-воздушных сил Соединенных Штатов (United States Air Force School of Aerospace Medicine); его опубликовали в октябре 1987 года, после выхода на экраны фильма «Проект X».[2]

Отчет называется «Удерживание приматами равновесия при отравлении зоманом: влияние повторяющихся ежедневных отравлений низкими дозами зомана». Зоман – это другое название нервно-паралитического газа, химического оружия, которое вызывало ужасную агонию в войсках в период Первой мировой войны, но, к счастью, с тех пор очень мало использовалось в боевых действиях. Отчет начинается со ссылки на несколько предыдущих отчетов, в которых та же самая команда исследователей изучала, как «острое отравление зоманом» влияет на управление Платформой равновесия для приматов. Это же конкретное исследование посвящено действию низких доз, которые животное получает в течение нескольких дней. Обезьяны в данном эксперименте управляли платформой «по меньшей мере, раз в неделю» в течение минимум двух лет и ранее получали различные препараты и низкие дозы зомана, но за 6 недель до опыта не подвергались их воздействию.

Экспериментаторы вычисляли дозы зомана, которых было бы достаточно для того, чтобы у обезьян снизилась способность управлять платформой. Конечно, для выполнения этих вычислений обезьяны получали удары электротоком, так как теряли способность удерживать уровень платформы. Хотя отчет посвящен в основном изучению того, как отравление нервно-паралитическим веществом влияет на уровень летных качеств обезьян, он также дает некоторое понимание и других воздействий химического оружия:

“ «Субъект был полностью выведен из строя в день, следующий за последним отравлением. При этом имелись неврологические симптомы, среди которых серьезное нарушение координации, слабость и дрожание при произвольных движениях... Эти симптомы сохранялись несколько дней, в течение которых животное по-прежнему не могло пилотировать платформу».[3]

Доктор Дональд Барнс (Donald Barnes) в течение нескольких лет был заведующим лабораторией в Школе авиакосмической медицины Военно-воздушных сил США и возглавлял эксперименты с ПРП на Брукской военно-воздушной базе. По оценкам Барнса, за годы пребывания в этой должности он подверг воздействию радиации около тысячи обученных обезьян. Впоследствии он написал:

“ «В течение нескольких лет у меня накапливались сомнения по поводу полезности данных, которые мы собирали. Я сделал несколько

символических попыток выяснить назначение и цель технических отчетов, которые мы публиковали, но теперь признаю свою полную готовность принимать заверения командования в том, что мы на самом деле предоставили весомую помощь Военно-воздушным силам США, а, следовательно, и защите свободного мира. Я использовал эти заверения как шоры, чтобы отгородиться от той действительности, которую я видел в лаборатории, и хотя я не всегда носил эти шоры с комфортом, они все же служили мне для защиты от опасностей, связанных с возможной потерей статуса и дохода...

Но однажды эти шоры спали, и я обнаружил, что нахожусь в очень серьезной конфронтации с д-ром Роем Дехартом (Roy DeHart), командующим Школой авиакосмической медицины Военно-воздушных сил США. Я пытался указать на то, что вряд ли при ядерном конфликте действующие командиры будут обращаться к таблицам и цифрам, основанным на данных по макаке-резус, чтобы оценить мощность вооруженных сил или потенциал второго удара. Доктор Дехарт утверждал, что данные будут бесценными, но при этом заявил следующее: «Они не будут знать, что эти данные основаны на экспериментах на животных».[4] Барнс ушел в отставку и стал убежденным противником вивисекции; но опыты, использующие ПРП, продолжались.

«Проект X» приподнял завесу над одним из военных экспериментов. Мы сейчас рассмотрели его чуть детальнее, но потребовалось бы много времени для того чтобы описать все виды радиации и химических реагентов, в различных дозах испробованных на обезьянах с помощью Платформы равновесия для приматов. Теперь нам необходимо осознать, что это составляет лишь малую долю от общего количества военных экспериментов на животных. Беспокойство по поводу подобных опытов уходит корнями в прошлое на несколько лет до описанных событий.

В июле 1973 года член Палаты представителей от Висконсина Лес Аспин (Les Aspin) узнал из рекламного объявления в малоизвестной газете, что Военно-воздушные силы Соединенных Штатов планируют закупить для тестирования ядовитых газов 200 щенков гончих, которым для предотвращения нормального лая перевяжут голосовые связки. Вскоре после этого стало известно, что армия предполагает использовать гончих и в других аналогичных экспериментах, для которых требовалось уже 400 животных.

Аспин выступил с решительным протестом, его поддержали антививисекционные общества. Объявления были помещены в главные газеты по всей стране. Посыпались письма от взбешенной общественности. Референт Комитета по делам вооруженных сил Палаты представителей Конгресса (House of Representatives Armed Services Committee) сказал, что ведомство получило больше почты по поводу гончих, чем в связи с какими-либо другими проблемами с тех пор, как Трумэн уволил генерала Макатура; в свою очередь, внутренний меморандум Министерства обороны, обнародованный Аспином, сообщал, что ведомство никогда не получало столько писем по поводу отдельно взятого события – даже по поводу бомбежек Северного Вьетнама и Камбоджи их было меньше.[5] Министерство обороны, которое поначалу защищало эти эксперименты, объявило, что оно откладывает их и

рассматривает возможность замены гончих на других экспериментальных животных.

Этот инцидент запомнился как любопытный – любопытный, потому что негодование общества по поводу конкретного эксперимента подтвердило удивительное незнание характера стандартных процедур, которые проводят вооруженные силы, исследовательские учреждения, университеты и коммерческие организации самых разных типов.

Действительно, эксперименты, предложенные военной авиацией и армией, были разработаны таким образом, что многие животные страдали и умирали без какой-либо гарантии того, что эти страдания и смерть спасут хотя бы одну человеческую жизнь или вообще принесут людям хоть малейшую пользу; то же самое можно сказать о миллионах других экспериментов, которые ежегодно проводятся в одних только Соединенных Штатах.

Возможно, беспокойство возникло из-за того, что опыты должны были ставиться на гончих. Но если это так, почему не было протестов по поводу следующего эксперимента, имевшего место сравнительно недавно?

Под руководством Лаборатории медицинских биоинженерных исследований и разработок армии США в Форт-Детрике (U.S. Army Medical Bioengineering Research and Development Laboratory at Fort Detrick) во Фредерике, штат Мэриленд, исследователи кормили 60 гончих различными дозами взрывчатого вещества TNT. Собаки получали TNT в капсулах каждый день в течение 6 месяцев. У животных наблюдались такие симптомы как обезвоживание, истощение, анемия, желтуха, низкая температура тела, обесцвечивание мочи и кала, понос, потеря аппетита и похудание, увеличение печени, почек и селезенки, потеря координации. Одна самка «впала в агонию» на 14-ой неделе, и ее убили; другую нашли мертвой на 16-ой неделе. В отчете говорится, что этот эксперимент представляет собой лишь «часть» данных, которые Лаборатория Форт-Детрика намерена получить по поводу действия TNT на млекопитающих. Поскольку повреждения наблюдались даже при самых низких дозах, это исследование не смогло установить дозы TNT, при которых не было бы заметных эффектов; таким образом, составители отчета приходят к заключению, что «дополнительные исследования ... TNT на гончих собаках могут быть необходимы».[6]

Как бы там ни было, беспокоиться только по поводу собак неправильно. Люди склонны заботиться о собаках, потому что у них в целом больший опыт общения с ними как с друзьями, нежели с другими животными; но другие животные способны страдать так же, как собаки. Мало кто испытывает симпатию к крысам. И все же крысы – умные животные, и нет никаких сомнений в том, что они способны страдать и страдают при бесчисленных болезненных экспериментах, проводимых на них. Если бы армия прекратила эксперименты на собаках и вместо этого переключилась на крыс, это должно было бы нас волновать не меньше.

Некоторые из самых страшных военных опытов проводятся в месте, известном как Институт радиобиологических исследований вооруженных сил (Armed Forces Radiobiology Research Institute – AFRRI) в Бетесде, штат Мэриленд. Здесь, вместо использования Платформы равновесия для приматов, экспериментаторы привязывали животных к креслам и облучали их; либо учили их нажимать рычаги и наблюдали за тем, как радиация влияет на их работу.

Обезьян также обучали бегу в приспособлении под названием «колесо активности» – нечто вроде цилиндрической беговой дорожки. Если животные не могли поддерживать движение колеса со скоростью более 1 мили в час, они получали удары электротоком.

В одном эксперименте, в котором использовалось «колесо активности», Кэрол Франц (Carol Franz) из отдела наук о поведении в AFFRI обучала 39 обезьян в течение 9 недель по 2 часа ежедневно до тех пор, пока они не научились чередовать периоды «работы» и «отдыха» по 6 часов подряд. Затем их облучали различными дозами радиации. У обезьян, которые получали более высокие дозы, было до 7 приступов рвоты. Потом их снова сажали в «колесо активности», чтобы выяснить, как радиация влияет на их способность «работать».

На этом этапе, если обезьяна не двигала колесо в течение 1 минуты, «силу ударов током увеличивали до 10 мА» (это исключительно мощный удар, и, даже согласно абсолютно завышенным американским стандартам экспериментирования на животных, он должен причинять очень сильную боль). У некоторых обезьян продолжалась рвота и при нахождении в «колесе активности». Франц описывает, как разные дозы радиации влияли на работу. В ее отчете также говорится, что облученные обезьяны умирали через полтора-пять дней.[7]

Поскольку я не хочу посвящать всю эту главу опытам, которые проводятся вооруженными силами Соединенных Штатов, теперь я перейду к невоенным исследованиям (хотя мы между делом рассмотрим еще один или два военных эксперимента, когда они будут иметь отношение к другим темам). Одновременно я надеюсь, что налогоплательщики США, вне зависимости от того, что они думают по поводу объема военного бюджета, спросят себя: «Хочу ли я, чтобы вооруженные силы распоряжались моими налогами именно так?».

Конечно, мы не должны судить о вивисекции только на основе тех опытов, которые я только что описал. Кто-то, возможно, подумает, что вооруженные силы стали бесчувственными к страданиям, поскольку они сосредоточены на войне, смерти и ранениях. Конечно же, истинные научные исследования очень отличаются от вышеприведенных, не так ли? Разберемся. В начале нашего рассмотрения невоенных экспериментов я позволю профессору Гарри Ф. Харлоу (Harry F. Harlow) высказаться самому за себя. Профессор Харлоу, который работал в Приматологическом исследовательском центре (Primate Research Center) в Мэдисоне, штат Висконсин, в течение многих лет был редактором ведущего журнала о психологии и вплоть до самой смерти (он умер несколько лет назад) пользовался большим уважением среди коллег, проводящих исследования в области психологии. На его труды одобрительно ссылались во многих учебниках, а эти учебники читали в течение последних 20 лет миллионы студентов, изучающие вводный курс психологии. Направление исследования, которое он задал, после его смерти продолжили его коллеги и бывшие студенты.

В статье, датированной 1965 годом, Харлоу описывает свою работу следующим образом: «В течение последних 10 лет мы изучали влияние частичной социальной изоляции, выращивая обезьян с рождения в пустых проволочных клетках. Эти обезьяны были полностью разлучены с матерью. Недавно мы начали серию исследований, чтобы выявить влияние полной социальной изоляции. Для этого отбирали обезьян у матерей через несколько часов

после рождения и до трех, шести и двенадцати месяцев растили в камерах из нержавеющей стали. В течение предписанного срока пребывания в этом аппарате обезьяна не имеет контактов ни с одним животным: человеком или нижестоящим... Эти, исследования показали, что достаточно жесткая и длительная изоляция опускает животных на такой социо-эмоциональный уровень, на котором первичной ответной социальной реакцией является страх».[8]

В другой статье Харлоу и его бывший студент и коллега Стефан Суоми (Stephen Suomi) описали, как они пытались вызвать психопатологию у новорожденных обезьян, и делалось это с помощью метода, который, по-видимому, не работал. Тогда их посетил британский психиатр Джон Болби (John Bowlby). Согласно отчету Харлоу, Болби выслушал рассказ об их неудачах, а затем ознакомился с висконсинской лабораторией. После того, как он увидел обезьян, живущих поодиночке в пустых проволочных клетках, он спросил: «Зачем вы пытаетесь вызвать психопатологию у обезьян? Сейчас в вашей лаборатории больше обезьян с психопатологией, чем когда-либо свет видывал».[9]

Кстати, Болби был ведущим исследователем, занимавшимся вопросами разлуки с матерью, но он изучал детей – главным образом, сирот, беженцев и детей в детских учреждениях. Еще в 1951 году, до того, как Харлоу начал эксперименты с нечеловекообразными приматами, Болби сделал следующий вывод:

«Были заново проанализированы факты. Благодаря им больше нет сомнений в возможности общего заключения о том, что длительное отсутствие материнской заботы может оказать тяжелое и далеко идущее воздействие на характер ребенка, а, следовательно, и на всю его последующую жизнь».[10]

Это не удержало Харлоу и его коллег от разработки и осуществления своих экспериментов на обезьянах.

В той же статье Харлоу и Суоми описывают, как у них появилась «потрясающая идея» вызывать депрессию, «позволяя детенышам обезьян привязываться к тряпичным суррогатным матерям, которые могли становиться монстрами»:

«Первым из этих монстров была тряпичная обезьяна-мать, которая по требованию либо по расписанию выпускала сжатый воздух, находящийся под высоким давлением. Он практически срывал кожу животного. Что же делал детеныш? Он жался все ближе и ближе к матери, потому что испуганные детеныши всегда жмутся к матери. Мы не добились возникновения психопатии.

Но мы не сдавались. Мы сделали другую суррогатную мать, которая так сильно раскачивалась, что голова детеныша дергалась, и зубы стучали. Тем не менее, все, что младенец делал, это жался крепче к суррогатной матери. В третьем монстре имелась встроенная в тело проволочная рамка, которая выпрыгивала вперед и сбрасывала детенышей с «живота». Детеныш поднимался с пола, ждал, пока рамка вернется в тряпичное тело, и опять жался к монстру. В конце концов, мы соорудили мать-дикобраза. По команде по всей брюшной поверхности тела ее вылезали острые бронзовые иглы. И хотя эти

иглы причиняли детенышам страдания, он прост ждал, пока иглы уйдут, а после этого возвращался и продолжали жаться к матери».

По мнению экспериментаторов, эти результаты не очень удивительны, потому что единственный выход для травмированного ребенка – это прижаться к своей матери.

В конце концов, Харлоу и Суоми отказались от искусственных матерей-монстров, потому что нашли кое-что получше: реальную обезьяну-мать, которая была монстром. Чтобы произвести таких матерей, они выращивали самок обезьян в изоляции, а затем пытались их оплодотворить. К сожалению, самки не имели нормальных половых контактов с самцами, поэтому их приходилось оплодотворять с помощью метода, который Харлоу и Суоми называли «полкой для изнасилования». Когда рождались детеныши, Харлоу и Суоми начинали наблюдать за обезьянами. Они обнаружили, что некоторые из них просто игнорировали младенцев и не прижимали к груди плачущего детеныша, как это делают нормальные обезьяны, когда слышат плач своего отпрыска. Наблюдалась и другая модель поведения:

“ «Некоторые обезьяны были жестоки и даже смертельно опасны. Одной из их любимых выходок было раздавливать череп малыша зубами. Но поистине отвратительным типом поведения было разбивать лицо младенца об пол, а затем возить его по полу из стороны в сторону».[11]

В труде 1972 года Харлоу и Суоми утверждают, что, поскольку у людей депрессия характеризуется как состояние «беспомощности и безнадежности, погружение в колодец отчаяния», они разработали устройство «на основе интуиции», чтобы воспроизвести такой «колодец отчаяния» как в физическом, так и в психологическом отношении. Они построили вертикальную камеру со стенами из нержавеющей стали, которые загибались внутрь так, что образовывалось закругленное дно. В нее помещали молодую обезьяну на период до 45 дней. Ученые обнаружили, что через несколько дней после заключения обезьяна «проводила большую часть времени, сжавшись в углу камеры». Это заточение вызывало «сильное и устойчивое психопатологическое поведение депрессивного характера». Даже через 9 месяцев после освобождения обезьяны сидели, обхватив тело руками, вместо того чтобы двигаться и исследовать окружающее пространство, как это делают их нормальные сородичи. Отчет заканчивался неубедительно и зловеще:

“ «Вопрос о том, могут ли результаты быть связаны с конкретными переменными, такими как форма камеры, ее размер, продолжительность заточения, возраст на момент заключения, или же, что вероятнее, с сочетанием этих и других переменных, остается предметом для дальнейших исследований».[12]

В другом труде рассказывается, как, помимо «колодца отчаяния», Харлоу и его коллеги создали «тоннель ужаса», для «производства» запуганных обезьян,[13] а еще в одном научном докладе Харлоу описывает, как ему удалось «вызвать психологическую смерть у макак-резусов». Для этого он подсовывал им «суррогатных матерей» из махровой ткани, у которых обычно поддерживалась температура 99° по Фаренгейту (37,2 °C – прим. ред.), но они могли быстро охлаждаться до 35° по Фаренгейту (1,6 °C – прим. ред.) и таким способом имитировать своего рода материнское отвержение.[14]

Харлоу уже умер, но его ученики и поклонники распространились по всем Соединенным Штатам и продолжают выполнять подобные эксперименты. Джон П. Капитаньо (John P. Capitanio) проводил эксперименты по отлучению от матери под руководством В.А. Мейсона (W.A. Mason), одного из студентов Харлоу, в Калифорнийском приматологическом центре в Калифорнийском университете в Дэвисе (California Primate Research Center at the University of California, Davis). В этих экспериментах Капитаньо сравнивал социальное поведение обезьян, которых растила собака, с поведением обезьян, «выращенных» пластмассовой лошадью-качалкой. Он пришел к выводу, что, «хотя у членов обеих групп имелись явные аномалии в сфере социального взаимодействия», те обезьяны, которых держали с собакой, справлялись лучше, чем те, которые содержались вместе с пластиковой игрушкой.[15]

После отъезда из Висконсина Джин Сакетт (Gene Sackett) продолжил изучать отлучение от матери в Приматологическом центре при Вашингтонском университете (University of Washington Primate Center). Он выращивал в полной изоляции макак-резус, свинохвостых макак и макак-крабоедов, чтобы изучить различие в личностном и социальном поведении. Он обнаружил различия среди разных видов обезьян, и это «ставит под вопрос общность «синдрома изоляции» среди разных видов приматов». А поскольку существуют различия даже между близкородственными видами обезьян, то распространение обобщений с обезьян на людей представляется еще более сомнительным.[16]

Мартин Рейт (Martin Reite) из Университета Колорадо проводил эксперименты по отлучению от матери на индийских и свинохвостых макаках. Он знал, что в наблюдениях Джейн Гудолл (Jane Goodall) за осиротевшими дикими шимпанзе описываются «глубокие нарушения поведения, и их основным компонентом служит печаль или депрессивные аффективные изменения». Но поскольку по сравнению с числом отчетов об исследованиях на макаках работ об экспериментальном разлучении у крупных приматов было опубликовано относительно немного, он и другие вивисекторы решили изучить семь детенышей шимпанзе, которые были оторваны от матерей сразу после рождения и выращены в специальных яслях. По прошествии 7-10 месяцев некоторых из них поместили в изоляционные камеры на пять дней. Изолированные детеныши кричали, раскачивались и бросались на стены камеры. Рейт пришел к выводу, что «у детенышей шимпанзе изоляция может сопровождаться ярко выраженными изменениями поведения», но отметил, что (как вы наверняка уже догадались) требуются дальнейшие исследования.[17]

Харлоу начал свои опыты, в рамках которых детенышей разлучали с матерями, около 30 лет назад, и с тех пор в США было проведено свыше 250 подобных экспериментов. Вивисекторы подвергли свыше 7 тысяч животных процедурам, которые вызывали душевные страдания, отчаяние, тревогу, общее психическое опустошение и смерть. Как показывают

вышеприведенные цитаты, исследования сейчас продолжаются ради самих себя. Рейт и его коллеги ставили опыты на шимпанзе, потому что на человекообразных обезьянах, по сравнению с мартышками, было выполнено относительно мало экспериментальных работ. Они, очевидно, не испытывали потребности задать основной вопрос: почему мы вообще должны проводить какие-то эксперименты по разлучению с матерью на животных? Они даже не пытались оправдать свои эксперименты заявлением о том, что это принесет благо людям. То, что у нас уже есть обширные наблюдения за шимпанзе в дикой природе, их не интересует. Их позиция проста: это делалось с животными одного вида, а не другого, поэтому давайте теперь проведем это и с ними. Та же самая установка постоянно имеет место в исследованиях психологии и поведения. Больше всего в этой истории шокирует тот факт, что за все это заплатили налогоплательщики, и заплатили немало – свыше 58 миллионов долларов за одно только направление по изучению разлучения с матерью.[18] В этом плане (и не только) гражданская вивисекция мало чем отличается от опытов, проводимых военными.

Практика экспериментирования на животных в том виде, в каком она существует сегодня во всем мире, раскрывает влияние спесишизма. Многие опыты причиняют сильную боль, и при этом отсутствует даже отдаленная перспектива значительной пользы людям или другим животным. Подобные эксперименты представляют собой не отдельные случаи, а являются частью огромной индустрии. В Великобритании, где от ученых требуют сообщать о числе «научных процедур», выполненных на животных, официальные правительственные данные говорят о 3,5 миллионах подобных экспериментов в 1988 году.[19] В США нет точных цифр.

Согласно требованиям Акта о благополучии животных (Animal Welfare Act), министр сельского хозяйства публикует отчет, в котором дается количество животных, которое использовали службы, находящиеся в его реестре, но этот отчет во многих отношениях неполный. Он не включает крыс, мышей, птиц, рептилий, лягушек и домашних сельскохозяйственных животных, используемых для экспериментальных целей; он не включает животных, используемых в средних школах; он также не учитывает эксперименты, проведенные в учреждениях, которые не транспортируют животных между штатами и не получают грантов и контрактов от федерального правительства.

В 1986 году Служба технологической оценки при Конгрессе США (US Congress Office of Technology Assessment) опубликовала отчет под названием «Альтернативы использованию животных в исследованиях, тестах и образовании» («Alternatives to Animal Use in Research, Testing and Education»). Сотрудники службы сообщили, что, «по подсчетам, число животных, используемых ежегодно в Соединенных Штатах, колеблется от 10 миллионов до 100 миллионов» и пришли к выводу, что хоть подсчеты эти и ненадежны, их более или менее точная оценка – «по меньшей мере, от 17 миллионов до 22 миллионов».[20]

Но это очень скромная калькуляция. В 1966 году в заявлении перед Конгрессом Ассоциация по разведению лабораторных животных (Laboratory Animal Breeders Association) указала, что в 1965 году для экспериментальных целей было использовано около 60 миллионов мышей, крыс, морских свинок, хомяков и кроликов.[21] В 1984 году доктор Эндрю Роуэн (Andrew Rowan) из Школы ветеринарной медицины при Университете Тафтс (Tufts University School of Veterinary Medicine) подсчитал, что ежегодно в опытах используется около 71 миллиона

животных. В 1985 году Роуэн пересмотрел свои подсчеты: он сделал различие между количеством разводимых животных, приобретаемых и непосредственно используемых. Это дало цифру от 25 до 35 миллионов особей, которые ежегодно вовлечены в эксперименты (эта цифра не учитывает животных, которые умирают при транспортировке или погибают от человеческих рук еще до начала эксперимента).[22] Анализ уровня цен на фондовой бирже лишь одного основного поставщика лабораторных животных – Лаборатории по разведению животных Чарльз Ривер (Charles River Breeding Laboratory) – показал, что одна только эта компания ежегодно производит 22 миллиона животных.[23]

В отчете 1988 года, который выпустило Министерство сельского хозяйства, значатся 140471 собаки, 42271 кошек, 51641 приматов, 431457 морских свинок, 331945 хомяков, 459254 кроликов и 178249 диких животных – итого 1635288 животных, использованных в экспериментах. Не забудьте, что в этом отчете не учитывались крысы и мыши, поэтому в нем подсчитано, в лучшем случае, 10% использованных особей. В отчете также говорится, что из почти 1,6 миллионов животных, использованных для экспериментальных целей, более 90000 испытывали «необлегченную боль либо страдание». Опять же, это в лучшем случае 10% от общего числа животных, испытавших облегченную боль и страдания – а если вивисекторы меньше беспокоятся по поводу причинения боли крысам и мышам, нежели собакам, кошкам и приматам, то эта доля еще меньше. Все другие развитые страны используют огромное количество животных. В Японии, например, очень неполный обзор, напечатанный в 1988 году, дает общую цифру в более чем 8 миллионов.[24]

Один из способов понять природу вивисекции как широкомасштабную индустрию заключается в том, чтобы взглянуть на коммерческие продукты, произведенные с ее помощью, а также на способы их продажи. Среди этих «продуктов», конечно, сами животные. Мы увидели, сколько их производят в Лаборатории по разведению животных Чарльз Ривер. В журналах типа «Лабораторное животное» (Lab Animal) последние рекламируются так, будто они машины. Под фотографией двух морских свинок, одна из которых обычная, а другая совершенно бесшерстная, имеется следующая рекламная надпись: «Теперь, когда дело доходит до морских свинок, у вас есть выбор. Вы можете выбрать нашу стандартную модель, которая полностью покрыта шерстью. Или ради скорости и эффективности попробовать новую лысую модель 1988 года выпуска. Наши лысые морские свинки – это результат многолетней селекции. Они могут использоваться в дерматологических исследованиях, когда изучаются вещества, вызывающие рост волос. Сенсибилизация кожи. Трансдермальная терапия. Исследования воздействия ультрафиолета. И многое другое».

Реклама компании Чарльз Ривер в журнале «Эндокринология» (Endocrinology), июнь 1985, задавала вопрос: «Хотите увидеть нашу работу в действии?» Когда дело доходит до операций, мы предоставляем Вам именно то, что заказал врач. Гипофизэктомия, резекции надпочечника, кастрация, удаление вилочковой железы, овариэктомия, тиреоэктомия. Мы ежемесячно выполняем тысячи удалений желез внутренней секреции у крыс, мышей и хомяков. Плюс, дополнительное специальное хирургическое вмешательство (удаление селезенки, почек, слепой кишки) по требованию... Чтобы приобрести животных, прошедших хирургическое вмешательство для удовлетворения Ваших исследовательских нужд, звоните по телефону (номер). Наши операторы доступны почти все время.

Эксперименты на животных произвели, помимо самих животных, рынок специализированного оборудования. В ведущем британском журнале «Природа» (Nature) есть рубрика под названием «Новинки рынка», и недавно читатели были проинформированы о новом оборудовании для исследований:

“ «Новейший инструмент для работы с животными, производства компании “Коламбус Инструментс” (Columbus Instruments) представляет собой герметично закрытую беговую дорожку и предназначен для сбора данных о потребляемом кислороде во время упражнений. Это колесо имеет изолированные беговые полосы с отдельными электрошоковыми стимуляторами, которые могут быть рассчитаны для четырех крыс или мышей. Основная система стоимостью 9737 фунтов включает в себя контроль скорости движения ремня и электрошокер с контролируемым напряжением. Полностью автоматическая система стоимостью в 13487 фунтов может быть запрограммирована для проведения последовательных экспериментов, с периодами отдыха в промежутках между ними, и автоматически фиксирует количество пробегов к сетке электрошокера, продолжительность бега и время пребывания на сетке электрошокера».[25]

«Коламбус Инструментс» производит и другие хитрые приборы. В журнале «Лабораторное животное» она рекламирует следующее изобретение:

“ «Измеритель конвульсий от “Коламбус Инструментс” дает возможность произвести объективные и количественные измерения конвульсий у животных. Сенсорный датчик, установленный на платформе загрузки, переводит вертикальные компоненты силы конвульсий в пропорциональные электрические сигналы. Пользователь должен наблюдать поведение животного и, когда заметит конвульсию, активизировать измеритель, используя переключатель. В конце эксперимента будет получена общая сила и общее время конвульсий».

Кроме того, существует «Полный каталог крыс» (The Whole Rat Catalog). Его издала компания «Харвард Биосайнс» (Harvard Bioscience), и он состоит из 140 страниц, на которых рассказывается об оборудовании для проведения экспериментов на маленьких животных. Описание ведется на милом рекламном жаргоне. Например, вот что каталог рассказывает нам о прозрачных пластиковых фиксаторах для кроликов: «Единственное, что ерзает, это нос!» Впрочем, иногда проявляется некоторая чувствительность к противоречивой сущности вопроса: описание контейнера для переноски грызунов предлагает следующее:

«Используйте этот контейнер для переноски Вашего любимца с одного места на другое, не привлекая внимания». Помимо обычных клеток, электродов, хирургических инструментов и шприцов, каталог рекламирует фиксирующие конусы для грызунов, гарвардские системы шарнирных привязей, защитные перчатки, устойчивые к радиации, высокочастотное телеметрическое оборудование для имплантации, жидкое питание для мышей и крыс для исследований действия алкоголя, устройства для обезглавливания больших и маленьких животных и даже утилизатор грызунов, который «быстро превратит останки маленького животного в однородную суспензию».[26]

По-видимому, корпорации не утруждали бы себя производством и рекламой такого оборудования, если бы не ожидали значительных продаж. И эти предметы никто бы не покупал, если бы их не использовали.

Из десятков миллионов выполняемых экспериментов лишь несколько, возможно, вносят вклад в важные медицинские исследования. Огромное количество животных используется на университетских факультетах, вроде лесного хозяйства и психологии; гораздо больше используется в коммерческих целях, для тестирования новой косметики, шампуней, пищевых красителей и других маловажных вещей. Все это происходит только из-за нашего предубеждения против того чтобы серьезно относиться к страданиям существа, не являющегося представителем нашего биологического вида. Обычно защитники вивисекции не отрицают того, что животные страдают. Они не могут этого делать, потому что им нужно подчеркивать сходства между людьми и другими существами, иначе какая польза от этих экспериментов! Ученый, заставляющий крысу сделать выбор между голоданием и электроударом, чтобы посмотреть, образуются ли у нее язвы (они образуются), делает это, потому что нервная система крысы очень похожа на нервную систему человека, и, предположительно, она так же чувствует удар электрическим током.

Уже долгое время существует движение, выступающее против вивисекции. Его протесты привели к небольшим победам, потому что экспериментаторы при поддержке коммерческих фирм, которые получают прибыль, благодаря поставкам лабораторных животных и оборудования, смогли убедить законодателей, что оппозиция состоит из необразованных фанатиков, считающих интересы животных важнее интересов людей. Но чтобы быть против того, что происходит сейчас, необязательно настаивать на срочном прекращении всех исследований. Все, что нам нужно сказать – это что эксперименты, которые не преследуют никаких прямых и срочных целей, должны быть остановлены немедленно, а в оставшихся областях исследований нам следует, где это только возможно, стремиться заменить эксперименты на животных альтернативными методами.

Чтобы понять, почему этот, на первый взгляд, скромный шаг настолько важен, нам надо больше узнать об экспериментах, которые выполняются сейчас и выполнялись уже в течение века. Тогда мы сможем правильно оценить заявления сторонников вивисекции о том, что эксперименты на животных делаются только для важных целей. Поэтому на последующих страницах описываются некоторые эксперименты на животных. Читать об

этих опытах неприятно; но мы обязаны узнать о том, что делается в нашем обществе, особенно с учетом того, что большая часть этих исследований оплачивается из наших налоговых отчислений. Если животным приходится все это переносить, мы как минимум можем ознакомиться с информацией об этом. Поэтому я не пытался смягчить данные о процедурах, которым подвергаются животные, и в то же время не пытался преувеличить их.

Все нижеследующие факты взяты из отчетов, которые были написаны самими экспериментаторами или позаимствованы из журналов, в которых ученые обмениваются друг с другом опытом.

Такие отчеты неизбежно правдивее, чем сообщения стороннего наблюдателя. На это есть две причины. Одна из них заключается в том, что вивисекторы не станут подчеркивать причиненные ими страдания, за исключением случаев, когда это необходимо для сообщения результатов эксперимента, что бывает редко. Поэтому о большей части страданий ничего не говорится. Вивисекторы, возможно, не считают необходимым включать в свои доклады какие-либо упоминания о том, что происходит, когда электрошоковые устройства остаются включенными в то время, когда их нужно выключить, когда животные приходят в сознание в середине операции из-за неправильно проведенного обезболивания или когда в выходные заболевают и умирают животные, за которыми никто не ухаживает.

Вторая причина, по которой научные журналы являются источником, устраивающим ученых, является то, что они включают только те эксперименты, которые вивисекторы и редакторы журналов считают важными. Комиссия Британского правительства выяснила, что лишь четверть опытов на животных когда-либо находит путь к печати.[27] Нет оснований верить, что в США публикуется больше отчетов об экспериментах; поскольку в Соединенных Штатах гораздо больше, чем в Великобритании, второстепенных университетов с менее талантливыми исследователями, кажется вероятным, что еще меньший процент экспериментов дает результаты, имеющие вообще какое бы то ни было значение.

Поэтому, читая последующие страницы, имейте в виду, что они взяты из уважаемых самими вивисекторами источников; и если результаты этих экспериментов не кажутся настолько важными, чтобы с их помощью можно было оправдать страдания, причиненные живым существам, учтите, что все эти примеры принадлежат к той малой доле опытов, которую редакторы сочли достойной публикации. И последнее предупреждение. Доклады, напечатанные в журналах, всегда появляются с фамилиями экспериментаторов. В основном я сохранил эти имена, потому что не вижу оснований защищать этих людей завесой анонимности. Тем не менее, не следует предполагать, что названные личности особенно злы и жестоки. Они делают то, чему их научили, они делают то, что делают тысячи их коллег. Приводимые мной данные призваны продемонстрировать не садизм некоторых конкретных ученых, а узаконенную ментальность спесишизма, из-за которого вивисекторы позволяют себе подобные вещи и не оглядываются на интересы используемых ими животных.

Многие из самых болезненных опытов проводятся в области психологии. Чтобы представить себе количество животных, с которыми экспериментировали в лабораториях психологи, примите во внимание, что в 1986 году Национальный институт душевного здоровья (National

Institute of Mental Health) профинансировал 350 экспериментов на животных. Национальный институт душевного здоровья – это всего лишь один источник федерального финансирования психологических экспериментов. Учреждение потратило свыше 11 миллионов долларов на опыты, включавшие в себя непосредственные манипуляции с мозгом, свыше 5 миллионов – на эксперименты, изучавшие влияние лекарств на поведение, и свыше 2 миллионов – на исследования, включающие лишение сна, причинения стресса, страха и беспокойства. Эта ведомство за один год израсходовало на вивисекцию более 30 миллионов долларов.[28]

Один из наиболее распространенных способов экспериментирования на животных в психологии заключается в нанесении им ударов электрическим током. Это может делаться с целью узнать, как животные реагируют на разные виды наказания, или чтобы научить их выполнять различные задания. В первом издании книги я описывал эксперименты, проведенные в конце 60-х – начале 70-х годов. Вивисекторы наносили животным удары электротоком. Вот лишь один пример из того периода.

О.С. Рэй (O.S. Ray) и Р.Дж. Барретт (R.J. Barrett), работавшие в отделе психологических исследований, в Правительственном госпитале для ветеранов (Veterans Administration Hospital) в Питтсбурге, штат Пенсильвания, наносили удары электротоком 1042 мышам. Потом они вызывали конвульсии, для чего наносили более сильные удары с помощью электродов чашевидной формы, которые прикладывались к глазам животных, а также с помощью зажимов на ушах. Они сообщили, что, к сожалению, некоторые мыши, которые «успешно прошли тренировку в первый день, оказались больными или мертвыми до начала тренировки на второй».[29]

Сейчас, по прошествии почти 20 лет, когда я пишу второе издание книги, экспериментаторы все еще придумывают варианты одних и тех же опытов с небольшими изменениями. В.А. Хиллекс (W.A. Hillex) и М.Р. Денни (M.R. Denny) из Калифорнийского университета в Сан-Диего поместили крыс в лабиринт и наносили им электрические удары в случае, если после одного неправильного выбора они в ходе следующего испытания не находили решение за три секунды. Они пришли к выводу, что «результаты явно сходны с итогами ранней работы по запоминанию и забыванию у крыс, в рамках которого животных обычно били током в начале лабиринта, когда они как раз делали выбор» (иными словами, крыс били током на том участке лабиринта, где они должны были выбирать, а не до этого места; в этом заключалась новая особенность эксперимента, и она не вносила большой разницы). Далее вивисекторы ссылаются на опыты, проведенные в 1933-ом, 1935-ом и в другие годы, вплоть до 1985-го.[30]

Следующий эксперимент – это всего лишь попытка показать, что результаты, имеющие место у людей, применимы и к мышам. Курт Спенис (Curt Spanis) и Ларри Сквайр (Larry Squire) из Калифорнийского Университета в Сан-Диего в одном эксперименте использовали два вида разрядов, чтобы посмотреть, как «электроконвульсионный удар» влияет на память у мышей. Животных поместили в светлый отсек камеры с двумя отделениями, другая часть была темной. Когда мыши переходили из светлого отсека в темный, они получали по лапам удары током. После «обучения» мыши получали «обработку электроконвульсионными ударами», которая... производилась 4 раза с часовым интервалом... и каждый раз случались

припадки». Электроконвульсионные удары вызывали ретроградную амнезию, которая длилась, по меньшей мере, 28 дней. Спеннис и Сквайр пришли к выводу, что ситуация обстояла таким образом из-за того, что мыши забывали избежать перехода в темный отсек и поэтому получали удары током. Ученые отметили, что их открытия «совпадают» с открытиями, которые Сквайр уже сделал в ходе исследования, проводившегося на пациентах с психическими расстройствами. Они признали, что результаты эксперимента «не могут с уверенностью поддерживать или отрицать» идею о потере памяти вследствие «большого разброса результатов в различных группах». Тем не менее, они заявляют: «Эти данные проводят параллель между экспериментальной амнезией у лабораторных животных и амнезией у людей».[31] В подобном эксперименте Дж. Пэйтел (J. Patel) и Б. Миглер (B. Migler), работавшие в компании ICI Americas, Inc. в Уилмингтоне, штат Делавэр, учили белых обезьян нажимать на рычаг для получения пищевых таблеток. Затем обезьянам на шею одели металлические ошейники, через которые подавались удары всякий раз, когда они получали пищу. Они могли избежать ударов, только если ждали три часа, прежде чем пытались получить пищу. Чтобы таким способом научить обезьян избегать ударов, потребовалось 8 недель учебных занятий по 6 часов в день. Так предполагалось вызвать «конфликтную» ситуацию, а обезьянам после этого давали разные наркотики, чтобы проверить, будут ли они получать больше ударов под их действием. Экспериментаторы сообщили, что они также адаптировали этот тест для крыс, и что он был бы «полезен для выявления возможных веществ, снижающих тревогу».[32]

Эксперименты по созданию условий проводятся более 85 лет. Доклад, написанный в 1982 году нью-йоркской организацией Объединенные действия в защиту животных (United Action for Animals), говорит о 1425 трудах по «классическим экспериментам по созданию условий» подопытных. По иронии судьбы, бессмысленность многих из этих исследований беспощадно раскрыта в документе, который опубликовала группа вивисекторов в Университете Висконсина. Сьюзан Минека (Susan Mineka) и ее коллеги подвергали 140 крыс ударам, которых можно было бы избежать, а также таким ударам, которых избежать было нельзя. Это делалось для сравнения уровня страха, порождаемого разными ударами. Вот сформулированное обоснование их работы:

“ «За последние 15 лет огромное количество исследований было направлено на то чтобы понять разницу в поведении и физиологические эффекты, которые возникают от соприкосновения с контролируемыми элементами в противовес неконтролируемым. Вывод заключается в том, что неконтролируемые неприятные события представляют больший стресс для организма, чем контролируемые».

После того, как вивисекторы подвергали крыс ударам, иногда давая возможность их избежать, они не смогли определить, какие механизмы можно считать правильными при трактовке результатов. Тем не менее, они заявили, что считают результаты важными: «В них поднимается вопрос о том, насколько аргументированы выводы, сделанные по итогам сотен экспериментов, которые были проведены за последние 15 лет или около того».[33] Иными словами, 15 лет, в течение которых животным наносились электрические удары,

возможно, не дали правильных результатов. Но в причудливом мире психологических экспериментов на животных это открытие служит оправданием для еще большего количества опытов, в рамках которых еще большее число животных будет получать неминуемые удары электротоком, чтобы, наконец, явить вивисекторам «аргументированные результаты». И не забудьте, что эти «аргументированные результаты» будут относиться только к поведению плененных животных, которые подвергаются таким ударам электротока, от которых невозможно спастись.

Не менее печальна история экспериментов по созданию так называемой «выученной беспомощности». Предполагается, что она представляет собой модель депрессии у людей. В 1953 году Р. Соломин (R. Solomin), Л. Камин (L. Kamin) и Л. Винн (L. Wynne), ученые из Гарвардского университета, поместили 15 собак в устройство под названием «челночный бокс», которое состоит из ящика, разделенного на два отделения с барьером между ними. Изначально этот барьер был установлен на высоте спины собаки. Через решетчатый пол собаки получали по лапам сотни интенсивных ударов током. Поначалу они могли избегать ударов, если перепрыгивали через барьер в другое отделение. Стремясь «отбить охоту к прыжкам», вивисекторы заставили собак прыгать сто раз на решетчатый пол в другое отделение, и там тоже наносился удар по лапам. Они писали, что когда собака прыгала, она издавала пронзительное упреждающее тявканье, превращающееся в визг в момент, когда она опускалась на электрическую решетку». Потом они заблокировали проход между отделениями куском зеркального стекла и снова подвергли собак испытанию. Одна «прыгнула вперед и разбила голову о стекло». У животных начали появляться такие симптомы как «непроизвольная дефекация, мочеиспускание, дрожь, вопли; они бросались на аппаратуру и так далее; но по прошествии 10-12 дней эксперимента собаки, которым не давали возможности спастись от удара, перестали сопротивляться. Сами экспериментаторы сообщили, что очень «впечатлены» этим, и сделали вывод о том, что сочетание стеклянного барьера и удара по лапам «крайне эффективно» заставляет собак не прыгать.[34]

Это исследование показало, что если повторно наносить сильные и неотвратимые удары, то можно вызвать состояние беспомощности и отчаяния. Такие исследования «выученной беспомощности» получили дальнейшее усовершенствование в 1960-е годы. Одним из заметных вивисекторов был Мартин Селигман (Martin Seligman) из Университета Пенсильвании. Он настолько интенсивно и настойчиво ударял собак током через стальной решетчатый пол, что животные бросили все попытки спастись и «научились» беспомощности.

В одной работе, написанной совместно с коллегами Стивеном Мейером (Steven Maier) и Джеймсом Джиром (James Geer), Селигман описывает свою работу следующим образом: «Когда нормальная, наивная собака проходит в челночном боксе тренинг по спасению/избеганию ударов, у нее обычно наблюдается следующее поведение: когда поступают первые удары, она неистово бежит вокруг, испражняется, мочится и воеет, пока не перелезет через барьер и, таким образом, спасется от ударов. Во время следующего эксперимента собака, бегая и воя, преодолевает барьер быстрее и так далее, пока не начнет наблюдаться эффективное избегание».

Селигман изменил эту модель: он стал запрягать собак в упряжь и наносил им удары, от которых они никак не могли спастись. Когда же животные оказались в первоначальных условиях (какие были в челночном ящике), при которых была возможность спастись, он выяснил следующее:

“ «Такая собака поначалу реагирует на удары в челночном боксе так же, как и наивная собака. Но вскоре перестает бегать и молчит до конца ударов, что представляет собой впечатляющий контраст с наивной собакой. Собака не преодолевает барьер и не спасается от ударов. Она скорее «сдается» и пассивно «принимает» их. При последующих экспериментах животное по-прежнему не делает движений, которые могли бы его спасти, и, таким образом, во время каждого испытания в течение 50 секунд чувствует сильный, пульсирующий удар. Собака, которая ранее подвергалась неизбежным ударам, может «принимать» неограниченное количество ударов, не пытаясь спастись или избежать их».[35]

В 1980-е годы психологи продолжили проводить эксперименты на «выученную беспомощность». Филипп Берш (Philipp Bersh) и три других вивисектора из Университета Темпл (Temple University), штат Филадельфия, учили крыс распознавать огонек, предупреждающий их об ударе, который должен был быть нанесен в течение 5 секунд. Если крысы понимали предупреждение, они могли избежать удара, для этого надо было перебежать в безопасный отсек. После того как крысы обучились такому поведению, безопасный отсек закрыли и подвергали их продолжительным сериям неизбежных ударов. Вполне закономерно, что, даже когда появилась возможность спастись, крысы не смогли быстро восстановить поведение, продиктованное инстинктом самосохранения».[36]

Берш и его коллеги также подвергли 372 крысы эксперименту с отталкивающими ударами, чтобы попытаться определить связь между условным рефлексом Павлова и выученной беспомощностью. Они сообщили, что «значение этих открытий для теории выученной беспомощности не очень ясно» и что «остается большое количество вопросов».[37]

Г. Браун (G. Brown), П. Смит (P. Smith) и Р. Питерс (R. Peters) из Университета Теннесси в Мартине преодолели множество затруднений при создании специального челночного бокса для золотых рыбок, возможно, для того, чтобы посмотреть, действует ли теория Селигмана в воде. Они подвергли 45 рыб 65 ударам и пришли к выводу, что «данные этого исследования не поддерживают в большой мере теорию Селигмана о том, что беспомощность является выученной».[38]

Эти эксперименты причинили острую длительную боль многим животным. Сначала это делалось для того, чтобы доказать теорию, потом – чтобы развенчать ее, и, наконец, чтобы доказать измененные версии изначальной теории. Стивен Майер, который вместе с Селигманом и Джиром был автором ранее процитированного доклада о вызывании выученной беспомощности у собак, построил карьеру на увековечивании избранной им темы исследования. Все же в недавней обзорной статье Майеру пришлось сказать о пригодности

этой «животной модели депрессии» следующее:

«Можно заявить, что для осмысления сравнения недостает согласованности в характерных чертах, нейробиологии, возникновении и предотвращении/излечении... Таким образом, кажется маловероятным тот факт, что выученная беспомощность служит моделью депрессии в широком смысле слова».[39]

Майер пытается спасти хоть что-нибудь от этого пугающего заключения и говорит, что выученная беспомощность может служить моделью не депрессии, а «стресса и его преодоления», но признает, что более 30 лет экспериментов на животных оказались пустой тратой времени и денег налогоплательщиков, не говоря уже о количестве острой физической боли, вызванной ими.

В первом издании этой книги я сообщал об эксперименте, который провели П. Бейдиа (P. Badia) с двумя коллегами в Государственном Университете Боулинг Грин (Bowling Green State University) в штате Огайо, результаты которого опубликовали в 1973 году. В нем 10 крыс испытывались в ходе занятий продолжительностью по 6 часов. Во время этих занятий им наносились «частые электрические удары, которые все время были неотвратимыми и неизбежными». Крысы могли нажать на любой из двух рычагов в тестовой камере, чтобы получить предупреждение о предстоящем ударе. Вивисекторы пришли к выводу, что крысы предпочитали быть предупрежденными об ударе.[40] В 1984 году все еще проводился тот же самый эксперимент. Кто-то предположил, что предыдущее исследование было «неправильно с методологической точки зрения». На этот раз П. Бейдиа (P. Badia) вместе с Б. Абботтом (B. Abbott) из Университета Индианы поместили 10 крыс в электризованные камеры и опять проводили с ними 6-часовые занятия, сопровождающиеся электрическими ударами. Шесть крыс получали неотвратимые удары с интервалом в одну минуту, иногда им предшествовали предупреждения. Потом им разрешили нажимать на один из двух рычагов, чтобы либо получать удары с предупреждающим сигналом, либо получать удары без такого сигнала. Оставшиеся 4 крысы использовались в другом варианте опыта – они получали сигналы с двух- и четырехминутным интервалом. Вивисекторы снова выяснили, что крысы предпочитали удары с предупреждением, даже если это приводит к большему числу ударов.[41]

Удары электрическим током также используются, чтобы вызвать у животных агрессивное поведение. В одном из исследований, проведенном в Университете Айовы, Ричард Викен (Richard Viken) и Джон Кнатсон (John Knutson) поделили на группы 160 крыс и «обучали» их в клетке из нержавеющей стали с электрифицированным полом. Пары крыс получали электрические удары до тех пор, пока не научились драться – либо нападать друг на друга в вертикальной стойке, либо кусать друг друга. В среднем потребовалось тридцать обучающих испытаний, прежде чем крысы научились делать это сразу после первого удара. Потом исследователи поместили крыс, натренированных на ударах, в клетки с необученными крысами и наблюдали за их поведением. Через день всех крыс убили, сбрили их шерсть и изучили раны. Ученые пришли к выводу, что «результаты не помогли понять нападающий либо оборонительный характер реакции, которая возникала в ответ на удары».[42]

В Университете Кеньон (Kenyon College), штат Айова, Дж. Вильямс (J. Williams) и Д. Лайерл (D. Lierle) провели серию из трех экспериментов, чтобы выявить, как управление стрессом влияет на оборонительное поведение. Первый эксперимент основывался на предположении, что неконтролируемые удары усиливают страх. Шестнадцать крыс были помещены в трубки из органического стекла, и им на хвосты подавали неизбежные удары электротоком. Затем их помещали в качестве чужаков в уже сложившуюся колонию крыс, где фиксировались их взаимоотношения с другими. Во втором эксперименте 24 крысы во время обучения могли контролировать удары. В третьем эксперименте 32 крысы подвергались и таким ударам, которых невозможно было избежать, и таким, которые можно было контролировать. Вивисекторы сделали следующий вывод: «Эти открытия и наши теоретические формулировки подчеркивают взаимосвязь между управляемостью ударов, возможностью предсказать их окончание, условными признаками стресса, страха и оборонительного поведения, но для того чтобы изучить точную природу этих взаимосвязей, требуются дальнейшие исследования».[43] В этом отчете, опубликованном в 1986 году, упоминается более ранняя экспериментальная работа в данной сфере, проведенная в 1948 году.

В Университете Канзаса отдел, который называет себя Комитетом по исследованию детей (Bureau of Child Research), наносит удары электротоком разным видам животных. В одном из экспериментов шетлендским пони не давали воды до тех пор, пока они не начали испытывать жажду, а потом они получили емкость с водой, которую можно было электрифицировать. По обе стороны голов пони помещались громкоговорители. Когда шум шел из левого громкоговорителя, резервуар электрифицировался, и пони при питье получали удары током. Они усвоили, что надо прекращать пить, если шум идет из левого громкоговорителя, но не из правого. Потом громкоговорители были пододвинуты ближе друг к другу, так что пони больше не могли различать их и, таким образом, избегать ударов.

Исследователи указали на аналогичные эксперименты с белыми крысами, кенгуровыми крысами, древесными крысами, ежами, собаками, кошками, обезьянами, опоссумами, тюленями, дельфинами и слонами и пришли к выводу, что, по сравнению с другими животными, пони с трудом определяют направление звука.[44]

Непонятно, какую пользу это исследование принесет детям. В целом во всех вышеприведенных примерах экспериментов больше всего беспокоит то, что, невзирая на страдания животных, полученные результаты незначительны, очевидны или бессмысленны, это признают даже сами вивисекторы. Выводы из выше процитированных экспериментов ясно показывают, что ученые вложили много сил в то, чтобы рассказать нам на научном жаргоне то, что все мы и так знаем, то, что мы могли бы выяснить менее болезненными способами, если бы немного подумали. А ведь эти эксперименты предположительно важнее тех, которые не были опубликованы.

Мы рассмотрели только небольшое количество психологических экспериментов, которые включают удары электротоком. Вот что говорится в докладе, который был подготовлен Службой технологической оценки: «Обзор 608 статей, появившихся в журналах Американской Психологической Ассоциации (American Psychological Association) с 1978-го по 1983 годы включительно, в которых обычно публикуют результаты экспериментов на животных, показал, что в 10% исследований использовались удары электрическим

Многие другие журналы, не связанные с Американской психологической ассоциацией, также публикуют сообщения об экспериментах на животных, в которых использовался электрический ток; и мы не должны забывать об исследованиях, результаты которых вообще нигде не публикуются. И это только одна разновидность исследований, причиняющих животным боль и страдания. Мы уже ознакомились с деталями опытов, в которых детенышей отрывали от матерей, но потребовалось бы несколько книг, чтобы кратко описать другие психологические эксперименты, исследующих такие аспекты, как ненормальное поведение, животные модели шизофрении, движения, поддержание тела, познавательные способности, общение, отношения между хищником и жертвой, мотивация и эмоции, ощущения и восприятие, лишение сна, пищи и воды. Мы рассмотрели всего лишь несколько из десятков тысяч экспериментов, которые ежегодно проводятся в области психологии, но этого должно быть достаточно для понимания того, что очень многие из проводящихся до сих пор опытов причиняют животным огромную боль и не предлагают перспектив для получения действительно важных новых знаний. К сожалению, для психологов и других вивисекторов животные стали просто инструментами. Лаборатория может принимать во внимание стоимость этих «инструментов», но жестокость к ним становится очевидной не только при самом проведении экспериментов, но и при их описании в докладах. Взглянем, к примеру, на упоминание Харлоу и Суоми об их «полке для изнасилования» и на шуточный тон, с которым они рассказывают о «любимых трюках» самок обезьян, родивших детенышей в результате ее использования.

Рассказывать об отлучении стало проще благодаря использованию технического жаргона, который маскирует подлинный характер происходящего. Психологи под влиянием бихевиористской доктрины, согласно которой упоминать нужно только наблюдаемое, придумали немалый набор терминов, которые относятся к боли, не упоминая о ней напрямую. Элис Хейм (Alice Heim), одна из немногих психологов, которая выступила против бессмысленных экспериментов на животных, проводимых ее коллегами, описывает это так:

“ «Работа по наблюдению за поведением животных всегда выражается в научной, корректно звучащей терминологии, которая дает возможность продолжать обучение нормальных, без садистских наклонностей, студентов-психологов и не пробуждать в них беспокойства. Итак, то, что на самом деле является пыткой жаждой, голодом или электроударами, называется приемом «угасание». «Частичное подкрепление» – это термин, которым обозначают беспокойство животного, возникающее из-за того, что экспериментатор лишь частично оправдал ожидания, которые появились у животного в ходе предыдущей тренировки.

Определение «отрицательный стимул» используется, когда животное подвергают стимулам, которых оно, по возможности, избегает. Термин «избегание» подходит, потому что это наблюдаемая деятельность. Термины «болезненный» или «пугающий» для стимулов меньше подходят

из-за своей антропоморфности: они предполагают, что животное имеет чувства, которые могут иметь сходство с человеческими. Это недопустимо, потому что не вписывается в концепцию бихевиоризма и ненаучно (а также потому, что может удержать более молодого и менее черствого исследователя от выполнения определенных изобретательных экспериментов, допусти он небольшую игру воображения). Самый страшный грех для экспериментатора-психолога, работающего в области «поведения животных», – это антропоморфизм. Тем не менее, если бы он не верил в аналогию между человеком и более низкими животными, то даже он, по-видимому, счел бы свою работу в значительной мере неоправданной».[46]

Мы можем видеть тип жаргона, о котором Хейм говорит в процитированном мною докладе об экспериментах. Обратите внимание, что даже когда Селигман чувствует себя вынужденным сказать «отказались» от попыток спастись от ударов, он считает нужным поставить термин в кавычки, тем самым как бы подчеркивая, что он не приписывает собаке никаких умственных процессов. Тем не менее, логическое следствие такого взгляда на «научный метод» заключается в том, что эксперименты на животных не могут научить нас ничему, что было бы применимо к людям. Как ни странно, некоторые психологи настолько озабочены тем чтобы избежать антропоморфизма, что признали этот вывод. Такое отношение иллюстрируется следующим автобиографичным утверждением, которое появилось в журнале «Новый ученый» (New Scientist):

“ «Когда 15 лет назад я проходил курс по психологии для получения ученой степени, экзаменатор со стальными глазами, сам психолог, задал мне прямой вопрос о моих мотивах и спросил меня, что такое, на мой взгляд, психология и ее основная сфера изучения. Я был наивным простаком и ответил, что это изучение сознания, и что предметом изучения в ней служат люди. Экзаменатор издал радостный крик из-за того, что смог так успешно меня поймать, и заявил, что психологи не интересуются сознанием, что главным объектом изучения служат не люди, и крысы, и настоятельно посоветовал мне пойти на отделение философии, расположенное рядом...»[47]

Возможно, мало кто из психологов может с гордостью заявить, что их работа не имеет ничего общего с человеческим сознанием. Но многие из экспериментов на крысах можно объяснить только предположением, что исследователи действительно интересуются поведением крыс исключительно ради себя, не имея намерения узнать что-либо о людях. Как в этом случае можно оправдать причинение такого большого количества страданий? Ясно, что это делается не ради блага крыс.

Итак, в психологии основная проблема для исследователя стоит особенно остро: либо, если животные не похожи на нас, зачем ставить на них эксперименты, либо, если животное похоже на нас, мы не должны проводить на них опыты, которые выглядели бы варварством при проведении на человеке.

Другая большая сфера вивисекции включает ежегодное отравление миллионов животных. Часто и это делается по несущественным причинам. В 1988 году в Британии на животных для тестирования лекарств и других материалов было проведено 588997 научных процедур, из них 281358 не имели отношения к проверке медицинских либо ветеринарных товаров.[48]

Точные цифры по США недоступны, но если они соотносятся с британскими, то количество животных, использованных для тестирования продукции, составило бы, по меньшей мере, 3 миллиона. На самом деле, эту цифру можно умножить на 2 или 3, потому что в США в этой сфере производится очень много исследований и появляется разработок, а Администрация по пищевым продуктам и лекарственным средствам (Food and Drug Administration) требует обширной проверки новых веществ, прежде чем те могут быть выкинуты на рынок. Можно подумать, что требование тестировать на животных лекарства, вероятно, способные спасти жизнь, оправдано, но те же самые тесты используются для продукции вроде косметики, пищевых красителей и лака для пола. Должны ли тысячи животных страдать для того, чтобы на рынке появился новый вид помады или новая мастика? Разве у нас уже нет подобных товаров в избытке? Кто выигрывает от их появления, помимо компаний, которые надеются получить прибыль с их продажи?

В сущности, даже если проверке подвергается медицинский продукт, он, скорее всего, никак не улучшит наше здоровье. Ученые, работающие в Британском Министерстве Здравоохранения и Социальной безопасности (British Department of Health and Social Security), изучили лекарства, появившиеся на рынке с 1971-го по 1981 годы. Они выяснили, что новые препараты

“ «большой частью внедряются в те области терапии, где их количество и так уже значительно превышает требующееся... и они предназначены для лечения распространенных, в значительной степени хронических заболеваний, возникающих, главным образом, в западном обществе, страдающем от изобилия. Таким образом, нововведения направлены в большей степени на получение коммерческой прибыли, а не на удовлетворение терапевтических нужд».[49]

Чтобы понять, что подразумевается под внедрением всех этих новых продуктов, необходимо кое-что узнать о стандартных методах тестирования. Дабы определить токсичность вещества, выполняются «тесты на острую оральную токсичность». При проведении этих тестов, разработанных в 1920-е годы, животных заставляют глотать различные вещества, в том числе несъедобные предметы вроде губной помады и бумаги. Часто подопытные отказываются есть вещество при простом добавлении его в пищу, поэтому вивисекторы

либо кормят их силой, либо вставляют им в горло трубку. Стандартные тесты проводятся в течение 14 дней, но некоторые могут длиться до 6 месяцев – если животное выживает в течение этого срока. В течение этого времени у животных часто наблюдаются классические симптомы отравления, в том числе рвота, понос, паралич, конвульсии и внутренние кровотечения.

Самый известный тест на острую токсичность – это ЛД-50. ЛД-50 обозначает «летальная доза 50 процентов», количество вещества, которое убьет половину животных, участвующих в исследовании. Чтобы выявить размер такой дозы, отравляют несколько групп животных. Обычно до того момента, как умрет половина из них, животные бывают очень больны и испытывают явные страдания. Когда речь идет об относительно безвредных веществах, все же считается правильным выявить концентрацию, при которой умирает половина животных; в результате, им приходится принудительно скармливать огромные количества субстанции, и смерть у них может наступить всего лишь из-за большого объема или высокой концентрации. Это не имеет никакого отношения к обстоятельствам, при которых люди будут употреблять этот продукт. Поскольку суть эксперимента состоит в том, чтобы измерить количество вещества, способного убить половину животных, страдания умирающих никак не облегчаются. Причина состоит в боязни получить неточный результат.

Служба технологической оценки при Конгрессе США подсчитала, что ежегодно в стране для токсикологических тестов используются «несколько миллионов» животных. Более точные подсчеты по поводу теста ЛД-50 отсутствуют.[50]

Косметика и другие вещества тестируются на глазах животных. Тест Драйза на вызывание глазного раздражения впервые начал применяться в 1940-е годы, когда Дж.Х. Драйз (J.H. Draize), работавший в Администрации по пищевым продуктам и лекарственным средствам, разработал шкалу, с помощью которой можно было оценить раздражающее действие вещества при соприкосновении с глазом кролика. Процедура такова. Обычно животных помещают в удерживающие устройства, из которых высовывается только голова. Это не дает им почесать или вытереть глаз. Потом тестируемое вещество (например, отбеливатель, шампунь или чернила) наносится каждому кролику на один глаз. Это делается следующим способом: животному оттягивают нижнее веко и «закладывают» вещество в образовавшуюся «чашечку». Потом глаз держится закрытым. Нанесение иногда повторяют. За кроликами наблюдают ежедневно на предмет воспаления глаза, изъязвления, появления инфекции или кровотечения. Наблюдения могут длиться до трех недель. Один исследователь, работавший в большой химической компании, описал самую острую реакцию следующим образом:

“ «Полная потеря зрения из-за серьезного внутреннего повреждения роговицы или внутренней структуры. Животное упорно держит глаз закрытым. Может визжать, царапать глаз лапами, прыгать и пытаться убежать».[51]

Как уже упоминалось, при нахождении в удерживающем устройстве животные не могут ни почесать глаз, ни спастись. Некоторые вещества вызывают такие серьезные повреждения, что глаз кролика теряет все отличительные характеристики – радужная оболочка, зрачок и роговица начинают напоминать одно большое заражение. Вивисекторы не обязаны использовать анестезию, но иногда они применяют небольшое количество местного обезболивающего при нанесении вещества, если это не мешает тесту. Это никак не облегчает боль, которая может появиться после того, как в течение двух недель в глазу находилось средство для чистки плиты. Цифры Министерства сельского хозяйства США (US Department of Agriculture) показывают, что в 1983 году лаборатории, занимавшиеся токсикологическим тестированием, использовали 55785 кроликов, а химические компании – еще 22034. Можно предположить, что во многих случаях при этом использовался тест Драйза, хотя точных цифр на этот счет нет.[52]

Для оценки токсичности многих веществ животных подвергают и другим тестам. Во время ингаляционных исследований животных сажают в запечатанные камеры и заставляют вдыхать спреи, газы и пары. В тестах на дерматологическую токсичность кроликам сбивают мех, чтобы можно было поместить токсичное вещество на кожу. Животные обездвижены, поэтому не могут почесать свое раздраженное тело. Кожа может кровоточить, покрываться волдырями, облезать. При проведении тестов на погружение животных помещают в баки с разбавленными веществами, и некоторые из них тонут еще до получения результатов теста. В исследованиях на восприятие инъекции проверяемое вещество вводится животному подкожно, внутримышечно или непосредственно в орган.

Таковы стандартные процедуры. Вот два примера того, как они проводятся.

В Англии Исследовательский институт Хантингтон (Huntington Research Institute) совместно с гигантской корпорацией ICI проводил эксперименты, в ходе которых сорок обезьян были отравлены гербицидом под названием паракват. Они очень плохо себя чувствовали, у них наблюдалась рвота, затрудненное дыхание и пониженная температура тела. Они умирали медленно, в течение нескольких дней. К тому времени уже было известно, что отравление паракватом у человека становится причиной медленной и мучительной смерти.[53] Мы начали эту главу с разбора некоторых военных экспериментов. Вот военный эксперимент, включающий в себя тест ЛД-50.

Вивисекторы из Медицинского исследовательского института по инфекционным болезням армии США (US Army Medical Research Institute of Infectious Diseases) отравили крыс ядом T-2. Согласно Государственному департаменту, этот яд имеет «дополнительные преимущества как эффективное орудие устрашения, которое вызывает “странные и пугающие симптомы”, такие как сильное кровотечение, появление волдырей и рвота, в результате чего люди и животные могут “умереть ужасной смертью”». T-2 вводился внутримышечно, внутривенно, подкожно. Кроме того, его вводили через рот и через нос в брюшную полость, а также распыляли на коже. Цель опытов заключалась в том, чтобы определить «летальную дозу 50». Обычно смерть наступала после 9-18 часов соприкосновения с веществом, но те крысы, у которых взаимодействие с ядом происходило через кожу, умирали в среднем через 6 дней. Перед смертью животные не могли ходить и есть, у них наблюдалось нагноение кожи и кишечника, понос, беспокойство. Ученые сообщили, что их открытия «вполне соответствуют

ранее опубликованным исследованиям, которые посвящены острому и хроническому отравлению Т-2».[54]

Как показывает этот пример, тестирование проходят не только продукты, предназначенные для человеческого употребления. Животным скармливаются либо «закладываются» в глаза различные вещества – реагенты химического оружия, пестициды и все виды промышленных и бытовых товаров. Среди них – инсектициды, антифриз, тормозная жидкость, отбеливатели, спреи для новогодних елок, церковные свечи, средства для плит, дезодоранты, средства для очищения кожи, пена для ванн, депиляторы, косметика для глаз, огнетушители, чернила, средства для загара, лаки для ногтей, тушь для ресниц, лаки для волос, краски и кремы для обуви.[55]

Многие ученые и врачи критиковали этот вид тестирования и указывали, что его результаты неприменимы к людям. Доктор Кристофер Смит (Cristopher Smith), врач из Лонг-Бич (Long Beach), штат Калифорния, сказал:

«Результаты этих тестов не могут использоваться для предсказания токсичности или для терапии при отравлении людей. Как квалифицированный врач неотложной медицинской помощи, имеющий более 17 лет опыта в лечении случайных отравлений и токсических поражений, я не знаю ни одного случая, когда врач скорой помощи использовал бы результаты теста Драйза, желая вылечить поврежденный глаз. Я никогда не использовал результаты экспериментов на животных, сталкиваясь со случайными отравлениями. Выбирая оптимальный курс лечения для своих пациентов, врачи скорой помощи опираются на отчеты о конкретных случаях, клиническую практику и экспериментальные данные, полученные во время клинических испытаний на людях».[56]

Токсикологи уже давно знают, что экстраполяция с одного вида на другой – это в высшей степени рискованная авантюра. Самым известным лекарством, причинившим неожиданный вред людям, но предварительно прошедшим интенсивное тестирование на животных, стал талидомид. Даже после того, как его заподозрили в вызывании уродств у человека, во время лабораторных исследований на беременных собаках, кошках, крысах, обезьянах, хомяках, а также на курицах, никакие дефекты не проявились. Они проявились только у одной определенной породы кроликов.[57]

Если говорить о недавних примерах, то препарат опрен прошел все необходимые испытания, прежде чем появился в продаже. Его производитель, фармацевтический гигант Eli Lilly, широко рекламировал опрен как новое «чудо-лекарство» для лечения артрита. Опрен был изъят из оборота в Британии после 61 смертельного случая и 3500 сообщений об острых реакциях. По оценкам журнала «Новый ученый», реальное количество инцидентов могло быть гораздо больше.[58] Среди других лекарств, признанных безопасными после тестирования на животных, но в дальнейшем оказавшихся вредными, значится сердечный препарат практолол (он вызывал слепоту) и средство от кашля зипепрол (у некоторых пациентов, принимавших его, наблюдались эпилептические припадки, после чего они впадали в кому).[59]

Опыты на животных не только подвергают людей риску – из-за них можно упустить ценные средства, которые представляют опасность для животных, но не для людей. Инсулин может вызвать уродства у крольчат и мышат, но не у человека.[60] Морфин, который оказывает успокаивающее действие на человека, вызывает лекарственное маниакальное возбуждение у мышей. Как сказал один токсиколог, «если бы токсичность пенициллина оценивалась на морских свинках, человек бы, возможно, никогда не начал его использовать».[61]

Сейчас, после десятилетий бессмысленных экспериментов на животных, начинается пересмотр вопроса о правильности этой практики. Вот что говорит доктор Элизабет Уилан (Elizabeth Whelan), ученый и исполнительный директор Американского Совета по науке и здравоохранению (American Council on Science and Health): «Не нужна ученая степень, чтобы понять, что эксперимент, в котором грызуны получают количество сахара, эквивалентное 1800 бутылкам газировки в день, не имеет большого отношения к нескольким стаканам этого напитка, потребляемым нами ежедневно. Уилан приветствовала то, что работники Службы по защите окружающей среды (Environmental Protection Agency) недавно снизили более раннюю оценку опасности, которую несут в себе пестициды и другие вещества, попадающие в окружающую среду. При этом отмечалось, что оценка канцерогенности вещества, полученная в ходе экспериментов на животных, основывалась на упрощенных предположениях, при которых «вероятность мала». По ее словам, это означает, что «наши чиновники начинают обращать внимание на научную литературу, отрицающую безошибочность тестов на животных».[62]

Американская медицинская ассоциация (American Medical Association) тоже признала, что животные модели имеют сомнительную точность. На слушании в Конгрессе, посвященном тестированию лекарств, представитель ассоциации заявил, что «в настоящее время исследования на животных не доказывают почти ничего или вообще ничего и трудно применимы к человеку».[63]

К счастью, со времени выхода в свет первого издания этой книги был достигнут большой прогресс в том, чтобы прекратить такие эксперименты. Тогда большинство ученых не воспринимали всерьез вероятность того, что могут появиться эффективные альтернативы тестам, в ходе которых токсичность измеряется на животных. Они убедились в этом благодаря большой работе, которую проделали противники вивисекции. Среди них особое место занимал Генри Спир (Henry Spira), в прошлом борец за гражданские права; он объединил коалиции против теста Драйза и ЛД-50. Коалиция за запрет теста Драйза (Coalition to Abolish the Draize Test) начала с того, что предложила компании Revlon, как крупнейшему производителю косметики в США, потратить 0,1% своих прибылей на разработку альтернатив тесту Драйза. Когда Revlon отказалась, в «Нью-Йорк Таймс» появилась статья на всю страницу с вопросом: «Сколько кроликов Revlon ослепляет ради красоты?»[64] Люди пришли на ежегодное главное собрание в компании в костюмах кроликов.

Тогда Revlon приняла предложение и выделила требуемые средства, чтобы оплатить поиск альтернатив экспериментам на животных. Другие компании, такие как Avon и Bristol Myers, последовали этому примеру.[65] В результате работа, которую на начальном этапе в Британии проводил Фонд по замене животных в медицинских экспериментах (Fund for the

Replacement of Animals in Medical Experiments), развернулась еще более интенсивно в США, особенно в Центре альтернатив экспериментам на животных Джонса Хопкинса (Johns Hopkins Center for Alternatives to Animal Testing) в Балтиморе, штат Мэриленд. Благодаря возрастающему интересу появилось несколько новых крупных журналов, таких как «Токсикология ин витро» (In-Vitro Toxicology), «Биология и токсикология клеток» (Cell Biology and Toxicology) и «Токсикология в пробирке» (Toxicology in Vitro).

Потребовалось время, чтобы результаты этой работы проявились, но постепенно интерес к альтернативам возрастал. Такие корпорации как Avon, Bristol Myers и Procter & Gamble, начали использовать в своих собственных лабораториях альтернативы и, таким образом, сократили число животных, задействованных в опытах. К концу 1988 года перемены стали наступать быстрее. Международная кампания против Benetton, которую проводило Вашингтонское отделение организации «Люди за этическое отношение к животным» (People for the Ethical Treatment of Animals – PETA) убедила эту торговую сеть отказаться от экспериментов на животных.[66] В декабре 1988 года Noxell Corporation, производитель кремов для кожи Noxzema и косметики Cover Girl, объявила, что будет применять сканирующий тест, который заменяет от 80 до 90% животных, использующихся для офтальмологического тестирования. В дальнейшем Noxell заявила, что в первой половине 1989 года вообще не использовала животных при тестировании косметики на безопасность.[67]

Теперь движение пошло быстрее. В апреле 1989 года Avon объявила, что провела валидацию тестов, в которых используется специально разработанный синтетический материал под названием айтекс. Эти тесты заменяют тест Драйза. В результате, через 9 лет после того как Спир начал свою кампанию, Avon перестала использовать тест Драйза.[68] Но это были еще не все хорошие новости. В том же году Mary Kay Cosmetics и Amway объявили о том, что перестали использовать животных для тестирования на безопасность потребительских продуктов и пересмотрели планы для использования альтернатив.[69] В июне Avon, под давлением очередной кампании, которую проводила PETA, заявила о прекращении всех экспериментов на животных навсегда.[70] Через 10 дней после этого заявления Revlon сообщила, что закончила свой долгосрочный план по устранению вивисекции на всех стадиях исследований и потому прекращает тестировать свою продукцию на животных. Потом Faberge перестала практиковать опыты на животных в косметическом и парфюмерном бизнесе. Таким образом, в течение нескольких месяцев (пусть и благодаря многолетней работе) первая, вторая и четвертая по размеру косметические компании США отказались от всех экспериментов на животных.[71]

Наиболее радикальные перемены имели место именно в косметической промышленности, как в самой открытой и потому относительно уязвимой, но движение против вивисекции также оказывает действие и в более широких сферах промышленности. Вот что об этом говорится в докладе, напечатанном в журнале «Наука» (Science):

«Главные производители фармацевтических препаратов, пестицидов и средств бытовой химии, побуждаемые движением за права животных, в последние годы сделали важные шаги, направленные на сокращение количества особей, включенных в тесты на токсичность. Альтернативные методы, такие как эксперименты на культуре клеток и тканей и

компьютерное моделирование, все в большей степени рассматриваются не только как хороший способ пиара, но и как предпочтительные методы и с экономической, и с научной точек зрения».[72]

Далее в этом докладе приводятся слова Гэри Фламма (Gary Flamm), директора Службы токсикологических исследований Управления по контролю за пищевыми продуктами и лекарственными средствами (Food and Drug Administration Office of Toxicology Studies). Он указывает на то, что «в подавляющем большинстве случаев тест ЛД-50 должен быть заменен». Статья в «Нью-Йорк Таймс» цитирует старшего токсиколога из G.D. Searle and Company: «Многие заявления, которые делают активисты зоозащитного движения, звучат резко, но они верны».[73]

Вряд ли возникнут сомнения в том, что в результате всех этих разработок удастся избежать огромного количества боли и страданий. Какого именно – трудно сказать, но теперь прекращаются тесты, в которых в противном случае ежегодно погибали бы миллионы животных. Трагедия заключается в том, что если бы токсикологи, корпорации и контролирующие службы больше заботились о животных, которых они используют, миллионы существ были бы спасены от острой боли и смерти. Те, кто отвечает за индустрию, связанную с тестированием, действительно задумались о страданиях животных только тогда, когда движение за освобождение животных начало просвещать людей по этим вопросам. Самые жестокие и глупые вещи делаются лишь потому, что того требуют правила, и никто не трудится менять их. Например, только в 1983 году федеральные службы США заявили, что такие средства, как щелочь, аммиак и очиститель для плит, которые, как известно, являются едкими раздражителями, не нуждаются в тестировании на глазу кролика, находящегося в полном сознании.[75] Но борьба еще ни в коем случае не окончена.

Приведем еще одну цитату из журнала «Наука» от 17 апреля 1987 года:

“В ненужном тестировании все еще используется множество животных, и это связано не только с устаревшими требованиями, но и с труднодоступностью большого объема информации. Теодор М. Фарбер (Theodor M. Farber), директор Службы по защите окружающей среды США токсикологического отделения (US Environmental Protection Agency’s Toxicology Branch), заявил, что его служба имеет картотеку, в которую входят 42000 законченных теста и 16000 тестов ЛД-50. Он сказал, что их можно было бы использовать более эффективно, если бы они были компьютеризированы и, таким образом, стали бы более доступны. “Когда речь идет о регулирующей токсикологии, многие из нас снова и снова проводят одни и те же тесты”, – сказал Фарбер».

Если люди действительно захотят прекратить бесполезное использование животных и причинение им страданий, этого будет несложно добиться. Разработка полностью адекватных альтернатив всем токсикологическим тестам займет больше времени, но и это

возможно. Вместе с тем, существует простой способ сократить количество страданий, которое несут такие тесты. На первом этапе, до тех пор, пока не появятся удовлетворительные результаты, нам просто надо обходиться без новых, потенциально опасных веществ, в которых нет жизненной необходимости.

Мы склонны думать, что в медицинских исследованиях все мучений оправданы, потому что они ведут к облегчению других мучений. Но мы уже видели, что тестирование лекарственных средств скорее обусловлено желанием получить максимальную прибыль, а не принести благо. Понятие «медицинские исследования» в широком смысле может быть употреблено также для обозначения исследований, которые вызваны простым любопытством. Подобное любопытство может быть приемлемо как компонент получения знаний, но лишь при условии, что от этого никто не страдает. Его не следует допускать, если за ним стоит причинение боли. Вместе с тем, очень часто основные медицинские исследования продолжаются в течение долгого времени, но, в конце концов, оказывается, что многое из сделанного не имело смысла. В качестве иллюстрации посмотрим на следующую серию экспериментов, которая продолжалась в течение почти столетия. Они посвящены действию высоких температур на животных.

В 1880 году Х.С. Вуд (H.C. Wood) поместил животных в ящики со стеклянной крышкой и в жаркий день поставил эти ящики на кирпичный тротуар. Он использовал кроликов, голубей и кошек. Его наблюдения за кроликами типичны. При температуре 109,5° по Фаренгейту кролик прыгает и поднимает задние лапы, затем у него начинаются конвульсии. При 112° животное лежит на боку, истекая слюной. При 120° оно задыхается и стонет. А вскоре после этого умирает.[76]

В 1881 году в журнале «Ланцет» (The Lancet) появился доклад о собаках и кроликах, у которых температура была поднята до 113 градусов по Фаренгейту. Выяснилось, что смерть можно предотвратить с помощью струй прохладного воздуха, и, как указывалось, результаты показали «важность снижения температуры в случаях, когда она может слишком подняться».[77]

В 1927 году В.В. Холл (W.W. Hall) и Е.Г. Уэйкфилд (E.G. Wakefield) из Военно-морской медицинской школы США (US Naval Medical School) поместили 10 собак в жаркую и влажную камеру, чтобы вызвать тепловой удар. Поначалу животные проявляли беспокойство, дыхание у них было затруднено, веки опухали. Они испытывали сильную жажду, а у некоторых наблюдались конвульсии. Несколько собак умерли в начале эксперимента. Те, у кого не наблюдалось поноса, умерли после того, как их выпустили из камеры.[78]

В 1954 году в Медицинской школе Йельского университета (Yale University School of Medicine) М. Леннокс (M. Lennox), В. Сибли (W. Sibley) и Х. Зиммерман (H. Zimmerman) поместили 32 котенка в светотепловую камеру. «Всего котят нагревали 49 раз. Борьба наблюдалась все время, особенно при повышении температуры». В 9 случаях имели место судороги. «Постоянно приходилось сталкиваться с повторными судорогами». 30 конвульсий произошли одна за другой. Пять котят умерли в конвульсиях и шесть – без них. Остальных котят вивисекторы убили, чтобы провести вскрытие. Ученые сообщили: «В результате искусственного повышения температуры у котят были получены данные, которые

подтверждают клинические показатели у человека и электроэнцефалограммы, а также уже имеющуюся информацию, полученную на котях ранее».[79]

Эксперимент, о котором речь пойдет ниже, был выполнен в Медицинском колледже К.Г. (K.G. Medical College), в индийском городе Лакхнау, штат Уттар-Прадеш. Я включаю его сюда, чтобы привести пример того, как западные методы исследования и отношения к животным взяли верх над древней традицией индуизма с его более уважительным отношением к животным, нежели было принято в иудаизме и христианстве. В 1968 году К. Уахал (K. Wahal), А. Кумар (A. Kumar) и П. Нат (P. Nath) подвергали 46 крыс воздействию высокой температуры в течение 4 часов. Крысы становились беспокойными, дышали с трудом и активно выделяли слюну. Одно животное умерло во время эксперимента, а других убили вивисекторы, потому что «они в любом случае не смогли бы выжить».[80]

В 1969 году С. Майклсон (S. Michaelson), ветеринар из Университета Рочестера (University of Rochester), подвергал собак и кроликов воздействию микроволн до тех пор, пока температура их тел не достигала критического показателя 107° по Фаренгейту или даже выше. Он заметил, что вскоре после начала микроволнового облучения собаки начинают задыхаться. Большинство из них «проявляют растущую активность, которая варьируется от беспокойства до крайнего возбуждения». Незадолго до смерти наступает слабость и изнеможение. Когда в эксперименте участвуют кролики, не позднее, чем через 5 минут, они начинают предпринимать отчаянные попытки вырваться из клетки, а умирают в течение 40 минут». С. Майклсон пришел к выводу, что повышение температуры при помощи микроволн наносит такой же вред, «как и обычное повышение температуры».[81]

В Геллерском Институте медицинских исследований (Heller Institute of Medical Research) в Тель-Авиве в экспериментах, проведенных в 1971 году и оплаченных Службой здравоохранения США (United States Public Health Service), Т. Розенталь (T. Rosenthal), Е. Шапиро (Y. Shapiro) и другие ученые поместили 33 собаки, «которые были произвольно взяты из местного приюта», в камеру с контролируемой температурой и заставили их выполнять упражнения в специальном колесе при температуре 113° по Фаренгейту до тех пор, пока они не «начали падать от теплового удара либо пока их температура при измерении через прямую кишку не достигла определенных значений». 25 собак умерли.

Оставшихся 9 собак подвергли нагреванию до 122° , на сей раз без упражнений на колесе. Из них только две прожили более 24 часов, и вскрытие показало, что у всех имелись кровоизлияния. Вивисекторы сделали следующий вывод: «Полученные данные соответствуют тому, что сообщается в медицинской литературе о людях».[82] В следующем докладе, напечатанном в 1973 году, те же самые ученые описывают эксперименты на 53 собаках. Эти опыты включали в себя нагревание и упражнения на колесе в разных комбинациях. У шести собак наблюдалась рвота, у восьми – диарея, у четырех – конвульсии, 12 утратили мышечную координацию, и у всех усиленно выделялась слюна. Из 10 собак, у которых температура в прямой кишке достигла 113° по Фаренгейту, 5 умерли «когда прямокишечная температура достигла максимальных значений», а остальные 5 скончались в промежутке от 30 минут до 11 часов после окончания эксперимента. Вивисекторы пришли к выводу, что «чем скорее снижается температура тела пострадавшего от теплового удара, тем больше шансов на его выздоровление».[83]

В 1984 году ученые, работающие на Федеральное управление гражданской авиации (Federal Aviation Administration), заявили, что «животные иногда умирают от теплового стресса, с которым приходится сталкиваться во время перевозок в национальных транспортных системах». Они подвергли экспериментальному нагреванию 10 биглей. Собакам одели намордники и поместили в изолированные камеры, которые были нагреты до 95° по Фаренгейту в сочетании с высокой влажностью. Животным не давали пищи и воды; их продержали в этом состоянии 24 часа. За их поведением наблюдали. Оно включало преднамеренную возбужденную активность: собаки царапали стенки камеры, непрерывно бегали по кругу, запрокидывали головы в попытке сбросить намордник, терлись намордником о пол клетки и агрессивно нападали на предохранители датчиков». Некоторые собаки умерли в камерах. Когда выживших вынули из нее, у части из них наблюдалась рвота кровью, и все они были слабыми и изможденными. Вивисекторы ссылаются на «последующие опыты, в которых было задействовано более 100 биглей».[84]

В следующем примере военных экспериментов Р.В. Хаббард (R.W. Hubbard) из Исследовательского института медицины окружающей среды при армии США (US Army Research Institute of Environmental Medicine) в Натике, штат Массачусетс, в течение более 10 лет публиковал труды под названием «Крысиная модель смертности при тепловом ударе». Хорошо известно, что когда крысам жарко, они выпускают на тело слюну; слюна у них оказывает такое же охлаждающее действие, как пот у людей. В 1982 году Хаббард и двое его коллег отметили, что крысы, неспособные производить слюну, будут выделять мочу, если нет другой жидкости.[85] Поэтому в 1985 году исследователи ввели крысам лекарство атропин, которое подавляет как потоотделение, так и выделение слюны. Другим крысам удалили хирургическим путем слюнные железы. Потом вивисекторы поместили крыс в камеры с температурой 107° по Фаренгейту и ждали, пока температура их тела повысится до 108,7°. Исследователи нарисовали диаграммы, на которых сравнили «способ выделения слюны» у крысы, которой либо дали атропин, либо удалили слюнные железы, с крысой, ничего такого не перенесшей. Они обнаружили, что «крысиная модель теплового обезвоживания» служит «многообещающим инструментом, с помощью которого можно исследовать роль обезвоживания при перегреве».[86]

Я привел подробности экспериментов, которые уходят корнями еще в XIX век. При этом мне хватает места только на то чтобы включить лишь небольшую часть опубликованной информации. Данные опыты несомненно причинили огромные страдания; а самое их главное открытие, по-видимому, заключается в совете охладить пострадавшего от теплового удара. Последнее кажется элементарным здравым смыслом и в любом случае уже подтверждено при наблюдениях за людьми, которые пострадали от теплового удара в естественных условиях. Что же касается применимости этих исследований к людям, то Б.В. Звайфач (B.W. Zweifach) в 1961 году показал, что с точки зрения физиологии реакция у собак на тепловой удар отличается от реакции у людей, и поэтому они служат плохой моделью для изучения теплового удара.[87] Впрочем, и безо всяких доказательств было бы трудно поверить в то, что маленькие пушистые зверьки, накачанные атропином и выделяющие при жаре мочу, окажутся хорошей моделью.

Подобные серии экспериментов обнаруживаются и во многих других областях медицины. В нью-йоркских офисах организации «Объединенные действия в защиту животных» шкафы

для хранения документов заполнены фотокопиями экспериментов, о которых сообщалось в журналах. Каждая толстая папка содержит отчеты о многочисленных опытах, часто их по 50 или больше, а ярлыки на них говорят сами за себя: «Акселерация», «Агрессия», «Удушение», «Ослепление», «Ожоги», «Центрифуга», «Сдавливание», «Удары», «Поведение в толпе», «Раздавливание», «Декомпрессия», «Наркотические тесты», «Экспериментальный невроз», «Замораживание», «Перегрев», «Кровоизлияние», «Поражение задних ног», «Имобилизация», «Изоляция», «Множественные повреждения», «Убийство жертвы», «Лишение белка», «Наказание», «Радиация», «Голодание», «Шок», «Повреждения спинного мозга», «Стресс», «Жажда» и так далее. Некоторые из этих экспериментов, возможно, привели к каким-то успехам в медицинском познании, но ценность этого познания часто сомнительна, а в большинстве случаев необходимая информация могла быть получена другими путями. Многие из этих исследований выглядят тривиальными или дающими неверное представление, а какие-то даже не были рассчитаны на то, чтобы с их помощью извлечь пользу.

Давайте рассмотрим опыты, связанные с вызыванием шока у животных (здесь имеется в виду не электрошок, а умственное или физическое состояние шока, которое часто наблюдается после тяжелого ранения) в качестве примера того, как одни и те же или похожие эксперименты проводятся по много раз. Еще в 1946 году исследователь в этой области Магнус Греджерсен (Magnus Gregersen) из Колумбийского Университета (Columbia University) сделал обзор литературы и нашел около 800 опубликованных работ, в которых речь шла об экспериментальном изучении шока. Вот как он описывает методы, с помощью которых шок вызывался:

“ «Использование жгута на одной или более конечностях, раздавливание, сжатие, мышечные травмы, наносимые легкими ударами молотка, цилиндр Ноубла-Коллипа (устройство, в которое помещают животных, и барабан начинает вращаться; животные постоянно падают вниз барабана и получают ранения), огнестрельные ранения, зажимание кишки или кишечных петель, замораживание и ожоги».

Греджерсен отмечает, что «широко использовалось» кровопускание и что «во все большем количестве этих исследований не применяется такой осложняющий фактор как анестезия». Однако он недоволен разнообразием методов и жалуется, что их многочисленность делает «чрезвычайно затруднительной» оценку результатов, полученных разными исследователями; по его словам, существует «острая необходимость» в стандартизированных процедурах, которые бы вызывали состояние шока одинаковым путем.[88]

Спустя восемь лет ситуация изменилась незначительно. С.М. Розенталь (S.M. Rosenthal) и Р.С. Милликан (R.C. Millican) писали, что «исследования на животных в области травматического шока дают разнородные и часто противоречивые результаты». И, подобно Греджерсену, они не одобряли использование анестезии: «Влияние анестезии вносит неясность... и, по мнению рецензентов, длительного обезболивания желательно избегать».

Они также рекомендовали «использовать адекватное количество животных, чтобы преодолеть биологические расхождения».[89]

В 1974 году ученые все еще работали на «животных моделях» экспериментального шока, все еще проводили предварительные эксперименты, чтобы выявить, какие надо наносить повреждения для создания «стандартного» удовлетворительного состояния шока. После того как в течение десятилетий разрабатывались исследования по продуцированию шока у собак (для этого у них вызывали кровотечения), более поздние опыты показали, что (подумать только!) у собаки шок, вызванный кровопотерей, отличается от такового у человека. Исследователи из Университета Рочестера приняли во внимание эти данные и вызвали кровотечение у свиней, чтобы выявить, какой объем потерянной крови оптимален для создания экспериментального шока (ученые решили, что в этом отношении свиньи в большей степени, чем собаки, похожи на людей).[90]

Ежегодно также выполняются сотни экспериментов, в ходе которых у животных вызывают наркотическую зависимость. Только с одним кокаином было проведено более 500 исследований. Анализ только 380 из них показал, что они стоили около 100 миллионов долларов; большая часть этих средств – налоговые сборы.[91] Вот пример. В лаборатории Даунстейтского медицинского центра (Downstate Medical Center), которым заправлял Джеральд Дено (Gerald Deneau), макаки-резус были прикованы к стульям. Их научили самим себе вводить кокаин непосредственно в кровоток в желаемом количестве; для этого надо было нажать на кнопку. Согласно одному отчету, «подопытные обезьяны вновь и вновь нажимали на кнопку, даже после судорог. Они обходились без сна. Они съедали такое количество пищи, которое в пять или шесть раз превышало норму, но становились все более истощенными... В какой-то момент они начали увечить сами себя и, в конце концов, умерли от злоупотребления кокаином».

При этом Доктор Дено признал, что «мало кто из людей смог бы позволить себе дозы кокаина, которые имели возможность получать эти обезьяны».[92]

Несмотря на то, что было проведено около 500 экспериментов на животных с использованием кокаина, это всего лишь небольшая часть от общего числа опытов, в которых животных превращают в наркоманов. В первом издании книги я сообщал о схожей серии экспериментов, связанных с выработкой зависимости, в которых использовались морфин и амфетамины. Вот более или менее недавние примеры.

В Университете Кентукки у биглей наблюдались симптомы, которые возникают при отказе от валиума и сходного с ним транквилизатора под названием лоразепам. Ученые вырабатывали у собак зависимость от лекарства, после чего раз в две недели не давали этот препарат. Из симптомов отмечались судороги, дрожь, непрерывные припадки, быстрая потеря массы тела, страх и съеживание. Через 40 часов после неполучения валиума «у семи собак из девяти наблюдались тоническо-клонические судороги... У двух собак были повторные случаи клонических припадков по всему телу». Четыре собаки умерли: две – во время конвульсий, а еще две – после быстрой потери веса. Лоразепам вызывал сходные симптомы, но от него не было смерти в судорогах.

Д.М. Грилли (D.M. Grilly) и Г.С. Гованз (G.C. Gowans) из Кливлендского государственного университета (Cleveland State University) сделали обзор экспериментов, сделанных начиная с 1931 года, в ходе которых симптом изъятия барбитуратов и транквилизаторов наблюдался у крыс, кошек, собак и приматов[93]. Обзор показал, что «эффекты, напоминающие ломку, у некоторых видов могут наблюдаться после разового введения наркотиков опиумной группы». Среди таких видов – собаки, мыши, обезьяны и крысы. После этого обзора ученые решили проверить предположение, согласно которому отказ от морфина вызывает сверхчувствительность к боли. Крыс тренировали с помощью процедуры, которая включала в себя в среднем 6387 обучающих испытания на «установление различий при ударах». В этих испытаниях крысам надо было реагировать на получение электрошока. Потом животным кололи морфин и подвергали ударам током один, три и семь дней после введения препарата. Вивисекторы отметили, что чувствительность к ударам возрастала в дни, следовавшие непосредственно за введением морфина.[94]

Вот еще более странный пример того, как исследовались наркотики.

В Калифорнийском Университете в Лос-Анджелесе Рональд Сиджел (Ronald Siegel) приковал двух слонов к сараю. Самка использовалась в дальномерных тестах, чтобы «определить процедуры и дозировки для приема ЛСД». Ей давали наркотик перорально и с помощью пистолета, стреляющего дротиками. Потом ученые начали давать наркотик обоим слонам каждый день и наблюдали за их поведением. Из-за высоких доз галлюциногена самка упала на бок, в течение часа у нее наблюдались дрожь и затрудненное дыхание. А самец из-за высоких доз стал агрессивным и начал нападать на Сиджела. Последний назвал такое агрессивное поведение «неуместным».

Мой последний эпизод в этом мрачном рассказе об опытах с наркотиками, по крайней мере, имеет счастливый конец. Исследователи из Медицинского колледжа Корнелльского университета (Cornell University Medical College) вводили кошкам большие дозы барбитуратов через трубки, которые были имплантированы в их желудки хирургическим путем. Вот описание симптомов при изъятии препарата:

“ «Некоторые не могли стоять... У «распластавшихся» животных наблюдались самые ярко выраженные признаки абстиненции и наиболее частые судороги, напоминающие эпилептические. Почти все животные умерли во время или вскоре после продолжительных конвульсий... Нередко в те периоды, когда другие признаки абстиненции были выражены особенно интенсивно, наблюдалось учащенное или затрудненное дыхание. В периоды наибольшей слабости, особенно после сильных судорог и перед смертью, отмечалось снижение температуры тела».[96]

Эти эксперименты начались в 1975 году. Несмотря на то, что злоупотребление барбитуратами стало серьезной проблемой несколькими годами раньше, к тому времени использование барбитуратов строго ограничили, и злоупотребление ими снизилось. С тех

самых пор этот показатель постоянно снижается. Тем не менее, эксперименты на кошках в Корнелльском университете продолжались в течение 14 лет. Потом, в 1987 году организация за права животных «Все виды без границ» (Trans-Species Unlimited), основанная в Пенсильвании, собрала об этих опытах всю информацию, какую удалось найти, и начала кампанию за их прекращение. В течение четырех месяцев неравнодушные люди проводили пикеты возле лаборатории, в которой проводились эксперименты на кошках, и писали письма в финансирующие органы, в СМИ, в университет и законодателям. В конце 1988 года, после продолжительного отстаивания этих экспериментов Корнелльский университет и Мишико Окамото (Michiko Okamoto), ученый, проводивший эти исследования, написали финансирующей организации – Национальному Институту злоупотребления наркотиками (National Institute on Drug Abuse) – что они вернут грант на 530000 долларов, который получили для проведения экспериментов в течение следующих трех лет.[97]

Как такие вещи могут происходить? Как могут люди, не являющиеся садистами, в свои рабочие дни доводить обезьян до пожизненной депрессии, перегреть собак до смерти и превращать кошек в наркоманов? Как они после этого могут снимать белые халаты, мыть руки, возвращаться допой и ужинать с семьей? Как могут налогоплательщики допускать, чтобы средства использовались для поддержки этих экспериментов? Почему студенты протестуют против несправедливости, дискриминации и разного рода насилия, пусть даже все это происходит очень далеко от дома, но при этом игнорируют жестокость, которая имеет место на территории их университетов?

Ответы на эти вопросы заключаются в неоспоримом принятии спесишизма. По отношению к представителям других видов мы допускаем зверства, которые бы вызвали у нас гнев, если бы речь шла о нашем собственном виде. Спесишизм дает возможность вивисекторам рассматривать животных скорее как инвентарь, лабораторные инструменты, а не как живых, страдающих существ. Когда подается заявление на грант в правительственные финансирующие органы, животные в нем указываются среди «принадлежностей», наряду с пробирками и записывающим оборудованием.

Помимо общего спесишистского мировоззрения, которое характерно как для вивисекторов, так и для других людей, некоторые особые факторы способствуют проведению описанных выше экспериментов. Прежде всего, общество до сих пор глубоко уважает ученых. Невзирая на то, что появление ядерного оружия и загрязнение окружающей среды заставили нас осознать, что наука и технология не настолько полезны, как может показаться с первого взгляда, многие до сих пор склонны благоговеть перед людьми, которые носят белые халаты и имеют ученую степень. В известной серии экспериментов Стэнли Милграм (Stanley Milgram), гарвардский психолог, показал, что обычные люди готовы выполнять указания человека в белом халате, приказывающего наносить видимые электрические удары участнику эксперимента в качестве наказания за то, что он не отвечает на вопросы правильно. Разумеется, испытуемых вводили в заблуждение относительно причинения страданий человеку, но здесь важен сам факт. И они продолжали «причинять страдания» даже тогда, когда человек кричал и притворялся, что испытывает сильную боль.[98] Если такое может произойти даже тогда, когда участники считают, что делают больно человеку, то насколько проще студентам откинуть в сторону первоначальные сомнения, когда профессора приказывают им проводить эксперименты на животных? Элис Хейм правильно

назвала это «идеологической обработкой студента», которая начинается с препарирования лягушки на занятиях по биологии. Когда будущие медики, психологи и ветеринары приходят в университет и обнаруживают, что для окончания выбранного ими курса необходимо ставить опыты на живых созданиях, им бывает трудно отказаться. Особенно это бывает проблематично, когда они знают, что то, о чем их просят, является стандартной практикой. Студенты, которые отказываются участвовать в таких занятиях, получают плохие оценки за курс и часто вынуждены оставить обучение.

Требование подчиняться правилам не ослабевает и после получения дипломов. Если они решают получить ученую степень в сфере, в которой распространенной практикой являются опыты на животных, их будут подталкивать к разработке собственных экспериментов и к подробному описанию этих исследований в диссертации. Естественно, если студенты получают образование подобным образом, то, став профессорами, будут аналогичным образом обучать собственных студентов. Особенно показательно свидетельство Роджера Ульриха (Roger Ulrich), бывшего вивисектора, который отказался от своих воззрений и сейчас признает, что причинил годы мучений самым разным животным, от крыс до обезьян. В 1977 году журнал «Монитор» (Monitor), издаваемый Американской психологической ассоциацией, сообщил, что эксперименты по изучению агрессии, проведенные Ульрихом, были выбраны для подкомиссии в Конгрессе в качестве примера негуманного исследования. К удивлению критиковавших его противников вивисекции и, несомненно, редактора «Монитора», Ульрих заявил в ответ, что критика «воодушевила» его, и добавил:

“«Первоначально мое исследование обуславливалось желанием понять и, по возможности, решить проблему человеческой агрессии. Но позже я обнаружил, что результаты моей работы, по-видимому, не оправдывают ее продолжения. Вместо этого я задумался над тем, не служат ли сдерживающим фактором для науки финансовые награды, профессиональный престиж, возможность путешествовать и т.д., и не мы ли, ученые (которых поддерживает наша бюрократическая и законодательная системой), являемся частью проблемы».[99]

Дональд Барнс, как мы видели, аналогичным образом изменил свое отношение к работе, заключавшейся в облучении радиацией дрессированных обезьян для Военно-воздушных сил США. Он назвал процесс, который описывал Ульрих, «отвечающей требованиям этической слепотой». Иными словами, крыса может научиться нажимать на рычаг в обмен на пищу, а человек точно так же может приворожиться профессиональными наградами и потому игнорировать этические вопросы, которые встают при проведения опытов на животных. Как говорит Барнс,

“«я представлял собой типичный пример того, что называю “отвечающая требованиям этическая слепота”. Вся моя жизнь состояла из награждений за использование животных, за то, что я обращался с ними как со

средствами для человеческого совершенствования или развлечения... За те шестнадцать лет, что я провел в лаборатории, вопросы морали и этики использования лабораторных животных ни разу не поднимались ни на формальных, ни на неформальных собраниях до тех пор, пока я не заговорил о них на исходе моих дней в качестве вивисектора».[100]

От отвечающей требованиям этической слепоты страдают не только вивисекторы. Иногда исследовательские институты сообщают критикам, что для присмотра за животными они берут ветеринара. Предполагается, что такие заявления должны успокоить людей, так как, согласно распространенному мнению, ветеринары – это люди, которые заботятся о животных и никогда не допустят ненужных страданий. К сожалению, это не так. Несомненно, многие ветеринары выбрали эту профессию из-за любви к животным, но людям, которые действительно равнодушно относятся к братьям меньшим, трудно пройти курс обучения ветеринарной медицины и при этом не притупить свою чуткость к страданиям. Те, кто любит их больше всего, возможно, не смогут закончить обучение. Вот что один бывший студент-ветеринар написал в зоозащитную организацию: «Мечта и цель всей моей жизни стать ветеринаром рассеялась после нескольких травмирующих случаев. Речь шла о стандартных экспериментальных процедурах, которые использовали бесстрастные преподаватели в подготовительной ветеринарной школе при моем университете. Они считали совершенно допустимым экспериментировать со всеми теми животными и убивать их, а я почувствовал, что это идет вразрез с моим моральным кодексом. После многочисленных конфликтов с этими бессердечными вивисекторами я с сожалением решил выбрать другую профессию».[101]

В 1966 году были предприняты попытки ввести закон для защиты лабораторных животных, и тогда Американская ассоциация ветеринарной медицины (American Veterinary Medical Association) заявила комитетам Конгресса, что хоть эти меры и помогают остановить кражу домашних любимцев для последующей продажи их в лаборатории, они затрудняют лицензирование и регулирование исследовательских служб, тогда как это может помешать исследованиям. Основная установка профессии ветеринара была выражена в одной из статей в «Журнале Американской Ассоциации ветеринарной медицины» (Journal of the American Veterinary Association): «Сущность ветеринарии заключается в достижении максимального благополучия человека, а не низших животных».[102] После осознания этого характерного примера вряд ли кто-то удивился бы тому, что ветеринары входили в состав экспериментальных бригад, которые проводили многие опыты, описанные в этой главе. Только для одного примера вернемся к эксперименту с Платформой равновесия для приматов, который включал в себя соприкосновение с нервно-паралитическим газом зоманом. В докладе, из которого было взято это описание эксперимента, указывается следующее: «Повседневный уход за животными осуществлял отдел ветеринарной науки Школы аэрокосмической медицины при Вооруженных силах США».

По всей Америке ветеринары обеспечивают «повседневный уход» за теми животными, которые бессмысленно эксплуатируются. В этом ли заключается профессия ветеринара? (недавно появилась надежда, потому что теперь существует новая организация ветеринаров, ставящая целью поддерживать тех врачей и студентов, которых беспокоит

этика отношения к животным).[103]

Когда какая-то модель экспериментирования на животных становится признанным методом исследования в определенной сфере, бывает трудно нарушить этот самоподдерживающийся процесс. Движущим механизмом для опытов на животных становятся не только публикации и повышения в должности, но еще и премии и гранты, которыми финансируются исследования. Администраторы фондов будут готовы поддержать заявку на новый эксперимент с животными, если они в прошлом уже финансировали их. Новые методы без использования животных кажутся им менее знакомыми, и поэтому шансы на получение поддержки здесь меньше.

Все это помогает объяснить, почему людям, не работающим в университетах, не всегда бывает просто понять основную причину, по которой в них проводятся исследования. Возможно, изначально ученые ставили целью только решить самые важные проблемы и не поддавались влиянию других соображений. Нет сомнения, что для некоторых и поныне именно эти интересы служат мотивацией. Вместе с тем, академические исследования очень часто вязнут в мелких и незначительных деталях из-за того, что важные области уже изучены, и в настоящий момент существенные вопросы либо решены, либо слишком трудны для решения. Поэтому ученые отходят от хорошо исследованных областей в поисках новой территории, где любое открытие станет новым, несмотря на то, утратится ли при этом связь с главной проблемой. Как мы убедились, вивисекторы нередко признают, что аналогичные эксперименты с теми или иными незначительными изменениями уже выполнялись ранее по много раз; а научная публикация чаще всего заканчивается словами: «Требуется дальнейшее исследование».

Когда мы читаем отчеты об экспериментах, которые причинили боль, но, по всей видимости, даже не были рассчитаны на получение действительно важных результатов, поначалу мы склонны думать, что тут делается нечто большее, что-то превосходящее наше понимание. Нам кажется, что у ученых должны быть более весомые причины делать это, нежели то, что указывается в докладах. Когда я описываю людям подобные эксперименты или привожу цитаты из опубликованных работ исследователей, самые частые реакции, с которыми мне приходится сталкиваться, это озадаченность и скептицизм. Но когда мы исследуем этот вопрос более глубоко, выясняется, что цели опытов, кажущиеся ничтожными на поверхности, очень часто на самом деле тривиальны. Часто это неофициально признают даже сами вивисекторы. Х.Ф. Харлоу, чьи эксперименты мы рассматривали в начале этой главы, в течение 20 лет был редактором Журнала сравнительной и физиологической патологии (Journal of Comparative and Physiological Psychology). В нем публиковалось больше, чем где-либо еще, докладов о болезненных экспериментах на животных. К концу периода (за который, по оценкам Харлоу, он рецензировал около 2500 рукописей, представленных к публикации), ученый написал в полушуточной прощальной заметке, что «большая часть экспериментов не стоила выполнения, а полученные данные не стоили публикации».[104]

Это не должно удивлять нас. Исследователи, даже те, кто работает в области психологии, медицины и биологии – это люди, и они подвержены влиянию в той же степени, что и все остальные. Им нравится строить карьеру, получать повышение по службе, им хочется, чтобы коллеги читали и обсуждали их работы. Опубликованные труды в соответствующих

журналах – это важный атрибут для подъема по служебной лестнице и повышения статуса. Так происходит во всех сферах – в философии и истории в той же мере, что в психологии и медицине. Это совершенно понятно и само по себе вряд ли заслуживает критики. Философы и историки, которые публикуют свои труды ради карьеры, приносят мало вреда, за исключением траты бумаги и надоедания своим коллегам; те же, чья работа включает эксперименты на животных, могут причинять острую боль и длительные страдания. Поэтому их работа должна ограничиваться гораздо более строгими правилами, в основе которых лежит необходимость.

В США, Британии и во всех других странах, где правительственные службы поддерживают исследовательскую деятельность в области биологических наук, эти службы стали основными сторонниками вивисекции. Действительно, подавляющее большинство опытов, описанных в этой главе, были оплачены из налоговых бюджетов. Многие из этих служб оплачивают эксперименты, имеющие самую отдаленную связь с целями, ради которых данные органы учреждены. На предыдущих страницах я описал исследования, профинансированные Национальным Институтом Здравоохранения США (United States National Institute of Health), Администрацией по злоупотреблению алкоголем, наркотиками и по душевному здоровью (Alcohol, Drug Abuse and Mental Health Administration), Федеральным управлением авиации (Federal Aviation Administration), Министерством обороны (Defense Department), Национальным фондом науки (National Science Foundation), Национальным управлением аэронавтики и космоса (National Aeronautics and Space Administration) и т.д. Сложно понять, почему армия США должна платить за исследование, в котором перегретые и накачанные наркотиками крысы выделяют мочу или почему Минздрав хочет распределить деньги так, чтобы слонам можно было дать ЛСД.

Эти эксперименты финансируются из правительственных служб, и поэтому вряд ли необходимо добавлять, что не существует закона, не дающего ученым проводить все эти опыты. Имеются законы, согласно которым обычный человек не может забивать свою собаку до смерти, но в США ученые могут делать то же самое безнаказанно. И никто не проверит, принесет ли это избиение пользу (которая отсутствует, когда собаку просто бьют в быту). Причина заключается в том, что весомость и престиж науки при поддержке различных заинтересованных сторон (в том числе и тех, кто разводит животных на продажу в лаборатории) оказываются достаточными факторами для того, чтобы прекратить попытки осуществления эффективного юридического контроля.

Роберт Дж. Уайт (Robert J. White) из Главной больницы Кливленда Метрополитен (Cleveland Metropolitan General Hospital) – вивисектор, который специализировался на пересадке голов обезьян и поддержании этих голов в живом состоянии в жидкости после того, как они полностью отсоединились от тела. Он служит идеальным примером ученого, который относится к лабораторному животному как к «инструменту для исследования». Более того, он сам сказал, что основная цель его работы с обезглавленными обезьянами заключается в том, чтобы «предложить живой лабораторный инструмент» для мозговых исследований. Репортер, которому он сделал это заявление, описывает свой визит в его лабораторию как «необычный и леденящий душу взгляд в холодный клинический мир ученого, где единственный смысл жизни животного – это немедленная цель эксперимента».[105]

С точки зрения Уайта, включение животных в нашу этическую систему не имеет смысла с философской точки зрения и невозможно с практической».[106] Другими словами, он не ощущал никаких этических ограничений в отношении того, что он делает с животными. Поэтому неудивительно, что другой репортер, берущий у него интервью, обнаружил, что Уайт «раздражается из-за инструкций, будь они от администрации больницы или от страховщиков. «Я элитист», – сказал ученый. Врачами должны управлять их коллеги, добавил он.[107]

Другим активным противником правительственных правил стал Дэвид Балтимор (David Baltimore), профессор Массачусетского технологического института (Massachusetts Institute of Technology) и лауреат Нобелевской премии. В недавнем обращении к национальному собранию Американской Ассоциации по продвижению науки (American Association for the Advancement of Science) он рассказал о «долгих часах», которые он и его коллеги провели в борьбе с установлением правил исследований.[108] Причина, по которой Балтимор выступал против правил, выяснилась несколькими годами ранее, когда он стал героем телевизионной программы вместе с гарвардским философом Робертом Нозиком (Robert Nozick) и другими учеными. Нозик спросил ученых, оказывается ли иногда количество животных, которым предстоит погибнуть в эксперименте, основанием для отказа от него. Один из ученых ответил: «Насколько я знаю, нет». Нозик настойчиво допытывался: «Неужели животные вообще ничего не значат?» Ученый сказал в ответ: «А почему они вообще должны что-то значить?» В этот момент Балтимор перебил его и заметил, что, на его взгляд, «эксперименты на животных вообще не поднимают никаких моральных вопросов».[109]

Люди, подобные Уайту и Балтимору могут быть отличными учеными, но их высказывания о животных свидетельствуют об их философском невежестве. Я не знаю ни одного современного профессионального философа, который не согласился бы с тем, что включать животных в нашу этическую систему «бессмысленно» или «невозможно», или что опыты на животных не ставят перед нами моральных вопросов. С точки зрения философии, такие утверждения сравнимы с заявлением о том, что земля плоская.

До сих пор американские ученые проявляют исключительное упорство в отказе от общественного контроля за тем, что они делают с животными. Они смогли уничтожить даже минимальные требования, защищающие животных от страданий во время экспериментов. В США единственным федеральным законом, регулирующим эту деятельность, является Акт о благополучии животных. Он устанавливает стандарты транспортировки животных, их содержания и обращения с ними и касается домашних любимцев, а также животных, предназначенных для лабораторных исследований. Если же говорить непосредственно об экспериментах, то акт дает вивисектору право делать все, что захочется. Это сделано специально: когда этот закон принимался, Комитет по согласованию расхождений при Конгрессе США (US Congress Conference Committee) дал следующее объяснение:

“ «Чтобы обеспечить защиту исследователю в этом вопросе, все правила в отношении животных во время непосредственного исследования или экспериментирования снимаются. Комитет не имеет намерения каким-либо

Один из разделов закона требует, чтобы частные предприятия и другие организации, отмеченные в этом законе (правительственные службы, проводящие исследования, и многие более мелкие организации не должны регистрироваться) подавали отчеты, указывающие, что при выполнении болезненных экспериментов без использования анестезирующих средств это было необходимо для достижения целей данного исследовательского проекта. При этом никем не предпринималось попыток выяснить, насколько важны эти цели и оправдывали ли они причинение боли. В данных обстоятельствах требование влечет за собой всего лишь дополнительную работу с бумагами, и именно это является главной жалобой вивисекторов. Конечно, они не могут давать собакам длительные удары электротоком, вызывающие состояние беспомощности, если сделают им анестезию. И депрессию у обезьян не получится вызвать, если при этом одновременно с помощью лекарств вызвать у них счастливое состояние или забытие. Поэтому в подобных случаях ученые могут честно сказать, что с использованием обезболивающих средств цель эксперимента не может быть достигнута, после чего ничто не мешает им продолжать практиковать эти опыты так же, как до появления вышеупомянутого акта.

Поэтому нас не должно удивить, например, то, что доклад об эксперименте с Платформой равновесия для приматов, в котором использовался зоман, предваряется следующим заявлением:

“ «Животные, использовавшиеся в этом исследовании, были предоставлены, содержались и использовались в соответствии с Актом о благополучии животных и «Руководством по уходу за лабораторными животными и их использованию» (Guide for the Care and Use of Laboratory Animals), которое было подготовлено Институтом лабораторных животных при Национальном исследовательском совете (National Research Council's Institute of Laboratory Animal Resources)».

Аналогичное заявление мы читаем в обучающем руководстве к ПРП, выпущенном Брукской военно-воздушной базой, в докладе о «колесе активности» для приматов, выпущенном Радиобиологическим исследовательским институтом при вооруженных силах и во многих других недавних американских публикациях, которые я процитировал. Это утверждение ничего не говорит о том, сколько страдали животные, и о том, насколько банальна была цель эксперимента. Однако оно нам многое рассказывает о ценности Акта о благополучии животных и «Руководства по уходу за лабораторными животными и их использованию».

Полное отсутствие эффективных правил в США составляет резкий контраст с ситуацией во многих других развитых странах. Например, в Британии никакой эксперимент не может быть проведен без лицензии, которую выдает государственный секретарь внутренних дел, а Акт о животных (о научных процедурах) (Animals (Scientific Procedures) Act) 1986 года прямо

указывает, что, принимая решение о выдаче лицензии, «государственный секретарь сравнивает предполагаемое вредное воздействие на животных с ожидаемой пользой». В Австралии Кодекс практики (Code of Practice), разработанный ведущими правительственными научными органами (которые эквивалентны Национальным Институтам Здравоохранения в США (Institutes of Health)) требует, чтобы все эксперименты были одобрены Этическим комитетом по экспериментам на животных (Animal Experimentation Ethics Committee). Каждый такой комитет должен включать человека, который не работает в заведении, проводящем эксперимент, а также дополнительного независимого человека, который не задействован в экспериментах на животных. Комитет должен использовать подробный набор принципов и условий, среди которых имеется указание сравнить научную или образовательную ценность эксперимента с тем, как он может повлиять на благополучие животных. Кроме того, необходимо использовать анестезию в случае, если «эксперимент приносит такую боль, при которой в обычной медицинской или ветеринарной практике применяется обезбоживание». Австралийский Кодекс практики относится ко всем исследователям, получающим правительственные гранты, и действия всех вивисекторов из Виктории, Нового Южного Уэльса и Южной Австралии ограничиваются государственным законом.[111] Швеция также требует, чтобы эксперименты были одобрены комитетами, в которые входят неспециалисты. В 1986 году, после обзора законов Австралии, Канады, Японии, Дании, Германии, Нидерландов, Норвегии, Швеции, Швейцарии и Великобритании Служба технологической оценки при Конгрессе США сделала следующий вывод:

“ «В большинстве стран, рассмотренных с точки зрения этого показателя, законы защищают экспериментальных животных гораздо лучше, чем в США. Несмотря на эту защиту, люди, борющиеся за благополучие животных, активно настаивают на принятии еще более строгих законов, и многие страны, в том числе Австралия, Швейцария, Западная Германия и Соединенное Королевство, задумываются о значительных изменениях».[112]

Уже после того, как было сделано это заявление, более строгие законы появились в Австралии и Великобритании.

Я надеюсь, что это сравнение не будет понято неправильно. Оно не ставит целью показать, что в странах вроде Соединенного Королевства и Австралии все хорошо с экспериментами на животных. Это было бы далеко от правды. В этих странах «балансирование» между возможной пользой и причинением вреда животным по-прежнему происходит в условиях, когда поддерживается спесиистское отношение к животным. Таким образом, их интересы не могут учитываться наравне с интересами человека. Я сравнил ситуацию в США с ситуацией в некоторых других странах только для того, чтобы показать, что американские стандарты по этому вопросу ужасны не только с позиции зоозащитников, но и согласно нормам научных сообществ, существующих в других странах. Ученым США было бы полезно взглянуть на себя глазами коллег из других стран. Когда я бываю на медицинских и научных конференциях в Европе и Австралии, меня часто отводят в сторону ученые. Они

говорят мне, что, возможно, они не согласны со всеми моими взглядами по поводу вивисекции, но потом с ужасом в голосе рассказывают мне, что видели во время своей последней поездки в США. Неудивительно, что в уважаемом британском научном журнале «Новый ученый» один из авторов недавно описал США как «страну, которая кажется нацией варваров, если судить по ее законодательству в том, что касается защиты животных».[113] Раньше США отставали от цивилизованного мира в том, что касалось запрета рабства, а теперь – в том, чтобы облегчить положение животных-узников.

Незначительные поправки к Акту о благополучии животных США были сделаны в 1985 году. Они ужесточили требования, касающиеся выгула собак и условий содержания приматов, но в них не удалось решить самую насущную проблему, а именно вопрос о контроле над тем, что происходит во время эксперимента. Поправки были внесены институциональными комитетами по животным, но до тех пор, пока процедура проведения опытов без вмешательства остается неизменной, эти комитеты не могут влиять на то, что происходит во время экспериментов.[114]

В любом случае, невзирая на то, что Акт о благополучии животных был принят более 20 лет назад, он не оказывает практически никакого давления на вивисекторов. Для начала, министр сельского хозяйства вообще не устанавливал правила, которые бы распространяли действия этого закона на мышей, крыс, птиц и сельскохозяйственных животных, используемых в исследованиях. Это предположительно связано с тем, что Министерство сельского хозяйства не располагает достаточным числом инспекторов даже для того, чтобы наблюдать за условиями содержания таких животных, как собаки, кошки и обезьяны, не говоря уже о птицах, крысах, мышах и сельскохозяйственных животных. Вот что заявила Служба технологической оценки: «...средства и персонал, отвечающий за осуществление закона, никогда не соответствовали ожиданиям тех, кто считает, что главной задачей имеющегося закона является предотвращение и облегчение страданий подопытных животных». Служба проверила один список, в котором значились 112 организаций, проводящих эксперименты на животных, и выяснила, что 39% процентов из них не были даже зарегистрированы в том отделе Министерства сельского хозяйства, который инспектирует лаборатории. Более того, доклад службы указывает, что это был, возможно, скромный подсчет по сравнению с реальным числом незарегистрированных лабораторий, которые вообще не контролируются.[115]

В настоящее время регулирование экспериментов на животных в США является продолжающимся фарсом: существует закон, который, на первый взгляд, относится ко всем теплокровным лабораторным животным, но привести в действие его можно только с помощью правил, которые, по словам Службы технологической оценки, «возможно, не относятся к значительной части животных, используемых в экспериментах». Далее служба указывает, что исключение многих видов из сферы, затрагиваемой законом, «по-видимому, нарушает намерение Конгресса и находится вне установленной власти Министра сельского хозяйства».[116] Это очень резкие слова для обычно сдержанной Службы технологической оценки. Но и через три года ничего не было сделано для изменения ситуации.

Действительно, в 1988 году комиссия из лучших американских ученых рассматривала, но не приняла рекомендацию, распространявшую действие правил на всех теплокровных. Отказ

никак не объяснялся. Это служит очередным примером того, насколько американские ученые препятствуют тому, чтобы внести самые элементарные улучшения в условия содержания лабораторных животных.[117]

Итак, нет признаков окончания фарса. Проблема в том, что это решительно не смешно. Нет оснований считать, что мыши и крысы менее чувствительны к боли и страданиям или меньше нуждаются в элементарных правилах содержания и транспортировки, чем морские свинки, хомяки, кролики и многие другие животные.

Вплоть до данного момента при описании опытов в данной главе я ограничивался резюмированием докладов, которые были написаны самими вивисекторами и опубликованы в научных журналах. Такие свидетельства нельзя считать преувеличениями. Но в связи с тем, что адекватный контроль или инспектирование происходящего во время экспериментов, полностью отсутствуют, реальность часто оказывается хуже опубликованных отчетов. Это стало ясно в 1984 году по опытам, которые проводил Томас Дженнарелли (Thomas Gennarelli) в Университете Пенсильвании. Целью эксперимента было наносить травмы головы обезьянам, а потом изучать характер повреждений мозга. Согласно официальным документам, поданным для получения гранта, обезьяны должны были быть анестезированы. Таким образом, казалось, что эти эксперименты не влекут страданий. Но члены одной из групп Фронта освобождения животных (Animal Liberation Front) имели другую информацию. Они также выяснили, что Дженнарелли заснял свои эксперименты на видео. Группа проникла в лабораторию и выкрала видеокассеты. На пленке были бабуины, не получившие никакой анестезии и находящиеся в сознании. Они сопротивлялись, когда их привязывали, чтобы нанести ранения головы. Животные корчились от боли, действие наркоза, судя по всему, закончилось в процессе того, как хирурги оперировали их на открытом мозге. Кроме того, слышно, как экспериментаторы передразнивают испуганных, страдающих животных и смеются над ними. Эти видеозаписи оказались настолько шокирующими, что министр здравоохранения и социального обеспечения прекратил финансировать Дженнарелли, хотя для достижения этого результата Вашингтонскому отделению PETA и сотням сторонних зоозащитников в течение года потребовалось проводить большую работу.[118] После этого достоянием гласности стали и другие примеры. Обычно это происходило благодаря какому-нибудь работнику лаборатории, который начинал бить в колокола ценой потери рабочего места. Например, в 1986 году Лесли Фейн (Leslie Fain), зоотехник из экспериментальной лаборатории компании Gillette в Роквилле, штат Мэриленд, уволилась с работы и передала зоозащитникам фотографии, которые были сделаны в лаборатории. На снимках было видно, как Gillette тестирует новые формулы розовых и коричневых чернил для ручек Paper Mate, заливая их в глаза кроликам, находящимся в полном сознании. Оказалось, что чернила имеют очень раздражающее действие, и у некоторых кроликов они вызвали кровотечение из глаз.[119] Остается только догадываться, в скольких лабораториях с животными обращаются подобным образом, но ни у кого так и не хватило смелости предпринять что-то по этому поводу.

Имеют ли эксперименты на животных оправдание? Когда некоторые люди узнают о природе многих опытов, они говорят, что все подобные исследования должны быть немедленно запрещены. Но если мы станем выдвигать такие категоричные требования, вивисекторы вынут из-за пазухи давно заготовленный козырь: «Готовы ли мы обречь на смерть миллионы

людей, при том, что их может спасти один-единственный эксперимент на животном?»

Конечно, это вопрос чисто гипотетический. Никогда не было и не могло быть одного-единственного эксперимента, который мог бы спасти тысячи жизней. В ответ на этот гипотетический вопрос можно задать другой: «Готовы ли вивисекторы провести свой эксперимент на ребенке-сироте младше 6 месяцев, если это единственный способ спасти тысячи жизней?» Если экспериментаторы не готовы использовать человеческого младенца, то их согласие использовать не-людей означает неоправданную форму дискриминации по видовому признаку, потому что взрослые человекообразные обезьяны, мартышки, собаки, кошки, крысы и другие животные больше, чем человеческий младенец, осознают происходящее с ними, более самостоятельны и, насколько нам известно, так же чувствуют боль. Я указал, что младенец должен быть сиротой, чтобы избежать проблем с чувствами родителей. В любом случае, уточнение данной детали – это большая уступка по отношению к тем, кто защищает использование не-людей в экспериментах, потому что млекопитающих, предназначенных для опытов, обычно отрывают от родителей в раннем возрасте, когда разлучение вызывает страдания и у матери, и у детеныша. Насколько мы знаем, человеческие младенцы не обладают ни одной значимой с моральной точки зрения характеристикой в большей мере, чем взрослые не-люди, если только мы не станем рассматривать потенциал младенца как ту характеристику, из-за которой экспериментирование на нем становится злом. Следует ли принимать во внимание данную характеристику – вопрос сложный. Если мы учитываем ее, то, наряду с экспериментами на младенцах, нам придется осудить аборты, потому что возможности у эмбриона и у новорожденного младенца одинаковые. Но чтобы избежать сложностей, нам надо немного изменить первоначальную постановку вопроса и предположить, что младенец обладает необратимым повреждением головного мозга. Этот порок настолько силен, что при нем умственное развитие не может выйти за уровень 6-месячного возраста. К сожалению, существует немало таких человеческих существ, они заперты в специальных палатах по всей стране, и некоторых из них уже давно бросили родители и родственники – к сожалению, никто их не любит. Невзирая на умственную неполноценность, анатомия и физиология этих младенцев почти во всех отношениях идентична строению тела у нормальных людей. Если бы по этой причине мы насильно кормили их большим количеством лака для полов или капали бы им в глаза концентрированные растворы косметики, мы бы получили гораздо более надежные сведения о безопасности этого продукта для человека, чем сейчас, когда пытаемся перенести результаты опытов на другие биологические виды. Тест ЛД-50, тест Драйза, эксперименты с радиацией, с тепловым ударом и многие другие, описанные ранее в этой главе, гораздо больше бы рассказали о человеческой реакции на происходящее, если бы проводились не на кошках или кроликах, а на людях с серьезным повреждением головного мозга.

Поэтому всякий раз, когда вивисекторы заявляют, что важность их опыта оправдывает использование животных, нам следует спросить их, а готовы ли они использовать человека с мозговой патологией и с таким же уровнем умственного развития, как и животные, которых они собираются использовать. Время от времени становилось известно, что медицинские эксперименты проводились на людях без их согласия; однажды это произошло с умственно неполноценными детьми из интерната – им прививали гепатит.[120] Когда появляется информация о таких жестоких экспериментах на человеке, это обычно приводит

к протестам, что правильно. Очень часто опыты служат очередным примером высокомерия научного сотрудника, который для получения знаний оправдывает любые действия. Но если вивисектор заявляет, что причинение страданий животным оправдывается важностью эксперимента, почему аналогичная важность не допускает страданий людей с таким же уровнем развития? Какая разница между этими двумя случаями? Неужели она заключается только в том, что один индивид является членом нашего вида, а другой – нет? Но действия, исходящие из этого предубеждения, обнажают предрассудок, который имеет не больше оправданий, чем расизм или любая другая форма произвольной дискриминации. Аналогия между спесишизмом и расизмом в случае с вивисекцией относится и к практике, и к теории. Откровенный спесишизм ведет к болезненным экспериментам на других видах, и в качестве оправдательного аргумента приводятся вклад в знания и возможная польза для нашего вида. Откровенный расизм привел к болезненным экспериментам на представителях других рас, а оправданием служил вклад в научную копилку и возможная польза для расы, ставившей опыты. В Германии во времена нацистского режима почти 200 врачей, некоторые из которых занимали видные места в медицинском мире, участвовали в экспериментах над евреями, а также над русскими и польскими узниками. Тысячи других эскулапов знали об этих экспериментах, а некоторые из них даже становились темами лекций в медицинских академиях. Тем не менее, записи показывают, что врачи слушали до конца устные сообщения коллег о том, какой вред наносился этим «низшим расам», а потом продолжали обсуждать медицинские уроки, извлеченные в ходе этого, и никто не высказывал даже робкого протеста против характера тех опытов. Потрясают параллели между этим подходом и тем, что сейчас практикуют вивисекторы по отношению к животным. Тогда так же, как и сейчас, субъектов эксперимента замораживали, перегревали и помещали в декомпрессионные камеры. Тогда так же, как и сейчас, эти события описывались на бесстрастном научном жаргоне. Нижеследующий абзац взят из отчета, в котором нацистский ученый описывает эксперимент на человеке, помещенном в декомпрессионную камеру:

“ «Через 5 минут появились спазмы; между шестой и десятой минутами участилось дыхание; тестируемый человек начал терять сознание. С одиннадцатой минуты по тринадцатую дыхание замедлилось до трех вдохов в минуту, а к концу этого периода прекратилось полностью. Через полчаса после остановки дыхания было начато вскрытие».[121]

После победы над нацистами эксперименты с декомпрессионной камерой не прекратились. Они стали проводиться на не-людях. Например, в Университете Ньюкасла-на-Тайне (University of Newcastle on Tyne) в Англии ученые использовали поросят. В течение 9 месяцев они подвергались декомпрессиям до 81 раза. У всех наблюдались приступы декомпрессионной слабости, после которых некоторые животные умирали.[122] Этот эксперимент слишком хорошо иллюстрирует то, что написал великий еврейский писатель Исаак Башевис Зингер: «В том, что касается поведения по отношению к животным, все люди – нацисты».[123]

Опыты на тех, кто не попадает в группу, к которой относятся экспериментаторы – это постоянно повторяющаяся история с разными жертвами. В США в XX веке наиболее известный случай экспериментирования на людях произошел в Таскеджи, штат Алабама. Больные сифилисом специально не получали лечение, чтобы можно было пронаблюдать естественное течение болезни. Это произошло тогда, когда уже давно было известно, что сифилис эффективно лечится пенициллином. Конечно же, жертвы эксперимента, не получавшие лечения, были неграми.[124] Громкий международный скандал, связанный с экспериментированием на людях, разразился в Новой Зеландии в 1987 году. Уважаемый врач в одной из ведущих больниц Окленда решил не лечить пациентов с ранними признаками рака. Он пытался доказать свою нетрадиционную теорию, гласившую, что эта форма рака не будет развиваться дальше, но не рассказывал своим пациентам, что они являются частью опыта. Его теория оказалась неверна, и 27 больных умерли. На этот раз жертвами были женщины.[125]

Когда такие случаи становятся достоянием гласности, реакция общества ясно дает понять, что наш этический круг шире, чем у нацистов, и что мы не намерены равнодушно относиться к другим людям; но до сих пор существует множество чувствующих существ, по поводу которых мы, кажется, вообще не проявляем беспокойства.

Мы еще не ответили на вопрос, может ли эксперимент быть оправдан. Слово «никогда» здесь не годится. Излагать вопросы морали в таких черно-белых выражениях – это привлекательно, потому что в этом случае отпадает нужда обдумывать конкретные случаи, но в экстремальных ситуациях подобные категорические ответы всегда терпят неудачу. Истязание человека почти всегда неправомерно, но не абсолютно неправомерно. Если бы пытки были единственным способом, с помощью которого мы могли бы обнаружить местоположение ядерной бомбы, спрятанной в каком-нибудь подвале Нью-Йорка и настроенной на взрыв в течение часа, то они имели бы оправдание. Аналогично, если бы единственный эксперимент мог победить болезнь вроде лейкемии, он был бы оправдан. Но в реальной жизни все выгоды находятся в отдаленной перспективе, а гораздо чаще их просто не существует. Итак, каким образом мы можем решить, оправдан ли эксперимент? Мы уже видели, что у вивисекторов наблюдается предубежденное отношение к существам других видов. Они ставят опыты на животных, преследуя цели, для достижения которых не считают возможным использовать людей даже с поврежденным мозгом. Этот принцип дает нам понять, как отвечать на злополучный вопрос. Предубеждение по видовому признаку, так же, как и по расовому, не оправдано, поэтому эксперимент получает оправдание только тогда, когда его важность сделала бы возможным использование человека с поврежденным мозгом.

Это не абсолютный принцип. Я не считаю, что экспериментирование на человеке с поврежденным мозгом никогда не имеет оправданий. Если бы действительно была возможность спасти несколько жизней с помощью эксперимента, забирающего только одну жизнь, и если бы не было других способов спасти эти жизни, то было бы правильно провести этот эксперимент. Но это исключительно редкий случай. Конечно же, ни один из опытов, описанных в данной главе, не прошел бы такое испытание. Скорее всего, здесь возникла бы некая серая область, в рамках которой трудно принять решение об оправданности исследования; подобное всегда происходит, когда речь идет о проведении разделительной

линии. Но нам сейчас не надо отвлекаться на эти размышления. Как показала эта глава, мы являемся свидетелями чудовищного положения, в котором миллионам животных причиняются невероятные страдания, а преследуемые при этом цели явно с любой непредвзятой точки зрения не соответствуют тому, чтобы оправдать мучения. Когда мы откажемся от всех этих экспериментов, настанет время обсудить, что делать с теми оставшимися, которые считаются необходимыми для спасения жизней или предотвращения больших страданий.

В Соединенных Штатах, где нынешнее отсутствие контроля за вивисекцией делает возможным проведение опытов, описанных на предыдущих страницах, первым минимальным шагом должно стать требование не проводить эксперименты, если их предварительно не одобрил этический комитет с неременным наличием представителей зоозащитных организаций в своем составе. Он должен быть наделен правом запретить исследования, если, по его мнению, вред животным перевешивает потенциальную пользу. Как мы убедились, подобные системы уже существуют в таких странах, как Австралия и Швеция, и научное сообщество этих стран считает их справедливыми и разумными. Если исходить из этических аргументов, приведенных в этой книге, то такая система далека от идеала. Зоозащитники в таких комитетах входят в состав организаций, которые придерживаются определенного спектра взглядов но, по понятным причинам, те, кто получает и принимает приглашения вступить в этические комитеты по экспериментированию на животных, чаще происходят из менее радикальных слоев зоозащитного движения. Возможно, они сами не рассматривают интересы животных наравне с интересами людей. Или, даже если и согласны с такой позицией, все равно при разборе заявок на выполнение опытов считают не в состоянии эту позицию отстаивать, потому что им кажется невозможным убедить других членов комитета. Вместо этого они склонны настаивать на тщательном рассмотрении альтернатив, приложении должных усилий для минимизации боли и явственной демонстрации значительной потенциальной пользы, важность которой перевешивает неустранимые в ходе эксперимента боль и страдания. Работающий в наши дни этический комитет по экспериментированию на животных почти неизменно применяет эти стандарты спесиистским образом, а мучения подопытных принимаются во внимание меньше, чем возможная польза для человека в будущем; но, даже несмотря на все это, упор на таких стандартах значительно сократил бы число ныне разрешенных болезненных экспериментов и уменьшил бы страдания, испытываемые в ходе других исследований. В глубоко спесиистском обществе отсутствует быстрое решение подобных проблем. По этой причине некоторые зоозащитники не имеют с этическими комитетами никаких дел. За последние полтора столетия антививисекционной деятельности их требования выдвигались множество раз, но не наблюдалось никаких признаков того, чтобы они в какой-либо стране набирали много сторонников. Вместе с тем, число животных, страдающих в лабораториях, продолжало расти вплоть до недавних прорывов, которые описывались ранее в этой главе. Все эти прорывы произошли благодаря работе людей, которые нашли альтернативу подходу «все или ничего» – в случае с животными такая позиция действительно означает «ничего». Одна из причин, по которой не удалось убедить людей в необходимости немедленного отказа от опытов на животных, состоит в ответе ученых. Они утверждают, что принять это требование значит отказаться от перспективы найти лекарства от страшных болезней, которые до сих пор убивают наших детей. В США вивисекторы могут делать с животными практически все, что

заблагорассудится, и один из шагов к прогрессу мог бы состоять в том, чтобы спросить людей, использующих это утверждение для обоснования необходимости экспериментов, готовы ли они принимать требования этического комитета, в который входят зоозащитники и который уполномочен соотносить вред для животных и возможную пользу для человека. Если ответ отрицательный, то отстаивать опыты с помощью аргумента о том, что это нужно для лечения серьезных болезней значит обманным образом отвлекать внимание. Именно это вводит общественность в заблуждение по поводу того, что надо вивисекторам: разрешения делать с животными что угодно. Ибо, в противном случае, почему бы им не принять тот факт, что судьбу эксперимента решает этический комитет, который так же заинтересован в победе над основными болезнями, как и они? Если ответ положительный, то вивисектора нужно попросить подписать просьбу о создании такого комитета.

Предположим, мы смогли бы выйти за рамки минимальных преобразований, которые уже имели место в более цивилизованных странах. Допустим, мы смогли бы достигнуть точки, на которой интересы животных ставятся в один ряд с подобными интересами человека. Это означало бы конец широкой индустрии вивисекции, какой мы ее знаем сейчас. По всему миру клетки бы распахнулись, а лаборатории закрылись. Но не надо думать, что в этом случае медицинские исследования остановились бы или рынок наводнила бы не тестированная продукция. Что касается новой продукции, я уже сказал, что нам бы действительно пришлось обходиться меньшим спектром препаратов и использовать уже известные и безопасные ингредиенты, но это не стоит считать большой потерей. А для тестирования действительно необходимой продукции, а также для других видов исследований могут быть найдены альтернативные методы, не требующие животных. В первом издании книги я писал, что «ученые не ищут альтернативы по простой причине – они не заботятся о животных, которых используют». Потом я сделал прогноз: «В этой сфере было сделано очень мало усилий, и, если им придать больше внимания, то первые результаты окажутся более многообещающими». Последнее десятилетие показало правильность обоих этих заявлений. Мы уже увидели, что при тестировании бытовой продукции гораздо больше сил стало уделяться поиску альтернатив опытам на животным. Это произошло не потому, что ученые внезапно начали больше заботиться о подопытных, а в результате шумных кампаний, которые проводились зоозащитниками. То же самое могло бы произойти и в других сферах вивисекции.

Животных заставляют вдыхать табачный дым месяцами и даже годами, хотя связь между использованием табака и раком легких была выявлена благодаря данным, полученным в ходе клинической практики – то есть при работе с пациентами-людьми.[126] Правительство США продолжает выделять миллиарды долларов на онкологические исследования, но при этом финансирует табачную промышленность. Значительная часть денег, выделенных на исследования, идет на опыты, многие из которых имеют лишь отдаленное отношение к борьбе с раком. Известно, что вивисекторы переименовывают свою работу в «онкологические исследования» с тех пор как обнаружили, что так можно получать больше денег, чем если проводить эксперименты под какой-то другой эгидой. Одновременно мы продолжаем проигрывать в войне против многих видов рака. Цифры, которые были опубликованы в 1988 году Национальным онкологическим институтом Соединенных Штатов (United States National Cancer Institute), показывают, что общая заболеваемость раком за последние 30 лет возрастает на 1 процент в год (даже если принять в расчет

увеличивающийся возраст населения). Недавние сообщения о том, что среди молодых американцев сокращается заболеваемость раком легких, может служить первым признаком того, что эту тенденцию удастся изменить, так как рак легких вызывает больше смертей, чем любая другая форма рака. Но радостная новость о том, что заболеваемость снижается связана не с улучшениями в лечении, а с тем, что более молодое поколение, особенно белые мужчины, стали меньше курить. Выживаемость при раке легких увеличилась слабо.[127] Мы знаем, что курение вызывает 80-85% всех случаев рака легких. Мы должны спросить себя, можем ли мы оправдать то, что для вызывания рака легких у миллионов животных им дают вдыхать сигаретный дым; между тем, как нам известно, отказ от табака может практически ликвидировать эту болезнь? Если люди решают не отказываться от курения, зная, что тем самым рискуют заболеть раком легких, правомерно ли заставлять животных страдать из-за их решения?

Низкие показатели в том, что касается лечения рака легких, идут бок о бок с общей картиной лечения рака. Несмотря на то, что в лечении некоторых онкологических заболеваний были сделаны успехи, число людей, проживших 5 или более лет после того, как у них обнаружился рак, увеличилось с 1974 года менее чем на 1 процент.[128] Более многообещающий подход – это профилактика, особенно когда она осуществляется путем пропаганды здорового образа жизни. Сейчас больше и больше ученых признают, что эксперименты на животных на самом деле препятствуют нашему пониманию человеческих болезней и не дают найти для них лечение. Например, исследователи из Национального института экологического здравоохранения (National Institute of Environmental Health Sciences) в Северной Каролине недавно предупредили, что эксперименты на животных могут давать неверную информацию о веществах, вызывающих рак у людей. Соприкосновение с мышьяком, по-видимому, увеличивает риск рака у человека, но такой эффект не наблюдается при лабораторных опытах на животных.[129] В 1985 году в престижном военном исследовательском институте Уолтер Рид (Walter Reed Army Institute of Research) в США была разработана вакцина, которая действовала на животных, но оказалась в большой мере неэффективной для человека; вакцина, которую создали колумбийские ученые при работе с добровольцами, более эффективна.[130] В наши дни сторонники вивисекции часто говорят о том, как важно найти лекарство от СПИДа; но Роберт Галло (Robert Gallo), первый американец, изолировавший ВИЧ-инфекцию, сказал, что потенциальная вакцина, разработанная французским исследователем Даниелем Загури (Daniel Zagury), проявила большую эффективность, когда стимулировала выработку антител у человека, а не у животных. Он также добавил: «Результаты опытов на шимпанзе не очень впечатлили... Может быть, нам надо более активно проводить тесты на людях?»[131] Важно, что больные СПИДом люди поддержали этот призыв: «Давайте мы будем вашими морскими свинками», – предложил активист-гей Ларри Крамер (Larry Kramer).[132] Очевидно, этот призыв имеет смысл. Лечение найдется быстрее, если эксперименты будут проводиться непосредственно на людях-добровольцах; а вследствие характера болезни и крепких связей в среде гомосексуалистов, недостатка в добровольцах не предвидится. Конечно, следует позаботиться о том, чтобы эти добровольцы ясно понимали, на что идут и чтобы не делали это под давлением или принуждением. Но дать такое согласие не было бы неразумным. Почему люди должны умирать от неизбежно смертельной болезни, в то время как потенциальное лечение проходит тестирование на животных, у которых в нормальных условиях СПИД не развивается?

Сторонники вивисекции любят говорить нам, что опыты на животных намного увеличили нашу продолжительность жизни. Например, в разгар дебатов, которые были посвящены изменению британского закона о вивисекции, Ассоциация Британской фармацевтической промышленности (Association of the British Pharmaceutical Industry) выпустила в газете «Гардиан» (The Guardian) рекламу на полную страницу под заголовком: «Говорят, жизнь начинается в 40 лет. Еще недавно в этом возрасте она кончалась». Далее говорится, что в наши дни смерть человека в 40 лет считается трагедией, а в XIX веке не было ничего удивительного в похоронах 40-летнего мужчины, так как в то время средняя продолжительность жизни составляла 42 года. В рекламе утверждается, что «большинство из нас доживают до 70 лет благодаря прорывам, которые были сделаны в ходе исследований, требующих использование животных».

Такие заявления – просто ложь. Более того, эта конкретная реклама настолько откровенно вводит в заблуждение, что доктор Дэвид Ст. Джордж (David St. George), специалист по общественной медицине, написал в журнал «Ланцет» следующее: «...данная реклама представляет собой хороший учебный материал, поскольку она иллюстрирует две основные ошибки в интерпретации статистики». Он также сослался на важную книгу Томаса Маккиона (Thomas McKeown) «Роль Медицины» («The Role of Medicine»), опубликованную в 1976 году.[133] Она послужила началом дебатов о том, как начиная с середины XIX века социальные и внешние изменения воздействовали на снижение смертности по сравнению с практикой медицинского вмешательства. Маккион добавил:

“ «Этот спор окончен, и сейчас общепризнано, что медицинское вмешательство имело минимальное влияние на смертность населения, и обычно на очень поздней стадии, после радикального снижения смертности».[134]

Дж.Б. и С.М. Маккинли (J.B. and S.M. McKinley) пришли к аналогичному выводу в исследовании, цель которого – в анализе спада десяти основных инфекционных болезней в Соединенных Штатах. Исследование показало, что во всех случаях, кроме заболеваний полиомиелитом, смертность кардинально сократилась (главным образом, благодаря улучшениям в санитарии и питании) до того, как были введены какие-либо новые формы медикаментозного лечения. Ученые сосредотачивают внимание на том, что общая смертность в США с 1910 по 1984 уменьшилась на 40 процентов, и дают «осторожную» оценку: «Возможно, 3,5% от общего падения смертности может быть объяснено медицинским вмешательством при основных инфекционных заболеваниях. Действительно, если согласиться с тем, что в случае именно с этими болезнями медицина претендует на большую часть успеха при снижении смертности, то 3,5% – это, вероятно, максимальный вклад, какой способны внести медицинские меры в снижение смертности от инфекционных заболеваний в США».[135] Не забудьте, что 3,5% – это доля всех медицинских вмешательств. Вклад экспериментов на животных может составлять максимум лишь часть от этого крохотного вклада в снижение смертности.

Безусловно, есть области научных исследований, которым бы помешало истинное принятие во внимание интересов животных, используемых в экспериментах. Несомненно, некоторые успехи в познании не были бы так просто достигнуты без использования животных. Примеры важных открытий, которые упоминаются сторонниками вивисекции, остались в прошлом. Это работа Харви (Harvey), посвященная кровообращению. Это открытие инсулина и его роли при диабете Бэнтингом (Banting) и Бестом (Best). Это осознание того, что полиомиелит – вирусное заболевание, и разработка вакцины против него. Это несколько открытий, которые сделали возможными операции на открытом сердце и аортокоронарное шунтирование. Это понимание нашей иммунной системы и способов, с помощью которых можно преодолеть отторжение пересаженных органов.[136] Но некоторые противники вивисекции опровергли утверждение о том, что для этих открытий требовалось проводить эксперименты на животных.[137] Я не собираюсь вдаваться в детали. Мы только что убедились в том, что вклад опытов на животных в науку был крайне скромным; они мало повлияли на продление нашей жизни, а оценить, насколько они улучшили ее качество, очень сложно. В более фундаментальном смысле спор о пользе, полученной от таких экспериментов, по большому счету неразрешим: даже если с использованием животных были сделаны важные открытия, мы не можем сказать, насколько эффективны были бы медицинские исследования, если бы ученые с самого начала были вынуждены разрабатывать альтернативы. Возможно, некоторые открытия задержались бы или вообще не были бы сделаны, зато удалось бы избежать ошибок, и, вероятно, медицина развивалась бы в совершенно другом и более эффективном направлении, при котором акцент делался бы не на лечении, а на профилактике.

В любом случае, этический вопрос о том, оправданы ли опыты на животных, нельзя решить, указывая на их выгоды, какими бы убедительными ни были аргументы в их пользу. Этический принцип, который заключается в одинаковом уважении интересов, исключает некоторые способы получения знаний. Право стремиться к знаниям – не святое. Мы уже принимаем многие ограничения, касающиеся научной деятельности. Мы не считаем, что ученые имеют право выполнять болезненные или смертельные эксперименты на людях без их согласия, хотя зафиксирована масса случаев, в которых такие эксперименты ускорили бы процесс познания гораздо сильнее, чем любой другой метод. Теперь мы должны расширить ограничения, касающиеся научных исследований.

Наконец, важно понять, что во всем мире серьезные медицинские проблемы в значительной мере продолжают существовать не из-за того, что мы не знаем, как справиться с болезнью и сохранить здоровье людей, а из-за того, что никто не вкладывает достаточно усилий и средств в реализацию того, о чем мы уже знаем. Мы знаем, как лечить болезни, опустошающие Азию, Африку, Латинскую Америку и очаги бедности на индустриальном Западе. Они ликвидированы в обществах, где имеется достойное питание, санитария и здравоохранение. Подсчитано, что еженедельно в мире умирают 250000 детей, и в четверти случаев причиной смерти становится обезвоживание, вызванное поносом. Смерть этих детей можно было бы предотвратить с помощью простого и уже известного лечения, при котором не требуются эксперименты на животных.[138] Тот, кто действительно печется об усовершенствовании здравоохранения, возможно, сделал бы больший вклад, если бы покинул лабораторию и позаботился о том, чтобы имеющиеся у нас знания о медицине дошли до нуждающихся. После всего сказанного остается практический вопрос: что можно

сделать, чтобы изменить широко распространенную практику экспериментирования на животных? Несомненно, требуются какие-то действия для смены правительственной политики, но какие конкретно шаги? Что может сделать простой гражданин, чтобы помочь внести эти изменения? Власти склонны игнорировать протесты против вивисекции, исходящие от избирателей, потому что находятся под чрезмерным влиянием научных, медицинских и ветеринарных организаций. В Соединенных Штатах эти объединения имеют зарегистрированное политическое лобби в Вашингтоне, которое блокирует предложения по поводу ограничения экспериментов. Поскольку у законодателей нет времени вникать в глубины и специфику области, они полагаются на то, что им говорят «специалисты». Но это вопрос морали, а не науки, и «специалисты» обычно заинтересованы в продолжении экспериментов, либо же они настолько поглощены этикой продвижения знаний, что не могут оторваться от этой позиции и критически взглянуть на то, что делают их коллеги. Более того, сейчас появились профессиональные PR-организации, такие как Национальная ассоциация за биомедицинские исследования (National Association for Biomedical Research). Их единственная цель – улучшить имидж вивисекции в глазах общественности и законодателей. Ассоциация издает книги, выпускает видеокассеты и проводит семинары, посвященные оправданиям опытов на животных. Ассоциация и подобные ей учреждения живут припеваючи, потому что все больше людей испытывает беспокойство в связи проблемой вивисекции. Мы уже видели на примере другой лоббистской организации, Ассоциации британской фармацевтической промышленности, как подобные группы могут вводить общественность в заблуждение. Законодатели должны понять, что при обсуждении экспериментов на животных им надо относиться к таким организациям, а также к медицинским, ветеринарным, психологическим и биологическим объединениям так же, как они бы относились к «Дженерал Моторз» и «Форду», если бы обсуждался вопрос о загрязнении воздуха.

Проведению реформы препятствуют и крупные компании, участвующие в прибыльном деле разведения или отлова животных и их продажи или производящие и продающие клетки, корма, а также оборудование для экспериментов. Эти компании готовы тратить огромные деньги на то, чтобы противостоять принятию законов, которые могут лишить их прибыли. При финансовых интересах такого рода, тесно связанных с престижем медицины и науки, борьбе за прекращение спесишизма в лаборатории суждено быть долгой и трудной. Какой путь к успеху самый лучший? Вряд ли западная демократия отменит все эксперименты на животных одним махом. Правительства так не работают. Эксперименты на животных прекратятся только тогда, когда серия постепенных реформ снизит их важность, заменит их во многих сферах и в значительной мере изменит общественное отношение к животным. Таким образом, немедленная задача заключается в работе по достижению этих частичных целей, которые можно рассматривать как столбы с указателями километража на длинном пути, ведущем к отказу от эксплуатации всех чувствующих существ. Все, кто желает прекратить страдания животных, могут попытаться сделать достоянием общественности то, что происходит в университетах и коммерческих лабораториях в их собственных государствах. Потребители могут отказаться от покупки продукции, которая тестировалась на животных; альтернативы сейчас доступны, особенно в косметике. Студентам надо отказываться от участия в опытах, которые, на их взгляд, неэтичны. Любой человек может изучить научные журналы, чтобы узнать, где проводятся болезненные эксперименты, а потом найти какой-то способ познакомить общественность с тем, что происходит.

Необходимо также сделать этот вопрос политическим. Как мы уже убедились, законодатели получают огромное количество писем по поводу экспериментов на животных. Но, чтобы придать вопросу о вивисекции политическую окраску, потребовалось много лет усердной работы. К счастью, этот процесс уже запущен в нескольких странах. В Европе и Америке экспериментами на животных серьезно занимаются политические партии, особенно те, которые в политическом спектре ближе к «зеленым». На президентских выборах 1988 года в программе Республиканской партии говорилось, что следует облегчить и ускорить процесс сертификации альтернатив, с помощью которых заменяется тестирование на животных лекарств и косметики.

Эксплуатация лабораторных животных составляет часть более крупной проблемы спесишизма, и вряд ли ее удастся полностью ликвидировать до того, как исчезнет сам спесишизм. Но, безусловно, когда-нибудь дети наших детей будут читать о том, что происходило в лабораториях XX века, испытывая при этом такое же чувство ужаса и недоверия к тому, что могли делать цивилизованные люди, какое испытываем мы, когда читаем о римских гладиаторских аренах или работорговле XVIII века.

Глава 3. Разоблачение промышленного животноводства...

или что происходило с Вашим обедом, пока он еще был животным

Для основной массы людей, особенно в большинстве городских и пригородных районах, самый тесный контакт с животными происходит во время обеда: мы едим их. Этот простой факт является ключевым в нашем отношении к животным, а также того, что каждый из нас может сделать для перемены такого отношения. Использование животных, которых разводят для получения пищи, и жестокое обращение с ними, в количественном плане значительно превосходит любую другую форму жестокого обращения. Только в США ежегодно выращивают и убивают свыше 100 миллионов коров, свиней и овец; для птицы эта цифра составляет невероятные 5 миллиардов (это означает, что за время, которое у вас уходит на прочтение этой страницы, будет убито около 8000 птиц, главным образом кур). За обеденным столом, в соседнем супермаркете или мясном магазине мы соприкасаемся с самой массовой эксплуатацией одних живых обитателей планеты над другими из того, что когда-либо существовало.

Зачастую мы не задумываемся о жестоком обращении с животными, которое стоит за нашей пищей. Покупка пищи в магазине или ресторане – это кульминация длительного процесса, в ходе которого все, кроме конечного продукта, деликатно скрыто от наших глаз. Мы покупаем мясо и птицу в аккуратных пластиковых пакетах. Кровь из них почти не течет. Нет никаких оснований ассоциировать эту упаковку с живущим, дышащим и страдающим животным. Сами слова, которые мы используем, скрывают ее происхождение: мы едим говядину, а не быка, вола или корову, свинину, а не свинью, хотя по какой-то причине нам легче соприкоснуться с истинной природой ягнячьей ножки. Само по себе слово «мясо» (meat) обманчиво.

Изначально оно обозначало любую твердую пищу, необязательно плоть животных. Такое значение все еще сохраняется в словосочетаниях типа «мякоть ореха» (nut meat). Здесь, очевидно, подразумевается замена вместо «мяса плоти» (flesh meat), но на самом деле это точно так же по праву можно назвать просто «мясом» (meat). Используя более общее слово «мясо», мы не сталкиваемся с фактом, что на самом деле едим плоть.

Словесные маскировки – это только верхний слой нашего незнания касающего того, откуда произошла наша пища. Возьмем ассоциации, которые возникают в связи со словом «ферма»: дом, сарай, стая кур, за которой присматривает петух, разгуливающий с важным видом; стадо коров, которых увели с поля для доения; может быть, свинья, роющаяся во фруктовом саду с выводком визжащих поросят, которые весело бегают вокруг нее.

Очень мало ферм когда-либо представляли собой такую идиллию, как тот традиционный образ, который всплывает у нас в воображении. И все же мы надеемся, что ферма – это приятное место, удаленное от нашей городской индустриальной жизни, направленное на получение прибыли. Если говорить о тех немногих из нас, кто задумывается о жизни животных на ферме, мало кто знает о современных способах выращивания животных.

Некоторые люди задаются вопросом, а безболезненно ли убивают животных; каждый, кто следовал за грузовиком со скотом, направляющимся на бойню, знает, что животных перевозят в чрезвычайно ужасных условиях, но мало кто подозревает, что транспортировка и забой – это нечто большее, чем краткое и неизбежное завершение жизни, жизни, полной беззаботности и удовлетворения; жизни, в которой присутствуют естественные радости животного существования без трудностей, поджидающих животных в борьбе за выживание.

Эти удобные предположения мало связаны с реальностями современной фермы. Начнем с того, что фермерство больше не контролируется деревенскими людьми. За последние 50 лет крупные корпорации и конвейерные методы производства превратили сельское хозяйство в агробизнес. Это процесс начался, когда крупные компании получили контроль за производством птицы, что некогда было прерогативой жены фермера. В настоящее время 50 крупных компаний контролируют практически все производство птицы в Соединенных Штатах. При производстве яиц 50 лет назад крупный производитель мог иметь 3000 кур-несушек, а сегодня многие производители имеют свыше 500000 кур, а самый крупный – свыше 10 миллионов. Оставшимся малым производителям пришлось перенять методы гигантов либо же уйти из бизнеса. Компании, которые не имели отношения к сельскому хозяйству, стали крупномасштабными фермерами, чтобы получить льготное налогообложение, либо разнообразить вложение прибылей. Корпорация Грейхаунд (Greyhound Corporation) сейчас производит индюшатину, а ваш бифштекс может быть произведен Компанией страхования жизни на взаимных началах имени Джона Хэнкока (John Hancock Mutual Life Insurance) или одной из дюжины нефтяных компаний, которые вложили средства в откорм рогатого скота и строительство загонов, вмещающих 100000 или более голов.[1]

Крупные корпорации и те, кто вынужден с ними конкурировать, не озабочены чувством гармонии в мире растений, животных и природы. С животными обращаются как с машинами, которые превращают в дешевый корм в дорогое мясо, а любое новшество будет использоваться лишь в случае, если это приведет к более дешевому “коэффициенту преобразования”. Большая часть данной главы – это всего лишь описание таких методов и того, чем они оборачиваются для животного, к которому применяются.

Ее цель продемонстрировать, что при таких методах животные имеют несчастную жизнь от рождения до смерти. Опять же, я не преследую цель показать, что люди, делающие такое с

животными, злы и жестоки.

Наоборот, отношение покупателей и производителей принципиально не различается. Методы ведения сельского хозяйства, которые я собираюсь описать, – это всего лишь логическое применение позиций и предрассудков, описанных в этой книге. До тех пор, пока мы оставляем животных за пределами моральной сферы и обращаемся с ними как с вещами для удовлетворения наших собственных желаний, результат предсказуем.

Как и в предыдущей главе, я не основывал эти описания на моих собственных наблюдениях за работой ферм и условиями на них. Если бы я сделал обратное, меня могли бы обвинить в том, что я написал выборочный материал, исходя из нескольких посещений неблагоприятных ферм. Однако, мои наблюдения были взяты из источников, из которых можно было ожидать только самой благоприятной информации о фермерской промышленности, из журналов, причем некоторые из них выпускает сама сельскохозяйственная индустрия.

Естественно, в журналах, посвященных сельскому хозяйству, нет статей, где напрямую рассказывается о страданиях сельскохозяйственных животных, особенно сейчас, когда болезненность этого вопроса привлекла внимание данной промышленности. Журналы по сельскому хозяйству не особо заинтересованы в вопросе страданий животных. Иногда фермерам рекомендуют избегать экспериментов, приносящих страдания животным, потому что в таких условиях они набирают меньше веса; и при отправке на бойню они вынуждены обращаться с животными менее грубо, потому что туша с кровоподтеками стоит меньше; но никак не упоминается идея, что нам не следует помещать животных в неблагоприятные условия, потому что это само по себе кощунственно. Руфь Хариссон (Ruth Harrison), автор книги «Животные машины» (Animal Machines), где впервые рассказывается о британских методах интенсивного животноводства, делает вывод, что «жестокость признается только тогда, когда за ней стоит потеря прибыли».[2] Конечно, именно такое отношение показано на страницах сельскохозяйственных журналов как в Великобритании, так и в США.

Тем не менее, со страниц таких журналов мы можем многое узнать об условиях содержания сельскохозяйственных животных. Мы узнаем и об отношении фермеров к животным при их полной и неограниченной власти, и мы также узнаем о новых методах и приемах, которые принимаются и о проблемах, которые связаны с этими методами. Этой информации достаточно, чтобы дать нам полную картину современного животноводства, при условии, что мы владеем какой-то информацией о потребностях сельскохозяйственных животных. Мы можем придать этой картине еще более яркий фокус, если обратимся к некоторым научным исследованиям о благополучии сельскохозяйственных животных. Благодаря зоозащитному движению, они все чаще появляются в сельскохозяйственных и ветеринарных журналах.

Первым животным, которое было изъято из относительно естественных условий традиционной фермы, стала курица. Люди используют кур двумя способами: для получения мяса и яиц. Сейчас существуют стандартные приемы для массового производства этих продуктов.

Сторонники агробизнеса считают, что рост куриной индустрии – это большое достижение фермерства. В конце второй мировой войны курица все еще относительно редко появлялась

на столе. Она поступала главным образом от мелких независимых фермеров, либо же это были ненужные петушки, произведенные стаями несушек. В настоящее время в США каждую неделю убивают 102 миллиона бройлеров (так называют столовых кур), выращенных на высокоавтоматизированных фабриках, которые принадлежат крупным корпорациям, контролирующим производство. Восемь из них выращивают свыше 50% птиц, ежегодно убиваемых в США.[3]

Необходимым шагом для того, чтобы превратить кур из разгуливающих по двору птиц в единицы производства стало заключение их внутрь помещения. Производитель бройлеров получает партию в 10 000, 50 000 или еще больше однодневных цыплят из инкубатора и помещает их в длинный сарай без окон. Обычно он кладет их на пол, хотя некоторые производители используют ярусы клеток, чтобы получить больше птиц в сарае такого же размера. В этом сарае все окружающие условия регулируются так, чтобы птицы росли быстрее, получая при этом меньше корма. Пища и вода подаются автоматически из загрузочной воронки, свисающей с крыши. Освещение регулируется в соответствии с советами исследователей в области сельского хозяйства: например, там может быть яркий свет по 24 часа в день в течение первой недели или двух, чтобы цыплята быстрее набирали вес; а потом освещение могут слегка приглушать и выключать каждые 2 часа, полагая, что цыплята более склонны есть после сна; наконец, наступает время (обычно через 6 недель), когда птицы вырастают настолько, что среди них наблюдается скученность, и поэтому постоянно поддерживается очень тусклое освещение. Смысл этого тусклого освещения заключается в том, чтобы снизить агрессию, возникающую из-за перенаселения.

Бройлерных цыплят убивают в возрасте 7 недель (естественная продолжительность жизни кур – 7 лет). К концу этого краткого периода птицы весят 4-5 фунтов; но на каждую из них приходится пространство площадью в квадратный фут – или меньше стандартного листа A4 (согласно метрической системе, это 450 см² на птицу массой в 2 кг). В таких условиях при наличии нормального освещения стресс из-за скученности и из-за отсутствия естественных выходов для энергии ведет к тому, что птицы начинают драться. Они выщипывают друг у друга перья, а иногда убивают и съедают друг друга. Выяснилось, что при очень тусклом свете такое поведение наблюдается реже, поэтому птицы чаще всего проживают последние недели своей жизни почти в полной темноте.

На языке производителей бройлеров выклевание перьев и каннибализм называются пороками. Но это не природные пороки, они являются результатом стресса, которым птиц подвергают производители бройлеров. Куры – это общественные животные, и на фермерском дворе у них формируется иерархия, которую иногда называют «порядок клева».

У кормушки и во всех других ситуациях каждая птица подчиняется тем, что находится выше по иерархии, и главенствует над теми, кто стоит ниже.

До установления этого порядка могут быть некоторые конфронтации, но чаще оказывается достаточно физического контакта, без демонстрации силы. Вот что писал в те дни, когда стаи были еще маленькими, Конрад Лоренц, известный наблюдатель за поведением животных:

«Узнают ли животные друг друга среди себе подобных? Безусловно, да... Любой птицевод знает, что... существует очень определенный порядок, и при нем любая птица боится тех, кто рангом выше ее. После нескольких споров, которые не обязательно доходят до драк, каждая птица знает, кого из окружающих ей надо бояться, а кто должен ее уважать. В установлении иерархии определяющими являются не только физическая сила, но также личное мужество, энергия и даже самоуверенность каждой конкретной птицы».[4]

Другие исследования показали, что стабильный социальный порядок, при котором каждая птица знает свое место, может установиться в стае численностью до 90 птиц; но когда в один набиты одновременно 80000 птиц, то это, очевидно, совсем другой вопрос. Птицы неспособны выработать социальную иерархию, и, в результате, они часто дерутся друг с другом. Крайняя теснота сама по себе способствует раздражимости и возбудимости кур, как и в случае с людьми и другими животными, не говоря уже о том, что каждая конкретная птица не может узнавать такое большое количество других птиц. Фермеры уже давно это знают:

“ «Выклевывание перьев и каннибализм легко становятся серьезными пороками среди птиц, которые содержатся в условиях интенсивного животноводства. Это означает более низкую продуктивность и потерю прибылей. Птицы начинают скучать и клюют любую выступающую часть оперения другой птицы. Основной причиной этих пороков служит скука, а вспомогательными факторами – теснота и перегретое, душное помещение».[5]

Фермерам надо положить конец «порокам», потому что это отражается на прибыли; но, хотя они знают, что основной причиной является теснота, они ничего не могут с этим поделать, потому что при постоянной конкуренции отказ от скученности одновременно означает потерю прибыли. Стоимость здания, оборудования для автоматического кормления, топлива для обогрева и вентиляции помещения и оплата труда остались бы прежними, но если бы из одного птичника продавалось бы меньше птиц, то прибыль бы уменьшилась. Поэтому фермеры направляют усилия на то, чтобы бороться с последствиями стресса, из-за которых происходит потеря прибыли. Пороки возникают из-за неестественных условий содержания птиц, но, чтобы контролировать их, птицевод делает эти условия еще более неестественными. Один из таких приемов – очень тусклое освещение. Еще более радикальная мера, к которой, однако, сейчас очень широко прибегают в промышленности, – это «удаление клюва».

Впервые клюв начали удалять в Сан-Диего в 1940-е годы, и сначала это делалось с помощью паяльной лампы. Фермер сжигал кончик клюва цыплят, так чтобы они не могли схватить друг друга за перья. Вскоре на смену этой грубой технике пришел усовершенствованный

паяльник, а сейчас самым часто используемым инструментом является специальное устройство, напоминающее гильотину, с горячим лезвием. В него вставляют клюв цыпленка, и горячее лезвие срезает его кончик. Эта процедура производится очень быстро, примерно по 15 кур в минуту. Из-за такой скорости температура и острота лезвия может изменяться, что приводит к неаккуратному обрезанию и к серьезным травмам у птиц:

“ «Слишком горячее лезвие вызывает волдыри во рту. Холодное или тупое лезвие может вызывать образование мясистого отростка луковичной формы на конце нижней челюсти. Такие отростки очень чувствительны».[6]

Джозеф Молдин (Joseph Mauldin), специалист по птице из Университета Джорджии (University of Georgia), сообщает о своих полевых наблюдениях на конференции, посвященной вопросам здоровья птицы:

“ «Встречается много случаев обожженных ноздрей и серьезных увечий из-за того, что процедура выполнялась неправильно. Несомненно, это вызывает острую и хроническую боль, влияет на поведение при кормлении и на производительные факторы. Я оценивал качество обрезания клюва на частных бройлерных компаниях, и большая часть из них довольствуется тем, что в 70% случаях обрезают правильно... Цыплятам обрезают клювы рабочие, которым платят скорее за количество проделанной работы, а не за ее качество».[7]

Даже если операция производится правильно, было бы ошибкой считать, что это безболезненная процедура, вроде стрижки ногтей. Вот что выяснил несколько лет назад Британский правительственный комитет под руководством зоолога Ф.В. Роджерса Брамбелла (F.W. Rogers Brambell):

“ «Между роговой тканью и костью имеется тонкий слой очень нежной и мягкой ткани, которая напоминает ткань под ногтем у человека. Горячий нож, используемый для обрезания клюва, проходит через роговую, костную и мягкую ткани и, таким образом, вызывает сильную боль».[8]

Более того, вред, который причиняется птице при обрезании клюва, ощущается долго: изувеченные таким способом цыплята меньше едят и в течение нескольких недель теряют вес.[9] В данном случае наиболее вероятное объяснение заключается в том, что поврежденный клюв по-прежнему причиняет боль. Дж. Брюард (J. Breward) и М.Дж. Джентл (M.J.Gentle), ученые из Исследовательского центра по птицеводству при Британском исследовательском совете по сельскому хозяйству и пищевым продуктам (British Agricultural

and Food Research Council's Poultry Research Centre), изучили срезы клювов у кур и выяснили, что поврежденные нервы вырастают снова, врастают друг в друга и образуют массу переплетающихся нервных волокон под названием неврома.

Такие невромы наблюдаются у людей с ампутированными конечностями – они вызывают и острую, и хроническую боль. Брюард и Джентл выяснили, что при невромах, образующихся после обрезания клюва, происходит то же самое.[10] Впоследствии Джентл с осторожностью, закономерной для специалиста по домашней птице, который пишет в научном журнале, сказал следующее:

“В заключении было бы справедливо указать, что мы не знаем, сколько дискомфорта и боли птицы испытывают после обрезания клюва, но в равнодушном обществе надо было бы подумать о них. Для предотвращения каннибализма и выклевывания перьев необходимо хорошее ведение хозяйства, а при обстоятельствах, когда нет возможности контролировать интенсивность освещения, единственной альтернативой может быть попытка разводить птиц, у которых не наблюдаются эти вредные черты».[11]

Есть еще одно возможное решение проблемы. Большинство производителей обрезают клювы для предупреждения каннибализма, эта операция значительно уменьшает вред, который цыпленок может нанести другим цыплятам. Но, безусловно, данная процедура ничего не делает для того, чтобы снизить стресс и тесноту, из-за которых прежде всего и возникает этот неестественный каннибализм. Фермерам, по старинке содержащим маленькую стаю на большой территории, не приходится обрезать птицам клювы.

Когда-то куры были индивидуумами; если какая-нибудь курица задирали других (такое иногда происходило, но не часто), эту птицу удаляли из стаи. Аналогично, больных или раненых птиц лечили либо при необходимости быстро убивали. Сейчас один человек смотрит за десятками тысяч кур. Министр сельского хозяйства США с энтузиазмом писал о том, как один человек может присматривать за 60000 или 75000 бройлеров.[12] «Мир птицеводства» недавно опубликовал статью о бройлерном хозяйстве Дэвида Дерехэма (David Dereham), который сам ухаживает за 88000 бройлерами под одной крышей, а также возделывает 60 акров земли! Слово «ухаживать» имеет не такое значение, как раньше, потому что, если бы осмотр каждой птицы занимал секунду в день, то на осмотр 88000 птиц уходило бы 24 часа, не говоря уже о другой работе и дополнительной обработке земли. К тому же, крайне тусклое освещение осложняет осмотр. По большому счету, единственное, что делает современный птицевод, – это убирает мертвых птиц. Дешевле таким способом потерять несколько дополнительных птиц, чем платить за дополнительный труд, который требуется для заботы о здоровье каждой конкретной птицы.

Чтобы обеспечить полный контроль за светом и частичный за температурой (обычно это нагревание, в редких случаях охлаждение) бройлерные сараи имеют крепкие стены без окон, и вентиляция в них искусственная.

Птицы не видят дневного света до дня, когда их забирают на бойню; им также не приходится дышать свежим воздухом, без аммиака от их же собственного помета.

Вентиляции там достаточно, чтобы поддерживать жизнь птиц в нормальных условиях, но при механическом сбое они обычно задыхаются. Даже такая реальная возможность как отключение электроэнергии может привести к бедствию, потому что не у всех производителей бройлеров есть своя собственная система электроснабжения.

К другим причинам, по которым птицы могут задохнуться в бройлерном сарае, относится явление под названием теснота. При содержании в таких помещениях куры становятся нервными. Из-за непривычки к яркому свету, громким звукам и другим раздражителям они могут впасть в панику при внезапном раздражении и сбежаться в один конец сарая. Отчаянно стремясь к спасению, они забираются друг на друга и, как описывает один птицевод, «душат друг друга в жалкой куче тел в одном углу сарая».[14]

Даже если птицы избегают этих опасностей, они могут стать жертвами болезней, которые часто встречаются в бройлерных домах. Одна новая и все еще непонятная причина смерти известная просто как «синдром острой смерти». Очевидно, это результат неестественных условий, созданных в бройлерной индустрии. По подсчетам, синдром острой смерти убивает в среднем 2 процента бройлерных стай в Канаде и Австралии, и, скорее всего, эти цифры аналогичны везде, где используются такие методы.[15] Эту болезнь описывают следующим образом:

“ «Перед смертью с курами случается неожиданный приступ, при котором наблюдается потеря равновесия, неистовые взмахи крыльями и сильные сокращения мышц... Было замечено, что при первоначальной потере равновесия птицы падали вперед или назад и во время отчаянного хлопанья крыльями могли опрокинуться на спину или на грудину».[16]

Ни в одном из исследований нет четкого объяснения того, почему внешне здоровые куры внезапно падают и умирают, но специалист по домашней птице из Британского министерства сельского хозяйства связал это с целью, к которой стремится вся бройлерная индустрия, – с быстрым ростом:

“ «Уровень смертности у бройлеров повысился, и было бы разумно задуматься, может ли это быть косвенно связано со значительными достижениями в генетике и питании. Иными словами, мы, может быть, ожидаем от бройлеров слишком быстрого роста – увеличения массы в 50-60 раз в течение 7 недель... Также внезапная смерть процветающих молодых бройлеров (обычно петушков) может быть связана с этим «сверхбыстрым» ростом».[17]

А еще быстрый рост вызывает хромоту и деформации, из-за них производители убивают дополнительные 1-2 процента бройлерных цыплят. Отбраковка происходит только в серьезных случаях, поэтому количество птиц, страдающих от деформаций, должно быть намного выше.[18] Авторы исследования, где рассматривалась одна определенная форма хромоты, сделали такой вывод: «Мы считаем, что в результате селекции птицы стали расти так быстро, что они находятся на грани структурного разрушения».[19]

Сама по себе атмосфера, в которой птицы вынуждены жить, представляет собой угрозу для здоровья. В течение 7-8 недель, пока птицы живут в сарае, не предпринимается никаких попыток сменить подстилку или убрать экскременты. Несмотря на механическую вентиляцию, воздух наполняется аммиаком, пылью и микроорганизмами. Исследования показали, что пыль, аммиак и бактерии оказывают вредное воздействие на легкие птиц (как и следовало ожидать).[20] Кафедра общественной медицины в Мельбурнском университете (the University of Melbourne, Австралия) исследовала, как атмосфера влияет на здоровье фермеров, разводящих цыплят. Они выяснили, что 70% фермеров говорили о боли в глазах, 30% регулярно кашляли, а почти 15% страдали астмой и хроническим бронхитом. В результате, исследователи предупредили фермеров о том, что в сараях надо проводить как можно меньше времени, а при входе в них одевать респиратор. Но в исследовании ничего не говорится про респираторы для цыплят.[21]

Когда птицы вынуждены стоять на гнилой грязной подстилке, пропитанной аммиаком, они также страдают от изъязвления лап, волдырей на груди и ожогов на коленных сухожилиях. «Куриные части» – это нередко то, что осталось от поврежденных птиц, чьи тела нельзя было продавать в целом виде. Но повреждения лап не представляют проблемы для промышленности, потому что после убоя их все равно отрезают.

Жизнь в длинных, тесных и пыльных, наполненных аммонием сараев без окон причиняет птицам стресс, и то же самое можно сказать про их первую и единственную встречу с солнечным светом. Дверь открывают и птиц, привыкших к полутемноте, хватают за лапы, выносят вниз головой и набивают в клетки, которые нагромождаются в кузове грузовика. Потом их везут на «перерабатывающий» завод, где цыплят убьют, очистят и превратят в аккуратные пластиковые пакеты. На заводе их снимают с грузовика и ставят штабелями, все еще в клетках, дожидаться своей очереди. Это может занять несколько часов, в течение которых они не получают пищу и воду. Наконец, их вытаскивают из клеток и вешают вверх ногами на конвейерную линию. Она несет птиц к ножу, на котором заканчивается их безрадостное существование. Потом ощипанные и разделанные тела цыплят продадутся миллионам семей. Они будут обгладывать их кости, ни на секунду не задумываясь, что едят труп некогда живого существа.

Они не спрашивая себя, что было сделано с этими созданиями, до того момента когда они купили и употребили их. А если бы они задумались над этим вопросом и где бы нашли ответ?

Если они получают информацию от куриного магната Фрэнка Пердю (Frank Perdue), четвертого по величине производителя бройлеров в США, но по рекламе определенно первого, им скажут, что на его «ферме» куры «нежатся» и «ведут сладкую жизнь».[22]

Откуда обычным людям узнать, что Пердю держит своих кур в зданиях длиной в 150 футов, и там находятся 27000 птиц одновременно?

Как они могут знать, что при системе массового производства у Пердю еженедельно убиваются 6,8 миллионов птиц, и, подобно другим производителям бройлеров, он обрезает цыплятам клювы с целью предотвратить каннибализм, возникающий из-за стресса на современной фабрике?[23]

Реклама Пердю поддерживает распространенный миф, который заключается в том, что для фермера экономическая отдача и хорошие условия содержания птиц идут бок о бок. Сторонники промышленного животноводства часто говорят, что, если бы птицы и животные не были счастливы, они бы не процветали и, следовательно, не приносили бы прибыль. Бройлерная промышленность ясно опровергает этот наивный миф. Исследование, опубликованное в «Науке о птицеводстве» (Poultry Science), показало, что предоставление цыплятам 372 квадратных сантиметров (на 20 процентов меньше, чем стандартная площадь в промышленности) приносит прибыль, хотя при таком маленьком пространстве 6,4% птиц погибает (больше, чем при меньшей скученности), их масса тела меньше и у них больше язв на груди. Как указывают авторы, ключом к доходности птицеводческой индустрии служит не прибыль с одной птицы, а прибыль со всего хозяйства:

“ «По мере того, как увеличивалась плотность поголовья птицы, прибыль, получаемая с одной птицы, стала снижаться. Но при подсчете прибыли, получаемой со всей площади пола, наблюдалась обратная картина: при увеличении плотности поголовья рождалась финансовая прибыль. При тестировании очень высокой плотности поголовья не была достигнута стадия, при которой начинает снижаться прибыль, хотя скорость роста замедляется».[24]

Если читатель после ознакомления с этим разделом намеревается купить индюшку вместо курицы, его надо предупредить, что этот традиционный обед на День Благодарения теперь выращивается теми же методами, что и бройлерные цыплята, и обрезание клювов здесь тоже является общим правилом. Как говорится в журнале «Мир индюшатины» (Turkey World), за последние несколько лет произошел «взрыв в производстве индюшатины», и ожидается продолжение этой тенденции. В 1985 году индустрия, обладающая бюджетом в 2 миллиарда долларов, вырастила 207 миллионов птиц, а 80 процентов от этого количества приходится на долю 20 крупных корпораций. До попадания на бойню индюки проводят от 13 до 24 недель в условиях интенсивного животноводства, в два с лишним раза больше, чем их более мелкие сородичи.[25]

“ «Курица, – написал однажды Сэмюэль Батлер (Samuel Butler), – это всего лишь способ сделать из одного яйца другое яйцо».

Несомненно, Батлер думал, что это веселая шутка; но когда Фред С. Хейли (Fred C. Haley), президент птицеводческой птицефермы в Джорджии, контролирующей жизнь 225000 кур-несушек, описывает курицу как «машину для производства яиц», его слова имеют более серьезное значение. Для подчеркивания делового подхода Хейли добавляет: «Цель производства яиц заключается в заработке денег. Когда мы о ней забываем, мы забываем, для чего это делается».[26]

Это позиция не только американцев. Вот что говорит читателям британский журнал по фермерству:

“ «В конечном счете, современная несушка является очень эффективной преобразующей машиной, которая превращает сырой материал – корма – в конечный продукт – в яйцо –при минимальном количестве эксплуатационных требований».[27]

Идея о том, что несушка – это эффективный способ превратить корм в яйца, часто встречается в торговых журналах данной промышленности, и особенно в рекламе. Как можно представить, последствия этого для кур-несушек не хорошие.

Куры-несушки проходят через многие из тех же процедур, что и бройлеры, но здесь есть некоторые различия. Им, как и бройлерам, отрезают клювы для предотвращения каннибализма, который бы в противном случае возник в условиях скученности; но, поскольку они живут гораздо дольше, чем бройлеры, то часто проходят через эту операцию дважды. Мы видим рекомендацию специалиста по птице Дика Уэллса (Dick Wells), главы британского Национального Института птицеводства (National Institute of Poultry Husbandry) проводить обрезание клюва «в возрасте от 5 до 10 дней», потому что в это время операция представляет меньший стресс для цыплят, чем если ее проводить раньше. Кроме того, «это хороший способ уменьшить риск ранней смертности».[28] Когда в возрасте 12-18 недель цыплят переводят помещения, где они растут, в помещения, где они будут нестись, и часто снова обрезают клюв.[29]

Страдания кур-несушек начинаются рано. Вновь вылупившихся цыплят разделяют на петушков и курочек с помощью «устройства для сортировки цыплят». Поскольку цыплята мужского пола не имеют коммерческой ценности, их уничтожают. Некоторые компании убивают маленьких птиц газом, но часто их набивают живыми в полиэтиленовый мешок, и они задыхаются под весом других птиц, брошенных поверх них. Других заживо размалывают – из них делают корм для их сестер. В одних только Соединенных Штатах по меньшей мере 160 миллионов птиц ежегодно убивают газом, душат или дробят.[30] Невозможно указать точное количество тех, кто переживает такую судьбу, потому что по этому поводу не делается никаких записей: производители смотрят на уничтожение цыплят мужского пола так же, как мы думаем о выбрасывании мусора.

Жизнь кур-несушек длиннее, но вряд ли это можно назвать благом. Молодок (так называются молодые птицы, которые еще не способны откладывать яйца) раньше

выращивали на открытом воздухе – считалось, что это сделает их сильнее, и они смогут лучше переносить жизнь в клетке.

Теперь их перевели внутрь, и во многих случаях их помещают в клетки сразу после рождения, потому что при использовании ярусной системы в каждом курятнике можно поместить больше птиц, и накладные расходы на каждую курицу снижаются. Но поскольку птицы растут быстро, их приходится перемещать в большие клетки, и это недостаток, потому что «смертность может быть немного больше... При перемещении птиц встречаются переломы лап и ушибы голов».[31]

Какой бы ни использовался метод разведения, сейчас все крупные производители яиц держат кур-несушек в клетках (их часто называют «батареями» не потому, что в них есть то-то электрическое, а из-за первоначального значения слова «батарея» – «набор одинаковых или связанных элементов в оборудовании»). Когда клетки были только введены, в каждой из них находилась одна птица. Идея заключалась в том, что в этом случае фермер мог определить, какие птицы откладывают недостаточно яиц и не окупают корма.

Этих птиц полагалось убивать. Потом выяснилось, что, если в каждую клетку помещать по две курицы, то можно содержать большее количество птиц и снизить расходы на каждую из них. Это стало только первым шагом. Теперь не стоит вопрос о том, чтобы подсчитывать количество яиц, снесенных каждой курицей. Используются клетки, потому что с их помощью в одном здании можно содержать, обогревать, кормить и поить большее количество птиц, а также более широко применять автоматическое оборудование, позволяющее экономить рабочую силу.

Экономическое соображение, что затраты на рабочую силу могут быть сведены до абсолютного минимума, означает, что куры-несушки получают не больше индивидуального внимания, чем бройлеры. Алан Хайнсворт (Alan Hainsworth), владелец птицефермы в провинциальной области штата Нью-Йорк, сказал пытливому местному репортеру, что для ухода за 36000 курами-несушками ему требуется всего 4 часа в день, а его жена присматривает за 20000 молодками: «На это у нее уходит 15 минут в день. Она только проверяет их автоматические кормушки, поилки, а также смотрит, не было ли смертей за ночь».

Такой уход не делает стаю счастливой. Но, как показывает описание репортера:

“ «Зайдите в домик для молодок, и реакция последует мгновенная – полная паника. Раздается громкий и пронзительный визг, когда около 20000 птиц в страхе перед незванным гостем – человеком – лезут к самой дальней стороне клеток».[32]

«Яичный город» (Egg City) Джулиуса Гольдмана (Julius Goldman) в 50 милях к северо-западу от Лос-Анжелеса стал одним из первых хозяйств, где содержится более миллиона несушек. Еще в 1970 году, когда «Национальный Географический журнал» (National Geographic

Magazine) написал волнующий рассказ о том, что в то время было еще относительно новыми методами животноводства, в нем содержалось два миллиона кур.

Они находились в длинных зданиях, в каждом по 90000 кур, по 5 птиц в клетке площадью 16 на 18 дюймов. Бен Шамес (Ben Shames), исполнительный вице-президент «Яичного города», разъяснил методы, с помощью которых производится уход за таким количеством птиц:

“ «Мы фиксируем объем съеденного корма и количество яиц, которые были собраны в двух рядах клеток из 110 рядов в каждом здании. Когда производительность падает до такой точки, при которой прекращает приносить экономическую прибыль, мы продаем все 90000 птиц производителю для изготовления супового набора или мясных пирогов. Не требуются средства на наблюдения за каждым рядом в домике, не говоря уже о конкретных курах, не требуются; имея в наличии 2 миллиона птиц, Вы должны полагаться на статистику».[33]

На большинстве фабрик по производству яиц клетки расположены ярусами, а кормушки и поилки тянутся вдоль рядов. Они наполняются автоматически из центрального запаса. У клеток наклонные проволочные полы. Из-за наклонной поверхности птицам труднее удобно стоять, но, благодаря ей, яйца скатываются в переднюю часть клетки, откуда их легко собрать руками, а на более современных фабриках их забирает на упаковочный завод конвейерная лента.

Проволочный пол также имеет экономическое преимущество. Экскременты проваливаются сквозь него и могут скапливаться в течение многих месяцев, пока их не уберут за один раз (некоторые производители убирают его более часто, другие реже). К сожалению, лапы кур не очень хорошо приспособлены для жизни на проволоке, и часто сообщается об их повреждениях, если кто-то обращает на них внимание. Поскольку твердой земли под ногами нет, когти у птиц становятся очень длинными и могут намертво спутаться с проволокой. Бывший президент национальной птицеводческой организации вспомнил об этом в журнале по птицеводству:

“ «Мы обнаружили, что куры в натуральном смысле прирастают к клеткам. Кажется, что их лапы каким-то образом попали в западню проволоки и не отпускаются. Поэтому со временем мясо лап полностью врастает в проволоку. К счастью для птиц, они остановились впереди клетки, где пища и вода были им легкодоступны».[34]

Далее нам надо взглянуть на то, какое количество жизненного пространства доступно для кур-несушек в клетках. В Великобритании Акт о защите птиц (the Protection of Birds Act), принятый в 1954 году, предназначен для того, чтобы защитить птиц от жестокости. Пункт 8,

подпункт 1 этого закона указывает следующее:

“Если любой человек содержит или помещает любую птицу в клетку или иное вместилище, высота, длина или ширина которого недостаточны для того, чтобы птица могла свободно распластать крылья, он будет виновен в нарушении Закона и подвергнут специальному наказанию».

Любое заточение в клетку неблагоприятно, а принцип, что размер клетки должен позволять птице свободно раскинуть крылья, кажется абсолютным минимумом, необходимым для защиты их от невыносимых страданий при заточении, которое подрывает их самые основные потребности.

Поэтому можем ли мы предположить, что в размер клеток в Великобритании должен быть по меньшей мере таким, чтобы давать птицам эту минимальную свободу? Нет.

Процитированный подпункт имеет короткую, но важную оговорку: «При условии, что этот пункт не относится к домашней птице».

Эта невероятная оговорка свидетельствует о соотношении наших желаний, исходящих из желудка и основанных на сострадании. И это в стране, которая известна своим добрым отношением к животным. В природе птиц, которых мы называем «домашними» нет ничего такого, из-за чего у них было бы меньше желания раскинуть крылья, чем у других птиц. Мы можем сделать один вывод: члены Британского парламента против жестокости, за исключением тех случаев, когда с помощью нее производится их завтрак.

В США наблюдается похожая ситуация. Согласно Акту о благополучии животных 1970 года и последующим поправкам, стандарт требует такого размера клеток для животных, чтобы «у каждого животного было достаточно пространства для нормальных физических и социальных манипуляций и достаточная свобода передвижения». Этот акт относится к зоопаркам, циркам, зоомагазинам, и лабораториям, но не к тем животным, которые выращиваются для получения пищи.[35]

Как же измеряются клетки для кур-несушек, исходя из общих стандартов для птиц? Чтобы ответить на этот вопрос, нам надо знать, что размах крыльев у самой распространенной породы кур составляет около 30 дюймов. Размеры клеток бывают разными, но, согласно «Трибуне птицеводства» (Poultry Tribune),

“обычный размер составляет 12 на 20 дюймов, в такой клетке находятся от 1 до 5 несушек. Пространство, приходящееся на каждую птицу, варьируется от 240 до 48 квадратных дюймов, в зависимости от числа птиц в клетке. Существует тенденция помещать больше несушек, чтобы снизить затраты на каждую птицу».[36]

Очевидно, такой размер недостаточен даже для одной птицы, чтобы она полностью могла раскинуть крылья, не говоря уже о пяти птицах в такой же клетке – и последняя строчка цитируемого отрывка говорит о том, что стандартом индустрии являются 4-5 птиц в клетке, а не 1-2.

С тех пор, как вышло в свет первое издание книги, условия содержания кур при интенсивном животноводстве становились темой многочисленных исследований, этим занимались как научные, так и правительственные комитеты. В 1981 году Комитет сельского хозяйства при Британской палате общин (the British House of Commons Agriculture Committee) выпустил доклад о благополучии животных, в котором говорилось: «Мы сами видели батарейные клетки, как экспериментальные, так и коммерческие, и нам очень не нравится увиденное». Комитет рекомендовал Британскому Правительству поспособствовать тому, чтобы в течение 5 лет батарейные клетки были упразднены.[37]

А еще более показательным стало исследование, проведенное на Хотонской исследовательской станции по птицеводству (Houghton Poultry Research Station) в Великобритании, его целью было выявить площадь, которая требуется курам для выполнения различных действий. Это исследование показало, что курица в среднем занимает пространство 637 квадратных сантиметров, но, если птица может с легкостью поворачиваться, ей потребуется площадь 1681 квадратных сантиметров при содержании в одиночной клетке. В исследовании делается вывод, что клетка на 5 кур должна быть такого размера, чтобы все птицы могли подойти вперед. То есть, она должна быть не менее 106,5 см в длину и 41 см в глубину, и, таким образом, на каждую птицу приходилось бы 873 квадратных сантиметров (примерно 42 на 16 дюймов).[38] 48 квадратных дюймов, упомянутые выше, в статье из журнала «Трибуна птицеводства» когда 5 птиц содержатся в стандартных клетках размером 12 на 20 дюймов) равняются 300 квадратным сантиметрам. Когда в них находятся только 4 птицы, на каждую из них приходится 375 квадратных сантиметров.

Хотя Правительство Великобритании не последовало рекомендации упразднить батарейные клетки, изменения в этой сфере возможны. В 1981 году Швейцария начала 10-летний период по отмене батарейных клеток. К 1987 году на каждую птицу должно было приходиться, как минимум, 500 квадратных сантиметров, а в первый день 1992 года традиционные клетки окажутся вне закона, и все куры-несушки получат доступ к защищенным ящикам для гнездования с мягким полом.[39] В Нидерландах стандартные батарейные клетки перестанут быть законными в 1994 году, каждая курица будет иметь, как минимум, 1000 квадратных сантиметров, а также возможность свить гнездо и сточить когти. Но наиболее прогрессивен шведский закон, принятый в июле 1988 года. Он требует запрета батарейных клеток в течение последующих 10 лет и указывает на то, что коровы, свиньи и пушные животных должны содержаться в условиях, «максимально приближенных к естественным».[40]

Остальная часть Европы все еще ведет дебаты о будущем батарейных клеток. В 1986 году министры сельского хозяйства стран Европейского Сообщества установили минимальную площадь для кур-несушек – 450 квадратных сантиметров. Сейчас было решено, это этот минимум станет законным требованием лишь в 1995 году. Доктор Манди Хилл (Mandy Hill),

заместитель директора Глидторпской экспериментальной фермы при Министерстве сельского хозяйства Великобритании (the British Ministry of Agriculture's Gleadthorpe experimental farm), подсчитал, что в Великобритании надо будет переселить 6,5 миллионов кур. Это заявление указывает на то, что в настоящее время в Великобритании такое количество птиц находится на пространстве, меньшем, чем это смехотворный минимум.[41]

Но, поскольку общее количество несушек в Британии составляет около 50 миллионов, и примерно 90 процентов из них содержатся в клетках, это также показывает, что новое требование минимального пространства всего лишь узаконит очень большую плотность содержания, которая уже наблюдается у большинства производителей яиц.

Лишь меньшинство из них, которые набивают птиц еще теснее, чем требует стандарт, должны будут провести изменения. Между тем в 1987 году Европейский парламент рекомендовал упразднить батарейные клетки в Европейском сообществе в течение 10 лет.[42] Но Европейский парламент может давать только рекомендации, поэтому европейцам, желающим увидеть исчезновение клеток, пока нечему радоваться.

США далеко отстают от Европы даже в том, чтобы начать решение этой проблемы. 450 квадратных сантиметров, требуемые Европейским Сообществом, эквивалентны 70 квадратным дюймам на курицу; в США Объединенные производители яиц рекомендовали в качестве стандарта 48 квадратных дюймов.[43] Но часто птицы на фермах до сих пор имеют меньше места. На ферме Хайнсворт (Hainsworth farm) в Маунт Моррис (Нью-Йорк) в клетках размером 12 на 12 дюймов находились по 4 курицы, то есть, на одну птицу приходилось по 36 квадратных дюймов, и репортер добавил: «Некоторые содержат по 5 птиц, а в Хайнсворте больше птиц, чем пространства».[44] Правда заключается в том, что, какие бы ни существовали официальные или полуофициальные рекомендации, никто никогда не может предсказать, сколько птиц набьют в клетку. Чтобы узнать это, надо пойти и посмотреть. В Австралии, где правительственный «Кодекс практики» рекомендует содержать в клетке 18 на 18 дюймов не более 4 кур, а в 1988 году во время необъявленного заранее посещения фермы в штате Виктория выяснилось, что в одной из клеток такого размера находится 7 птиц, а во многих других по 5-6. Тем не менее, Министерство сельского хозяйства штата Виктория отказалось наказать виновника.[45] При содержании семи птиц в 18-дюймовой клетке на каждую из них приходится всего 289 квадратных сантиметров, или 46 дюймов. При такой плотности лист бумаги для печатанья равен пространству для двух кур, и птицы практически сидят друг на друге.

В стандартных условиях, на современных птицефабриках в США, Великобритании и почти во всех остальных развитых странах (за исключением Швейцарии, Нидерландов и Швеции), все природные инстинкты птиц подавлены. Они не могут ходить, рыть землю, купаться в пыли, строить гнезда, раскидывать крылья. Они не входят в стаю. Они не могут избегать друг друга, и более слабые птицы не имеют спастись от нападений более сильных, которые уже сошли с ума из-за неестественных условий. Невероятная плотность приводит к состоянию, которое ученые называют «стрессом». Оно напоминает стресс, наблюдающийся у людей при заточении, чрезмерной сдавленности, и нарушении основной деятельности. Мы видели, что у бройлеров этот стресс ведет к агрессивному клеванию и каннибализму. У несушек, живущих более длительное время, техасский натуралист Рой Бедичек (Roy Bedichek)

заметил другие признаки:

“ «Я внимательно смотрел на цыплят, выращиваемых таким способом, и они казались несчастными... Кажется, что батарейные куры, за которыми я наблюдал, забыли о времени, когда матери их отпускали от себя, и они сами начинали гнаться по траве за кузнечиками. Но батарейные клетки в буквальном смысле становятся сумасшедшим домом для кур».[46]

Шум – это еще один признак стресса. Куры, роющие землю в поле, обычно спокойны, только иногда они издают кудахтанье. Куры в клетках обычно склонны к очень шумному поведению. Я уже цитировал репортера, который посещал домик для молодок на ферме Хайнсворт и стал свидетелем «полного столпотворения». Вот сообщение того же репортера о домике для несушек: «Птицы в домике для несушек находятся в истеричном состоянии. Шум в домике для молодок не подготовил меня к этому. Птицы издают пронзительные звуки и кудахчут, когда проталкиваются к автоматической кормушке или поилке. Вот так куры проводят свою короткую жизнь, заключающуюся в бесконечном производстве».[47]

Другим источником стресса для курицы служит невозможность построить гнездо и отложить яйцо. Конрад Лоренц описывает процесс откладывания как самую жестокую пытку, с которой сталкивается батарейная курица:

“ «Для человека, знающего что-то о животных, это действительно душераздирающее зрелище – смотреть, как курица вновь и вновь пытается пробраться под своими соседями по клетке и тщетно ищет там укрытие. Несомненно, в таких условиях из кур яйца не выходят максимально долго. Их инстинктивное нежелание откладывать яйца перед толпой своих соседей, несомненно, так же велико, как нежелание цивилизованных людей испражняться в аналогичной ситуации».[48]

Точку зрения Лоренца поддерживает исследование, в котором куры могли получить доступ к коробке с гнездом только после того, как преодолевали все более трудные препятствия. На их высокую мотивацию откладывать яйца в гнезде указывало то, что они так же стремились к ящику в гнездом, как к еде после лишения пищи в течение 20 часов.[49] Возможно, одна из причин, по которой у них сформировался инстинкт нести яйца в одиночестве, заключается в том, что при их откладывании анальное отверстие становится красным и влажным, и, если это видят другие птицы, они могут клевать его. Выделение крови в результате клевания провоцирует дальнейшее клевание, и это может привести к каннибализму.

Существует еще одно свидетельство того, что куры никогда не теряют свои инстинкт строить гнездо. Несколько моих друзей взяли в дом кур, «срок службы которых на ферме подходил к концу, и их должны были отправить на бойню. Когда тех птиц выпускали во

двор и давали им солому, они сразу приступали к строительству гнезд – хотя до этого больше года провели в металлической клетке. В Швейцарии в конце 1991 года закон будет требовать, чтобы куры-несушки имели защищенные, затемненные ящики для гнезд с мягким полом или с подстилкой. Швейцарские ученые даже исследовали, какой вид подстилки куры предпочитают, и выяснили, что и батарейные куры, и те птицы, которых выращивали на подстилке, предпочитают шелуху от овса или пшеничную солому; как только птицы обнаружили, что у них есть выбор, ни одна из них не откладывала яйца на проволочном полу и даже на искусственной траве. Примечательно, что исследование показало следующее: почти все куры, которые выращивались на подстилке, покинули ящики с гнездами через 45 минут после того, как их туда пустили, а птицы из клеток, по-видимому, были потрясены новыми удобствами, что к концу этого периода 87% из них все еще сидели там![50]

То же самое происходит с другими основными инстинктами, которые нарушаются в условиях клеточной системы. Двое ученых наблюдали за курами, содержащимися в клетках первые 6 месяцев своей жизни, и выяснили, что в течение десяти минут после выпуска на волю половина птиц уже хлопала крыльями – в клетках это действие невозможно.[51] То же самое касается и купания в пыли – еще одно важное инстинктивное действие, которое, как выяснилось, необходимо для поддержания перьев в должном состоянии.[52] Сельская курица находит подходящий участок почвы, роет там ямку, вбивает себе в перья пыль, а затем производит энергичные движения, чтобы ее удалить.

Потребность в этом лежит на уровне инстинктов и присутствует даже у тех птиц, которые содержатся в клетках. Одно исследование показало, что у птиц на проволочном полу, наблюдается «повышенное выпадение перьев в брюшной области», и делается предположение, что «важным фактором может быть недостаток нужных материалов для купания в пыли, поскольку хорошо известно, что куры пробуют купаться в пыли прямо на проволочном полу».[53] И правда, другой исследователь выяснил, что у кур, содержащихся на проволоке, действительно чаще, чем у других птиц, живущих на песке, но в течение более короткого времени, наблюдается поведение, которое напоминает купание в пыли.[54]

Только вот нет там пыли для перьев. Потребность в пылевых ваннах так сильна, что куры упорно пытаются делать это, невзирая на проволочный пол, и стирают перья на животе. Опять же, если птиц выпустить из клетки, то они с удовольствием начнут купаться в пыли. Приятно смотреть как угнетенная, забитая, почти лысая курица, оказавшись в должных условиях, может за сравнительно короткое время вновь обрести и перья, и природное достоинство.

Чтобы оценить постоянное и острое нарушение жизни кур на современных птицефабриках, лучше всего понаблюдать за клеткой с птицами в течение короткого периода времени. Кажется, что они неспособны удобно стоять или сидеть. Даже если бы одна или две птицы находились в удобном положении в то время, как остальные птицы в клетке двигаются, они тоже должны совершать движения. Это все равно что представить себе, как три человека пытаются провести удобную ночь в односпальной кровати – с той разницей, что куры обречены на бесполезную борьбу не на одну ночь, а на весь год. Дополнительным раздражающим фактором служит то, что после нескольких месяцев в клетке птицы

начинают терять перья, это происходит отчасти из-за трения о проволоку, отчасти от того, что другие птицы постоянно их клюют. В результате проволока натирает им кожу, и часто можно видеть кур лишь с несколькими перьями и с ярко-красной израненной кожей, особенно вокруг хвоста.

Как и у бройлеров, выдирание перьев у несушек служит признаком стресса, а также, как указывает одно из процитированных выше исследований, «из-за недостатка нужной стимуляции, получаемой в физическом окружении».[55] Доказано, что в более разнообразной обстановке, когда птицы могут точить когти и имеют доступ к ящикам с гнездами, они клюют друг друга реже, и у них наблюдается меньшее повреждение перьев, чем при содержании в обычных клетках».[56] Выдирание перьев само по себе служит причиной дальнейших повреждений, потому что, как указала группа исследователей : «Царапины и повреждения кожи, особенно на спине, бывают чаще, когда кожа на спине лишается защиты, которая у кур в виде перьев. Таким образом, потеря перьев, страх и боль в ряде случаев бывают составляющими одного и того же симптома».[57]

К тому же, в большинстве клеток содержится птица (а в более крупных клетках, может быть, и не одна), которая потеряла волю и не сопротивляется, когда ее толкают и топчут другие куры. Возможно, на нормальной ферме эти птицы занимали бы низкую позицию в социальной иерархии, но в нормальных условиях это не имеет такого большого значения. Но в клетке им ничего не остается делать, кроме как жаться в угол, обычно в нижней части наклонного пола, а соседи, пытаясь подобраться к кормушке или поилке, топчут их.

Исходя из всех исследований на эту тему, предпочитают ли куры клетки или свободное содержание, кажутся бессмысленными, доктор Мэриан Доукинс (Marian Dawkins) с отделения зоологии Оксфордского университета взялась за этот вопрос, и ее работа обеспечивает еще большую научную поддержку для всего вышесказанного. Если у кур, которые знакомы как с загонем, покрытым травой, так и с клеткой, есть выбор, то они идут в загон. Кроме того, большинство из них отдают предпочтение загону без еды, а не клетке с едой.[58]

Несомненно, самым верным указателем на то, что курица содержится в неадекватных условиях, служит ее смерть. Высокая смертность наблюдается только в самых неподходящих условиях, потому что нормальная продолжительность ее жизни гораздо больше, чем те 1,5-2 года, которые позволено прожить курам-несушкам. Подобно людям в концлагерях, куры упорно стремятся к жизни даже в самых плохих условиях. Но на птицеферме смерть 10-15 процентов несушек в течение одного года считается нормальным явлением, многие из них умирают определенно от стресса, вызванного скученностью, и связанных с ним проблем. Вот пример:

“ «Согласно менеджеру птицеводческого ранчо близ Кукамонги, штат Калифорния, где содержатся 50000 несушек, ежедневно 5-10 птиц умирают от стресса, вызванного заточением (это составляет ль 2 до 4 тысяч в год). «Эти птицы, – он говорит, – не умирают от какой-то болезни.

Они просто не выносят стресса, вызванного скученностью».[59]

Тщательное исследование, которое было проведено сотрудниками отделения птицеводства в Корнельском Университете, подтвердило, что скученность повышает уровень смертности. За период, составляющий меньше года, смертность среди несушек, которые жили по трое в клетке размером 12 на 18 дюймов, составляла 9,6 процентов; при содержании в той же самой клетке четырех птиц смертность поднималась до 16,4 процентов; если в клетке находилось 5 птиц, то умирали 23 процента. Невзирая на эти открытия, исследователи сообщили, что «в большинстве случаев несушек породы леггорн должны содержаться по 4 птицы в клетке 12 на 18 дюймов», потому что большее общее количество получаемых яиц обеспечивает большую отдачу капитала и труда, и это с лихвой компенсировало то, что ученые называют «уменьшением птиц».[60] Действительно, заключает доклад, если стоимость яиц высока, то «пять несушек на клетку дают большую прибыль». Такая ситуация сходна с тем, что наблюдается в случае с бройлерами, и в очередной раз доказывает, что управляющие птицефабриками могут сделать большую прибыль, если будут содержать животных в большей тесноте, и это невзирая на то, что в таких условиях погибает больше животных. Поскольку кладка яиц – это физиологический процесс (подобно овуляции у женщин), куры продолжают нести их, даже если содержатся в условиях, нарушающих все их поведенческие потребности. Итак, курицы, которые производят нам яйца, живут и умирают. Возможно, тем, которые умирают рано, повезло, потому что им более крепким соседям не остается ничего, кроме как провести еще нескольких месяцев жизни в тесноте. Они несут яйца, пока продуктивность не снижается, а потом их отправляют на бойню и превращают в куриный суп или пироги. Это все, для чего их можно использовать.

Существует только одна альтернатива такому порядку, и она совсем не приятна. Когда яйценоскость начинает снижаться, есть возможность восстановить репродуктивную способность курицы с помощью процедуры, которая известна как «принудительная линька». Ее цель – заставить курицу пережить физиологический процесс, который в естественных условиях связан с сезонной потерей старого оперения и ростом новых перьев. После природной или искусственной линьки курица чаще несет яйца. Чтобы подвергнуть птицу, которая живет в сарае с контролируемой атмосферой, без сезонных изменений температуры и продолжительности светового дня, линьке, требуется шок для ее системы. Обычно куры обнаруживают, что пища и вода, которая до того времени была им доступна, внезапно исчезает. В частности, до совсем недавнего времени Британское Министерство сельского хозяйства рекомендовало, чтобы второй день принудительной линьки выглядел следующим образом:

“ «Никакой пищи, света и воды. Проверьте, чтобы кормушки были пустыми, уберите всю оставшуюся кашу, соберите яйца, потом отключите воду и свет и оставьте птиц на 24 часа».[61]

Стандартная практика заключалась в том, что через два дня вновь начиналась подача воды, а через день – пищи. В течение последующих нескольких недель восстанавливалось нормальное освещение. После этого ожидалось, что продуктивность выживших птиц (некоторые из них погибали от шока) окажется достаточной для того, чтобы держать их еще в течение примерно полугода.

В 1987 году, в результате давления зоозащитных организаций, метод принудительной линьки стал в Великобритании нелегальным, и теперь куры должны ежедневно иметь доступ к пище и воде. Но многие птицеводы считают, что эту процедуру проводить не стоит: куры дешевые, поэтому они предпочитают купить новых, когда яйценоскость имеющихся начинает идти на спад.

На протяжении всей жизни кур и вплоть до самого их у фермеров не наблюдается никакого сочувствия к курам, снесшим для них столько яиц. В отличие от убийцы, которого перед повешением кормят, приговоренные птицы могут не получить пищу. «Заберите корм у израсходованных кур», – рекомендует заглавие статьи в «Трибуне птицеводства», а следующая за ней статья рассказывает фермерам о том, что пища, которую куры получают в течение 30 часов перед забоем, пропадает, потому что производители не получают отдачи за корм, остающийся в желудочно-кишечном тракте.[62]

Из всех животных, которых обычно едят в западном мире, свинья, несомненно, самое умное. Природный интеллект свиньи сравним и, возможно, даже выше, чем у собаки; свиньей можно содержать в качестве компаньонов человека, и даже научить их простым командам, как собак. Когда Джордж Оруэлл поставил во главе «Скотного двора» свинью, его выбор был правильно обоснован и с научной точки зрения, и с литературной.

Когда мы рассматриваем, удовлетворительны ли условия выращивания свиней, нам надо помнить об их высокой организованности. В то время как интересы любого чувствующего существа надо рассматривать с одинаковым вниманием, неважно, умное оно или нет, у животных с разными способностями имеются разные потребности. Их всех объединяет потребность в физическом удобстве. Мы уже видели, что в этом элементарном условии отказано курам; со свиньями то же самое. Помимо физического комфорта, курице нужна социальная иерархия, которая наблюдается в нормальной стае; ей также может быть плохо без тепла и подбадривающего кудахтанья матери сразу после вылупления; а еще исследователи подтвердили, что цыплята тоже могут страдать от элементарной скуки.[63] То, что верно для кур, касается и свиней, причем в большей степени. Исследователи из Эдинбургского Университета наблюдали за свиньями с промышленной фермы, которых выпустили в загон с условиями близкими к естественным, и заметили, что у них имеются стабильные модели поведения: у них формируются стандартные социальные группы, они строят общие загоны, испражняются в стороне от гнезда и проявляют активность – большую часть дня бродят у края леса. Когда свиноматки готовы рожать, то они покидают общее стадо и строят свое собственное, а для этого ищут подходящее место, роют ямку, выстилают ее травой и прутьями. В ней они рожают и живут в течение девяти дней, а потом свинья и поросята возвращаются в группу.[64] Как мы увидим, в условиях промышленного животноводства свиньи не могут вести себя, согласно этим инстинктивным поведенческим моделям. На современных промышленных фермах свиньям нечего делать, кроме как есть,

спать, вставать и ложиться. У них обычно нет соломы или другого материала для подстилки, из-за чего им бывает сложнее поддерживать чистоту. При таком содержании свиньи точно нарастят массу тела, но они несчастны и испытывают скуку. Иногда фермеры замечают, что их свиньи любят стимуляцию. Один британский фермер рассказал в «Фермерском еженедельнике» (Farmer's Weekly), как он поселил свиней в заброшенном доме и обнаружил, что они играли во всем здании и гонялись друг за другом по ступенькам. Он сделал следующий вывод:

“ «Нашему поголовью требуется разнообразное окружение. Надо обеспечивать приспособления разного вида, формы и размера... Как и люди, они не любят монотонность и скуку».[65]

И на сегодняшний день научные исследования поддерживают это здоровое наблюдение. Французское исследование показало, что, если подавленным свиньям дать полоски кожи или цепи, то у них в крови снижается уровень кортикостероидов (гормонов, связанных со стрессом).[66] Британское исследование выявило, что при содержании свиней в скучной обстановке они испытывают такую скуку, что при получении пищи и ванны с землей они начинают валяться в грязи, прежде чем приступить к еде.[67]

При содержании в тесных условиях, когда делать нечего, у свиней проявляется склонность к тем же «порокам», что и у кур. Вместо выдирания друг другу перьев и каннибализма свиньи откусывают друг другу хвосты. Это ведет к дракам в загоне для свиней и снижению массы тела. У свиней нет клювов, и фермеры для предотвращения такого поведения не могут их обрезать, но они нашли другой способ устранить этот симптом без изменения условий, вызывающих его: они обрезают свиньям хвосты. Согласно Департаменту сельского хозяйства США:

“ «Обрезание хвостов стало распространенной практикой. Чтобы предотвратить откусывание хвостов свиньями в неволе. Это должны делать производители всех свиней, выращиваемых для убоя. Обрезайте хвосты на расстоянии 1/4-1/2 дюйма от тела и используйте для этого плоскогубцы-бокорезы или другой тупой инструмент. Мнущее действие помогает избежать кровотечения. Некоторые производители при проведении этой процедуры используют устройство для обрезания клюва у цыплят; оно также прижигает порезанную поверхность».[68]

Такая рекомендация возмутительна, но прежде чем я объясню, почему, вашему вниманию предлагается справедливое мнение свиновода относительно обрезания хвостов:

«Они ненавидят это! Свиньи просто ненавидят это! И я думаю, мы могли бы обойтись без обрезания хвостов, если бы давали им больше места, потому что при наличии большего пространства они не становятся такими сумасшедшими и злыми. Если у них есть достаточно места, они очень даже милые животные. Но мы не можем этого позволить. Строения стоят дорого».[69]

Ведущий исследователь, занимающийся сельскохозяйственными животными, предложил, помимо большего пространства, еще одно возможное средство:

“ «Вероятная причина, по которой свиньи направляют действия, присущие их виду, в необычное русло, заключается в том, что у них нет подходящего объекта. Возможно, они реже откусывают хвосты при нахождении в загонах с соломой отчасти из-за того, что солома оказывает «развлекательное» действие».[70]

Из выше сказанного, понятно, почему равнодушные рекомендации Департамента сельского хозяйства США возмутительны. Во-первых, там ничего не говорится о том, что при обрезании хвостов свиньям надо применять анестезию. Во-вторых, в них нет упоминаний о том, что необходимость обрезать хвосты служит индикатором того, что свиньи находятся в слишком тесном помещении, либо что у них нет соломы или других предметов, привлекающих их внимание.

По-видимому, проблема здесь заключается в том, что скучающие свиньи грызут любой привлекательный предмет, а если из-за покусов возникают раны и появляется кровотечение, то кровь может привлечь некоторых свиней, и они начинают кусать друг друга.[71] Но это очень характерно для менталитета, присущего современному животноводству, что Департамент сельского хозяйства и свиноводы предлагают калечить животных вместо того, чтобы предоставить им должные условия содержания.

Сходство между заключенными свиньями и курами проявляется также в том, что те и другие страдают от стресса, а в конечном итоге погибают из-за этого. Поскольку в свиноводстве каждая конкретная свинья вносит гораздо больший вклад в общую прибыль, чем курица, свиновод вынужден подходить к данной проблеме более серьезно, чем птицевод. Это состояние называется «синдром свиного стресса», и его признаки были описаны в одном из сельскохозяйственных журналов следующим образом: крайний стресс, ригидность, пятна на коже, затрудненное дыхание и часто – внезапная смерть».[72] Данное состояние очень огорчает производителей, потому что, как говорится в той же самой статье, «к сожалению, Вы часто теряете свиней из-за синдрома свиного стресса тогда, когда они уже почти достигают продажной рыночной массы, и Вы вложили в них полную стоимость корма».

Существуют весомые доказательства в пользу того, что свиной синдром стресса радикально участился тогда, когда выращивание животных в неволе стало более общепринятой практикой.[73] Свиньи в заточении настолько болезненны, что любое беспокойство, в том числе непонятный звук, внезапный яркий свет, собака фермера, может вызвать у них эти симптомы. Но если бы кто-нибудь предложил для устранения стресса отказаться от содержания животных в заключении, то реакция почти наверняка оказалась бы такой же, как несколько лет назад в журнале «Фермер и животновод» (Farmer and Stockbreeder); в то время заточение было еще относительной новинкой, и смерти от стресса только-только начали обращать на себя внимание:

“Эти потери никоим образом не сводят на нет дополнительную прибыль, которая появляется, благодаря увеличению общего объема продукции».[74]

В отличие от бройлерного и яичного бизнеса, в свиноводческой промышленности полное заточение не стало еще повсеместным, но сейчас уже наблюдается тенденция к этому. Обзор, сделанный Университетом Миссури (University of Missouri), показал, что в 1979 году у 54% средних производителей и у 63% крупных имелись приспособления, предполагающие полную изоляцию.[75] А в индустрии все больше доминируют крупные производители. В 1987 году Уильям Хоу (William Haw), президент «Национальных Ферм, Инк» (National Farms, Inc.) сказал, что «через 10 лет свиноводческий бизнес будет выглядеть так же, как бройлерный сейчас, и значение будут иметь не более 100 производителей».[76] Это известная история: «маленькие семейные фермы вытесняются из бизнеса крупными фабриками, каждая из которых «вырабатывает» от 50000 до 300000 свиней в год. «Тайсон Фудс» (Tyson Foods), крупнейшая бройлерная компания в мире, сейчас также занялась свиноводством.

Она обслуживает 69 комплексов, где происходит опорос и выращивание животных, и ежегодно отправляет на бойню свыше 600000 свиней.[77]

Итак, на сегодняшний день большая часть свиней проводят всю свою жизнь в помещении. Они рождаются и питаются материнским молоком в отделении для опороса, выращиваются главным образом в отделении для роста и достигают убойного веса в отделении для откорма. Если их не используют как производителей, то они попадают на рынок в возрасте 5-6 месяцев, в это время животные весят около 220 фунтов.

Желание снизить расходы, уходящие на оплату труда, стало основной причиной, по которой производители перешли на выращивание животных в заточении. При такой системе, когда благодаря автоматизированной кормежке и решетчатому полу, через который падает навоз, отчего его становится легко убирать, за всю работу на предприятии может отвечать один человек. Другая выгода, получаемая, благодаря заключению, состоит в том, что, вследствие меньшего пространства для движения, свиньи «сжигают» меньше пищи. По поводу всего этого один свиновод сказал: «Что мы стараемся сделать, так это изменить условия жизни животных для получения максимальной прибыли».[78]

Помимо стресса, скуки и недостатка места, современные отделы для свиней вызывают у животных проблемы со здоровьем. Одна из них – это атмосфера. Вот слова фермера из «Леман Фармз» (Lewman Farms) в Стровне, штат Иллинойс: «Аммиак разъедает легкие животных... Загрязненный воздух является проблемой. После того, как я поработал здесь какое-то время, я чувствую это на своих собственных легких. Но я, по меньшей мере, могу выйти отсюда на ночь. Свиньи не могут этого сделать, поэтому нам приходится держать их на тетрациклине, который на самом деле не помогает контролировать эту болезнь».[79]

Этот производитель не отличается плохими стандартами. За год до этого заявления Национальный Совет производителей свинины (National Pork Producers' Council) назвал «Леман» Лучшим производителем свинины в Америке. Еще одна проблема заключается в том, что полы в отделениях сделаны так, чтобы было легче делать уборку, а не чтобы животные чувствовали себя комфортнее.

В большинстве таких загонов пол либо решетчатый, либо сделан из твердого цемента. Ни один из этих вариантов нельзя считать удовлетворительным: в обоих случаях у свиней повреждаются ноги. Исследования показали, что повреждения ног очень распространены, но редактор журнала «Фермер и животновод», обсуждая решетчатый пол, ясно выразил позицию производителей по этому вопросу:

“ «Здоровый подход на данном этапе наших знаний заключается в том, что при расходуемом поголовье решетчатый пол имеет больше преимуществ, чем недостатков. Животное обычно убивают до появления у него серьезных деформаций. С другой стороны, племенное поголовье с более длительным сроком службы должно расти и иметь здоровые ноги; в данном случае риск повреждений перевешивает преимущества такого пола».

Американский производитель выразил это более кратко:[80]

“ «Нам не платят за животных с хорошей осанкой. Нам платят за массу».[81]

Тот факт, что животные попадают на забой до того, как у них развиваются серьезные деформации, может свести к минимуму финансовые потери производителя, но животным от этого не легче, потому что свиньи вынуждены стоять на неудобном полу, из-за которого возникают уродства конечностей. И они бы стали серьезными, если бы свиней не отправляли на убой в молодом возрасте.

Конечно же, решение заключается в том, чтобы отказаться от голого цементного пола при выращивании свиней. Один британский свиновод, содержащий 300 свиноматок, так и сделал: он выпустил животных во двор, где загоны выстланы соломой и имеются домики. Он сообщил:

«В то время, когда все наши беременные свиноматки находились в заточении, у нас все время были значительные потери из-за ссадин, заворота кишок, хромоты, язв и заболеваний тазобедренных суставов... Мы можем продемонстрировать, что у нас мало хромых свиноматок, и минимальный ущерб, причиняемый драками (при содержании на улице)».[82]

Очень мало свиней имеют такую роскошь как двор выстланный соломой, такая тенденция не является правильной. Голландские, бельгийские и британские свиноводы опять же взяли пример с птицеводческой промышленности и начали выращивать поросят в клетках. Сейчас это делают и американские производители. Помимо большей прибыли при меньших затратах, а также более нежного мяса из-за недостатка движений, основное преимущество клеток заключается в том, что с ними поросят можно раньше отнять от матери. Это означает, что у свиноматки прекращается лактация, а через несколько дней у нее восстановится способность к размножению. Она будет оплодотворена либо хряком, либо с помощью искусственного осеменения. Вследствие раннего отъема, свинья рождает в среднем 2,6 раза в год, хотя, если поросятам дать возможность кормиться материнским молоком в течение 3 месяцев, как это происходит в естественных условиях, то максимальное количество пометов за год составляет 2,0.[83]

Большинство свиноводов, выращивающих свиней в клетках, дают возможность побыть поросятам с матерью максимум неделю, прежде чем перевести их в клетки; но доктор Дж. Фрэнк Херник (J. Frank Hurnick), канадский ученый, специализирующийся на сельском хозяйстве, недавно разработал механическую свиноматку. Согласно одному из докладов, «успех Херника мог бы направить усилия интенсивного разведения на то, чтобы увеличить размер пометов. Пока что ограничением здесь служат молочные железы свиноматок».[84] Исследователи прогнозируют высокоавтоматизированные системы свиноводства, при которых каждая свиноматка будет приносить по 45 поросят в году, вместо средних 16, для этого надо будет сочетать искусственное вскармливание и другие новые приемы, вроде суперовуляции (при ней увеличивается количество плодородных яйцеклеток).

В этих разработкахстораживают два аспекта. Во-первых, какое это окажет воздействие на поросят, разлученных с матерью и выращиваемых в проволочных клетках. У млекопитающих раннее разлучение матери и детеныша становится причиной страдания для них обоих.

Что касается самих клеток, обычный гражданин, содержащий собаку в подобных условиях, может быть обвинен за жестокость. Но свиновод, который таким же образом содержит животное со сходным интеллектом, скорее получает налоговую льготу, а в некоторых странах и непосредственную правительственную субсидию.

Другим тревожным аспектом новых технологий служит то, что свинью превращают в живую машину для размножения. «Племенную свиноматку надо воспринимать как ценный механизм, функция которого – выкачивать поросят, так же, как это делает машина по производству сосисок».[85] Это сказал ведущий корпоративный менеджер, работающий в

компании «Мясо Уоллз» (Wall's Meat Company); а Департамент сельского хозяйства США призывает производителей относиться к свиноматкам следующим образом: «Если свиноматку рассматривать как устройство для производства поросят, то улучшенное управление при опоросе и при вскармливании приведет к тому, что за год больше поросят будут получены от одной свиноматки».[86] Даже в самых лучших условиях существование, состоящее из беременности, родов, отъема детенышей, следующего зачатия и дальнейшего повторения цикла, доставляет мало радости, но свиноматки живут не в лучших условиях. Во время беременности и родов они находятся в тесном заточении. Когда они вынашивают детенышей, их обычно запирают в индивидуальные металлические стойла два фута в ширину и шесть в длину – иными словами, они по размеру почти не отличаются от самой свиньи; либо же их могут привязывать на цепь; а иногда их помещают в такое стойло и в нем же привязывают. Там они живут два-три месяца. В течение всего этого времени они могут передвигаться не больше, чем на шаг вперед или назад; у них нет возможности повернуться или производить какие-либо движения, и причиной для такого жестокого одиночного заключения служит экономия на корме и рабочей силе.

Когда свинья готова к опоросу, ее перемещают, но всего лишь в «отдел для опороса» (люди рожают, а свиньи порождаются). Здесь движения свиньи, возможно, еще более ограничены, чем в предыдущем стойле. Во многих странах введено и широко используется устройство под названием «железная девушка»; оно состоит из железной рамки и не предотвращает свободные движения. Его цель состоит в том, чтобы не дать свинье ворочаться и давить поросят, но этого же результата можно добиться, если предоставить ей более естественные условия.

Когда свинью заточают в период беременности и вскармливания (либо если ей не дают возможность вскармливать), это означает, что она находится в строгом заключении почти всю свою жизнь. В таких условиях окружающая обстановка монотонна, и у животного нет возможности выбрать ее или изменить. Департамент сельского хозяйства США признает, что «у свиноматки, содержащейся в клетке, нет возможности реализовать такой инстинкт как строить гнездо», и это лишение может способствовать проблемам с опоросом и лактацией.[87]

Своим поведением свиноматки явно дают понять, что им неуютно находиться в такой форме заточения. В Университете Вагенинген (University of Wageningen, Нидерланды) Дж. Кронин (G. Cronin) получил ученую степень за исследования, в которых изучалось поведение заточенных свиноматок. Вот его описание того, как они себя ведут, когда их впервые помещают на привязь в загон:

“ «Свиноматки яростно кидались назад и натягивали привязь. Пытаясь освободиться, животные делали резкие движения головой и извивались. Часто они издавали громкие вопли и бились о стены стойла, где были привязаны. Иногда это приводило к тому, что свиньи падали на пол».[88]

Эти отчаянные попытки спастись могут длиться до трех часов. Кронин сообщает, что, когда они прекращаются, свиньи тихо лежат в течение долгого времени, уткнув рыло между решетками; иногда они тихо стонут или жалобно воют. Потом у животных появляются другие признаки стресса, например, они начинают глотать решетки клетки, жевать, хотя жевать нечего, мотать головой взад и вперед и так далее. Это известно как стереотипное поведение. Любой человек, побывавший в зоопарке, где львы, тигры, медведи заточены в решетки и цемент, наблюдал стереотипное поведение: животные постоянно бродят вдоль решетки своей клетки. У свиноматки нет даже такой возможности. В естественных условиях свинья – это очень активное животное; несколько часов в день она занимается поисками пищи, ест и исследует свое окружение. Как отметил один ветеринар, глотать прутья клетки – «это одно из немногих физических действий, которое возможно в такой изолированной обстановке».[89]

В 1986 году Отдел по исследованию зданий на шотландских фермах (The Scottish Farm Buildings Investigation Unit), исследовательская организация, поддерживаемая правительством, опубликовала обзор научных фактов на тему «Вызывает ли строгая изоляция страдания у свиноматок?» После того, как были обсуждены более 20 исследований, обзор сравнил стереотипное поведение у свиней с невротическими людьми, которые постоянно моют руки или крутят ими. Он дал ясный ответ на обсуждаемый вопрос:

“ «Тесное заточение свиноматок вызывает у них сильный дистресс».[90]
Британский совет по благополучию сельскохозяйственных животных, официальный консультативный орган при Британском правительстве, в докладе за 1988 год пришел к тому же самому выводу, выраженному более научным языком:

«Содержание как в клетке, так и на привязи не соответствует определенным критериям благополучия, которым мы уделяем особое внимание. Вследствие особенностей таких систем, животные, находящиеся в этих условиях, не могут совершать физические упражнения и совершать наиболее естественные для них действия; в самых разных системах, которые видели наши члены, было очень мало возможностей снять стресс, возникающий по причине нахождения в этих системах... Мы рекомендуем... чтобы правительство ввело законы, которые бы немедленно предотвратили любое дальнейшее строительство таких отделений».[91]

Свинья на недолгое время получает большую свободу в более крупном загоне, когда ее сажают к хряку, хотя это скорее всего тоже бывает в помещении. По меньшей мере, в течение 10 месяцев в году беременная либо кормящая свиноматка не может ходить. Когда станет более широко применяться искусственное осеменение, это чувствительное животное потеряет последнюю возможность совершать физические действия, а также общаться со своим сородичем, помимо недолгого контакта с детенышами.

В 1988 году, по прошествии более 20 лет после того, как свиноматок стали держать в заточении, появилось важное исследование, показывающее, что у несчастных племенных свиноматок и хряков есть еще один источник страданий: их постоянно морят голодом. Животным, которых откармливают для поставки на рынок, дают столько еды, сколько они могут съесть; но давать племенным животным больше того минимума, который требуется для поддержания репродуктивной функции, – это, по мнению производителя, пустая трата денег. Исследование показало, что свиньи, которые питаются, согласно рациону, рекомендованному Британским сельскохозяйственным исследовательским советом, получают лишь 60% от того количества еды, которое они съели бы, если бы у них было большее количество пищи. Более того, их готовность нажимать на рычаги, чтобы получить дополнительное количество пищи, оставалась почти неизменной после получения дневного количества пищи, то есть, они все еще испытывали голод после кормления. Вот какой вывод сделали ученые:

“ «При промышленном свиноводстве количество пищи, получаемое беременными свиноматками и хряками, удовлетворяет интересы производителя, но не ликвидирует чувство голода у животных. Часто предполагалось, что высокий уровень производства невозможен при недостаточно хороших условиях содержания. Тем не менее, голод из-за малого количества пищи, получаемого племенными животными, может служить значительным источником стресса».[92]

И вновь прибыль производителя и интересы животных вступают в конфликт. Просто невероятно, как это проявляется – в то время как сельскохозяйственное лобби постоянно уверяет нас, что только счастливые и ухоженные животные могут приносить прибыль.

Из всех ныне существующих форм промышленного животноводства наибольшее отвращение вызывает производство телятины. Его сущность заключается в том, что заточенным, анемичным телятам скормливают большое количество высокобелковой пищи таким способом, чтобы их мясо, которое идет на продажу владельцам дорогих ресторанов, было нежным и бледным. К счастью, размер этой индустрии не сопоставим по размеру с производством птицы, говядины или свинины; но нам стоит обратить на нее внимание, потому что она представляет собой крайнюю как по жестокости, так и по абсурдной нерациональности степень эксплуатации животных с целью обеспечения людей мясом.

Телятина – это мясо молодого теленка. Этот термин изначально использовался для обозначения телят, которых убивали до отъема от матери. Мясо таких молодых животных было бледнее и нежнее, чем теленка, который уже начал есть траву; но оно остается таким недолго, потому что телята начинают питаться травой в возрасте нескольких недель; в это время из них получается очень мало мяса. Это малое количество мяса делалось из ненужных в молочной промышленности бычков. Через день или два после рождения их везли на рынок, где этих животных, напуганных из-за странного окружения и разлуки с матерью, продавали для немедленной отправки на бойню.

В 1950-е годы производители телятины в Голландии нашли способ, с помощью которого можно было держать теленка живым более долгое время, и при этом его мясо не становилось красным и не грубело. Суть данного метода заключалась в том, чтобы содержать теленка в неестественных условиях. Если телят растить на свежем воздухе, то они будут резвиться по лугам и развивать свои мускулы, в результате, у него развиваются мускулы, делающие мясо более грубым, и станет сжигать калории, которые производитель вынужден замещать дорогой едой. Одновременно они начнут есть траву, и их мясо потеряет бледный цвет, как у новорожденных телят. Поэтому специалисты по производству телятины забирают животных с аукциона в заточение. Здесь, в переделанном или специально построенном сарае имеются ряды деревянных клеток, шириной 1 фут 10 дюймов, а длиной 4 фута 6 дюймов. В них решетчатый деревянный пол, который поднят над цементным полом сарая. Чтобы телята не могли вертеться в клетки, пока они еще маленькие, их привязывают на цепь. Потом, когда они вырастают настолько, что уже не могут поворачиваться в столь узком пространстве, цепь иногда снимают. В клетки нет соломы или другой подстилки, потому что животные могут съесть ее, а это испортит бледный цвет их мяса. Они покидают это помещение только тогда, когда их везут на бойню. Их кормят только жидкой пищей, которая состоит из обезжиренного молока с витаминами, минералами и лекарствами для ускорения роста. Телята так живут в течение 16 недель. С точки зрения производителя, преимущество такой системы заключается в том, что в 16 недель теленок может весить уже 400 фунтов, вместо 90 с небольшим (масса новорожденного теленка); а поскольку телятина продается по высокой цене, выращивание животных таким способом считается прибыльным делом.

Данный метод выращивания телят был введен в США в 1962 году компанией Провими Инк (Provimi, Inc) – это производитель продуктов в Уотертауне, штат Висконсин). Его название происходит от слов «протеины, витамины и минералы» – именно из них состоит пища теленка. Вполне закономерна мысль, что эти ингредиенты могут найти лучшее применение, чем для производства телятины. Как хвастается Провими, она разработала эту «новую и идеальную концепцию в выращивании телят», и до сих пор она является самой большой компании в этом деле: под ее контролем находится от 50 до 75 процентов внутреннего рынка. Ее заинтересованность в индустрии телятины связана с тем, что они развивают рынок для кормления животных. В настоящее время не существующий новостной бюллетень Провими, «Журнал улицы клеток» (The Stall Street Journal), дает нам представление об этой индустрии, которая в США и некоторых европейских странах практически не изменилась со времен появления этого журнала.

“ «Двойная цель, которая преследуется при производстве телятины, заключается, во-первых, в том, чтобы нарастить максимальную массу в кратчайшие сроки, во-вторых, в том, чтобы сохранить максимально бледный цвет мяса для удовлетворения требований покупателей. Прибыль здесь соразмерна риску и капиталовложениям».[93]

Узкие клетки и решетчатый деревянный пол являются серьезными источниками неудобства для телят. Когда они вырастают, то не могут даже с легкостью встать и лечь. Вот что

говорится в докладе исследовательской группы, которую возглавлял профессор Джон Вебстер (John Webster) с кафедры животноводства в школе ветеринарной науки (Бристольский Университет, Англия) (School of Veterinary Science, University of Bristol):

“ «Конечно, телята не могут лечь, вытянув ноги, в клетках шириной 750 мм. ... У них может возникнуть потребность лечь, если им жарко, и если они хотят охладиться. Подросшим телятам может быть жарко при температуре около 20 градусов по Цельсию (68 градусов по Фаренгейту). Невозможность принятия нужной позы, только ухудшает положение... После 10 недель жизни телята в не могли спать в нормальной позе и утыкали голову у бок. Отказ предоставить телятам возможность спать в нормальном положении – это серьезное нарушение благополучия животных. Для более сносного существования животного необходимо, чтобы ширина клеток была не менее 900 миллиметров».[94]

Американские читатели должны иметь в виду, что 750 мм эквивалентно 2 футам 6 дюймам, а 900 мм – 3 футам. Это больше, чем стандартные клетки шириной 1 фут 10 дюймов, которые используются в США.

Дополнительным источником страдания становятся слишком узкие клетки, в которых теленок не в состоянии даже повернуться. Помимо того, что в них нельзя повернуться, в них еще нет возможности привести себя в порядок; а у телят есть врожденная потребность вертеть головой и вылизывать себя. Исследователи из Бристольского Университета отметили следующее:

“ «Поскольку телята растут так быстро и выделяют столько тепла, примерно в 10-недельном возрасте они начинают линять. В этот период у них особенно сильна потребность вылизывать себя. Кроме того, очень часто происходит заражение паразитами, особенно при содержании в теплой и влажной обстановке. Телята в клетях не могут дотянуться до большей части своего тела. Отсутствие у теленка возможности тщательно себя вылизать, когда он не может свободно двигаться или, что еще хуже, использовать морду, – это неприемлемое нарушение благополучного развития».[95]

Решетчатый деревянный пол без какой-либо подстилки жесток и неудобен; такой пол причиняет боль коленам телят при подъеме и укладывании. Кроме того, парнокопытным животным передвижение по решетчатому полу крайне неудобно. Решетчатый пол напоминает решетку, которую животные всегда избегают, исключения составляют случаи, когда сетка решетки более мелкая. Но пространство должно быть достаточно большим, чтобы большая часть экскрементов проваливалась сквозь него, или чтобы их можно было убрать; по этой причине она достаточно крупная, что причиняет телятам невыносимую боль.

Бристольская команда описывала, как маленькие телята «в течение нескольких дней вели себя неуверенно и с неохотой меняли позу».

Телята очень болезненно воспринимают разлуку с матерью, у них также развит рефлекс сосания. Эта потребность у телят так же сильна, как у человеческих младенцев. Но у них нет ни соска, ни какой-либо замены. С первого дня заточения (которое может наступить уже на третий-четвертый день жизни) они пьют из пластмассового ведра. Предпринимались попытки кормить телят через искусственные соски, но содержание сосков в чистоте и стерильности, очевидно, не оправдывает интересы производителей. Часто можно наблюдать, как телята отчаянно пытаются сосать какую-то часть своей клетки, хотя обычно ничто для этого не подходит; а если вы дадите ему палец, он немедленно начнет его сосать, подобно тому, как дети сосут пальцы.

Потом у теленка появляется потребность жевать “жвачку” – то есть, брать в рот грубую пищу и пережевывать ее. Но жевание “жвачки” строго запрещено, потому что в такой пище содержится железо, которое делает мясо более темным. Поэтому, они утешают себя тем, что тщетно пробуют жевать стены своих клеток. У животных распространены расстройства пищеварения, в том числе язва желудка, а также хроническая диарея. Давайте снова обратимся к бристольскому исследованию:

«Телята лишены сухой пищи. Из-за этого у них полностью нарушается нормальное развитие рубца, а также наблюдается склонность к появлению волосяных шариков, которые также могут привести к хроническому несварению».[96] Но это еще не все – у теленка искусственным путем поддерживают анемию. «Журнал улицы клетей», выпускавшийся компанией «Провими», объясняет, почему:

“ «Цвет телятины – это один из ключевых факторов, задействованных в финансовой отдаче на рынке телятины... «Бледная телятина» – это элитный товар, пользующийся спросом в лучших клубах, гостиницах и ресторанах. Цвет отчасти зависит от количества железа в мускулах теленка».[97]

Итак, корма производства «Провими», так же, как и других компаний, делающих пищу для телят, бедны железом, и это делается специально. В нормальных условиях теленок получает железо из травы и других видов жвачки, но, поскольку телятам, выращиваемым на «бледную телятину», не дают делать этого, у них развивается анемия. Мясо бледно-розового цвета – это на самом деле анемичное мясо. Требование такого цвета на самом деле является делом снобизма. Такой цвет не влияет на его вкус и, конечно же, не делает мясо более питательным – он всего лишь свидетельствует о том, что в мясе мало железа.

Конечно же, анемия контролируется, без наличия железа в крови теленок может умереть. При нормальном количестве железа в пище его мясо не принесет столько денег. Поэтому при добавлении в пищу железа поддерживается такой баланс, чтобы телята (по крайней мере, большая их часть) могли держаться на ногах, пока не достигнут нужной массы, но

чтобы мясо при этом оставалось бледным, и тем не менее, это больные и анемичные животные. Поскольку им специально недодают железа, у них развивается острая потребность в нем, и они начинают лизать все железные детали в клетке. По этой причине на фермах используются деревянные клетки. Вот что Провими говорит своим клиентам:

“ «Основная причина, по которой клетки делаются не из металла, а из твердой древесины, состоит в том, что металл может повлиять на нежный цвет мяса... Держите все железо вне зоны доступа телят...»[98]

“ «Необходимо также, чтобы телята не имели доступа к постоянному источнику железа. (Надо проверять подаваемую воду, если содержание железа в ней высоко, выше 0,5 частей на миллион, то следует задуматься о фильтре для железа.) Клетки для телят необходимо конструировать так, чтобы телята не имели доступа к ржавому металлу».[99]

Острое желание теленка добраться до железа – это одна из причин, по которой производитель не дает ему двигаться в клетке. Хотя телята, как и свиньи, предпочитают не находиться вблизи своей мочи или кала, в моче содержится какое-то количество железа. Потребность в железе настолько велика, что животные преодолевают естественное отвращение и лижут доски, пропитанные мочой. Производителям это не нравится, потому что телята таким образом получают сколько-то железа, а еще при лизании досок они могут получить инфекцию от кала, падающего туда же, куда и моча.

С точки зрения Провими Инк, двойная цель при производстве телятины заключается в том, чтобы теленок набрал максимум массы, и чтобы мясо было как можно более бледным. Из всего этого видно, что делается ради достижения второй цели, но надо еще сказать о методах, с помощью которых добиваются ускоренного роста.

Чтобы телята росли быстро, им надо съедать как можно больше пищи и одновременно сжигать как можно меньше калорий. Чтобы теленок съедал больше, им в большинстве случаев не дают воды. Единственным источником жидкости служит пища – жирный заменитель молока, изготовленный из сухого молока с добавлением жира. В строениях, где они содержатся тепло, и животные, испытывающие жажду, потребляют больше пищи, чем съели бы, если бы у них была возможность пить воду. Часто в результате этого перекармливания телята выделяют много влаги, подобно человеку, которого заставили съесть слишком большой объем пищи слишком быстро.[100] В результате потоотделения, организм теряет влагу, и из-за этого наступает жажда, заставляющая в следующий раз снова объедаться. Согласно большинству стандартов, данный процесс считается вредным для здоровья, но производители телятины стремятся вырастить максимально тяжелых телят за самый короткий срок, и о здоровье животного в будущем здесь речи не идет – вскоре они оказываются на рынке. Поэтому Провими заявляет, что потоотделение служит признаком того, что «теленок здоров и быстро растет».[101]

Заставить теленка переедать – это полдела; другая половина заключается в том, чтобы как можно большая часть съеденного шла на нарастание массы тела. Одно из требований для достижения этой цели состоит в том, чтобы держать теленка в заточении и не давать ему возможности двигаться. Поддержание в сарае тепла также способствует этому, потому что при низкой температуре теленок сжигает калории для теплоты. Но и в теплом помещении телята склонны к беспокойству, потому что в течение всего дня им делать нечего, кроме как есть по два раза в день. Голландский исследователь написал следующее:

“ «Телята страдают из-за того, что у них нет возможности чем-либо заняться. Прием пищи занимает у них 20 минут в день! Помимо этого, животным делать нечего... Можно видеть, разные проявления стереотипного поведения, среди которых скрежет зубами, махание хвостом, движение языком... Такие стереотипные движения можно рассматривать как реакцию на то, что им нечем заняться».[102]

Чтобы снизить суетливость скучающих телят, многие производители телятины держат животных в темноте все время, за исключением тех периодов, когда их кормят. Поскольку в сараях для телят обычно нет окон, это просто означает, что в них выключают свет. Таким образом, телята, у которых уже отняли требующуюся им ласку, возможность движений и стимуляцию, лишаются зрительного возбуждения и контакта с другими телятами на протяжении более 22 часов из 24.[103] Телята, которых держат в таких условиях, это несчастные и больные животные. Несмотря на то, что производители телятины отбирают самых сильных и здоровых телят, постоянно добавляет к еде лекарства и при малейших признаках заболевания дополнительно делает уколы, пищеварительные, респираторные и инфекционные заболевания очень распространены. Часто хозяин обнаруживает, что в стаде из 10 телят одно животное оказывается неспособно пережить 15 недель заключения. 10-15-процентная смертность за такой короткий период была бы ударом для производителей говядины, но производители телятины нормально относятся к такой потере, потому что дорогие рестораны готовы заплатить немалые деньги за этот продукт.

Между ветеринарами, работающими с сельскохозяйственными животными, и хозяевами промышленных ферм (в конце концов, по счетам платят владельцы, а не животные), существует тесная связь, и есть один аспект, который сделал более натянутыми отношения между ветеринарами и производителями. Выпуск «Производителя телятины» (The Vealer) 1982 года сообщает следующее:

“ «Перед тем как вызвать ветеринара к действительно больному теленку, приходится долго ждать, и, кроме того, ветеринары неодобрительно (важно) относятся к контактам с производителями телятины, потому что в течение долгого времени отрицали принятые методы ведения сельского хозяйства. На протяжении многих лет должной практикой считалось кормление животных сеном, чтобы у них развивалась нормальная

Единственным оптимистичным аспектом в этой печальной истории является то, что условия содержания в телячьих клетях настолько плохи с точки зрения благополучия животных, и в результате, в требованиях Британского Правительства сейчас указано следующее: теленок должен иметь возможность поворачиваться без проблем, в его рационе должно быть достаточно железа, «чтобы поддерживать нормальное здоровье и силы», а также достаточно волокон для развития рубца.[105] Это минимальные требования благополучия, и они еще весьма далеки от того, чтобы потребности телят удовлетворялись; но в США практически все производители телятины, а в Европе – многие нарушают и их.

Если читатель вспомнит, что весь этот трудный, затратный и болезненный процесс выращивания телят существует с одной целью – побаловать людей, требующих бледного, мягкого мяса, – то дальнейшие комментарии не потребуются.

Как мы видим, производство телятины является побочным продуктом молочной индустрии. Производители должны убедиться в том, чтобы молочные коровы были беременны каждый год и могли давать молоко. Детей отнимают у них после рождения – этот процесс одинаково травмирует и мать и теленка. Мать часто выражает свои чувства: постоянно зовет своего детеныша, мычит в течение многих дней, после того как ее разлучили с теленком. Некоторых телок выращивают для того, чтобы они составили замену имеющимся молочным коровам – в возрасте примерно двух лет у них начинает вырабатываться молоко. Других телят продадут в одно-двухнедельном возрасте: их будут выращивать для убоя, с этой целью их помещают в загон для откорма. Оставшуюся часть продадут производителям телятины – они тоже существуют за счет молочной промышленности. Этих животных посадят на молочную диету и будут поддерживать у них анемию. Как написал Джон Вебстер с кафедры животноводства Бристольского университета:

“ «Теленок, родившийся у молочной коровы, больше страдает от нарушений нормального развития, чем какое-либо другое сельскохозяйственное животное. Вскоре после рождения его разлучают с матерью, лишают естественной пищи – цельного коровьего молока – и кормят более дешевыми жидкими заменителями».[106]

Молочную корову, которую когда-то можно было видеть мирно, даже идиллически бродящей по холмам, это теперь тщательно контролируемая и хорошо настроенная машина для производства молока. Пасторальная сцена – корова, играющая со своим теленком на лугу – не является элементом коммерческого производства молока. Многие молочные коровы выращиваются внутри помещения. Некоторые содержатся в индивидуальных загонах, где места хватает только на то, чтобы встать и лечь. Все вокруг полностью контролируется: им дают определенное количество воды, температура удерживается такая, чтобы молока образовывалось максимальное количество, свет включается автоматически. Некоторые фермеры выяснили, что цикл, при котором светло в течение 16 часов, и темно в

течение 8 часов, способствует большей выработке молока. После того, как корову разлучают с первым теленком, ее начинают использовать для доения. Доение происходит два, иногда три раза в день, в течение 10 месяцев. После третьего месяца ее опять оплодотворяют. Ее доят до того времени, пока до рождения теленка не будет оставаться 6-8 недель, а потом, после его отъема, опять начинают доить. Обычно этот интенсивный цикл из беременностей и гиперлактации может продолжаться только около пяти лет, а потом использованную корову отправляют на бойню, чтобы сделать из нее гамбургеры или собачий корм.

Чтобы максимально повысить удои, производители кормят коров высококалорийными кормами, такими как соевые бобы, порошок рыбы, отходы пивоварения и даже птичий помет. Пищеварительная система коровы не может должным образом перерабатывать такую пищу. Рубец предназначен для того, чтобы переваривать медленно бродящую траву. Во время самой активной выработки молока, в течение нескольких недель после родов, корова часто расходует больше энергии, чем она способна принять. Поскольку ее способность вырабатывать молоко превосходит способность метаболизировать пищу, животное начинает срывать и использовать ткани собственного организма; то есть, она «доит свою собственную спину».[107]

Молочные коровы – это чувствительные животные, и в результате стресса у них наблюдаются как физиологические, так и психологические расстройства. Современная система производства молока не позволяет фермеру уделять каждой корове больше 5 минут в день. В статье под названием «Молочные фермы, не требующие пастбищ» одна из самых больших фабрик хвастается достижением, которое «позволяет одному рабочему кормить 800 телят за 45 минут – в обычных условиях эту работу выполняют несколько человек в течение всего дня».[108]

Сейчас ведется работа над тем, чтобы научиться вмешиваться в естественные гормональные процессы у коровы и заставить ее вырабатывать еще больше молока. Гормон роста бовин (в Европе он известен как бовин соматотропин или БСТ) рекламируется как средство для радикального увеличения надоев.

Выяснилось, что коровы, которым ежедневно вкалывают этот гормон, дают на 20% больше молока. Но, помимо того, что ежедневные уколы причиняют боль, организм животного в таких условиях испытывает еще большую нагрузку; им требуется более полноценное питание, и у них ожидается еще больше болезней, которые и так поражают многих молочных коров. Давид Кронфельд (David Kronfeld), профессор диетологии и руководитель крупной ветеринарной клиники при Школе ветеринарной медицины Пенсильванского Университета (University of Pennsylvania School of Veterinary Medicine), сказал, что в одном из испытаний более половины коров, получавшие БСТ, страдали от мастита (болезненное воспаление молочной железы), а в контрольной группе, не получавшей этот препарат, ни одно из животных не нуждалось в лечении от этой болезни.[109] В настоящее время протест против БСТ исходит как от молочных фермеров, так и защитников животных. Это вряд ли удивит, потому что исследования, проведенные в Управлении по оценке технологий при Конгрессе США, показали, что введение в практику БСТ на крупных фермах вытеснит из бизнеса 80 000 американских фермеров, производящих молоко – это половина от их нынешнего количества.[110] Один фермер с запада Англии отметил следующее: «Главную

прибыль от этих инъекций для коров получают богатые фармацевтические компании» и добавил: «Давайте все-таки получать молоко от довольных коров, а не из игл жадных промышленников».[111]

Но увеличение производства, вызванное бовином, – это ничто по сравнению с тем, что прогнозируют энтузиасты новой репродуктивной технологии. В 1952 году на свет появился первый теленок, который был зачат с помощью искусственного оплодотворения. Сейчас это практически стандартный метод. В 1960 году телята впервые выросли из эмбрионов, пересаженных от одной коровы к другой. Эта технология означает, что с помощью гормонов роста можно создать особенно высокопродуктивную корову, у которой одновременно оказываются готовы десятки яйцеклеток. После искусственного оплодотворения, при котором используется сперма лучшего быка, эмбрионы можно изъять из ее матки и пересажены менее дорогим суррогатным матерям, это делается через надрез в боку. Таким образом, от лучших производителей можно быстро оплодотворить целое стадо. Благодаря возможности заморозить эмбрионы, которая была разработана в 1970-е годы, их пересадка стала более востребованной, и ежегодно в США проводится по 150 000 таких операций, в результате них рождается по меньшей мере 100 000 телят. Следующими шагами в создании еще более продуктивных животных станут генная инженерия и, возможно, клонирование.[112]

Традиционно, скот, который выращивается в Америке для получения говядины, свободно бродил по широким открытым пространствам. Мы это видим в ковбойских фильмах. Но статья из Peoria Journal Star, претендующая на юмор, показывает нам, что нынешнее содержание животных отличается от того, что было раньше: «Дом ковбоя не обязательно находится на ранчо. Скорее, ферма представляет собой загон, и быки ближе всего подходят к полыни, когда уже становятся жареным мясом в горшочке. Так выглядит современное ранчо. Это ферма Норрис – вместо того, чтобы присматривать за 700 животными на территории в 20 000 акров, которая представляет собой прерию с редкой травой, они ухаживают за 7 000 животными на 11 акрах цемента».[113]

По сравнению с цыплятами, свиньями, телятами и молочными коровами мясной скот все же больше бывает на свежем воздухе, но время, на протяжении которого они могут это делать, сократилось. Двадцать лет назад животные бродили в течение двух лет. Сейчас те счастливчики, у которых есть возможность гулять, лишаются ее по прошествии 6 месяцев, когда настает время откорма. То есть, чтобы дойти до рыночной кондиции, им нужно более калорийное питание, чем трава. С этой целью их переправляют на большие расстояния и сажают в загоны. Здесь в течение 6-8 месяцев они едят кукурузу и другие злаки. Потом их отправляют на бойню.

Основным направлением в индустрии скотоводства стал рост количества крупных откормочных загонов. Из 34 миллионов голов скота, убитых в 1987 году в США, 70% были отправлены на забой из таких загонов. В настоящее время треть говядины в этой стране ведет оттуда свое происхождение. Это крупные коммерческие предприятия, и их часто финансируют нефтяные компании или олигархи, стремящиеся к налоговым послаблениям. Откормочные загоны приносят прибыль, потому что при питании зерном скот быстрее набирает вес, чем при питании травой. Но, как и у молочных коров, у мясного скота желудок

не приспособлен к той концентрированной пище, которую они получают при откорме. Часто, стремясь получить больше клетчатки, чем им дают при кормлении, животные вылизывают свою шерсть и друг друга. Попадание большого количества волос в рубец может вызвать абсцессы.[114] Но если зерно разбавить клетчаткой, которая так необходима животным, то прибавка в весе будет не такой быстрой.

В загонах крупный рогатый скот не настолько заточен, как куры в батарейных клетках или свиньи, телята и часто молочные коровы в клетках. Плотность содержания увеличивается, но даже когда она достигает до 900 животных на акр, каждое животное имеет пространство 50 квадратных футов и может гулять по участку площадью в акр – они здесь не изолированы друг от друга. Проблемой в данном случае является скука из-за монотонной обстановки, а не пространство. Очень серьезной проблемой служит подверженность погодным условиям. Летом животные могут находиться на солнце без тени; зимой у них нет защиты от погодных условий, к которым природа их не подготовила. Во время метелей 1987 года некоторые фермеры сообщали о серьезных потерях. Они подсчитали, что погибли от 25 до 30% телят и 5-10% взрослого крупного рогатого скота. Один фермер из Колорадо сказал следующее: «Для телят было мало защиты. Из-за нахождения под открытым небом большая часть телят была потеряна. У нас шел мокрый снег, а потом сразу похолодало». В другом случае во время бури погибло 75 телят из 100.[115]

Некоторые производители говядины в Европе последовали примеру птицеводческой, свиноводческой и телячьей промышленности и перевели животных в закрытое помещение. В США, Великобритании и Австралии постоянное пребывание внутри считается экономически неоправданным.

Оно защищает животных от неблагоприятных погодных условий, но это всегда происходит ценой большей скученности, потому что владелец скота хочет максимально окупить затраты на помещение. При интенсивном содержании животные обычно находятся в загонах группами, а не в индивидуальных стойлах. Чтобы облегчить уборку, часто используется решетчатый пол, несмотря на то, что крупному рогатому скоту так же неудобно на нем, как свиньям и телятам, и это часто приводит к хромоте.

Ни один из аспектов животноводства не застрахован от нашествия технологии и давления, направленного на интенсификацию производства. Новорожденные телята, которые выступают в роли радостных символов весны, уже оказались в темных домах заточения.[116] В Центре по исследованиям в области кролиководства (Орегонский университет) (Oregon State University Rabbit Research Center) ученые разработали клеточную систему для выращивания кроликов и в настоящее время ставят эксперименты по содержанию двух кроликов на квадратном футе.[117] В Австралии овец для получения сверхтонкой шерсти теперь разводят в помещении, в индивидуальных и групповых загонах – чтобы шерсть была длинной и тонкой. Шерсть таких овец стоит в 5-6 раз дороже, чем обычно.[118] Пушная промышленность любит подчеркивать, что мех, выращенный на ферме, – это альтернатива меху, который добывается с помощью капканов и имеет плохую славу, но зверофермы работают по интенсивным законам. Норки, еноты, хорьки и другие пушные животные содержатся в маленьких проволочных клетках. Например, красивый полярный песец в нормальных условиях пробегает в тундре тысячи акров, а в неволе он

живет в клетке размером 42 на 45 дюймов.

Сейчас мы взглянули на основные тенденции в выращивании животных, при котором традиционные методы превратились в промышленное животноводство, напоминающее фабрику. К сожалению, в том, что касается животных, со времени публикации этой книги 15 лет назад произошло очень мало изменений. В то время стало уже ясно, что современные методы производства не совместимы с истинной заботой о благополучии животных. Впервые свидетельства в пользу этого факта были собраны в революционной книге «Животные машины», опубликованной в 1964 году, и получили авторитетную поддержку Комитета Брамбелла (the Brambell Committee). Этот комитет учрежден Британским министром сельского хозяйства, и в его состав входят самые квалифицированные специалисты в области ветеринарии. Помимо Брамбелла, выдающегося зоолога, комитет включал в себя Уильяма Х.Торпа (W.H.Thorpe), заведующего кафедрой поведения животных в Кембриджском университете и других экспертов в области ветеринарии, животноводства и сельского хозяйства. В 1965 году после тщательного расследования они опубликовали официальный доклад длиной в 85 страниц. В нем Комитет категорически отрицал то, что продуктивность служит удовлетворительным признаком, говорящем об отсутствии страданий. По их словам, то, что животное набирает вес, может быть признаком «патологического состояния». Они также опровергли точку зрения, что сельскохозяйственные животные не страдают от заточения, потому что выводились для него и привыкли к нему. Торп подчеркнул следующее: наблюдения за домашними животными показали, что они остаются «по большому счету такими же, как были в доисторические времена», и что у них от рождения присутствуют модели поведения и потребности, даже если животное никогда не знало естественных условий. Торп сделал следующий вывод:

“ «Определенные базовые факты достаточно ясны, чтобы оправдать действия. Признавая необходимость значительных ограничений, мы должны провести линию между условиями, при которых подавляются все или почти все природные инстинктивные потребности, соответствующие уровню социальной организации у предков животных, и между тем, что возникло в малой мере (если вообще возникло) в процессе одомашнивания. В особенности жестоко заточать животное на большую часть его жизни, так что в результате этого действия, животное не может существовать, согласно нормам поведения».[120]

Итак, рекомендации Комитета основываются на простом, но важном положении:

“ «Мы в принципе не одобряем такую степень заключения животного, при которой неизбежно нарушение его деятельности, составляющей его естественное поведение... По крайней мере, животное должно обладать достаточной свободой движений, чтобы у него была возможность без

труда поворачиваться, вылизывать себя, вставать, ложиться и вытягивать конечности».[121]

В этих «пяти основных принципах свободы», как их стали называть с тех пор, – поворачиваться, заниматься туалетом вставать, ложиться и свободно вытягивать конечности, что до сих пор отказано всем батарейным курам, свиньям в загонах и на привязи и телятам в клетках. Но с тех пор, как Комитет Брамбелла выпустил свой доклад, появилось огромное количество научных материалов, во всех аспектах подтверждающих вывод, сделанный Комитетом Брамбелла. Например, мы уже наблюдаем, как в ходе Эдинбургского исследования, когда свиньи наблюдались в обстановке, приближенной к естественной, у них выявилось сохранение естественных моделей поведения.[122] Неправильность мнения, что для выработки продукции животные должны испытывать удовлетворенность, уже общепризнанна среди ученых. В исследовании 1986 года, которое было опубликовано в журнале «Американский ученый», представлена экспертная точка зрения по поводу этого аргумента:

“ «Что касается домашних животных, этот аргумент может вводить в заблуждение по следующим причинам. Селекция животных была направлена на то, чтобы они могли расти и размножаться в самых разных условиях, многие из которых неблагоприятны. Например, куры могут по-прежнему нормально нести яйца при сильных ранениях. Более того, часто ростом и размножением управляют с помощью таких манипуляций как изменение светового дня или добавление в корм веществ, стимулирующих рост, вроде антибиотиков.

Наконец, на современной промышленной ферме, где один рабочий за год может ухаживать за 2 000 головами скота или 250 000 бройлерными цыплятами, рост и размножение животных высчитывается, исходя из того, сколько яиц или мяса было произведено в сравнении с затратами на помещение, отопление и корм. О производительности каждого конкретного животного имеется мало информации».[123]

Доктор Билл Джи (Bill Gee), основатель Управления по охране здоровья животных при Австралийском правительстве (Australian Government's Bureau of Animal Health), сказал следующее:

“ «Часто говорят, что продуктивность сельскохозяйственных животных служит показателем их благополучия. С этим заблуждением надо покончить раз и навсегда. «Благополучие» относится к самочувствию каждого конкретного животного, а «продуктивность» означает отдачу от

каждого израсходованного доллара или от каждой единицы ресурсов».[124]

Я уже несколько раз приводил информацию, опровергающую этот аргумент. Хотелось бы думать, что он остался в прошлом навсегда, но, несомненно, он по-прежнему будет всплывать всякий раз, когда сторонники агробизнеса будут настойчиво убеждать людей, что на фермах все благоприятно.

Европейский парламент в какой-то мере признал весомость аргументов против промышленного животноводства, когда в 1987 году рассмотрел доклад о благополучии животных и принял стратегию, включающую в себя следующие пункты:

“ Отказаться от содержания телят в индивидуальных клетках и не лишать их железа и грубой пищи. Вывести из употребления батарейные клетки в течение 10 лет.. Прекратить содержание свиней в индивидуальных загонах или на привязи. Отказаться от нанесения увечий, таких как обрезание хвостов и кастрация хряков.[125]

Когда эти предложения принимались, за них проголосовало 150 человек, против – 0, и двое воздержались. Но, как мы уже отмечали, хотя Европейский парламент состоит из выборочных представителей от всех стран Европейского сообщества, он является всего лишь консультативным органом. Мощное лобби в лице агробизнеса прилагает все усилия для того, чтобы эта стратегия не воплотилась в жизнь. Вместе с тем, эта резолюция свидетельствует о том, что европейская общественность проинформирована по данному вопросу. Но что касается не слов, а действий, то со времени первого издания этой книги, условия содержания животных улучшились лишь в нескольких случаях. В Швейцарии сейчас происходит отказ от батарейных клеток для кур, а в магазинах можно купить яйца, полученные в альтернативных системах производства. При этих новых системах у птиц есть возможность ходить, рыть землю, купаться в пыли, прыгать и откладывать яйца в защищенных ящиках с подходящими материалами для гнезд. И яйца кур, живущих в таких условиях, лишь ненамного дороже.[126] В Великобритании единственным реальным признаком, свидетельствующим об улучшении положения сельскохозяйственных животных, стал запрет индивидуальных клеток для телят. В настоящее время Швеция оказалась впереди по улучшению благополучия условий содержания животных (так же, как и других социальных реформ); законы, которые были приняты в Швеции 1988 году, обещали изменить условия содержания всех сельскохозяйственных животных.

В этой главе я сосредоточил внимания на жизнь животных в США и Великобритании. Читатели из других стран, могут подумать, что в их странах с этим не так все плохо; но если они живут в одной из индустриальных стран (за исключением Швеции), у них нет оснований для спокойствия. В большинстве стран условия содержания ближе к тому, что мы видели в США, чем к тому, что было рекомендовано выше.

Наконец, важно помнить, что применение на практике «пяти свобод», введенные Комитетом Брамбелла, резолюции Европейского парламента, и даже нового шведского законодательства стали бы важным шагом вперед для Великобритании, США и всех других стран с промышленным животноводством, ни одна из этих реформ не рассматривает не рассматривает одинаково интересы животных и людей. Они представляют собой более гуманную форму спесишизма, но он все же остается самим собой. Еще ни в одной стране правительственные органы не подвергли сомнению идею, что интересы животных и интересы человека не стоят одинакового рассмотрения. Вопрос всегда стоит так: возможно ли избежать страданий. Это означает, что в процессе производства тех же самых животных продуктов, страданий может и не быть, а их стоимость будет чуть выше, чем обычно. А неоспоримое предположение заключается в том, что люди имеют право использовать животных для своих целей, они имеют право выращивать их и убивать для употребления в пищу.

В этой главе я сосредоточился на современных методах промышленного животноводства, потому что общественность в основном ничего не знает о страданиях, которые неизбежны при таких методах; но животные страдают не только из-за промышленного животноводства, это было нормальной практикой в течение веков. Из-за этого мы можем не придавать ему значения, но сей факт не утешит животных, которым приходится испытывать такие страдания. Давайте, например, взглянем на некоторые обычные процедуры, которым до сих пор подвергают крупный рогатый скот.

Почти все производители говядины обрезают своим животным рога, клеймят их и кастрируют. Все эти манипуляции могут вызывать острую физическую боль. Рога срезаются, потому что животные с рогами занимают больше места у кормушки при переходе, а еще потому, что при большой скученности они могут травмировать других животных. Из-за туш с кровоподтеками и поврежденных шкур производители несут убытки. Рога – это не нечувствительная кость. При удалении рогов перерезаются ткани и артерии, и в результате начинает хлестать кровь, особенно если теленку не сделали эту операцию вскоре после рождения.

Животных кастрируют потому, что, как считается, волы лучше набирают вес, чем быки (хотя на самом деле у них просто образуется больше жира), а также вследствие опасения, что из-за мужских гормонов у мяса может появиться неприятный запах. Кроме того, кастрированными животными проще управлять. Большинство фермеров признают, что эта операция вызывает у животного шок и боль. Анестезия обычно не используется. Эта процедура состоит в том, что животное связывают, берут нож и разрезают мошонку, обнажая, таким образом, яички. Потом каждое яичко берут руками по очереди, тянут, и связка, держащая их, разрывается; а в случае с более взрослыми животными может возникнуть необходимость перерезать связку.[127]

Некоторые фермеры, к чести для себя, обеспокоены этой болезненной операцией. С.Дж.Скрагс (C.G.Scruggs), редактор журнала «Прогрессивный фермер» (the Progressive Farmer) в статье «Нож для кастрации должен остаться в прошлом» (“The Castration Knife Must Go”) говорит о «крайнем стрессе во время кастрации» и предлагает не подвергать этой манипуляции бычков, потому что все большим спросом пользуется нежирное мясо.[128] Та

же самая точка зрения высказывалась и применительно к свиноводству, где применяется аналогичная практика. Согласно статье в британском журнале «Свиноводство» (Pig Farming),

“«Сама по себе кастрация – это жестокое дело, даже для толстокожих свиноводов на промышленных фермах. Меня удивляет, почему не поставлен этот вопрос для обсуждения».

А поскольку исследования сейчас нашли способ обнаружения запаха, который иногда исходит от мяса хряка, эта статья предлагает «дать отдых ножу для кастрации».[129]

Клеймение животных с помощью горячего железа практикуется широко, это делается, чтобы животное не потерялось, и чтобы его не украли (в некоторых районах такие случаи все еще имеют место), а также для облегчения учета. Хотя у крупного рогатого скота кожа толще, чем у человека, она не защищает животных от раскаленного докрасна железа, которое прикладывают прямо на кожу (волосы перед этим удаляют) и держат в течение пяти секунд. Для того чтобы животное позволило эту операцию, его валят на землю и связывают, или же крупный рогатый скот держат в устройстве под названием «сжимающий контейнер»; оно представляет собой регулируемую клетку, которую можно приспособить под размер животного. Но даже в таких условиях, как говорится в одном руководстве, «во время прикладывания железа животные обычно прыгают».[130]

Если говорить о дополнительных манипуляциях, то крупному рогатому скоту часто подрезают острым ножом уши, чтобы придать им определенную форму; это делается с тем, чтобы их можно было определить на большом расстоянии или сзади (в этом случае клеймо не видно).[131]

Таковы некоторые стандартные процедуры, которые применяются при традиционном выращивании крупного рогатого скота. С другими животными, предназначенными для употребления в пищу, обращаются примерно так же.

И, наконец, когда мы говорим о благополучии животных, важно помнить, что почти все методы подразумевают разлучение матери с детенышем в раннем возрасте, а за этим стоят большие страдания для них обоих. Ни одна из форм выращивания животных не дает им возможности развиваться и стать частью сообщества животных, как это происходит в естественных условиях.

Хотя кастрация, клеймение и разлука матери с детенышем причиняли животным страдания в течение веков, жестокость транспортировки и забоя вызвали в девятнадцатом веке самые отчаянные просьбы со стороны гуманного движения. В США животных забирали с пастбищ близ Скалистых гор на железнодорожную станцию и везли в переполненных вагонах в течение нескольких дней без пищи, пока поезд не приезжал в Чикаго. Там, в огромных дворах, где воняло кровью и разлагающимся мясом, животные, пережившие путешествие, ждали своей очереди: их затаскивали и загоняли на наклонную платформу, сверху которой

стоял мужчина с резак мясника. Если им везло, он попадал в цель; но так везло не всем. С тех пор произошли некоторые изменения. В 1906 году был принят федеральный закон, ограничивающий время, которое животные могли проводить в железнодорожном вагоне без пищи и воды, до 28 часов (в отдельных случаях до 36 часов). По прошествии этого срока животных следовало разгрузить, накормить, напоить, а также дать им отдых длиной не менее 5 часов, прежде чем перевозка будет продолжена. Конечно, 24-36 часов в накрываемом железнодорожном вагоне без пищи и воды – это тоже немалый срок, и страдания все равно причиняются, но это улучшение. Что касается убоя, тут тоже кое-что было улучшено. На сегодняшний день большую часть животных оглушают перед забоем, и теоретически это означает, что они умирают безболезненно – хотя по данному поводу имеются сомнения. Благодаря этим улучшениям, транспортировка и убой сейчас представляют меньшую проблему, чем промышленные методы производства, которые превращают животных в машины, преобразующие дешевый корм в дорогое мясо. Любопытный рассказ о том, что происходит с вашим обедом, пока он все еще является животным, был бы неполным без описания способов транспортировки и забоя.

Перевозка животных – это не только заключительный путь на бойню. Когда убой происходил в основных центрах, таких как Чикаго, эта была самая длинная и во многих случаях единственная поездка, которую приходилось совершать животным. Они достигали рыночного веса на открытых пространствах – тем же, где и рождались. Когда вследствие заморозки забой стал проводиться менее централизованно, путь на бойню значительно сократился. Но в наши дни животные, особенно скот, редко рождаются и выращиваются до рыночного веса в одном и том же месте. Молодые бычки могут появиться на свет в одном штате, например, во Флориде, а потом их перевозят на пастбище, находящееся на расстоянии многих миль – например, в западный Техас. Животных, которые провели год на выпасах в Юте или Вайоминге, часто переправляют в откормочные загоны в Айове или Оклахоме. Им приходится проезжать до двух тысяч миль. И путь на откорм часто оказывается длиннее и мучительнее, чем путь на бойню.

Согласно Федеральному закону 1906 года, животные, которые едут по железной дороге, должны отдыхать, получать пищу и воду по меньшей мере каждые 36 часов. Но в нем ничего не говорится о животных, которые едут на грузовиках. В то время грузовики не использовались для транспортировки животных. И 80 лет спустя перевоз животных на грузовиках не регулируется на федеральном уровне. Несколько раз предпринимались попытки ввести такие же законодательные меры по поводу грузовиков, но ни одна из них пока что не увенчалась успехом. В результате, скот часто проводит в грузовике до 48 или даже 72 часов без разгрузки. Не все перевозчики оставляют животных на такой долгий срок без отдыха, пищи и воды, но некоторые больше обеспокоены тем, чтобы пораньше закончить работу, а не тем, чтобы доставить «груз» в хорошем состоянии.

Когда животных впервые в жизни помещают в грузовик, они с большой степенью вероятности пугаются, особенно если люди, производящие погрузку, торопились и обращались с ними грубо. Движение грузовика также является для них чем-то новым, и из-за этого они неважно себя чувствуют. Проведя в кузове грузовика достаточно долгое время без пищи и воды, они сильно голодны и терпят большую жажду. Из-за особого строения желудка им требуется постоянный прием пищи. Если перевозка происходит зимой, то они

сильно замерзают из-за ветра и низкой температуры; летом из-за жары и солнца происходит обезвоживание, вызванное отсутствием воды. Нам трудно представить, как животные себя чувствуют из-за этого сочетания страха, укачивания, жажды, голода, усталости и, возможно, холода. А если речь идет о молодых бычках, которые всего несколькими днями раньше пережили стресс из-за разлуки с матерью и кастрацией, то эти факторы действуют на них еще хуже. Ветеринарные эксперты рекомендуют, что просто для повышения выживаемости молодых бычков надо разлучать с матерью, кастрировать и вакцинировать, по меньшей мере, за 30 дней до транспортировки. Это дает им возможность оправиться от первого стресса перед вторым, но данной рекомендации следуют не всегда.[132]

Хотя животные не могут нам описать свои чувства, реакция их организма может нам многое сказать. Существует две основные реакции организма: потеря веса и «лихорадка при перевозке». Все животные при транспортировке теряют вес. Это отчасти связано с обезвоживанием и с опустошением желудочно-кишечного тракта. Такая потеря быстро восстанавливается, но не редкость и более длительные потери. На время перевозки бык с массой тела 800 фунтов может потерять 70 фунтов, или 9 процентов веса, и такое явление не считается из ряда вон выходящим; а для возмещения утраченного животному может потребоваться до 3 недель. Исследователи показывают, что это «уменьшение» (под таким словом это явление известно в индустрии) говорит о стрессе, который приходится испытать животному. Конечно, оно служит признаком для беспокойства в мясной промышленности, потому что чем больше масса – тем больше денег.

«Уменьшение» и лихорадка – это признаки того, что животные пережили сильный стресс; но они наблюдаются лишь у тех, кто выжил. Другие умирают, не достигнув пункта назначения, или же приезжают со сломанными конечностями и другими повреждениями.

В 1986 году инспекторы Департамента сельского хозяйства США забраковали свыше 7400 голов крупного рогатого скота, 3100 телят, и 5500 свиней, потому что они погибли или получили серьезные повреждения до того, как попали на бойню, а 570 000 голов крупного рогатого скота, 57 000 телят и 643 000 свиней получили такие серьезные ранения, что пришлось забраковать части их туш.[133]

Животные, которые умирают во время перевозки, сильно страдают. Они замерзают до смерти зимой или падают в обморок от жажды и теплового перегрева летом. Они умирают в скотном дворе от ран, полученных при падении со скользкой, наклонной платформы. Они задыхаются, когда в переполненном, неправильно загруженном грузовике на них наваливаются другие животные. Они умирают от голода и жажды, когда небрежные рабочие забывают давать им пищу и воду. А еще они умирают от стресса, вызванного этим страшным приключением. Животное, которое Вы сегодня едите на обед, вероятно, умерло не так, но эти смерти всегда были составляющей процесса, обеспечивающего людей мясом.

Само по себе убийство животного – очень волнующее действие. Говорят, что, если бы нам самим приходилось убивать животных, мы бы все стали вегетарианцами. Конечно, очень мало кто когда-то был на бойне, а по телевидению нечасто показывают фильмы про бойню. Люди могут надеяться, что покупаемое ими мясо принадлежало животному, которое умерло без боли, но на самом деле они не хотят думать об этом.

В любом случае смерть никогда не бывает приятной, но она не должна быть болезненной. Если все идет по плану, то в странах с законодательством о безболезненном забое смерть наступает быстро и безболезненно. Животных должны оглушать электрическим током или боем пистолетом, а потом, когда они все еще находятся в бессознательном состоянии, им перерезают горло. Они могут испытывать страх перед смертью, когда их подгоняют к боевой платформе, потому что они чувствуют запах крови ранее убитых быков; но теоретически момент смерти совершенно безболезнен. Но, к сожалению, существует разрыв между теорией и практикой. Корреспондент «Вашингтон Пост» (Washington Post) недавно описал бойню в Виргинии, которая принадлежит Смитфилд (Smithfield), крупнейшему концерну по производству консервированного мяса на восточном берегу США:

«Последним звеном при производстве свинины служит современная автоматизированная фабрика, где с конвейерной ленты скатываются аккуратно упакованные, герметичные пластиковые пакеты с нарезанным беконом и ветчиной. Но начинается все снаружи, позади завода, в вонючем, грязном, забрызганном кровью загоне для свиней. Посетителям смитфилдской бойни рекомендуют останавливаться рядом с мертвыми свиньями лишь на несколько минут, в противном случае зловоние от тела и одежды будет исходить в течение долгого времени.

Процесс начинается, когда свиней согнали из стойла на деревянную доску, где рабочий оглушает их электротоком. Когда они падают от потери сознания, рабочий быстро подвешивает их вниз головой на конвейерную ленту, для этого их задние ноги фиксируются железным зажимом. Иногда оглушенные свиньи падают с конвейерной ленты и вновь обретают сознание, а рабочим приходится быстро их поднимать назад, чтобы животные не начали носиться по помещению. Непосредственный убой производится рабочим, который вонзает нож оглушенным, а порой идвигающимся животным в яремную вену и дает большей части крови стечь, только что убитых свиней с залитой кровью бойни перемещают в кипящий котел».[134]

Значительная часть страданий на бойне происходит потому, что на убойной линии стремятся к максимальной скорости. Экономическое состязание означает, что каждая бойня стремится в час убить больше животных, чем ее конкуренты. Например, с 1981 по 1986 годы на одном из крупных американских предприятий скорость конвейера увеличилась с 225 туш в час до 275. Требование работать быстрее означает, что работа выполняется более небрежно – и здесь речь идет не только о животных. В 1988 году комитет при Конгрессе США сообщил, что в США у людей, работающих на бойне, уровень заболеваний и травматизма выше, чем у работников каких-либо других сфер. Приводились данные о том, что ежегодно травмы получают 58000 работников бойни, или около 160 человек в день. Если даже о людях так мало заботятся, что тут говорить о животных? Другой важной проблемой в этой сфере является то, что, поскольку она такая неприятная, работники долго не задерживаются, и на многих предприятиях ежегодная текучесть кадров бывает равна 60-100%. Это означает постоянный приток неопытных работников, которые должны иметь дело с перепуганными животными, оказавшимися в непонятной обстановке.[135]

В Великобритании, где бойни тщательно контролируются законодательством о гуманном забое, правительственный Совет по благополучию сельскохозяйственных животных (Farm

Animal Welfare Council) произвел обследование боен и выявил следующее:

“ «Мы пришли к выводу, что при проведении многих манипуляций на бойне предполагается отсутствие сознания, но существует большая вероятность того, при такой степени бессознательности может не утратить чувствительность к боли». Совет добавил, что, невзирая на наличие законов, требующих, чтобы оглушение производили умелые работники, с использованием соответствующего оборудовании, и делали это эффективно и без ненужной боли, «мы не удовлетворены тем, как они были приняты».[136]

После публикации этого доклада британский ученый выразил сомнения по поводу того, насколько безболезненно происходит оглушение электрическим током, даже если оно производится правильно. Доктор Гарольд Хиллман (Harold Hillman), преподаватель физиологии и директор Объединенной лаборатории прикладной нейробиологии (Unity Laboratory in Applied Neurobiology) в Университете Суррея (University of Surrey), отмечает, что люди, которые испытали удары электротоком либо в результате несчастного случая, либо в ходе электроконвульсивной терапии (с ее помощью лечат психические болезни), сообщают о сильной боли. По его словам, немаловажно то, что сейчас электроконвульсивная терапия производится под общим обезболиванием. Если бы при нанесении ударов электротоком пациент не чувствовал боль, то в этом не было бы нужды. Поэтому доктор Хиллман сомневается, что казнь на электрическом стуле, которая применяется в качестве высшей меры наказания в некоторых американских штатах, является гуманной; приговоренный может в течение какого-то времени быть парализованным и при этом находиться в сознании. Затем доктор Хиллман переходит к оглушению электротоком на бойнях: «Считается, что оглушать животных – гуманно, это связано с мнением, что животные не испытывают боли и страданий. Данное мнение почти наверняка неверно по тем же причинам, которые были указаны применительно к электрическому стулу».[137] И так, вполне вероятно, что убой производится отнюдь не безболезненным методом, даже если он производится правильным образом, на современной бойне.

Но даже если эти проблемы будут преодолены, существует другой вопрос с убоем животных. Во многих странах, в том числе в Великобритании и США существует исключение для иудейского и мусульманского ритуалов. Они требуют, чтобы в момент забоя животное находилось в полном сознании. В США другое важное исключение заключается в том, что в США федеральный Акт о гуманном убое, принятый в 1958 году, относится только к тем бойням, которые продают мясо правительству США или его службам, а также не охватывает самую большую группу убиваемых животных – домашнюю птицу.

Сначала давайте взглянем на вторую лазейку. Всего в США около 6100 боен, и менее 1400 из них проверялись федеральными органами на предмет того, как на них исполняют закон о гуманном забое. Поэтому оставшиеся 4700 могут совершенно законно использовать такой древний и варварский инструмент как топор; и этот метод до сих пор используется на некоторых американских бойнях.

Топор, применяемый на бойне, больше похож на кузнечный молот. Человек, держащий в руках молот с длинной ручкой, стоит перед животным и пытается одним ударом лишить его сознания. Проблема состоит в том, что цель движется, и надо очень тщательно просчитать взмах. Дело в том, что для достижения цели надо попасть в определенное на голове место, а перепуганные животные часто двигают головой. Если удар приходится не туда, молот может пробить глаз или нос, и в этом случае животное бьется в ужасе и агонии. Чтобы оно потеряло сознание, требуются еще несколько ударов. Даже самый умелый работник не всегда попадает идеально в цель. При этой работе порой требуется убивать 80 и более животных в час, и если молот не попадает в цель лишь один раз из ста, это означает, что ежедневно несколько животных испытывают ужасную боль. Следует также помнить, неумелому работнику для формирования этого навыка требуется практика, и учение производится на живых животных.

Почему до сих пор используются такие методы, которые всеми осуждаются из-за негуманности? Причина здесь та же, что и в других сферах животноводства: если гуманные процедуры стоят дороже, или при них снижается число животных, убиваемых за час, то фирма не может позволить себе использование гуманных методов, в то время как ее конкуренты продолжают применять старые способы. Хотя стоимость заряда, для боевого пистолета составляет лишь несколько центов на животное, этого достаточно, чтобы на бойнях его не использовали. Оглушение электрическим током окупается в перспективе, но установка оборудования стоит дорого. Эти методы, вероятно, так и не будут использоваться, если только закон не вынудит бойни перейти на них.

Другой значительной лазейкой в законах о гуманном забое служит то, что требование оглушать животное перед забоем не относится к религиозным ритуалам. Мусульманские и иудейские законы о пище запрещают потреблять мясо животного, которое в момент забоя «не было здорово и не двигалось». Считается, что при оглушении, до момента перерезания горла, животному наносится травма, поэтому оно неприемлемо. Возможно, в основе данного запрета лежала идея о том, что нельзя есть мясо животного, которое было найдено больным или умирающим; а согласно интерпретации в ортодоксальной религии, закон также не допускает того, чтобы за несколько секунд до смерти животное теряло сознание.

Предполагается, что убой должен производиться одним ударом острого ножа, и попадает он в яремную вену и сонную артерию. Когда этот способ забоя был одобрен иудейским законом, более гуманной альтернативы, вероятно, не существовало; но сейчас он, в лучшем случае менее гуманный, чем, например, метод, при котором используется боевой пистолет, и при котором животное сразу теряет чувствительность.

Более того, в США имеются особые обстоятельства, которые превращают этот метод забоя в карикатуру на любые гуманные намерения, которые, возможно, когда-то стояли за ним. Это произошло из-за сочетания требований ритуального забоя и Акта о чистых продуктах и лекарствах, который был принят в 1906 году. Согласно ему, забиваемое животное из соображений санитарии не должно падать в кровь ранее убитого животного. На практике это означает, что животное следует убивать при подъеме с конвейерной ленты, либо каким-то другим образом приподнять в этот момент; но оно не должно лежать на полу бойни. Это требование никак не влияет на благополучие животного, которое перед убоем было введено

в бессознательное состояние: животное приподнимается лишь после потери сознания. Но оно может иметь ужасные последствия, если сознание сохраняется. Во время ритуального забоя в США вместо того, чтобы быстро повалить животное на пол и убить практически в момент касания с землей, его могут взять за заднюю ногу, поднять в воздух, и держать в подвешенном состоянии над конвейерной лентой на протяжении двух-пяти минут (а иногда и гораздо больше, если на линии происходят какие-то неполадки), прежде чем забойщик перережет горло. Данный процесс был описан следующим образом:

“ «Когда вокруг ноги тяжелого животного весом 1000-2000 фунтов закрепляют железную цепь, и бык совершает резкое движение ногой, с кости сдирается шкура. Кость часто оказывается сломана».[138]

Животное, висящее вниз головой, с поврежденными суставами и часто со сломанной ногой, отчаянно извивается от боли и ужаса, и его приходится брать за шею или вставлять хомут в нос, чтобы забойщик мог убить его одним ударом, согласно религиозному закону. Трудно представить себе более яркий пример того, как строгое следование букве закона может исказить его смысл (но следует отметить, что даже ортодоксальные раввины не единодушно поддерживают запрет на оглушение перед забоем; например, в Швеции, Норвегии и Швейцарии раввины поддерживали законы, которые требуют оглушение перед забоем и не делают исключения для ритуального забоя. Многие мусульмане также одобряют оглушение перед забоем.)[139]

Американское Общество по предотвращению жестокости к животным (the American Society for the Prevention of Cruelty to Animals) разработало «бросающую площадку» – это устройство дает возможность забивать животное, находящееся в сознании, в соответствии с гигиеническими требованиями США, и при этом не поднимать его за ногу. Это устройство сейчас используется примерно на 80 % крупных боен, где производят ритуальный забой. Но про менее, чем 10% боен для телят Темпл Грандин (Temple Grandin) из компании «Системы обработки скота Грандин, Инк» (Grandin Livestock Handling Systems, Inc.) говорит следующее: «Поскольку ритуальный забой не подпадает под действие Акта о гуманном убое, некоторые предприятия не желают тратить деньги на гуманизм».[140] Те, кто не придерживаются иудейских и мусульманских законов о пище, возможно, считают, что покупаемое ими мясо не было получено таким варварским способом; но они могут ошибаться. Чтобы ортодоксальные раввины признали мясо кошерным, животное не только должно находиться в сознании в момент убийства, ему также надо удалить запретные органы, такие как вены, лимфатические узлы седалищный нерв и его ответвления. Вырезание их из задней части туловища – дело трудоемкое, и поэтому лишь передняя часть продается как кошерное мясо, а все оставшееся обычно попадает на полки супермаркетов, и его происхождение никак не маркируют. Британский Совет по благополучию сельскохозяйственных животных (Farm Animal Welfare Council) подсчитал, что на открытый рынок попадает «значительная доля» мяса, для получения которого животные были забиты ритуальным способом».[141]

В США, Великобритании и многих других странах из-за девиза «свобода вероисповедания» и обвинения, что выступающие против ритуального забоя, делают это по причине

антисемитизма, законодательство не запрещает данную практику. Но, безусловно, выступать против того, что делается с животными во имя религии, – это не значит выступать против ислама или иудаизма. А последователям этих двух религий пора задуматься над тем, соответствует ли нынешняя трактовка законов, касающихся забоя, религиозному учению о сострадании. А тот, кто не хочет есть мясо животных, забитых не в соответствии с их религией, имеет простую альтернативу: вообще не есть мяса. Когда я предлагаю это, я не требую от верующих большего, чем от самого себя; суть вопроса заключается в том, что у них больше оснований сделать это, так как за потребляемым ими мясом стоят дополнительные страдания.

Мы живем в эпоху противоречивых течений. Одни настаивают на том, чтобы животных по-прежнему забивали библейскими способами, а наши ученые разрабатывают революционные технологии, с помощью которых надеются изменить саму сущность животных. В 1988 году люди спроектировали примечательный шаг в мире животных: исследователи из Гарвардского Университета получили в Службе по патентам и торговым маркам США (the United States Patent and Trademark Office) патент на генетически измененную мышь, у которой была повышенная восприимчивость к раку, и поэтому ее можно использовать для распознавания возможных канцерогенов. Выдача патента последовала за решением Верхового Суда от 1980 года, вследствие которого появилась возможность выдавать патент на микроорганизмы, созданные человеком, но это оказался первый случай, когда патент был выдан за «разработку» животного.[142]

Религиозные лидеры, защитники прав животных, экологи и владельцы ранчо (которые обеспокоены тем, что для поддержания конкурентоспособности их заставят платить за аренду) сформировали коалицию, цель которой – добиться того, чтобы на животных прекратили выдавать патенты. В то же время компании, специализирующиеся на генетической инженерии, уже сотрудничают с интересами агробизнеса: они стремятся инвестировать деньги в исследования, направленные на создание новых животных. Если эта работа не прекратится под натиском общественности, то кто-то сколотит большое состояние на животных, которые за еще менее продолжительное время набирают больше веса либо производят больше молока или яиц.

И угроза благополучию животных тут очевидна. Исследователи на Бельтсвилльской экспериментальной ферме (штат Мериленд), принадлежащей Департаменту сельского хозяйства США, ввели свиньям ген, который отвечает за гормон роста. У генетически измененных свиней развились серьезные побочные эффекты, в том числе пневмония, внутренние кровотечения и серьезная форма артрита. Вполне закономерно, что лишь одна из этих свиней дожила до взрослого состояния, прожив всего два года. Ее весьма уместно показали по британскому телевидению, в передаче «Программа о деньгах» (The Money Programme). Животное не могло сказать.[143] Один из исследователей заявил газете «Вашингтон Таймс» (the Washington Times):

“ «Наше положение сходно с самолетом братьев Райтов (Wright) в противовес Боингу 747. Мы, по-видимому, будем разбиваться и гореть в

течение многих лет, и далеко не уйдем». Но «разбиваться и гореть» будут животные, а не исследователи. «Вашингтон Таймс» также процитировала сторонников генной инженерии, которые отрицают аргументы о благополучии животных и говорят следующее: «В течение многих веков люди проводили межпородное скрещивание животных, одомашнивали их, забивали и эксплуатировали другими способами. Ничто принципиально не изменится».[144]

Как показала данная глава, это горькая правда. Долгое время мы обращались с животными как с вещами, предназначенными для нашего удобства, а в течение последних 30 лет, чтобы заставить их служить нам еще больше, мы применяем новейшие технологические достижения.

Какой бы революционной нам ни казалась генная инженерия, это в каком-то отношении еще один способ использовать животных для наших целей. Что действительно надо сделать – так это коренным образом изменить наши позиции и образ действий.

Глава 4. Становимся вегетарианцами

или как производить больше пищи и причинять меньше страданий, нанося меньший ущерб экологии

Теперь, когда мы поняли природу спесишизма и увидели, что он несет для животных, настало время спросить: что мы можем предпринять? Для победы над спесишизмом мы можем и должны сделать многое. Мы должны, например, писать нашим политикам о проблемах, которые обсуждаются в этой книге; мы должны рассказать о них нашим друзьям; мы должны прививать нашим детям идеи о благополучии всех чувствующих существ; наконец, мы должны выражать публичный протест по поводу положения животных всегда, когда представляется такая возможность.

Одновременно со всем этим существует еще одна вещь, которую мы можем сделать, и которая крайне важна; она закладывает основу, придает последовательность и смысл всем нашим другим действиям ради животных. Этот принцип заключается в том, чтобы принять ответственность за свою жизнь и максимально освободить ее от жестокости. Первое, что мы можем сделать – это перестать есть мясо животных. У многих людей, которые выступают против жестокости к животным, сострадание заканчивается тогда, когда речь заходит о вегетарианстве. О таких людях Оливер Голдсмит (Oliver Goldsmith), эссеист XVIII столетия, говорил: «Они жалеют и едят объекты своей жалости»[1].

С точки зрения строгой логики, возможно, и нет противоречия в том, чтобы рассматривать животных как объект жалости и одновременно проявлять к ним гастрономический интерес. Если человек выступает против того, чтобы причинять животным страдания, но не имеет ничего против безболезненного убоя, он мог бы употреблять в пищу мясо животных, которые жили без боли и были убиты гуманно. Но все же в практическом и психологическом планах невозможно быть последовательным, выражая неравнодушие к положению животных и продолжая обедать ими. Если мы готовы лишить жизни другое живое существо только ради того, чтобы получить удовлетворение от определенной пищи, то это существо служит для нас всего лишь инструментом. Вряд ли мы станем относиться слишком критически к изменению условий содержания свиней, кур и цыплят, если воспринимаем их как объекты использования и считаем, что ради употребления частей тел этих животных достаточно немного изменить условия их жизни. Промышленное животноводство – это всего

лишь применение технологий к идее о том, что животные представляют собой средства для нашего существования. Мы дорожим нашими пищевыми привычками и меняем их с трудом. Мы хотим убедить себя в том, что наша забота о других животных не предусматривает отказа от поедания их плоти. Никто из имеющих привычку питаться продуктами животного происхождения не может беспристрастно судить о том, страдают ли животные в тех или иных условиях содержания.

Выращивать большое количество животных для получения пищи и не причинять им страдания – дело практически невозможное. Даже если интенсивные методы не используются, традиционное животноводство включает в себя кастрацию, разлучение с матерью, разрыв социальных групп, клеймение и, наконец, сам убой – то есть убийство. Трудно себе представить, как можно выращивать животных и избегать причинения им подобных страданий. Такое возможно в малых масштабах, но мы никогда не смогли бы накормить сегодняшнее огромное городское население мясом животных, выращенных таким образом. Если это в принципе и возможно, то цена мяса, произведенного подобным способом, была бы гораздо выше нынешней; а выращивание животных – это уже сейчас дорогой и неэффективный способ производства белка. Если при выращивании и убое животных уделять должное внимание их благосостоянию, то мясо станет деликатесом, доступным лишь богатым людям.

В любом случае, все это совершенно не относится к вопросу о том, насколько этично наше ежедневное питание. Какими бы ни были теоретические возможности выращивания животных без причинения страданий, факт остается фактом: мясо, продающееся в супермаркетах и мясных лавках – это части тел животных, которых выращивали вообще без какого-либо внимания к их потребностям. Поэтому нам не надо задавать себе вопрос: «Правильно ли вообще есть мясо?». Вместо него мы должны задаться другим вопросом: «Правомерно ли есть это мясо?». Мне кажется, в данном случае и те, кто выступает против бессмысленного убийства животных, и те, кто против только причинения страданий, должны объединиться и дать одинаковый отрицательный ответ. Решение стать вегетарианцем – это не просто символический жест. И это не попытка изолировать себя от безобразной действительности мира, сохранив себя чистым и поэтому непричастным к жестокости и кровавой бойне вокруг. Это решение означает весьма практичный и эффективный шаг, направленный на то, чтобы остановить как убийство животных, так и причинение им страданий. Допустим на секунду, что мы не одобряем только страдание, а не убийство. Как мы можем положить конец интенсивному животноводству, которое описывалось в предыдущей главе?

До тех пор, пока люди будут готовы покупать продукты интенсивного животноводства, обычные формы протеста и политических акций никогда не увенчаются главной реформой. Если даже в Великобритании – стране, где, по всеобщему мнению, любят животных, – невзирая на жаркие дебаты, которые поднялись после публикации книги «Животные машины» Руфи Харрисон (Ruth Harrison, *Animal Machines*) и заставили правительство назначить группу независимых экспертов (Комитет Брамбелла, Brambell committee) для расследования жестокого обращения с животными и составления рекомендаций, правительство отказалось выполнить рекомендации, изложенные в докладе, подготовленном комитетом. В 1981 году Сельскохозяйственный комитет Палаты общин

(House of Commons Agriculture Committee) провел еще одно расследование в сфере интенсивного животноводства, и за ним также последовали рекомендации по устранению самых худших форм жестокого обращения с животными. И снова ничего не было сделано[2]. Если в Великобритании реформаторское движение постигла такая участь, то от США, где лобби бизнесменов агросектора еще мощнее, нельзя ожидать ничего лучшего.

Я не хочу сказать, что обычные способы протеста и политические акции бесполезны, и от них следует отказаться. Напротив, они являются необходимой частью всеобщей борьбы, цель которой – радикально изменить обращение с животными. В Великобритании, организация «Сострадание в мировом животноводстве» (Compassion in World Farming) сыграла особую роль в информировании общественности в этих вопросах и преуспела в запрещении клетей для телят. А позднее и американские организации начали поднимать общественный интерес к проблемам интенсивного животноводства. Но одних только этих методов недостаточно.

Люди, которые получают прибыль путем эксплуатации огромного числа животных, не нуждаются в нашем одобрении. Им нужны наши деньги. Главная поддержка, которая требуется животноводу от общественности (другой такой поддержкой, во многих странах, являются большие правительственные субсидии) – это покупка трупов животных, которые эти люди продают. Они будут практиковать интенсивное животноводство до тех пор, пока смогут продавать то, что они производят такими способами; они будут иметь необходимые средства для борьбы с любой политической реформой; и у них будет возможность защитить себя от критики ответом, что они всего лишь обеспечивают общество тем, что оно хочет.

Следовательно, каждому из нас необходимо отказаться от покупки продукции современного животноводства – даже если мы считаем, что, если животные жили нормальной жизнью и умерли безболезненно, то употреблять их в пищу допустимо. Вегетарианство – это разновидность бойкота. Для большинства вегетарианцев это постоянный бойкот, потому что если человек отказался от мяса, он уже не сможет поддерживать убой животных для услаждения рецепторов своей ротовой полости. Но и те, кто выступает против страданий, но не убийства животных, не могут сейчас избежать морального императива, заключающегося в бойкотировании мяса из мясных лавок и супермаркетов. До тех пор, пока мы не откажемся от мяса и других продуктов современного животноводства, каждый из нас будет способствовать существованию, процветанию и росту промышленного скотоводства, а также других жестоких практик, применяющихся при выращивании животных для получения пищи.

Именно здесь последствия спесишизма непосредственно вторгаются в нашу жизнь, и мы бываем вынуждены подтвердить искренность нашей заботы о негуманоидных животных. Появляется возможность простых разговоров и пожеланий о том, чтобы политики что-то сделали. Легко выступать против не касающихся нас вопросов, но истинная природа спесишистов, как и расистов, проявляется тогда, когда речь идет о происходящем рядом с нами. Когда человек протестует против корриды в Испании, поедания собак в Южной Корее или убийства бельков в Канаде и одновременно не отказывается от яиц наседок, которые провели свою жизнь в битком набитых клетках, или продолжает есть мясо телят, которых разлучили с матерями, лишили нормального питания и возможности лежать, вытянув ноги,

такой протест напоминает отрицательное отношение к апартеиду в Южной Африке и одновременно просьбу к соседям не продавать свои дома чернокожим.

Чтобы бойкотирующий аспект вегетарианства стал более эффективным, мы не должны скрывать наш отказ есть мясо. Во всеядном обществе вегетарианцев всегда спрашивают о причинах перехода на их «странную» диету. Это может раздражать или даже смущать, но подобное отношение дает возможность рассказать людям о жестокостях, о которых они, возможно, не знают (я впервые узнал о существовании животноводческих фабрик от вегетарианца, который нашел время объяснить мне, почему он не ел пищу, которую я считал нормальной). Если бойкот служит единственным способом остановить жестокость, значит, мы должны призвать как можно больше людей присоединиться к нему. Мы можем преуспеть в этом лишь при условии, что сами подаем пример.

Иногда люди пытаются оправдать поедание мяса тем, что в момент его покупки животное было уже мертвым. Слабость этого довода (мне приходилось слышать его много раз, и люди говорили совершенно серьезно) становится очевидной, как только мы начинаем рассматривать вегетарианство как разновидность бойкота. Низкооплачиваемые работники, не входившие в профсоюз, уже вырастили и собрали виноград, продававшийся в магазинах во время виноградного бойкота, который инициировал Цезарь Чавес (Cesar Chavez) с целью повысить зарплату и улучшить условия труда сборщиков; и мы уже не могли увеличить ту сумму, которую люди получили за сбор винограда, так же, как не можем оживить бифштекс. В обоих случаях бойкот направлен не на изменение прошлого, а на то, чтобы предотвратить продолжение практики, против которой мы протестуем.

Я настолько сильно подчеркнул бойкотическую составляющую вегетарианства, что читатель, возможно, задастся вопросом, а будет ли переход на вегетарианство иметь какой-то смысл, если бойкот не оправдает себя, и если окружающие его не поддержат. Но нам часто приходится рисковать в случаях, когда нет уверенности в успехе; и если этот аргумент против вегетарианства единственный, то его не следует воспринимать всерьез; ведь ни одно мощное движение против эксплуатации и несправедливости не возникло бы, если бы его лидеры делали усилия лишь при уверенности в успехе. В случае же с вегетарианством, как мне кажется, мы все достигаем чего-то нашим индивидуальным отказом, даже если всеобщий бойкот провалится. Джордж Бернард Шоу в качестве своеобразного завещания сказал, что его будут провожать до могилы множество овец, коров и быков, свиней, кур и целый косяк рыбы, и все будут испытывать благодарность за то, что он своим вегетарианством спас их от бойни. Пускай у нас нет возможности точно установить конкретных животных, которых мы спасли своим вегетарианством, мы можем предположить, что наше питание плюс питание многих других людей, которые уже отказались от мяса, повлияет на количество животных, выращиваемых на фермах и забиваемых для получения пищи. Это предположение разумно, потому что число разводимых и убиваемых животных зависит от прибыльности процесса, а прибыль, в свою очередь, зависит от спроса на продукт. Чем меньше спрос, тем ниже цена и ниже прибыль. Чем ниже прибыль, тем меньше число выращиваемых и забиваемых животных. Это элементарная экономика, и это можно легко наблюдать в таблицах, которые публикуются в журналах по птицеводству; например, существует прямое соотношение между ценами на домашнюю птицу и числом кур, помещенных в бройлерные сараи, в которых они начинают

свое безрадостное существование.

Поэтому вегетарианство действительно имеет даже более прочную основу, чем большинство других бойкотов и протестов. Человек, который бойкотирует продукцию Южной Африки для свержения апартеида, ничего не добивается в случае, если этот бойкот не вынуждает белых жителей ЮАР изменить свою политику (хотя такую попытку, вероятно, стоит взять на вооружение вне зависимости от результата); но вегетарианцы знают, что своими действиями они способствуют уменьшению страданий и снижению количества забиваемых животных независимо от того, доживут ли они до массового бойкотирования мяса и прекращения жестокости в животноводстве. В добавление ко всему сказанному, переход на вегетарианство имеет особое значение, так как вегетарианство представляет собой практическое отрицание распространенных, но от этого не более правильных аргументов в пользу промышленного скотоводства. Иногда говорят, что эти методы необходимы для прокорма растущего населения планеты. Поскольку достоверная информация по этому вопросу очень важна (за ней стоит важный довод в пользу вегетарианства, и он не связан с вопросами благополучия животных, который я подчеркиваю в этой книге), я ненадолго отступлю от темы, чтобы обсудить основы производства пищи.

В настоящее время миллионы людей во многих частях мира недоедают. Еще миллионы получают достаточное количество пищи, но не той, которая нужна; они, главным образом, недополучают белок. Вопрос в том, способствуют ли методы производства пищи, практикуемые в богатых странах, решению проблемы голода в мире?

Чтобы животное достигло размеров и массы, при которых его считают годным к употреблению человеком, оно должно есть. Если, например, теленок пасется на неплодородном пастбище, где растет только трава, и где невозможно посадить кукурузу или еще какую-нибудь сельскохозяйственную культуру для человека, то в результате получится чистая прибавка белка для человека: выросший теленок обеспечивает нас белком, который мы пока не можем экономично извлечь из травы. Но если мы того же самого теленка помещаем в загон или еще как-то заточаем, то картина меняется. Теперь его приходится кормить. Крохотная площадь пространства, на которой находится он и его сородичи, не имеет значения – для выращивания кукурузы, сорго, сои и прочей пищи требуется почва. Теперь мы кормим теленка пищей, которую могли бы есть сами. Теленку требуется большая часть этой пищи для поддержания физиологических процессов. Как бы ни были стеснены его движения, его организму все равно необходимо перерабатывать пищу для поддержания жизнедеятельности. Еда также идет на формирование несъедобных частей организма животного – таких как кости. И только та часть тела, которая остается после удовлетворения всех подобных потребностей организма, может превратиться в мясо, и, в конце концов, лишь ее съест человек.

Какое количество белка съедает теленок, и сколько получает человек? Ответ вас удивит. Чтобы люди получили фунт животного белка, надо скормить теленку 21 фунт белка. Нам возвращается менее 5% от затраченного. Неудивительно, что Фрэнсис Мур Лаппе (Frances Moore Lappe) назвала этот тип сельского хозяйства «белковой фабрикой с обратным ходом».[3] Мы можем выразить главную мысль по-другому. Допустим, у нас есть 1 акр

плодородной земли. Мы можем использовать этот акр для выращивания растительной пищи с высоким содержанием белка, такой как горох и фасоль. Если мы это сделаем, мы получим от 300 до 500 фунтов белка с нашего акра. Или же мы можем выращивать на нем урожай на прокорм животным, которых потом убиваем и едим. В результате, мы получим от 40 до 55 фунтов белка с нашего акра. Интересно, что большая часть животных превращает растительный белок в животных белок более эффективно, чем крупный рогатый скот – например, свинье требуется 8 фунтов белка, чтобы «произвести» 1 фунт для человека – но это преимущество почти сходит на нет, если учесть, какое количество белка может быть произведено на одном акре. Дело в том, что крупный рогатый скот может потреблять такие источники белка, которые свиньи переварить не в состоянии. Итак, согласно большинству подсчетов, с одного акра можно получить в 10 раз больше растительной пищи, чем мясной, но оценки в данном случае разнятся, и иногда это соотношение доходит до 20 к 1.[4]

Если мы не убиваем животных и не едим их мясо, а используем для получения молока и яиц, то отдача становится значительно больше. Но им все равно приходится использовать белок для удовлетворения своих собственных потребностей, и даже самые эффективные способы производства молока и яиц дают с одного акра не более четверти белка по сравнению с тем, что могла бы обеспечить растительная пища. Конечно, белок – это лишь одно из многих необходимых веществ. Если мы сравним с животной пищей общее количество калорий, производимых растительной, соотношение все равно будет в пользу последней. Сравнение производительности акра, засеянного овсом, с производительностью акра, на котором выращивают корм для животных, чтобы получать свинину, молоко и мясо птицы свидетельствует о том, что акр овса дает в 6 раз больше калорий, чем акр посевов, идущих на корм свиньям – а свинина считается самым выгодным продуктом животного происхождения. Акр брокколи производит почти в 3 раза больше калорий, чем содержится в свинине, «выращенная» на той же территории. Овес даст в 25 раз больше калорий с акра, чем будет в говядине. Если мы взглянем на некоторые другие питательные вещества, то увидим, как развенчиваются мифы, поддерживаемые мясомолочной промышленностью. Например, с акра брокколи можно получить в 24 раза больше железа, чем с акра посевов, идущих на производство говядины, а с акра овса – в 16 раз больше. Хотя при производстве молока количество кальция с акра оказывается больше, чем при производстве овса, выращивание брокколи все же эффективнее: последнее обеспечивает в 5 раз больше кальция, чем молоко.[5]

Последствия всего вышесказанного для современной ситуации с продовольствием оказываются невероятными. В 1974 году Лестер Браун (Lester Brown) из Международного Совета по Развитию (Overseas Development Council) подсчитал, что если бы американцы сократили ежегодное потребление мяса на 10%, это дало бы людям не менее 12 тонн зерна, а такого количества достаточно, чтобы прокормить 60 млн. человек. Дон Паарлберг (Don Paarlberg), бывший заместитель министра сельского хозяйства США сказал, что сокращение поголовья американского крупного рогатого скота вдвое дало бы столько пищи, что с ее помощью можно было бы в 4 раза возместить нехватку калорий у жителей развивающихся стран (сюда не входят бывшие страны социалистического лагеря).[6] Действительно, пищи, уходящей на животноводство в развитых странах, при правильном распределении было бы достаточно для ликвидации голода и недоедания во всем мире. Таким образом, простой ответ на наш вопрос выглядит следующим образом: выращивание животных в пищу

методами, которые практикуются в промышленных странах, не помогает решить проблему мирового голода.

Производство мяса также истощает другие ресурсы. Алан Дарнинг (Alan Durning), исследователь из Института всемирного наблюдения (Worldwatch Institute) – это основное учреждение, занимающееся вопросами окружающей среды с главным офисом в Вашингтоне – подсчитал, что 1 фунт говядины из бычков, содержащихся в загонах, обходится в 5 фунтов зерна, 2500 галлонов воды, 35 фунтов разрушаемого верхнего слоя почвы, а энергия, уходящая на его производство, эквивалентна 3,8 литрам бензина. Пастбищами занято более трети Северной Америки, а свыше половины посевных земель в США уходят под посевы для прокорма скота, и более половины всей воды, потребляемой в США, расходуется на сельскохозяйственных животных[7]. По всем этим параметрам растительная пища требует куда более низких затрат и меньше вредит окружающей среде. Сначала давайте взглянем на использование энергии. Можно подумать, что сельское хозяйство – это способ использования плодородности почв и энергии солнечного света для увеличения количества полезной нам энергии. При традиционном сельском хозяйстве именно так и происходит. Например, кукуруза, выращенная в Мексике, на каждую калорию затраченной энергии ископаемого топлива дает 83 калории пищевой энергии. Но в развитых странах сельское хозяйство основывается на больших затратах ископаемого топлива. При самых энергосберегающих формах производства пищи в США (это, опять же, овес) на 1 калорию ископаемого топлива приходится 2,5 пищевые калории, в то время как для картофеля это число составляет 2, а для сои – 1,5. Но даже такие скудные показатели являются «золотым дном» по сравнению с животноводством в США: при любых его видах затраты энергии больше отдачи. Наиболее эффективная форма – говядина с выпасов – потребляет более 3 калорий ископаемого топлива на даваемую пищевую калорию, а самая неэффективная – говядина из загона – дает 1 единицу, используя при этом 33 единицы. Яйца, ягнятина, молоко и мясо домашней птицы с точки зрения энергетической эффективности находятся между этими двумя типами производства говядины. Иными словами, если сосредоточить внимание только на животноводстве в США, можно сделать следующий вывод: выращивание урожая, по меньшей мере, в 5 раз выгоднее с позиции энергозатрат, чем выпас скота, в 20 раз – чем производство мяса птицы и в 50 раз – чем выращивание говядины в загонах.[8] Животноводство в США приносит прибыль лишь потому, что оно зиждется на солнечной энергии, которая накапливалась в течение миллионов лет и ныне хранится в земле в виде угля и нефти. Это выгодно сельскохозяйственным корпорациям, потому что мясо стоит больше, чем нефть; но с позиции рационального и длительного использования наших ограниченных ресурсов в подобном производстве нет никакого смысла. Животноводство также невыгодно смотрится рядом с растениеводством в том, что касается использования воды. Для производства фунта мяса требуется в 50 раз больше воды, чем для такого же количества пшеницы[9]. Журнал «Ньюсуик» (Newsweek) образно описал этот объем: «Вода, которая затрачивается на быка массой 1000 фунтов, могла бы потопить эсминец»[10]. Из-за нужд животноводства высыхают большие подземные бассейны воды, которые служат источником жизни для очень многих засушливых областей Америки, Австралии и других стран. Например, в огромном скотоводческом районе, который тянется от западного Техаса до Небраски, уровень воды падает, и высыхают колодцы. Такая участь постигает огромное подземное озеро, известное как бассейн Огаллала. Вот еще один ресурс, на создание которого потребовались миллионы лет, так же, как в случае с нефтью и

углем, и который по-прежнему используется для производства мяса.[11] Мы не должны игнорировать и то, что происходит из-за животноводства с водой, которая используется для удовлетворения его нужд. Статистика, собранная Британской государственной ассоциацией по водным ресурсам (British Water Authorities Association), показывает, что начиная с 1985 года стоки с ферм загрязнили воду более 3500 раз. Вот лишь один пример того года: в свиноводстве прорвался резервуар, и четверть миллиона литров свиных экскрементов попали в реку Пери. В результате погибло 110 000 рыб. В настоящее время более половины обвинений, которые водные власти выдвинули в связи с серьезным загрязнением рек, касаются фермеров[12]. И это неправильно: скромная на сегодняшний день яичная птицеферма, на которой содержатся 60 000 кур, еженедельно «вырабатывает» 82 тонны экскрементов, а 2000 свиней за тот же период «производят» 27 тонн навоза и 32 тонны мочи. Голландские фермы ежегодно выдают 94 миллиона тонн навоза, но лишь 50 млн. тонн могут безопасно впитаться в почву. Было подсчитано, что оставшаяся часть способна заполнить товарный поезд длиной 16 000 км – это расстояние от Амстердама до самых дальних берегов Канады. Но излишки не вывозятся; их сваливают на землю, и они загрязняют воду и убивают уцелевшую природную растительность в сельскохозяйственных районах Нидерландов[13]. В США сельскохозяйственные животные производят 2 миллиарда тонн навоза в год – примерно в 10 раз больше, чем люди. И половина образуется на промышленных фермах, где отходы не возвращаются в землю естественным путем[14]. Вот что сказал по этому поводу один свиновод: «До тех пор, пока удобрение не станет дороже труда, эти отходы будут представлять для меня очень малую ценность»[15]. Итак, экскременты, которые могли бы восстановить плодородность наших почв, загрязняют наши ручьи и реки.

Но самое большое зло, связанное с потребностью в мясе – это уничтожение лесов. На протяжении всей истории главной мотивацией к вырубке лесов было желание пасти животных. В Коста-Рике, Колумбии, Бразилии, Малайзии, Таиланде и Индонезии тропические леса расчищаются под пастбища для выпаса скота. Но мясо животных не помогает бедному населению этих стран. Вместо этого его продают предпринимателям в крупных городах или экспортируют. За последние 25 лет была уничтожена почти половина тропических лесов Центральной Америки, в большой мере для того, чтобы обеспечить говядиной Америку Северную[16]. В тропиках, возможно, обитают 90% всех видов растений и животных, населяющих планету, и ученые еще не зафиксировали многих из них[17]. Если вырубка будет продолжаться нынешними темпами, они исчезнут. Кроме того, расчистка почвы ведет к эрозии, увеличивающийся сток – к наводнениям, у крестьян больше не будет дерева для топлива, и может сократиться количество осадков.[18] Мы теряем эти леса как раз тогда, когда начинаем понимать их важность. После североамериканской засухи 1988 года многие люди узнали о том, что нашей планете угрожает парниковый эффект, а причина его лежит в увеличивающемся объеме углекислого газа в атмосфере. Леса поглощают огромное количество углекислого газа; было подсчитано, что, несмотря на все вырубки, оставшиеся леса все еще могут поглотить в 400 раз больше того объема углекислого газа, который люди ежегодно выбрасывают в атмосферу, сжигая топливо. Разрушение лесов означает, что углерод попадает в атмосферу в форме углекислого газа. При этом вновь выросший лес поглощает углекислый газ из атмосферы и «запирает» его в живой материи. Разрушение существующих лесов усилит парниковый эффект, а единственная надежда обуздать его – это широкомасштабное восстановление лесов, в сочетании с другими мерами,

направленными на снижение количества углекислого газа[19]. Если мы не предпримем эти шаги, потепление на планете в ближайшие 50 лет приведет к засухам на большой территории, дальнейшему исчезновению лесов из-за климатических изменений, исчезновению многочисленных биологических видов, которые не способны пережить нарушения в своей среде обитания, а также к таянию полярных льдов. Последнее, в свою очередь, поднимет уровень моря и затопит прибрежные города и равнины. Подъем уровня моря на метр затопит 15% территории Бангладеш, что затронет 10 миллионов человек. Окажется под угрозой существование некоторых народов, таких как мальдивцы, тувалу и кирибати, которые живут в низко расположенных тихоокеанских островных государствах[20].

За одну и ту же землю сражаются леса и выращиваемые на мясо животные. Чудовищное желание богатых стран есть мясо означает, что агробизнес может заплатить больше, чем желающие сохранить и восстановить леса. И мы действительно рискуем будущим нашей планеты ради гамбургеров.

Как далеко мы должны зайти? Ясно, что нам необходимо радикально изменить наши пищевые привычки, но неужели мы должны есть только растительную пищу? И где именно следует провести черту? Обозначить четкую границу всегда бывает сложно. Я выдвину несколько предложений, но читатель, возможно, решит, что сказанное мною сейчас звучит менее убедительно, чем то, о чем я говорил раньше, в более очевидных случаях. Вы должны сами решить, где провести границу, и ваше решение, возможно, не совпадет точно с моим. Это не имеет большого значения. Мы можем отличить лысых мужчин от волосатых, не проводя всякий раз четкую грань. Значение здесь имеет согласие по основным вопросам. Я надеюсь, что все люди, дочитавшие книгу до этого места, признают, насколько важно с моральной точки зрения не покупать и не есть мясо и другие продукты животного происхождения, произведенные на предприятиях промышленного скотоводства. Это самое ясное положение из всех, абсолютный минимум, и каждый человек, который способен заглянуть за пределы собственных эгоистических интересов, должен признать это.

Давайте посмотрим, что этот минимум включает в себя. Он подразумевает, что, если у нас нет уверенности в том, откуда произошел конкретный покупаемый нами продукт, то нам не следует приобретать курицу, индюшку, крольчатину, свинину, телятину, говядину и яйца. В настоящее время сравнительно мало баранины производится интенсивными методами, то какой-то объем все же делается именно так, и в дальнейшем он, возможно, увеличится. Вероятность того, что животные, из которых сделано ваше мясо, жило в клетке или в ином заточении, зависит от того, в какой стране вы живете. Раздобыть все эти виды мяса скота, выращенного не на промышленном предприятии, можно, но только если вы живете не в сельской местности это потребует немалых усилий. Большая часть продавцов мяса понятия не имеют о том, как выращивались животные, мясо которых они продают. В некоторых случаях, как, например, с курами, традиционные методы исчезли почти полностью, и поэтому практически невозможно купить цыпленка, который свободно бродил по двору; а телятину производить гуманным путем не получится в принципе. Даже если на мясе стоит надпись «органическое», она может просто означать, что животным не давали обычных антибиотиков, гормонов и других лекарств – слабое утешение для существа, которое не может гулять по двору. Что же касается яиц, то во многих странах можно купить яйца кур,

которые находятся на свободном содержании, хотя во многих частях США такие яйца очень трудно достать.

После того как вы отказались от птицы, свинины, телятины, говядины и яиц с птицефабрик, следующая ступень – перестать есть любых убитых птиц или млекопитающих. Это обычно очень небольшой дополнительный шаг, потому что количество птиц и млекопитающих, которых обычно употребляют в пищу, и которые были выращены не на предприятии промышленного скотоводства, очень мало. Люди, которые не знают, каким вкусным может быть вегетарианская пища, возможно, сочтут это за большую жертву. Я могу сказать здесь только одно: «Попробуйте!». Купите хорошую вегетарианскую поваренную книгу, и вы поймете, что эта диета – совсем не жертва. Причиной для этого второго шага может быть убеждение, что нельзя убивать живое существо ради чревоугодия; либо же в основе могут лежать знания о том, что даже при отсутствии интенсивных методов выращивания животные все равно страдают – это описывалось в предыдущей главе. Теперь встают более сложные вопросы. Как далеко нам следует идти по эволюционной лестнице? Есть ли нам рыбу? А как насчет креветок и устриц? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо помнить главный принцип, на котором основывается наше беспокойство об окружающих. Как я написал в первой главе, единственной законной границей нашей заботы о других существах можно считать момент, после которого говорить о наличии у данного субъекта интересов было бы уже некорректно. Чтобы иметь интересы в строгом, нефигуральном смысле, существо должно быть способным к тому, чтобы страдать и испытывать удовольствие. Если оно страдает, то нет оснований закрывать глаза на эти страдания или отказываться рассматривать их на равных с такими же страданиями другого объекта. Но обратное тоже верно. Если существо не может испытывать страдания или удовольствие, то принимать во внимание нечего.

Итак, проблема проведения границы заключается в определении момента, когда мы можем справедливо предположить, что объект не способен на страдания. В более раннем обсуждении фактов, доказывающих, что негуманоидные животные могут страдать, я предложил два признака, указывающих на эту способность: его поведение (может ли животное корчиться, издавать звуки, избегать источника боли и т.д.) и сходство его нервной системы с нашей. По мере движения вниз по эволюционной лестнице мы обнаруживаем, что по обоим этим критериям становится все меньше признаков того, что животное испытывает боль. А у птиц и млекопитающих доказательств наличия интересов более чем достаточно. Нервная система рептилий и рыб по некоторым важным параметрам отличается от нервной системы млекопитающих, но основная структура нервных путей у них одинаковая. У рыб присутствует большинство признаков болевого поведения, которое можно наблюдать у млекопитающих. Большая часть видов даже общается между собой посредством голоса, хотя человеческое ухо не в состоянии это уловить. Например, рыбы издают вибрационные звуки, и ученые выявили разные «зовы», в том числе сигналы тревоги и раздражения[21]. А когда рыб вытаскивают из воды, и они оказываются вынуждены биться в сети или на суше, пока не умрут, у них наблюдаются признаки страдания. Конечно же, лишь по той причине, что рыбы не умеют визжать и стонать так, чтобы мы могли это слышать, порядочные во всем остальном люди считают приятным времяпровождением сидеть у воды, свесив крючок, пока ранее пойманные, лежащие рядом с ними рыбы медленно умирают.

В 1976 году британское Королевское общество по предотвращению жестокости к животным (Royal Society for the Prevention of Cruelty to Animals) учредило независимую исследовательскую комиссию по вопросам охоты и рыбалки. Ее возглавлял лорд Мидуэй (Medway), известный зоолог, а в состав входили специалисты, приглашенные со стороны. В ходе исследования тщательно рассматривался вопрос, чувствуют ли рыбы боль, и был сделан единогласный вывод о том, что эта способность у них так же очевидна, как и у других позвоночных[22]. Люди, которые больше беспокоятся по поводу причинения страданий, чем по поводу убийства, вероятно, зададут следующий вопрос: допустим, рыбы могут страдать, но насколько сильно они страдают при коммерческом рыболовстве? Может создаться впечатление, что рыбы, в отличие от птиц и млекопитающих, не страдают по пути к нам на стол, потому что обычно их не разводят; люди вмешиваются в их жизнь лишь тогда, когда ловят и убивают. Но это не всегда правильно: рыбоводство (которое представляет собой такую же интенсивную разновидность животноводства, как выращивание мясного скота в откормочном загоне) – это быстро растущая промышленность. Началось все с пресноводных видов рыб вроде форели, но норвежцы разработали технологию разведения лосося, при которой клетки находятся в море, и другие страны сейчас разводят с помощью этого метода самые разные виды морских рыб. Что касается проблем благополучия рыб на рыбных фермах, среди которых скученность, невозможность совершать миграцию, стресс при манипуляциях с ними и т.д., то они даже никогда не исследовались. Но даже для тех рыб, которых не разводят, смерть оказывается гораздо более медленной, чем, скажем, смерть цыпленка, потому что их просто поднимают в воздух и оставляют умирать. Их жабры способны извлекать кислород лишь из воды, но не из воздуха, и поэтому при нахождении вне воды они попросту не могут дышать. Рыбы, которые продаются в вашем супермаркете, возможно, умирали медленной смертью от удушья. А если это глубоководная рыба, которую вытянули на поверхность с помощью траулерной сети, то ее смерть была, возможно, еще более мучительной из-за декомпрессии.

Экологический аргумент против интенсивного животноводства не применим к ситуации, когда рыб больше ловят, а не выращивают. Нам не приходится тратить зерно или сою на кормление рыб, которые живут в океане. Но существуют другие соображения против практикуемого ныне интенсивного коммерческого рыболовства, и оно заключается в том, что мы истощаем океаны. За последние годы улов сильно сократился. Несколько видов рыбы, такие как североевропейская сельдь, калифорнийская сардина и пикша, некогда очень многочисленные, сейчас встречаются так редко, что для коммерческого промысла их просто уже нет. Современные рыболовческие флотилии бороздят места обитания рыбы мелкими сетями, в которые попадает все, что оказывается на их пути. Случайно попавшие рыбы – из «непромысловых» видов, которые названы в рыбной индустрии как «мусор» – могут составлять половину улова[23]. Их выбрасывают за борт. Поскольку траулеры волокут огромную сеть по хрупкому дну океана, страдает экология морского дна. Такая рыбалка, как и другие способы производства продуктов животного происхождения, расходует большое количество ископаемого топлива и потребляет больше энергии, чем производит[24]. А в сети, используемые для промышленного лова тунца, ежегодно попадают тысячи тюленей; в результате сеть утягивает их под воду и они тонут. По всему миру жители маленьких прибрежных деревень, для которых рыбалка служит средством к существованию, обнаруживают, что их традиционный источник пищи и дохода истощается. Одна и та же ситуация наблюдается от западного берега Ирландии до бирманских и малайских

деревушек. Рыбная промышленность в развитых странах стала еще одной формой перехода средств от бедных к богатым. Поэтому нам следует избегать есть рыбу как ради самих рыб, так и ради людей. Конечно же, те, кто отказался употреблять в пищу других животных, но продолжает есть рыбу, сделал важный шаг для преодоления спесишизма; однако люди, которые не едят никого, ушли еще дальше.

Когда мы переходим от рыбы к другим морским животным, которых человек употребляет в пищу, не принято с такой же уверенностью говорить об их способности чувствовать боль. Нервная система ракообразных – лобстеров, крабов, креветок – очень сильно отличается от нашей. Но доктор Джен Бейкер (John Baker), зоолог из Оксфордского университета и член Королевского общества (Royal Society), утверждает, что органы чувств у них развиты высоко, нервные клетки сходны с нашими, а реакция на определенные раздражители быстра и ярко выражена. В связи с этим доктор Бейкер считает, что лобстеры испытывают боль. Он также уверен, что стандартный способ убийства лобстера – опускание в кипящую воду – вызывает боль, длящуюся две минуты. Он экспериментировал с другими методами, которые считаются более гуманными, такими, как, например, опускание их в холодную воду и последующее медленное нагревание или держание их в пресной воде, пока они не перестанут двигаться, но обнаружил, что оба эти метода вызывают длительное сопротивление и, следовательно, страдания[25]. Если ракообразные могут страдать, то им приходится претерпевать многое, и это касается не только способов убоя, но также транспортировки и содержания их в живом виде на рынке. Чтобы они были свежими, их нередко просто кидают, наваливая живыми друг на друга. Хотя по поводу способности этих животных испытывать боль, и остаются некоторые сомнения, тот факт, что они, возможно, все же сильно страдают плюс отсутствие необходимости употреблять их в пищу приводит нас к логичному выводу: они должны выигрывать от нашего сомнения.

Устрицы, мидии, гребешки и т.д. относятся к моллюскам, а моллюски – это очень простые организмы (существует и исключение: осьминог – это моллюск, но он гораздо более высокоразвит и предположительно имеет более тонкие органы чувств, чем его дальние родственники). Что касается животных типа устриц, по поводу их способности испытывать боль имеются большие сомнения, и в первом издании книги я выдвинул предположение о том, что границу можно обозначить где-то между креветками и устрицами. Соответственно, я продолжал иногда есть устриц, гребешков и мидий после того, как в других отношениях стал вегетарианцем. Но когда у нас нет возможности с уверенностью сказать, что животные чувствуют боль, мы точно так же не можем быть уверены в их нечувствительности. А если у них эта способность есть, то блюдо из устриц становится причиной страданий для большого числа животных. А поскольку отказ от них не составляет труда, то, я считаю, необходимо прибегнуть к нему[26]. Таким образом, мы подошли к концу эволюционной лестницы, отвечая о том, каких животных мы обычно едим; по сути, нам остается вегетарианская пища. Но традиционно вегетарианская пища включает продукты животного происхождения, такие как яйца и молоко. Некоторые пытались здесь обвинить вегетарианцев в непоследовательности. Как они говорили, слово «вегетарианец» (“vegetarian”) имеет тот же корень, что и «овощ» (“vegetable”), поэтому пища вегетарианца должна быть исключительно растительного происхождения. Такую критику следует считать игрой слов, и с точки зрения истории она неточна. Термин «вегетарианец» появился в 1847 году, когда в Англии образовалось Вегетарианское Общество (Vegetarian Society). Поскольку правила

этого общества разрешают употребление яиц и молока, термин «вегетарианство» относился к тем, кто не избегает этих продуктов. Те, кто не ест ни мяса, ни яиц, ни молочных продуктов, и признают этот лингвистический нюанс, называют себя веганами. Но вопрос формулировок здесь не важен. Нам надо спросить себя, оправдано ли с моральной точки зрения употребление этих и других продуктов животного происхождения. Это не праздный вопрос, потому что и при отказе от всех продуктов животного происхождения есть возможность обеспечить нормальное питание – данный факт пока малоизвестен, хотя большинство современных людей знает, что вегетарианцы могут прожить длинную и здоровую жизнь. Далее в этой главе я еще затрону тему питания, а пока что вам достаточно знать, что мы можем обойтись без молока и яиц. Но есть ли для этого какие-нибудь причины?

Мы увидели, что яичная промышленность – это одна из самых безжалостных форм современного промышленного скотоводства, и она беспощадно эксплуатирует кур, чтобы получать яйца с минимальными затратами. И необходимость бойкотировать этот вид животноводства так же очевидна, как необходимость отказа от свинины или курятины, которая была получена промышленным путем. А как насчет яиц от кур на свободном содержании, если вы сможете их достать? Здесь гораздо меньше возражений этического характера. Если у кур есть укрытие, а также возможность бегать снаружи и рыть землю, они живут в комфортных условиях. По-видимому, они не страдают из-за того, что яйца у них забирают. Главное основание для возражения заключается в том, что петушков яичных пород убивают при рождении; та же участь постигает и кур, когда их продуктивность снижается. Поэтому вопрос состоит в том, перевешивает ли приятная жизнь кур (плюс яйца для нас) убийства, которые являются частью системы. Ответ на этот вопрос может зависеть от того, насколько у человека различается позиция по поводу убийства и по поводу причинения страданий. В последней главе этой книги можно прочитать дальнейшее обсуждение важных философских вопросов[27]. В соответствии с доводами, которые приводятся в этой главе, я частично снимаю свои возражения против производства яиц, если куры содержатся свободно.

Разные вопросы возникают в связи с молоком и молочными продуктами, такими как сыр и йогурт. Мы видели в третьей главе, что производство молока причиняет страдания корове и теленку по-разному: необходимость того, чтобы корова была беременной, и последующее разлучение коровы с теленком; все более часто содержание в заточении на многих фермах; проблемы со здоровьем и стресс из-за того, что коров кормят очень калорийной пищей и направляют селекцию на дальнейшее повышение надоев; а в наши дни – перспектива дополнительного стресса из-за того, что животным делают ежедневные инъекции гормона роста под названием бовин.

В принципе, без молочных продуктов обойтись нетрудно. А во многих частях Азии и Африки люди употребляют только один вид молока: материнское, в младенческом возрасте. В этих частях света у многих взрослых нет способности переваривать лактозу, содержащуюся в молоке, и при его употреблении они заболевают. В течение длительного времени китайцы и японцы использовали соевые бобы для приготовления значительного числа продуктов, которые мы делаем из молока. Сейчас в западных странах широко доступно соевое молоко, а мороженое из тофу пользуется популярностью среди тех, кто старается сократить

количество жира и холестерина в пище. Бывают даже сыры, сливочное масло и йогурты из сои. Таким образом, веганы правы, и мы можем обойтись без молочных продуктов. Веганы являют собой живой пример практичности и сбалансированности пищи, которая полностью свободна от эксплуатации других животных. Но в то же время надо сказать, что в современном спесишистском мире бывает нелегко строго придерживаться того, что правильно с моральной точки зрения. Разумная и оправданная стратегия действий заключается в поэтапном изменении питания – таком, чтобы вы себя чувствовали комфортно. Несмотря на то, что в принципе все молочные продукты имеют замену, на практике в условиях развитого Запада отказ от мяса и молочных продуктов – дело более трудное, чем отказ от одного только мяса. Пока вы не начнете читать этикетки, чтобы с успехом избегать молока, вы ни за что не поверите, в сколь огромном числе товаров оно содержится. Даже покупка бутерброда с помидором может оказаться проблематичной, потому что он, возможно, намазан сливочным маслом или маргарином, в состав которого входит сыворотка или обезжиренное молоко. Животные выиграют мало, если, отказавшись от мяса и яиц, вы просто замените их большим количеством сыра. С другой стороны, ниже я предлагаю вам если не идеальную, то разумную и практически выполнимую стратегию:

“ – замените мясо растительной пищей;

– замените яйца с птицефабрик яйцами от кур, которые находятся на свободном содержании, а если у вас нет возможности достать такие яйца, откажитесь от них;

– замените молоко и сыр соевым молоком, тофу и прочей растительной пищей; но не чувствуйте себя обязанными избегать всей пищи, в которой присутствуют молочные продукты.

Трудно сразу сказать «нет» спесишизму в пищевых привычках. Люди, которые примут стратегию, изложенную мной здесь, сделают большой общественный вклад в движение за освобождение животных. Самая важная задача, стоящая перед движением, заключается в том, чтобы убедить как можно большее количество людей сделать этот шаг. Таким образом, бойкот распространится и привлечет к себе внимание. И если из-за страстного желания прекратить все формы эксплуатации животных сразу у нас сложилось ощущение, что, если человек не откажется от всех молочных продуктов, то он не лучше мясоедов, то нужно иметь в виду, что такой подход может оттолкнуть многих людей от каких-либо действий, и эксплуатация животных будет продолжаться, как прежде.

Вот ответы на некоторые из вопросов по поводу того, что можно есть, а что нельзя, которые с большой вероятностью возникнут у неспесишистов. Как я отметил в начале данного раздела, мои замечания – это всего лишь предложения. Искренние неспесишисты, вероятно, не согласятся друг с другом по поводу деталей. Но до тех пор, пока существует общее мнение по поводу основных принципов, эти разногласия не должны препятствовать усилиям, которые прилагаются для достижения главной цели.

Многие люди готовы признать, что аргументы в пользу вегетарианства убедительны. Но очень часто между убеждением и действием, заключающимся в том, чтобы сломать привычку длиною в жизнь, лежит пропасть. Книги никак не могут ее побороть; и, в конечном счете, претворение наших взглядов в жизнь – дело каждого из нас. Но на следующих нескольких страницах я попробую сузить эту пропасть. Моя цель состоит в том, чтобы переход от смешанного питания к вегетарианскому показался гораздо более легким и приятным, и читатель, вместо того, чтобы воспринимать смену питания как тяжелую обязанность, предвкушал знакомство с новой и интересной кухней, включающей в себя большое количество свежих продуктов, а также необычные европейские, китайские и ближневосточные блюда, которые так разнообразны, что по сравнению с ними бесконечные мясные кушанья, характерные для западного рациона, кажутся скучными. Удовольствие от такой пищи усиливается благодаря осознанию того, что ее хороший вкус и питательные качества даны непосредственно землей, и за их получением не стояла растрата природных ресурсов, а также страдания и смерть чувствующих существ.

Вегетарианство несет новое отношение к пище, растениям и природе. Плоть оскверняет нашу еду. Мы маскируем ее всеми возможными способами, но факт остается фактом: главная часть нашего обеда приходит к нам с бойни, на ней остаются следы крови. Если ее не обработать и не заморозить, она начинает портиться. Когда мы ее едим, она ложится тяжелым грузом в наш желудок и тормозит пищеварение до тех пор, пока не выйдет через несколько дней[28]. Растительная пища действует на нас совсем по-другому. Мы берем от земли пищу, которая готова для нас и не вредит нам. Без мяса, притупляющего наше чувство вкуса, мы получаем удовольствие от свежих овощей, только что собранных на грядке. Лично мне так понравилась идея самостоятельно выращивать себе обед, что вскоре после того, как я стал вегетарианцем, я начал вскапывать часть нашего заднего дворика и выращивать на нем овощи. Раньше я и не думал о том, чтобы делать это. Сейчас тем же занимаются несколько моих друзей-вегетарианцев. В этом отношении отказ от мяса помог мне больше соприкоснуться с растениями и землей. Что касается кулинарии, то ею я заинтересовался тоже лишь после того, как стал вегетарианцем. Для тех, кто вырос на обычной англо-саксонской пище, основное блюдо которой состоит из мяса с двумя переваренными овощами, отказ от нее станет стимулом к изобретательности. Меня часто спрашивают, чем можно заменить мясо, и такая постановка вопроса говорит о том, что спрашивающий мысленно убрал со своей тарелки котлету или гамбургер и оставил картошку пюре или тушеную капусту, поэтому находится в затруднении, что бы положить вместо мяса. Может быть, горку соевых бобов? Возможно, кому-то такая еда и понравится, но чтобы пища соответствовала вкусу большинства людей, ответ состоит в пересмотре самой идеи об основном блюде – оно должно состоять из сочетания различных ингредиентов, при этом сбоку тарелки, возможно, лежит салат, но продукты не находятся отдельно друг от друга. Например, в состав блюд входят один или несколько высокобелковых ингредиентов. В вегетарианской китайской кухне они могут включать тофу, орехи, стручковую фасоль или пшеничную клейковину со свежим, коричневым рисом или овощами. Индийское карри с чечевицей в качестве белка, подаваемое с коричневым рисом и свежим нарезанным огурцом – это такое же питательное блюдо, как итальянская вегетарианская лазанья. Вы можете сделать даже «мясные» шарики из тофу для спагетти. Большинство западных людей едят очень мало проса, цельной пшеницы и гречки, но эти злаки могут составить основу питания, которое привнесет приятное разнообразие. В первом

издании я привел некоторые рецепты вегетарианских блюд и идеи для их приготовления, но за прошедшие годы появилось так много отличных вегетарианских поваренных книг, что сейчас моя помощь кажется совсем ненужной. Поначалу некоторым людям может быть трудно изменить свое отношение к пище. Для привыкания к блюдам без куска мяса посередине, возможно, потребуется время, но, когда вы привыкнете к ним, то удивитесь разнообразному выбору интересных рецептов, и вам будет трудно поверить, что некогда отказ от мяса казался чем-то сложным.

Независимо от вкуса блюд люди, задумывающиеся о вегетарианстве, скорее всего, будут беспокоиться по поводу полноценности такого питания. Эти опасения совершенно беспочвенны. Во многих частях света есть вегетарианские культуры, и их представители так же здоровы, если не здоровее мясоедов, живущих в тех же районах. Строгие индуисты являются вегетарианцами в течение более двух тысячелетий. Ганди, урожденному вегетарианцу, было почти 80 лет, когда его активную жизнь прервала пуля убийцы. В Британии, где официальное вегетарианское движение имеет более чем 140-летнюю историю, есть вегетарианцы в третьем и четвертом поколениях. Многие известные вегетарианцы, такие как Леонардо да Винчи, Лев Толстой и Джордж Бернард Шоу, прожили долгую и исключительно плодотворную жизнь. А большая часть людей, доживших до очень преклонного возраста, ели мало мяса или вообще его не потребляли. Жители долины Вилькабамба в Эквадоре часто живут более 100 лет, и ученые обнаруживали среди них мужчин в возрасте 123-132 года; эти люди съедают меньше унции (28,3 г) мяса в неделю. Обследование всех живущих венгерских долгожителей показало, что они питаются в основном растительной пищей[29]. А длинный список спортсменов, которые не едят мяса, свидетельствует о том, что этот продукт не требуется для поддержания физической выносливости. Данный список включает в себя пловца на дальние дистанции Мюррея Роуза (Murray Rose), знаменитого финского бегуна-марафонца Пааво Нурми (Paavo Nurmi), баскетболиста Билла Уолтона (Bill Walton), «железного человека» троеборца Дэйва Скотта (Dave Scott) и олимпийского чемпиона в 400-метровом забеге с препятствиями Эдвина Мозеса (Edwin Moses).

Многие вегетарианцы утверждают, что после отказа от мяса они чувствуют себя лучше, здоровее и ощущают прилив энергии. И огромное количество новых доказательств свидетельствует в пользу их правоты. Официальный доклад Главного врача США о питании и здоровье (United States Surgeon General Report on Nutrition and Health) за 1988 год цитирует большое исследование, в котором сообщается, что у вегетарианцев в возрасте от 35 до 64 лет смертность из-за сердечных приступов составляет лишь 28% от этого показателя среди всех американцев данной возрастной группы. Что касается вегетарианцев более старшего поколения, то у них смертность от сердечных приступов более чем в 2 раза меньше по сравнению с невегетарианцами. То же самое исследование указывает, что у вегетарианцев, употребляющих молочные продукты и яйца, уровень холестерина на 16% ниже, чем у мясоедов, а у веганов этот показатель ниже на 29%. Основные рекомендации доклада заключались в том, чтобы сократить употребление холестерина и жиров (особенно насыщенных жиров) и увеличить потребление овощей (том числе сухие бобов и гороха) и фруктов. Рекомендация сократить количество холестерина и насыщенных жиров – это, по сути, рекомендация избегать мяса (если не считать, разве что, курицы со снятой кожей), сливок, сливочного масла и других молочных продуктов за исключением обезжиренных[30].

Этот доклад подвергся критике из-за того, что не выразил данную мысль более конкретно – и расплывчатая формулировка, вероятно, связана с мощным лобби таких организаций, как Национальная организация скотоводов (National Cattlemen's Association) и Совет по молочным продуктам (Dairy Board)[31]. Но лобби не смогло добиться того, чтобы составители раздела об онкологических заболеваниях умолчали о выявленной в ходе исследований связи между мясом и раком груди, а также между мясом, особенно говядиной, и раком толстой кишки. Американская Кардиологическая Ассоциация (American Heart Association) также в течение многих лет рекомендует американцам сократить количество потребляемого мяса[32]. Диеты, разработанные для здоровья и долголетия, вроде Диеты доктора Притикина (Pritikin Plan) и Программы доктора Макдугалла (McDougall Plan), также состоят в основном или полностью из растительной пищи[33]. Специалисты по питанию больше не спорят о том, требуется организму мясо или нет; они пришли к общему выводу о том, что не требуется. Если обыватели все еще сомневаются, можно ли без него обойтись, их сомнения связаны с незнанием. Чаще всего это касается вопроса о необходимости белка. Нам часто говорят, что важным компонентом правильного питания является белок, и что его много в мясе. Оба эти утверждения верны, но есть два факта, о которых нам приходится слышать гораздо реже. Во-первых, среднестатистический американец съедает слишком много белка. Количество белка, которое чаще всего получает американец, на 45% выше той большой нормы, какую рекомендует Национальная академия наук (National Academy of Sciences). А, согласно другим оценкам, большинство американцев употребляет в 2-4 раза больше белка, чем может переработать их организм. Излишний белок не может откладываться про запас. Он частично выводится из организма, а другая часть преобразуется в углеводы, что представляет собой дорогой способ увеличить их употребление[34].

Второй факт, который нам надо знать о белке, заключается в том, что мясо – это лишь один белковый продукт из многих, и отличается он от других, прежде всего, дороговизной. Некогда считалось, что качество животного белка – самое лучшее, но еще в 1950 году Комитет по питанию Британской медицинской ассоциации (British Medical Association's Committee on Nutrition) заявил следующее:

“Согласно общему мнению, то, откуда человек получает основные белковые единицы, – из растительной пищи или из животной, – не имеет принципиального значения при условии, что они обеспечивают адекватное сочетание в усвояемой форме»[35].

Более поздние исследования подтвердили этот вывод. Теперь мы знаем, что пищевая ценность белка заключается в незаменимых аминокислотах, которые содержатся в нем; именно от них зависит количество белка, которое организм может использовать. То, что продукты животного происхождения, особенно мясо и молоко, имеют очень сбалансированное содержание аминокислот, – верно; но растительная пища вроде сои тоже содержит широкий набор этих веществ. Более того, если одновременно есть разнообразную белковую пищу, то за один прием можно легко обеспечить сочетание растительных белков, эквивалентное животному. Этот принцип называется «белковое взаимодополнение», но для

его обеспечения вам не требуются большие знания по диетологии. Крестьянин, который ест бобы или чечевицу с рисом и кукурузой, применяет этот принцип на практике. То же можно сказать про мать, которая дает своему ребенку бутерброд, состоящий из арахисового масла и цельнозернового пшеничного хлеба – получается сочетание арахиса и пшеницы, и каждый из этих продуктов содержит белок. Разные формы белка в различной пище комбинируются друг с другом так, что при употреблении их вместе организм получает больше белка, чем при потреблении по отдельности. Даже если не принимать во внимание взаимодополнение при совместном потреблении разных белков, большая часть продуктов – и не только орехи, горох, бобы, но также и пшеница, рис и картофель – сами по себе содержат достаточно белка и могут обеспечить им наш организм. Если мы избегаем «бросовой еды», в которой нет ничего, кроме сахара и жиров, то единственный способ недополучить белок – это сидеть на низкокалорийной диете[36].

Белок – это не единственное питательное вещество, содержащееся в мясе, но и другие можно без труда получить при вегетарианском питании. Только веганы, то есть, люди, полностью отказавшиеся от животной пищи, должны следить за своим здоровьем. Существует лишь одно необходимое вещество, которое отсутствует в растительных источниках. Это витамин B12, имеющийся в яйцах и молоке; но его нет в усвояемой форме в растительной пище. Тем не менее, его можно получить из морских водорослей типа ламинарии, из соевого соуса, который производится традиционным японским способом – ферментацией, или из темпе – ферментированного соевого продукта, который едят в Азии, а сейчас его можно купить и на Западе в магазинах здорового питания. Есть также вероятность того, что этот витамин вырабатывают микроорганизмы в нашем кишечнике. Обследования веганов, в течение многих лет не принимавших никаких явных источников B12, показали, что содержание этого витамина в их крови соответствует норме. Но, на всякий случай, чтобы избежать дефицита, принимайте таблетки, в состав которых входит B12 – это стоит недорого и не представляет труда. Витамин в таких таблетках получен из бактерий, которые выращиваются на растительной пище. Обследования детей из веганских семей показали, что они нормально развиваются на питании, к которому добавлен витамин B12, но какие-либо продукты животного происхождения после отъема от груди отсутствуют[37].

В этой главе я попытался рассеять сомнения по поводу вегетарианства, которые легко могут возникнуть. Но многие люди сопротивляются больше, и это заставляет их колебаться. Возможно, причина сомнений заключается в том, что они боятся прослыть «чокнутыми» среди своих друзей. Когда моя жена и я задумывались о том, не стать ли вегетарианцами, мы говорили об этом. Мы беспокоились, что мы изолируем себя от наших друзей-невегетарианцев, а на тот момент никто из наших давних друзей вегетарианцем не был. То, что мы стали вегетарианцами вместе, конечно же, облегчило это решение для нас обоих, но, как потом выяснилось, беспокоиться нам было не о чем. Мы объяснили нашим друзьям, почему приняли такое решение, и они увидели, что у нас для этого есть веские основания. Не все из них стали вегетарианцами, но они не перестали быть нашими друзьями; более того, мне кажется, им нравится приглашать нас на обед и показывать нам, как хорошо они умеют готовить без мяса. Конечно, есть вероятность встретить людей, которые сочтут вас сумасшедшими. Сейчас шансов на это гораздо меньше, чем несколько лет назад, потому что число вегетарианцев значительно увеличилось. Но если такое все же произошло, помните,

что вы оказались в хорошей компании. Все лучшие реформаторы – те, кто впервые выступал против работорговли, националистических войн, эксплуатации детей, работавших на фабриках по 14 часов в годы научно-технической революции, – поначалу высмеивались теми, кто был заинтересован в этих самых злоупотреблениях.

Глава 5. Владычество человека...

краткая история спесишизма

Чтобы положить конец тирании, сначала мы должны понять ее природу. В жизни главенство людей выражается в том, что мы увидели в Главах 2 и 3, и в других практиках, как то: убийство диких животных для развлечения или для получения меха. Эти примеры не следует рассматривать как отдельные отклонения. Их было бы правильно понимать только как проявления идеологии нашего вида – то есть, позиции, которой мы, как доминирующее животное, придерживаемся по отношению к другим животным.

В этой главе мы увидим, как в различные периоды времени выдающиеся западные мыслители формулировали и отстаивали отношение к животным, которое мы унаследовали. Я сосредотачиваю внимание на Западе не потому, что другие культуры ниже – как раз наоборот в том, что касается животных – а потому, что за последние 200-300 лет западные идеи распространились за пределы Европы и в наши дни стали основой в большинстве человеческих обществ – как капиталистических, так и социалистических.

Несмотря на то, что нижеследующий материал носит исторический, если угодно, традиционный характер, я вовсе не преследую целью преподнести его таким образом. Когда какая-то позиция укореняется настолько глубоко, что мы воспринимаем ее как несомненную истину, серьезный и последовательный вызов ей может стать уделом насмешки. Прямое разоблачение, вероятно, сможет пошатнуть уверенность. Именно это я пытался сделать в предыдущих главах. Альтернативная стратегия заключается в развенчании господствующей позиции – для этого необходимо показать ее исторические корни.

Отношение к животным у предыдущих поколений больше не служит убедительным аргументом, потому что оно основано на устаревших ныне религиозных, моральных и метафизических предположениях. Мы не защищаем сложившееся отношение к животным так, как это делал Фома Аквинский, поэтому мы, возможно, готовы признать, что Фома Аквинский использовал религиозные, моральные и метафизические идеи своего времени, чтобы замаскировать неприкрытый эгоизм интересов человека в его взаимоотношениях с другими животными. Если мы можем видеть, что прошлые поколения признавали правильными и естественными позиции, которые мы рассматриваем как идеологическое прикрытие для оправдания своих целей, и если в то же время нельзя отрицать, что мы продолжаем использовать животных для удовлетворения наших собственных второстепенных интересов в ущерб их основным интересам, то мы, возможно, склонимся к

более скептическому взгляду на оправдания наших собственных действий, которые мы сами считали правильными и естественными.

Отношение к животным на Западе имеет корни в 2-х традициях: иудаизме и греческой античности. Эти корни соединяются в христианстве, и именно благодаря христианству они стали господствовать в Европе. Более просвещенный взгляд на наше отношение к животным появляется только постепенно, по мере того, как мыслители начинают занимать позиции, относительно независимые от церкви; но мы все еще не освободились полностью от мировоззрения, которое воспринималось как безоговорочная истина в Европе вплоть до восемнадцатого столетия. Таким образом, мы можем разделить наше обсуждение истории на 3 части: дохристианский период, христианство, век Просвещения и то, что было после.

Дохристианская мысль

Сотворение мира кажется подходящей отправной точкой. Библейский рассказ очень ясно излагает характер отношений между человеком и животными, каким он должен быть в представлении древнееврейских людей. Это прекрасный пример мифа, отражающего реальность:

“И сказал Бог: “Да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их”. И стало так. И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо. И сказал Бог: “Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле”. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину. И благословил их Бог, и сказал им Бог: “Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над зверями, и над птицами небесными, и над всяким скотом, и над всею землею, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле”»[1].

Библия говорит нам, что Бог сотворил человека по образу своему и по подобию. Мы можем считать, что это человек творит Бога по своему образу и по подобию. В любом случае, это дает людям особое положение во Вселенной: они – единственные богоподобные существа. Более того, в Библии ясно говорится, что Бог дал человеку власть над всем живым. Правда, в саду Эдема это владычество, возможно, не подразумевало убийство других животных ради пищи. Глава 1, стих 29 Книги Бытия свидетельствует о том, что вначале люди жили за счет трав и фруктов с деревьев, и Эдем часто изображался как картина совершенного мира, в котором не было места никакому убийству. Человек господствовал, но в этом земном раю его деспотизм был великодушным.

После грехопадения человека (за которое Библия считает ответственными женщину и животное) убийство животных стало разрешаться. Прежде чем изгнать Адама и Еву из Эдемского сада, Бог сам одел их в шкуры животных. Их сын Авель был пастухом овец и принес свое стадо в жертву Богу. Затем настал Потоп, и, чтобы наказать человека за его грехи, все остальные творения были уничтожены. Когда уровень воды упал, Ной поблагодарил Бога, принеся во всесожжение на жертвеннике «всякого скота чистого и всяких птиц чистых». В ответ Бог благословил Ноя и дал окончательную гарантию человеческого владычества:

“И благословил Бог Ноя и сынов его и сказал им: плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю. Да страшатся и да трепещут вас все звери земные, и весь скот земной, и все птицы небесные, все, что движется на земле, и все рыбы морские; в ваши руки отданы они. Все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам все»[2].

Это основная позиция древних еврейских писаний по отношению к животным. И здесь опять имеется интересный намек на то, что в первоначальном невинном состоянии мы были вегетарианцами, поедая только «земные травы», но именно после грехопадения, последовавшего за ним зла и потопа, нам было дано разрешение добавлять животную пищу к растительной. На фоне признания человеческого владычества, подразумевающего это разрешение, все еще иногда появляется более сострадательный ход мысли. Пророк Исайя осуждал приношение животных в жертву, а его книга включает в себя замечательное видение времени, когда волк будет лежать рядом с ягненок, лев станет есть солому, как бык, и «не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей». Но это утопическое видение, а не приказ для немедленного выполнения. Другие разбросанные отрывки в Ветхом Завете поощряют некоторую степень доброты к животным, поэтому можно доказать, что беспричинная жестокость запрещалась, и что «владычество» на самом деле больше похоже на «управление», в котором мы ответственны перед Богом за заботу и благополучие тех, кто поставлен под наше господство. Тем не менее, в Книге Бытия нет серьезных возражений против общей позиции, которая заключается в том, что человек является вершиной творения и имеет разрешение Бога убивать и употреблять в пищу других животных.

Второй древней традицией западной философии стала греческая мысль. Поначалу мы здесь находим противоречивые тенденции. Греческое мышление не было однородным, оно делилось на конкурирующие школы, каждая из которых брала свои основные доктрины у нескольких великих основателей. Один из них, Пифагор, был вегетарианцем и призывал своих последователей уважительно обращаться с животными; очевидно, причина заключалась в его вере в то, что души умерших людей переселяются в животных. Но наиболее важной школой была школа Платона и его ученика Аристотеля.

Хорошо известен тот факт, что Аристотель был сторонником рабства; он считал, что некоторые люди являются рабами по своей природе и что рабство правильно для них и подходит им. Я напоминаю об этом не для того, чтобы дискредитировать Аристотеля, а

потому, что это представляет важность для понимания его отношения к животным. Аристотель считает, что животные существуют для служения человеческим целям, хотя, в отличие от автора Книги Бытия, он не проводит глубокую пропасть между человеческими существами и остальным животным миром.

Аристотель не отрицает, что человек является животным; по сути, он определяет человека как разумное животное. Однако общей животной природы недостаточно для того, чтобы выступать за равное уважение интересов. Для Аристотеля человек, являющийся по природе рабом – несомненно, человеческое существо, и он настолько же способен чувствовать удовольствие и боль, как и любое другое человеческое существо; и все же из-за того, что он обязан быть ниже свободных людей в своих умственных способностях, Аристотель рассматривает его как «живой инструмент». Аристотель совершенно открыто совмещает два элемента в одном предложении: рабом является тот, кто «оставаясь человеческим существом, все же является предметом собственности»[3].

Если разницы в мыслительной способности между человеком и животными оказывается достаточно для того, чтобы сделать первых хозяевами, а вторых собственностью, Аристотель, должно быть, полагал, что право человека управлять животными слишком очевидно, и большого количества аргументов здесь не требуется. Он считал природу иерархией, в которой объекты с менее развитой способностью к мышлению существуют ради тех, у кого она больше развита:

“ «Растения существуют для животных, а животные – для человека: домашние животные предназначены для использования и для получения пищи, дикие (или, по меньшей мере, большая их часть) – для еды и других целей, таких как одежда и разные инструменты. Поскольку природа ничего не делает бессмысленно или зря, неоспоримым является тот факт, что она создала всех животных для человека»[4].

Именно взгляды Аристотеля, а не вегетарианца Пифагора, стали частью более поздней западной традиции.

Христианская мысль

Христианство в своё время объединило еврейские и греческие идеи о животных. Но христианство возникло и набрало силу во времена Римской империи, и мы сможем лучше всего пронаблюдать первоначальное воздействие этой религии, если сравним христианские позиции с теми, на смену которым они пришли.

Римская империя сформировалась, благодаря завоевательным войнам, и ей приходилось уделять много энергии и годовых доходов своим силам, которые защищали и расширяли ее огромную территорию. Эти условия не воспитывали чувства сострадания к слабому. Тон в обществе задавали военные доблести. В самом Риме, расположенном далеко от границ, где шла война, характер римских граждан, по-видимому, был ожесточен так называемыми

играми. Каждый школьник знает, как христиан бросали львам в Колизее, но редко принимается во внимание то, насколько эти игры служили мерилom сострадания у людей, которые в других аспектах были весьма, а иногда даже и очень цивилизованными. Мужчины и женщины считали кровавую резню людей и других животных нормальным развлечением; и это продолжалось в течение столетий без малейшего протеста.

Вот как историк XIX века У.Э.Х. Леки (W.E.H. Lecky) описывает развитие римских игр, которые начались как бой между двумя гладиаторами:

“ «Простой бой стал, наконец, пресным и, чтобы подогреть слабеющий интерес, придумывались разные варианты зверства. Однажды медведь и бык, связанные вместе, кружились в неистовом бою на песке; в другой раз быкам бросали преступников в шкурах диких зверей, при этом быков доводили до безумия раскаленным железом или дротиками с горячей смолой на концах. При Калигуле за один день было убито четыреста медведей. При Нероне четыреста тигров сражались с быками и слонами. Когда Колизей принадлежал Титу, за один день погибали 5 тысяч животных. При Траяне игры продолжались в течение 123 дней подряд. Чтобы придать зрелищу новизну использовались львы, тигры, слоны, носороги, гиппопотамы, жирафы, быки, волы и даже крокодилы и змеи... Не наблюдалось недостатка и в разного рода человеческих страданиях. На играх Траяна сражались 10 тысяч мужчин. Нерон ночью освещал свои сады христианами, горящими в просмоленных рубахах. При Домициане заставили сражаться армию немощных карликов... Жажда крови была настолько сильной, что при игнорировании игр император оказывался менее популярным, чем при отказе раздавать хлеб»[5].

Римляне не были лишены моральных норм. Они глубоко уважали справедливость, общественный долг и даже доброту к другим. Эти игры с ужасающей ясностью показывают, что их моральные обязательства имели четкую границу. Если существо оказывалось внутри нее, то действия вроде игр считались бы недопустимым насилием; когда существо находилось за пределами этической сферы, причинение страданий становилось просто развлечением. Некоторые люди – преступники и особенно военнопленные – и все животные выпадали из этой сферы.

На этом фоне следует оценить влияние христианства. Христианство принесло в римский мир идею об уникальности человеческого вида, которая была унаследована из еврейской традиции, но на ней стал делаться больший акцент из-за важности, придаваемой христианской бессмертной душе. Людям, единственным живым существам на Земле, после физической смерти предстояла жизнь. Вместе с этой идеей пришла характерная христианская мысль о святости всей человеческой жизни.

Существовали религии, особенно на Востоке, проповедующие святость любой жизни; имелось и немало других вероисповеданий, утверждающих, что нельзя убивать членов

своей социальной, религиозной или этнической группы; но христианство распространило идею о том, что каждая человеческая жизнь – и только человеческая – неприкосновенна. Даже новорожденный младенец и зародыш в матке имеет бессмертную душу, поэтому их жизни так же святы, как жизни взрослых.

В том, что касалось людей, новая доктрина была во многих отношениях прогрессивной, и она привела к тому, что ограниченный моральный круг римлян расширился; что же касается других видов, то эта доктрина ухудшила их и без того незавидное ветхозаветное положение. В Ветхом завете провозглашается владычество человека над другими видами, но все же там имеются проблески сострадания к ним. В Новом Завете полностью отсутствуют какие-либо запреты, связанные с жестокостью к животным, а также рекомендации принимать во внимание их интересы. Сам Иисус описывается так, как будто он проявляет явное безразличие к судьбе животных, когда заставляет две тысячи свиней броситься в море – в этом действии, несомненно, не было необходимости, потому что Иисус мог изгонять бесов, не напуская их на другое живое существо[6]. Святой Павел настоял на ином толковании Моисеева закона, который запрещал бить по морде быка, вытапывающего зерно: «О волах ли печется Бог?» – спрашивает презрительно Павел. Нет, отвечает он, «только о нашем благе»[7].

Христиане более поздних времен не забыли пример, поданный Иисусом. Ссылаясь на случай со свиньями и на эпизод, где Иисус проклял смоковницу, Святой Августин писал:

“ «Сам Христос показывает, что воздерживаться от убийства животных и от уничтожения растений – это верх суеверий; рассудив, что между нами и зверями и деревьями нет общих прав, он напустил бесов на стадо свиней и проклятием иссушил дерево, на котором не было фруктов. Несомненно, что ни свиньи, ни дерево не согрешили».

Согласно Августину, Иисус старался показать нам, что по отношению к животным мы не должны руководствоваться теми же моральными принципами, которые определяют наше поведение во взаимодействии с людьми. Поэтому он напустил бесов на свиней, вместо того, чтобы уничтожить этих бесов, хотя мог бы это сделать с легкостью[8].

С учетом всего вышесказанного, нетрудно догадаться, каким стал результат взаимодействия христианской и римской позиций. Наиболее отчетливо это можно увидеть, взглянув на то, что произошло с римскими играми после перехода этой империи к христианству. Христианское учение было непримиримым противником гладиаторских боев. Гладиатор, который выживал благодаря убийству своего противника, считался убийцей. За простое присутствие на этих боях христианина отлучали от церкви, а к концу четвертого столетия бои между людьми были полностью запрещены. С другой стороны, моральный статус убийства или мучения любого животного оставался неизменным. Бои с дикими животными продолжались и в христианскую эру, а пришли в упадок, по-видимому, только потому, что из-за падения богатой и обширной империи стало трудно добывать диких животных. Действительно, эти бои все еще можно увидеть в современной форме в виде

корриды в Испании и в Латинской Америке.

То, что истинно для римских игр, верно и в более широком смысле. Христианство не включило животных в круг сострадания, то есть, они остались там же, где были в римские времена. В результате, в то время как отношение к людям после принятия христианства становилось более гуманным, отношение к другим животным оставалось таким же холодным и жестоким, как и в римский период. В самом деле, христианство не только не гуманизировало отношение к животным, характерное для римлян; к сожалению, оно очень надолго погасило искру большего сострадания к ним – ее поддерживало крохотное число милосердных людей.

Очень немногие римляне проявляли неравнодушие к страданиям, вне зависимости от биологического вида мученика, и испытывали отвращение к тому, чтобы использовать чувствующих созданий для удовольствия человека, будь то стол гурмана или арена. Об этом писали Овидий, Сенека, Порфирий и Плутарх. Плутарху, согласно Леки, принадлежит честь стать первым, кто прямо защищал сострадание к животным, исходя из универсального альтруизма, независимо от какой-либо веры в переселение душ[9]. Однако нам придется ждать почти 16 столетий, прежде чем христианский писатель осудит жестокость по отношению к животным с такой же прямоотой и детальностью по иным соображениям, нежели идея, согласно которой жестокость по отношению к животным может привести к жестокости по отношению к людям.

Некоторые христиане проявляли определенное сострадание к животным. Существует молитва, написанная святым Василием, которая настаивает на доброте к животным; о том же говорит высказывание святого Иоанна Хризостома и учение святого Исаака Сирианина. Находились даже некоторые святые, которые подобно Святому Неоту срывали охоты, спасая оленей и зайцев[10]. Но эти личности не смогли изменить основной курс христианской мысли и привлечь ее внимание к судьбе других биологических видов. Вместо того чтобы отслеживать развитие взглядов на положение животных в христианстве, начиная от ранних отцов Церкви и переходя к средневековым схоластам – этот процесс утомителен, потому что в нем повторов больше, чем развития – лучше более подробно, чем было бы возможно при общем анализе, рассмотреть позицию святого Фомы Аквинского.

Объемная *Summa Theologica* Фомы Аквинского была попыткой охватить весь объем теологических знаний и согласовать их со всемирной мудростью философов, хотя, по мнению Аквинского, Аристотель настолько превосходил других в своей области, что на него Аквинский ссылается просто как на «Философа». Если бы нам требовалось выбрать какого-то одного писателя в качестве представителя христианской философии до эпохи реформации, а также нынешней римской католической философии, то им бы стал именно Фома Аквинский.

Мы можем начать с вопроса, относится ли, по мнению Аквинского, христианский запрет на убийство к существам, отличным от человека, и если нет, то почему.

«Нет греха в том, чтобы использовать вещь с целью, для которой она создана. Сегодня порядок вещей таков, что несовершенное существует для совершенного... Такие вещи, как растения, которые просто имеют жизнь, созданы все как один для животных, а все животные – для человека. Нет ничего незаконного в том, что люди используют растения на благо животных, а животных на благо человека, как утверждает Философ (Политики, I, 3)». «В настоящее время самое необходимое применение, по-видимому, заключается в том, что животные используют растения, люди используют животных в пищу, и это не может быть сделано без лишения их жизни, следовательно, отнимать жизнь у растений ради пользы животных и у животных для пользы человека законно. Более того, это является волей самого Бога. (Книга Бытия, глава I, стихи 29 и 30 и Книга Бытия, глава IX, стих 3)[11].»

Мысль Аквинского заключается не в том, что убийство ради пищи необходимо и, следовательно, оправдано само по себе (он знал о сектах вроде манихеев, в которых убийство животных запрещалось, поэтому не мог находиться в полном неведении по поводу того факта, что люди могут жить без убийства животных, но мы пока опустим этот момент), а в том, что лишь «более совершенные» имеют право убивать по этой причине. Животные, которые убивают людей ради пищи, относятся совсем к другой категории.

“ «Дикость и зверство получили свои названия из-за сходства с дикими зверями. Ибо эти животные нападают на человека, чтобы питаться его телом, а не из некоторого побуждения справедливости, лишь уважение к которой может служить достойной причиной»[12].

Люди, конечно, не убивали бы, если бы сначала не подумали о справедливости этого поступка!

Поэтому люди могут убивать других животных и использовать их в пищу; но, может быть, существуют другие вещи, которых мы не можем делать с ними? Является ли страдание других созданий само по себе злом? Если так, то не по этой ли причине было бы несправедливым причинять им страдания, или, по крайней мере, заставлять их страдать без необходимости?

Аквинский не говорит, что жестокость к «неразумным животным» плоха сама по себе. В его моральном кодексе нет места несправедливостям такого рода, ибо он подразделяет грехи на грехи против Бога, против себя и против ближнего. Поэтому границы морали снова исключают животных. Для грехов против них попросту не существует категории[13].

Может быть, пусть даже жестокость к животным не представляет собой грех, доброта к ним является милосердием? Нет, Аквинский ясно исключает и такую возможность. Милосердие, говорит он, не распространяется на неразумные создания по трем причинам: у них, строго

говоря, нет знаний, чтобы принимать добро, это присуще только разумным созданиям; у нас нет общих интересов или взглядов с ними; и, наконец, милосердие основано на братстве вечного блаженства, которого неразумное создание не может достичь». Нам говорят, что эти создания можно любить только в случае, «если мы считаем их хорошими предметами, которых мы желаем другим, то есть, «во славу Бога и человеческого применения». Иными словами, мы можем с любовью давать пищу индюшкам не потому, что они голодны, а только если мы думаем о них как о чьем-нибудь рождественском обеде[14].

Все это может навести нас на подозрение о том, что Аквинский просто не верит, что животные, отличные от человеческих существ, вообще способны страдать. Этому мнения придерживались другие философы, и несмотря на всю его абсурдность, приписывание его Аквинскому могло бы, по крайней мере, извинить его равнодушие к страданиям. Но его же собственные слова исключают такую интерпретацию. Обсуждая некоторые незначительные указания против жестокости в Ветхом Завете, Аквинский предлагает нам различать разум и страсть. Что касается разума, то он указывает следующее:

“ «Вопрос не в том, как человек ведет себя с животными, так как Бог подчинил все и всех человеческой власти; и именно в этом смысле Апостол говорит, что Бог не заботится о быках, потому что Бог не спрашивает с человека, что он делает с быками или другими животными».

С другой стороны, что касается страсти, животные возбуждают нашу жалость, так как «даже неразумные животные чувствительны к боли»; тем не менее, Аквинский считает боль, которую испытывают животные, недостаточной причиной для оправдания Ветхозаветных предписаний, и поэтому добавляет:

“ «В настоящее время очевидно, что если человек упражняется в жалостливой любви к животным, он все же больше склонен проявлять жалость к своим товарищам, посему в Соломоновых премудростях и написано: «Справедливый уважает жизнь своей скотины»[15].

Таким образом, Аквинский приходит к часто повторяемой точке зрения, согласно которой единственным доводом против жестокости по отношению к животным является то, что она может привести к жестокости к человеку. Нет аргумента, который мог бы выявить сущность спесишизма более ясно.

Влияние Фомы Аквинского ощущалось очень долго. Уже в середине XIX века Папа Пий IX отказался разрешить учреждение Общества по предотвращению жестокости к животным в Риме на том основании, что данный шаг означал бы наличие у людей обязательств перед животными[16]. И мы можем перенести это мнение непосредственно во вторую половину XX века – официальная позиция Римской Католической Церкви не претерпела значительных изменений. Нижеследующий отрывок из американо-римского католического текста

представляет собой показательное сравнение с отрывком из текста Аквинского, который был написан 700 лет назад и цитировался выше:

“ «Закон природы таков, что несовершенное существует во имя совершенного, иррациональное существует, чтобы служить рациональному. Человеку, как разумному животному, разрешено использовать вещи, стоящие ниже него в этом природном порядке, для удовлетворения своих собственных нужд. Ему необходимо есть растения и животных для поддержания своей жизни и силы. Чтобы есть растения и животных, их необходимо убить. Поэтому убийство как таковое не является аморальным или несправедливым действием»[17].

На этот текст следует обратить внимание потому, что автор из-за близости к Фоме Аквинскому даже повторяет утверждение, что людям необходимо употреблять в пищу растения и животных. Невежество Аквинского в этом отношении было поразительным, но извиняемым, учитывая состояние научных знаний в его время; но когда современный автор, которому нужно было бы только обратиться за справкой к стандартной работе по питанию или взять на заметку существование здоровых вегетарианцев, делает ту же самую ошибку, это невероятно.

И только в 1988 году официальное заявление Римской Католической Церкви продемонстрировало, что движение в защиту окружающей среды начинает оказывать влияние на религию. Папа Римский Иоанн Павел II в своем послании ко всем католикам под названием «О вопросах общества» утверждал, что человеческое развитие должно включать «уважение ко всем существам, которые образуют естественный мир», и добавил:

“ «Власть, дарованная человеку Творцом, не является абсолютной властью, нельзя говорить ни о свободе “употреблять и злоупотреблять”, ни о свободе распоряжаться вещами по своему усмотрению... Что касается мира природы, мы подчиняемся законам не только биологическим, но еще и моральным, которые не могут безнаказанно нарушаться»[18].

То, что Папа так явно отверг точку зрения абсолютной власти, обещает очень многое. Но еще слишком рано говорить, предвещает ли это историческую и столь необходимую перемену курса в католическом учении по вопросам того, что касается животных и окружающей среды.

Конечно, история знала много гуманных католиков, которые сделали все, от них зависящее, чтобы изменить позицию церкви по отношению к животным, и время от времени они добивались успехов. Подчеркивая то, как жестокость способствует деградации личности, некоторые католические писатели признали за собой право осудить наихудшие человеческие деяния по отношению к другим животным. И все же этические рамки религии

ограничивали большую часть людей. Иллюстрацией служит святой Франциск Ассизский.

Святой Франциск – это выдающееся исключение из правила, заключающегося в том, что католицизм отрицает заботу о благополучии животных. Рассказывают, что он говорил: «Если бы я только мог предстать перед императором, я бы умолял его, ради любви к Богу и ко мне, издать указ, запрещающий ловить и лишать свободы моих сестер – жаворонков, а также приказ о том, чтобы все, у кого есть волы и ослы, должны были в Рождество кормить их особенно хорошо». Много легенд рассказывают о его сострадании, а история о том, как он читал проповеди птицам, явственно подразумевает, что разрыв между ними и людьми был меньше, чем предполагали другие христиане.

Но можно получить превратное впечатление о взглядах святого Франциска, если рассматривать его отношение только к жаворонкам и другим животным. Не только к чувствующим созданиям святой Франциск обращался как к своим сестрам: солнце, луна, ветер, огонь – все были для него братьями и сестрами. Современники рассказывали, что он находил «внутреннее и внешнее наслаждение почти в каждом создании, и когда он держал их в руках или смотрел на них, его дух, казалось, находился скорее на небесах, чем на земле». Благоговение распространялось на воду, скалы, цветы и деревья. Это описание человека в состоянии религиозного экстаза, глубоко тронутого чувством единства со всей природой. Люди различных религиозных и мистических традиций, по-видимому, переживали нечто подобное и испытывали схожее чувство универсальной любви. С этой точки зрения широта любви и сострадания у Франциска становится еще более всеохватывающей. Это также дает нам возможность понять, как его любовь ко всем существам могла сосуществовать с теологической точкой зрения, которая была совершенно ортодоксальной в своем спесиизме. Святой Франциск утверждал, что «каждое существо провозглашает: «Бог создал меня ради тебя, о Человек!». Само Солнце, считал он, светит для человека. Эти убеждения были частью космологии, в которой он никогда не сомневался; однако, сила его любви ко всему творению не ограничивалась такими размышлениями.

Несмотря на то, что подобного рода экстатическая универсальная любовь может быть прекрасным источником сострадания и доброты, недостаток рационального мышления также сильно противодействует их полезным последствиям. Если мы будем любить скалы, деревья, растения, жаворонков и быков одинаково, то можем упустить из вида существенные различия между ними и, что наиболее важно, различия в степени чувствительности к боли и удовольствию. Тогда мы можем начать думать, что поскольку мы должны есть, чтобы выжить, и поскольку мы не можем принимать пищу, не убивая что-нибудь, любимое нами, то не имеет значения, кого мы убиваем. Возможно, именно по этой причине любовь святого Франциска к птицам и быкам не привела его к отказу от употребления их в пищу; и когда он составлял правила поведения монахов в основанном им ордене, он не давал указаний по поводу воздержания от мяса, если не считать определенных постных дней[19].

Может показаться, что период Ренессанса, когда появилась гуманистическая мысль, противостоящая средневековой схоластике, разрушил средневековую картину мира и таким образом свел на нет более ранние идеи о статусе человека по отношению к другим животным. Но в период Ренессанса значение термина «гуманизм» не имело никакого

отношения к гуманности, стремлению поступать человечно.

Главной особенностью гуманизма эпохи Ренессанса служит то, что упор делался на ценность и достоинство человеческих существ, а также на центральное положение людей в мире. «Человек есть мера всех вещей», – древнегреческая фраза, возрожденная во времена Ренессанса, стала лейтмотивом для всего этого периода. Вместо отчасти гнетущей сосредоточенности на первородном грехе и слабости людей по сравнению с всемогуществом Бога, гуманисты Ренессанса подчеркивали уникальность людей, их свободную волю, их потенциал и достоинство; и они противопоставляли все это ограниченной природе «низших животных». По аналогии с тем, как деятели раннего христианства настаивали на святости человеческой жизни, данная особенность стала во многих смыслах важным шагом вперед по отношению к людям, но другие виды в результате этого процесса остались такими же бесправными, как раньше.

Поэтому авторы эпохи Ренессанса писали потакающие их желаниям эссе, в которых утверждали, что «нельзя найти в мире ничего, более достойное восхищения, чем человек»[20], и описывали людей как «центр мироздания, середину Вселенной, цепь мира»[21]. Если Ренессанс в каких-то аспектах знаменует начало современного мышления, то в отношении к животным сохраняются более старые позиции.

Но примерно в это время мы можем заметить первых истинных диссидентов: друзья дразнили Леонардо да Винчи за то, что он стал вегетарианцем[22] – настолько его беспокоили страдания животных; Джордано Бруно находился под влиянием новой астрономии Коперника, допускавшей возможность существования других планет, некоторые из которых могли быть обитаемы, и осмелился утверждать, что «человек – не более чем муравей на фоне бесконечного пространства». Джордано Бруно был сожжен на костре в 1600 году за то, что не отрекся от своих слов.

Любимым автором Мишеля де Монтеня был Плутарх, и то, как он осуждал высокомерие современных ему гуманистов, встретило бы одобрение этого милосердного древнего грека:

“ «Самонадеянность – это наша естественная и врожденная болезнь... Благодаря все тому же тщеславию воображения, человек приравнивает себя к Богу, присваивает себе божественные качества, выводит и отделяет себя от сонма других созданий»[23].

Конечно же, это не совпадение, что человек, осуждающий подобное самовозвышение, в своем сочинении «О жестокости» оказывается одним из немногих со времен Рима писателей, кто заявляет о том, что жестокость по отношению к животным плоха сама по себе, независимо от тенденции приводить к жестокости по отношению к людям.

Казалось бы, с этого момента в развитии западной мысли, положение животных должно было улучшиться. Старая идея о Вселенной и о том, что люди занимают в ней центральное место, медленно сдавала позиции; современная наука только начинала свой подъем, в наши

дни считающийся знаменательным; и, наконец, положение животных было таким низким, что логично считать, что оно могло только улучшаться.

Но абсолютная деградация была еще впереди. Последний, самый неестественный и самый болезненный для животных результат христианских доктрин появился в первой половине XVII столетия, в философии Рене Декарта. Декарт был очень оригинальным философом. Его считают отцом современной философии, а также аналитической геометрии, в которой берут начало многие современные математические науки. Но он также был христианином, и его убеждения по поводу животных возникли из сочетания этих двух аспектов мышления.

Под влиянием новой увлекательной науки механики Декарт считал, что все, что состоит из материи, подчиняется механистическим принципам, подобным тем, которые управляют часами. Наша собственная природа стала очевидной проблемой для этой точки зрения. Человеческое тело состоит из материи и является частью физического мира. Отсюда, в общем-то, следует, что и человеческие существа также должны быть машинами, чье поведение определяется законами науки.

Декарт смог избежать неприятной и еретической точки зрения о том, что люди являются машинами, благодаря тому, что внес идею о душе. Он говорил, что существует не один, а два рода предметов в мире – предметы одухотворенные или одушевленные и предметы физической или материальной природы. Человеческие существа сознательны, а сознание не может брать свое начало в материи. Декарт отождествлял сознание с бессмертной душой, которая выживает после разрушения физического тела, и утверждал, что душа была специально сотворена Богом. Из всех материальных существ, говорил Декарт, только люди обладают душой (у ангелов и других нематериальных существ нет ничего, кроме сознания).

Таким образом, в философии Декарта христианская доктрина о том, что у животных нет бессмертных душ, получает необычное продолжение, выраженное в том, что у них нет и сознания. По его словам, они являются простыми механизмами, автоматами. Они не переживают ни удовольствие, ни боль, ни что-либо еще. Невзирая на тот факт, что они могут пронзительно визжать, когда их режут ножом, или корчиться, стремясь избежать соприкосновения с горячим железом, это, по словам Декарта, не означает, что они чувствуют боль в подобных ситуациях. Они управляются теми же принципами, что и часы, но их действия сложнее, чем работа часов, потому что часы – это машина, сделанная людьми, в то время как животные – это гораздо более сложные машины, сделанные Богом[24].

Такое «решение» проблемы, связанной с поиском места сознания в материалистическом мире, кажется нам парадоксальным, то же самое о нем думали и многие современники Декарта; тем не менее, считалось, что оно имеет важные преимущества. Оно давало повод верить в жизнь после смерти, и Декарт считал это чрезвычайно важным, поскольку «идея о том, что души животных имеют такую же природу, как наши, и что мы должны не больше, чем мухи или муравьи, страшиться жизни после смерти или надеяться на нее», была ошибкой, способной привести к безнравственному поведению. Оно также устраняло древнюю и без конца обсуждаемую головоломку, связанную с тем, почему справедливый Бог позволял страдать животным, которые не унаследовали Адамов грех, и не вознаграждаются

после смерти[25].

Декарт также осознавал и более практические преимущества:

“ «Мое отношение не столько жестоко к животным, сколько снисходительно к людям – по крайней мере, к тем, над кем не довлеют религиозные предрассудки Пифагора – так как это освобождает их от подозрения, что они совершают преступление при поедании или убийстве животного»[26].

Для Декарта-ученого эта доктрина имела еще один выгодный результат. Она появилась в период, когда практика экспериментирования на живых животных, широко распространилась в Европе. В то время не было обезболивающих средств, и эти эксперименты должны были заставлять животных вести себя таким образом, что большинство из нас не усомнились бы в их способности ощущать боль. Теория Декарта позволяла вивисекторам гнать от себя любые сомнения в своей правоте, которые могли возникнуть в подобных обстоятельствах. Сам он препарировал живых животных, чтобы улучшить знания анатомии. Многие из ведущих физиологов этого времени объявляли себя картезианцами или механистами. Нижеприведенный рассказ очевидца о некоторых из этих экспериментаторов, которые работали в янсенистской семинарии Порт-Рояля в конце XVII века, свидетельствует о выгоде теории Декарта:

“ «Они совершенно равнодушно наносили побои собакам и подшучивали над теми, кто жалел этих созданий – как будто они чувствуют боль! Они говорили, что животные – это часы; что крики, которые они издают при нанесении им побоев – это только шум маленькой пружины, которую они затрагивают, тогда как тело лишено чувств. Они прибавали бедных животных за все 4 лапы гвоздями к доскам, чтобы препарировать их и наблюдать циркуляцию крови»[27].

Вот начиная с этого момента положению животных ухудшаться было уже действительно некуда.

Просвещение и далее

Возможно, отношение к животным начало меняться отчасти и из-за новой моды проводить на них эксперименты, поскольку они показали удивительное сходство между физиологией человека и других созданий. Строго говоря, это не противоречило тому, что говорил Декарт, но все же сделало его высказывания менее правдоподобными. Эту мысль хорошо выразил Вольтер:

«Варвары хватают эту собаку, которая так неизмеримо превосходит человека в дружбе; они привязывают ее к столу, они разрезают ее живьем, чтобы показать тебе артериальные вены. Ты обнаруживаешь в ней точно такие же органы чувств, какие есть в тебе. Отвечай ты, полагающий, что организм – машина, неужели природа вложила в это животное органы чувств, чтобы оно ничего не ощущало?»[28].

Несмотря на то, что радикальных перемен не происходило, разные силы объединились для того, чтобы улучшить отношение к животным. Пришло постепенное осознание того, что другие виды действительно страдают и имеют право на некоторое уважение. Тогда не считалось, что они имеют какие-то права, и интересы животных ущемляются из-за человеческих интересов; тем не менее, когда шотландский философ Дэвид Юм говорил, что «законы гуманности обязывают нас по-доброму обращаться с этими созданиями», он высказывал довольно распространенное мнение[29].

«Доброе обращение» – это, по большому счету, формулировка, которая прекрасно обобщает позицию, начавшую распространяться в тот период: мы имеем право использовать животных, но должны делать это с добротой. Тенденцией века были большая утонченность и цивилизованность, больше благодушия и меньше жестокости; от этой тенденции животные выигрывали, люди – тоже.

XVIII век также стал периодом, когда мы заново открывали Окружающую среду. Благородный «дикарь» Жан-Жак Руссо, гуляющий обнаженным среди лесов, собирающий фрукты и орехи по пути, был вершиной этой идеализации природы. Видя себя частью природы, мы вновь приобретали чувство родства с животными. Эта связь, однако, не подразумевала равноправия. В лучшем случае, человек виделся в роли милосердного отца животного семейства.

Религиозные идеи об исключительном статусе людей не исчезли. Они переплетались с новым, более милосердным отношением. Александр Поуп, например, был против практики открытой резни собак, находящихся в полном сознании, и аргументировал это тем, что «хотя низшее создание подчиняется нашей власти», мы в ответе за «плохое управление им»[30].

В конце концов, рост антиклерикальных настроений пошел на пользу положению животных; особенно это касалось Франции. Вольтер, который любил бороться с догмами всех видов, сравнивал христианские обычаи с обычаями индусов, и сравнение оказывалось не в пользу первых. Он пошел дальше, чем его современники, английские защитники доброго обращения с животными, когда говорил о варварском обычае поддерживать себя мясом и кровью существ, подобных нам, хотя сам, по-видимому, продолжал придерживаться этой практики[31]. Похоже, Руссо тоже осознал убедительность доводов в пользу вегетарианства, но не придерживался его. Его образовательный трактат «Эмиль» содержит длинный и весьма неуместный отрывок из Плутарха, который осуждает употребление в пищу животных, как неестественное, ненужное, кровавое убийство[32].

Просвещение не одинаково повлияло на всех мыслителей в том, что касалось их отношения к животным. Эммануил Кант в своих лекциях по этике все еще говорил своим студентам:

“ «Что касается животных, у нас нет перед ними непосредственных обязательств. У животных отсутствует самосознание, и они существуют просто как средства для цели. Этой целью является человек»[33].

Но тогда же, когда Кант читал те лекции – в 1780 году, Джереми Бентам закончил свою книгу «Введение в принципы морали и законодательства», и в ней, в отрывке, который я уже цитировал в первой главе этой книги, он дал четкий ответ Канту: «Вопрос не в том, могут ли они мыслить? Или могут ли они говорить? Но могут ли они страдать?». Бентам сравнил положение животных с положением черных рабов и предвидел день, «когда остальные животные создания получат те права, которых они не лишились бы, если бы не рука тирана»; поэтому Бентам, быть может, стал первым, кто осудил «владычество человека» как тиранию, а не как законное правление.

Вслед за интеллектуальным прогрессом XVIII века последовали некоторые практические улучшения XIX столетия, связанные с условиями жизни животных. Они приняли форму законов против бессмысленной жестокости к ним. Первые баталии за юридические права животных прошли в Британии, и первоначальная реакция Парламента показывает, что идеи Бентама мало повлияли на его сограждан.

Первым законопроектом против жестокого обращения с животными стал билль за запрещение такого «спорта» как травля быков. Он был представлен Палате Общин в 1800 году. Джордж Каннинг (George Canning), министр иностранных дел, описывал его как «абсурд» и риторически спрашивал: «Что может быть невиннее травли быков, бокса и танцев?». Попыток запретить бокс и танцы не предпринималось, и, есть подозрение, что хитрый государственный деятель не заметил сути билля, против которого выступал: он считал, что цель законопроекта – поставить вне закона сборища «черни», что может привести к безнравственному поведению[34]. Данная ошибка стала возможной из-за предположения о том, что действия, наносящие вред только животным, не стоят того, чтобы принимались законы, запрещающие их. Эту мысль разделяла газета «Таймс», которая посвятила передовицу мысли о том, что «любое вмешательство в частную собственность человека и его времяпровождение – это тирания. До тех пор, пока не причиняется вред другому, власти не следует вмешиваться». Законопроект был отклонен.

В 1821 году Ричард Мартин (Richard Martin), ирландский аристократ-землевладелец и член парламента от Голуэя, предложил законопроект по предотвращению жестокого обращения с лошадьми. О том, с каким осуждением он был встречен, можно узнать из нижеприведенного отчета:

«Когда Олдермэн К. Смит (Alderman C. Smith) выдвинул гипотезу о том, что защита должна распространяться и на ослов, раздались такие приступы смеха, что репортер газеты “Таймс” мало что мог услышать. Другой член сказал, что Мартин потом будет вводить закон для собак, что вызвало еще больший взрыв веселья, а крик: “И кошек!” поверг Палату в конвульсии»[35].

Этот билль также потерпел поражение, но в следующем году Мартин добился успеха с законопроектом, который относил к разряду преступлений «бессмысленное» жестокое обращение с определенными домашними животными, «собственностью любого другого лица или лиц». Несмотря на смех в предыдущем году, ослы были включены; но собаки и кошки все еще оставались за чертой. Примечательно, что Мартину пришлось оформить свой законопроект таким образом, что это походило на меру по защите объектов частной собственности, скорее для пользы владельца, чем ради самих животных[36].

Законопроект стал теперь законом, но его еще надо было выполнять. Так как жертвы не могли сами подать жалобу, Мартин и ряд других выдающихся гуманистов организовали общество, чтобы собирать свидетельства и выдвигать обвинения. Так появилась первая зоозащитная организация, позднее ставшая Королевским Обществом по предотвращению жестокости к животным.

Через несколько лет после того, как появился этот первый скромный законодательный запрет на жестокость по отношению к животным, Чарльз Дарвин написал в своем дневнике: «Человек в своем высокомерии считает себя великим творением, достойным божественного вмешательства. Скромнее и, я думаю, правильнее, считать его произошедшим от животных»[37]. Прошло еще 20 лет, прежде чем в 1859 году Дарвин счел, что он собрал достаточно доказательств в поддержку своей теории, чтобы обнародовать ее. Даже тогда, в книге «Происхождение видов» ученый тщательно избегал любого обсуждения того, насколько его теория эволюции одного вида из другого применима к людям; он лишь отмечал, что эта работа прояснит «происхождение человека и его историю». Фактически, у Дарвина уже были обширные записи по теории, согласно которой, *homo sapiens* произошел от других животных, но он решил, что публикация этого материала «только добавит предубеждений против моих взглядов»[38]. Лишь в 1871 году, когда многие ученые приняли общую теорию эволюции, Дарвин опубликовал «Происхождение человека» и, таким образом, открыто заявил о том, что подразумевалось в одном предложении в его ранней работе.

Так началась революция в человеческом понимании отношений между нами и не-людьми... но началась ли? Можно было бы ожидать, что переворот мысли, произошедший благодаря тому, что был опубликован труд о теории эволюции, заметно изменит отношение человека к животным. Когда научные данные, подтверждающие эту теорию, стали очевидными, возникла необходимость пересмотра практически всех более ранних рассуждений, в которых речь шла о нашем исключительном месте в мире и о владычестве над животными. Дарвин поистине совершил революцию в мышлении. Люди теперь знали, что они не являются особыми творениями Бога, которые созданы по его образу и подобию и отделены от животных; напротив, человеческим существам пришлось осознать, что они сами

животные. Более того, в поддержку своей теории эволюции Дарвин указывал на то, что различия между человеческими существами и животными не так велики, как принято думать. Глава 3 книги «Происхождение человека» посвящена сравнению умственных способностей людей и «низших животных», и Дарвин обобщает результаты этого сравнения следующим образом:

“ «Мы видели, что чувства и интуиция, различные эмоции и способности, такие как любовь, память, внимание и любознательность, имитация, ум и т.д., которыми человек гордится, можно обнаружить в зачаточном, а иногда и в хорошо развитом состоянии у низших животных»[39].

В четвертой главе этой же книги он идет еще дальше, утверждая, что человеческое моральное чувство также может вести происхождение от социальных инстинктов у животных, благодаря которым они (животные) получают удовольствие в компании друг друга, испытывают сострадание, оказывают взаимопомощь. А в следующей работе, «Выражение эмоций у человека и животных» Дарвин приводит дополнительное доказательство того, что между эмоциональной жизнью человека и животных существуют многочисленные параллели.

Агрессивное сопротивление, с которым столкнулась теория эволюции и происхождения человека от животных – это показатель того, насколько спесиистские идеи овладели западной мыслью; эта история слишком известна, поэтому нет нужды ее пересказывать. Люди не могли без борьбы отказаться от мысли, что мы созданы особым образом, а другие животные предназначены для службы нам. Тем не менее, невозможно было противостоять научным фактам, свидетельствующим об общем происхождении человека и животных.

С окончательным принятием теории Дарвина мы доходим до современного понимания природы, которое с тех пор изменилось скорее в деталях, чем в основах. Только те, кто предпочитает религиозную веру убеждениям, основанным на размышлении и доказательстве, могут все еще утверждать, что человеческий род является любимцем всей Вселенной, или что другие животные были сотворены, чтобы обеспечивать нас пищей, или что у нас есть божественная власть над ними и божественное разрешение убивать их.

Если сложить революцию мысли и рост гуманистического чувства, который предшествовал ей, то напрашивается вывод, что все будет хорошо. Но, как, надеюсь, стало ясно из предыдущих глав, человеческая «рука тирании» все еще уничтожает другие виды и, возможно, мы сегодня причиняем больше страданий животным, чем когда-либо в истории. Что же пошло не так?

Если мы посмотрим, что относительно прогрессивные мыслители писали о животных начиная с того времени, когда правам животных стало в какой-то мере уделяться внимание, и вплоть до конца XVIII века, то мы можем заметить интересный нюанс. За очень редкими исключениями эти писатели, даже лучшие из них, приближаются к точке размышлений, которая ставит их перед выбором: отказаться от глубоко укоренившейся привычки есть

мясо других животных или же признать, что люди не до конца следуют собственным нравственным принципам. Такие случаи встречаются часто. При чтении литературы, датированной концом XVIII века и более поздним временем, можно часто встретить эпизоды, в которых автор настолько резко осуждает наше обращение с животными, что начинает казаться, что появился человек, полностью освободившийся от спесишистских идей, и, следовательно, отказался от самой распространенной спесишистской практики, а именно от поедания других животных. И всегда нас постигает разочарование; исключение составили только 1 или 2 человека (в XIX веке Льюис Гомперц (Lewis Gompertz) и Генри Солт (Henry Salt)[40]. Как правило же, делаются оговорки, или появляется какое-то новое рассуждение, и автор не подвергает сомнению свой выбор пищи, хотя, казалось бы, его аргументы должны были бы заставить его это сделать. Когда появится история движения за освобождение животных, эпоха, начавшаяся с Бентама, станет известна как эпоха оправданий.

Оправдания бывают разными, и в некоторых из них проявляется изобретательность. Стоит рассмотреть их основные типы, потому что их можно встретить и до сих пор.

Во-первых, и это не должно удивлять, существует «божественное» оправдание. Его можно проиллюстрировать с помощью следующего отрывка из книги Уильяма Пейли (William Paley) «Принципы морали и политической философии» (Principles of Moral and Political Philosophy, 1785). В изложении «общих прав человечества» Пейли спрашивает, имеем ли мы право на плоть животных:

“ «Необходимо как-то оправдать ту боль и вред, которые мы причиняем животным, когда ограничиваем их свободу, калечим их тела, и, наконец, отнимаем у них жизнь (в чем, как мы предполагаем, заключается смысл всего их существования) ради нашего удовольствия и удобства. Для оправдания этой практики можно сослаться на то, что некоторые виды животных были сотворены, чтобы охотиться на другой вид, и человеческий род создан для питания ими; (но) такая аналогия неубедительна, потому что у животных нет возможности поддерживать жизнь какими-либо другими способами, а у нас такая возможность есть; в целом, человеческий род мог бы полностью жить за счет фруктов, бобовых, трав и корневищ, как это действительно делают многие племена индусов... Мне кажется, что защитить это право с помощью каких-либо либо интуитивных доводов трудно; это разрешение было нам дано в Священном писании, в Книге Бытия, глава IX, стихи 1,2,3»[41].

Пейли – лишь один из многих, кто обратился к библейскому откровению, когда не получалось дать рациональное оправдание питанию частями тел животных. Генри Солт в автобиографии «Семьдесят лет среди дикарей» (Seventy Years Amongst Savages), отчет о его жизни в Англии воспроизводит разговор, который состоялся, когда он был главой Итонского колледжа (Eton College). Незадолго до этого он стал вегетарианцем; теперь ему впервые пришлось обсуждать этот шаг с коллегой, выдающимся преподавателем естественных наук.

С некоторым трепетом он ждал мнения ученого по поводу его новых убеждений; и оно оказалось таким: «Но разве вы не считаете, что животные посланы нам для пищи?»[42].

Другой писатель, Лорд Честерфилд (Chesterfield), взывал к природе вместо Бога:

“ «Моя совесть не желала смириться с такой ужасной трапезой до тех пор, пока, после долгих размышлений я не убедился в том, что это допустимо, исходя из общих законов природы, где один из основных принципов – охота на более слабого»[43].

Лорда Честерфильда не выразил свое мнение по поводу такого явления, как каннибализм.

Бенджамин Франклин использовал как оправдание тот же самый аргумент, слабость которого показал Пейли, когда после нескольких лет вегетарианства вернулся к мясной пище. В автобиографии он рассказывает, как наблюдал рыбалку нескольких друзей и заметил, что некоторые из рыб, пойманных ими, съели другую рыбу. Тогда Пейли сделал вывод: «Если вы поедаете одна другую, я не понимаю, почему мы не можем съесть вас». Но Франклин был, по крайней мере, честнее, чем те, кто использует этот аргумент: он признавал, что пришел к этому выводу только после того, как рыба оказалась на сковороде и начала пахнуть «восхитительно вкусно»; он также добавляет, что одним из преимуществ «разумного творения» является то, что можно найти объяснение для любого поступка[44].

Кроме того, дотошный мыслитель может избегать соприкосновения с мучительным вопросом об этичности мясного питания, если сочтет его слишком глубоким для понимания человеческим умом. Вот что пишет доктор Томас Арнольд (Thomas Arnold) из Регби:

“ «Вся тема животных является для меня такой тайной за семью печатями, что я не отваживаюсь подступаться к ней»[45].

Эту позицию разделял и французский историк Мишель (Michelet); будучи французом, он выразил это менее прозаично:

“ «Жизнь животного – мрачная тайна! Огромный мир мыслей и безмолвных страданий. Вся природа протестует против варварства человека, который не понимает, уничтожает, мучит своих меньших братьев. Жизнь, смерть! Ежедневное убийство, которое подразумевает питание животными – эти трудные и горькие проблемы предстали перед моим умом. Мучительное противоречие. Давайте надеяться, что, возможно, существует другой мир, в котором подлая, жестокая неизбежность этого может не коснуться нас»[46].

Мишель, по-видимому, считал, что мы не можем жить без убийства; если это так, то его боль по поводу «мучительного противоречия», вероятно, была обратно пропорциональна количеству времени, которое он посвятил ее рассмотрению.

Другим мыслителям, которые допускали удобное заблуждение, что мы должны убивать для поддержания жизни, был Артур Шопенгауэр. Под влиянием Шопенгауэра на Запад проникали восточные идеи, и в нескольких отрывках он противопоставлял «ужасно примитивное» отношение к животным, господствующее в западной философии, позиции буддистов и индуистов. Его проза наполнена резкостью и презрением, а многие из его острых критических выпадов по поводу западных позиций актуальны и сегодня. Но после одного особенно язвительного отрывка Шопенгауэр вкратце рассматривает проблему убийства ради пищи. Он не может отрицать, что люди в состоянии жить без убийства – так как он слишком много знает об индуизме – но он заявляет, что «без животной пищи человеческий род вообще не мог бы существовать на Севере». Шопенгауэр не дает основания для такого географического различия, хотя добавляет, что убийство животного должно быть «облегчено» с помощью хлороформа[47].

Даже Бентам, который с такой ясностью сформулировал необходимость распространения идеи прав животных, отступил в этом месте:

“ «Существует веская причина, по которой нам должно быть позволительно потреблять в пищу тех, кого мы любим есть; нам от этого лучше, а им никогда не хуже. В отличие от нас, они не предчувствуют будущие страдания. Смерть, которую они получают от наших рук, как правило, (и, возможно, всегда) более быстрая и благодаря этому менее болезненная, чем смерть, которая ожидала бы их при неизбежном ходе природы».

Трудно избавиться от ощущения, что в этих отрывках у Шопенгауэра и Бентама аргументация менее убедительная, чем обычно. Совершенно оставляя в стороне вопрос о допустимости безболезненного убийства, ни Шопенгауэр, ни Бентам не рассматривали страдания, которые неизбежны при коммерческом выращивании и убойе животных. Какими бы ни были чисто теоретические возможности безболезненного убийства, убой огромного количества животных ради пищи не является и никогда не был безболезненным. Во времена Шопенгауэра и Бентама, бойня была еще более ужасающим явлением, чем сегодня. Животные были вынуждены на ногах покрывать огромные расстояния, их гнали на бойню гуртовщики, которых беспокоила только возможность преодолеть путь как можно скорее; затем они могли провести два или три дня на дворе скотобойни, без пищи и, возможно, без воды; потом их забивали варварскими методами, без какого-либо предварительного оглушения[48]. Вопреки тому, что говорит Бентам, они в какой-то мере догадывались о своей участи, по крайней мере, с того момента, когда вступали на двор скотобойни и чувствовали запах крови своих сородичей. Бентам и Шопенгауэр, конечно же, не одобрили бы этого, и все же они продолжали поддерживать этот процесс, употребляя его продукты, а также оправдывая всеобщую практику, частью которой он был. В этом отношении у Пейли, по-видимому, была точная концепция того, что влекло за собой поедание мяса. Но он мог

без опаски смотреть фактам в лицо, так как у него было «божественное разрешение», которым он мог пользоваться; Шопенгауэр и Бентам не могли помочь себе этим оправданием и поэтому вынуждены были отвернуть свой взор от уродливой действительности.

Что касается самого Дарвина, он также поддерживал этическое отношение к животным, которое было характерно для более ранних поколений, хотя и отвергал интеллектуальные основания для такой позиции. Он продолжал обедать плотью тех существ, которые, по его словам, были способны к любви, памяти, любопытству, мышлению и состраданию друг к другу; и отказался подписать петицию, на которой настаивало Королевское общество, желавшее добиться юридического контроля за экспериментами на животных[49]. Его последователи из всех сил старались подчеркнуть, что хотя мы являемся частью природы и произошли от животных, наш статус не изменился. В ответ на обвинение в том, что идеи Дарвина подрывали достоинство человека, Т.Х. Хаксли (Т.Н. Huxley), самый большой защитник Дарвина, сказал:

“ «Никто более меня не убежден в том, что между цивилизованным человеком и животным лежит огромная пропасть; наше преклонение перед величием человечества не уменьшится благодаря знанию о том, что человек является, по существу и строению, единым с животными»[50].

Хаксли типичным образом выражает нынешнюю позицию; он прекрасно знает, что старые доводы, которые помогали допускать наличие огромной пропасти между «человеком» и «животным», больше не годятся, но, тем не менее, продолжает верить в существование этой пропасти.

Здесь мы наиболее ясно видим идеологическую сущность, с помощью которой человек оправдывает использование животных. Отличительной особенностью любой идеологии является то, что она сопротивляется опровержению. Если основания для идеологической позиции испарятся, то найдутся новые основания, или же эта идеологическая позиция будет просто висеть в воздухе, игнорируя логический эквивалент законов гравитации. В случае с животными, кажется, случилось последнее. В то время как современная позиция по поводу нашего положения в мире в корне отличается от всех более ранних точек зрения, которые мы рассмотрели, на практике наши поступки по отношению к другим животным изменились мало. Даже если они более не исключаются полностью из сферы морали, они все еще занимают отдельное место рядом с остальными объектами окружающего мира. Их интересы могут приниматься в расчет только тогда, когда они не сталкиваются с интересами людей. Но если такой конфликт имеет место, пусть даже выбор стоит между пожизненным страданием животного и гастрономическим капризом человека, интересы животного игнорируются. Этическая позиция прошлого слишком глубоко въелась в человеческое мышление и повседневную практику, поэтому одно только изменение наших представлений о себе и о животных не может ее победить.

Глава 6. Спесишизм сегодня...

доводы против освобождения животных, возражения и, оправдания, а также достижения в борьбе с ними

Итак, мы рассмотрели, как люди нарушают фундаментальный моральный принцип одинакового внимания к потребностям, на котором должны основываться наши взаимоотношения со всеми существами, и причиняют страдания животным ради самых пустых целей; мы убедились, как разные поколения западных мыслителей стремятся защитить право человека на такие действия. В последней главе я взгляну на некоторые средства, с помощью которых спесишистские практики поддерживаются в наши дни, и на различные аргументы и оправдания, которые до сих пор используются для защиты рабства животных. Некоторые из этих аргументов использовались для опровержения позиции, которую занимает эта книга, и нижеследующая глава дает нам возможность ответить на ряд возражений, часто возникающих при разговоре об освобождении животных. Но эта глава также задумана как расширение предыдущей – она раскрывает в современном виде идеологию, историю которой мы проследили, начиная с Библии и Древней Греции. Эту идеологию важно вывести на поверхность и подвергнуть критике. Дело в том, что, хоть современное отношение к некоторым, произвольно выбранным животным достаточно благожелательное, подобные достижения всегда будут под угрозой, если мы не изменим наши взгляды, которые сейчас открывают дорогу безжалостной эксплуатации не-людей во имя людских целей. Лишь когда мы радикально нарушим традицию западной мысли по поводу животных, которая длится более двух тысячелетий, у нас появится возможность заложить прочный фундамент для отказа от эксплуатации.

Отношение к животным начинает формироваться у нас в детстве, и доминирующую роль здесь играет то, что мы в раннем возрасте начинаем есть мясо. Интересно, что многие дети поначалу отказываются это делать и привыкают к нему лишь после больших усилий со стороны родителей, ошибочно считающих, что мясо необходимо для здоровья. Какой бы ни была первоначальная реакция ребенка, мы замечаем, что едим плоть животных, задолго до того, как у нас появится способность осознавать, что наша пища представляет собой мертвое тело некогда живого существа. Таким образом, мы никогда не принимаем взвешенное решение со знанием дела, решение, которое свободно от предвзятости, появляющейся всегда, когда речь идет о любой давней привычке; и эта предвзятость

становится еще сильнее из-за давления окружающих, которые заставляют нас есть мясо. В то же время у детей наблюдается природная любовь к животным, и наше общество поощряет нежные чувства к собакам, кошкам, а также к мягким игрушкам. Эти факты помогают объяснить наиболее яркую особенность детского отношения к животным: вместо одинакового отношения у ребенка сосуществуют две противоречащие друг другу позиции, и они тщательно отделены друг от друга, поэтому редко становятся причиной беспокойства.

Не так давно наши дети росли на сказках, в которых животные, особенно волки, изображались как хитрые враги человека. В типичном счастливом конце волк тонул в пруду из-за камней, которые изобретательный герой вшил ему в живот во время сна. А если дети не улавливали смысл истории, то они брались за руки и рассказывали такой стишок:

Три слепые мыши. Посмотрите, как они бегут. Все они бежали за женой фермера. Она обрезала ножом их хвосты. Вы когда-нибудь в своей жизни видели трех слепых мышей? Для детей, которые воспитывались на таких сказках и стихотворениях, не было несоответствия между тем, чему их учили, и тем, что они ели. Но сейчас подобные сказки и стишки вышли из обихода, и, когда речь идет об отношении детей к животным, на поверхности оказывается только светлое и позитивное. В этой связи возникла проблема: как быть с животными, которых мы едим?

Одно из решений этой проблемы заключается в том, чтобы просто избегать ее. Детская любовь к животным направлена к тем существам, которых мы не едим: к собакам, кошкам и другим компаньонам. Именно их чаще всего видит ребенок, живущий в большом городе или в пригородах. Гораздо чаще можно встретить игрушечных мягких медведей или львов, чем коров или свиней. А когда сейчас в детских раскрасках, передачах и рассказах упоминаются сельскохозяйственные животные, увертки могут стать намеренной попыткой ввести детей в заблуждение относительно современных ферм и оградить их от той реальности, которая рассматривалась в Главе 3. Примером может служить популярная книга издательства «Холлмарк» (Hallmark) «Сельскохозяйственные животные» (Farm Animals), в которой ребенок знакомится с миром кур, индюшек, коров и свиней в окружении своих детенышей, при этом нигде не видит клеток, загонов или сараев. В тексте говорится, что свиньи «наслаждаются вкусной пищей, потом валяются в грязи и визжат», а коровам «нечего делать, кроме как размахивать хвостом, кушать траву и мычать».[1] Британские книги, вроде «Фермы» (The Farm) из популярной серии «Ледибёрд» (Ladybird, букв. «"Божья коровка"») передают такое же впечатление сельской бесхитрости. В ней курица с цыплятами свободно бегают по саду, а другие животные населяют просторные домики вместе со своими детенышами.[2] Неудивительно, что благодаря такой литературе дети вырастают с ощущением, что, даже если животные «должны» умереть ради обеспечения человека едой, они до поры до времени живут счастливо.

Феминистское движение осознает, насколько важно сформировать у человека нужную позицию в детстве, и оно добилось появления новых детских книг, в которых храбрые принцессы иногда спасают беззащитных принцев, а девушки играют главную, активную роль, ранее достававшуюся юношам. Изменить рассказы про животных, которые мы читаем нашим детям, – дело не такое простое, потому что жестокость – это не идеальная тема для детской литературы. Но можно избегать ужасных подробностей и при этом создать для

детей книжки-картинки и рассказы, которые воспитывают уважение к животным как к независимым созданиям, вместо того, чтобы рассматривать их как очаровательные маленькие объекты, существующие для нашего развлечения и стола; а по мере взросления детям следует объяснять, что большая часть животных живет не в самых приятных условиях. Проблема заключается в том, что родители-невегетарианцы не захотят, чтобы дети узнали всю правду из-за боязни того, что любовь ребенка к животным нарушит семейные трапезы. Даже сейчас приходится часто слышать, как ребенок чьего-то друга отказался от мяса, узнав, что для его получения животных убивают. К сожалению, этот инстинктивный протест, скорее всего, встретит сильное сопротивление со стороны родителей, и большинство детей не смогут настоять на своем из-за старших, которые обеспечивают им питание и говорят, что без мяса они не вырастут большими и сильными. Хочется надеяться, что, по мере распространения информации о диетологии, больше родителей поймут, что в этом вопросе их дети могут быть мудрее их.[3] Вот индикатор того, насколько люди изолированы от животных, которых едят: детей воспитывают на книгах, где ферма изображается как идиллическое место со свободно бродящими животными; в результате, человек за всю жизнь может так и не снять розовые очки, ему не приходится это делать. В городах и пригородах нет ферм, а во время поездок по сельской местности человек может увидеть много сельскохозяйственных построек и сравнительно мало животных, но кто из нас отличит амбар с зерном от сарая с бройлерами?

СМИ тоже не просвещают общественность на эту тему. Почти каждый день телевидение показывает передачи о животных в дикой природе (или как будто в дикой природе – иногда животных отлавливают и выпускают на более ограниченном пространстве, чтобы облегчить съемку); но видеозаписи с промышленных ферм проходят лишь в нечастых специализированных передачах о сельском хозяйстве и производстве пищи. Среднестатистический телезритель порой знает о жизни гепардов и акул больше, чем о курах и телятах. В результате, большая часть информации о сельскохозяйственных животных, которую можно увидеть по телевизору, – это реклама. Она бывает разной, начиная от странных мультиков о свиньях, желающих превратиться в колбасу, и тунцов, которые стараются залезть в консервные банки, и кончая откровенной ложью о том, в каких условиях выращивают бройлеров. В газетах ситуация немного лучше. Чаще всего они освещают события, представляющие интерес для человека, например, рождение гориллы в зоопарке или угрозу исчезающим видам; но в них ничего не сообщается об усовершенствованиях в животноводстве, из-за которых миллионы животных теряют свободу.

Пока движению за права животных не удалось разоблачить одну или две известные лаборатории, люди так же не знали о положении экспериментальных животных, как и о происходящем на ферме. Конечно, общественность не имеет доступа в лаборатории. Хотя исследователи публикуют свои доклады в профессиональных журналах, они сообщают СМИ о своей работе лишь тогда, когда заявляют об открытии чего-то важного. Таким образом, пока движение за освобождение животных не привлекло внимание национальных СМИ, общественность понятия не имела о том, что результаты большей части экспериментов вообще никогда не публикуются, а большая часть опубликованных носит совершенно бессмысленный характер. Как мы выяснили в Главе 2, никто точно не знает, сколько в Соединенном Королевстве происходит экспериментов на животных, и поэтому

неудивительно, что люди все еще не имеют ни малейшего понятия об их размахе. Исследовательские институты обычно спроектированы так, что люди мало видят живых животных, которые туда попадают, и мертвых, которых выносят оттуда (стандартный учебник по использованию экспериментальных животных рекомендует лабораториям устанавливать крематорий, потому что десятки трупов, выброшенные с обычным мусором, «конечно же, не поднимут уважения к исследовательскому центру»).[4]

Таким образом, незнание – это первая линия защиты спесишиста. Но ее может легко пробить любой человек, у которого есть время и желание узнать правду. Невежество господствовало так долго потому, что люди не хотят узнать правду. «Не рассказывай мне, ты испортишь мне обед», – вот что часто приходится слышать в ответ на попытку рассказать, как этот обед был получен. Даже те, кто знают, что на смену традиционным семенным фермам пришел большой бизнес, а в лабораториях проходят сомнительные эксперименты, стараются верить в то, что условия не могут быть слишком плохими, в противном случае правительство или зоозащитные организации сделали бы что-нибудь по этому поводу. Несколько лет назад доктор Бернхард Гржимек (Bernhard Grzimek), директор Франкфуртского зоопарка и один из самых ярых противников промышленного животноводства в Германии, сравнил неосведомленность немцев по поводу этих ферм с невежеством более раннего поколения немцев относительно другого варварства, которое тоже было скрыто от глаз большинства людей:[5] и в обоих случаях, несомненно, корень незнания крылся не столько в невозможности узнать о происходящем, сколько в нежелании узнать факты, которые могут лечь камнем на совесть; также в обоих случаях утешением служит то, что жертвами становятся члены не нашей социальной или биологической группы.

Воодушевляет мысль о том, что мы можем положиться на общества защиты животных, которые не допустят жестокого обращения с ними. Сейчас в большинстве стран есть хотя бы одно такое крупное общество; в США имеются Американское общество по предотвращению жестокости к животным (American Society for the Prevention of Cruelty to Animals), Американская гуманная ассоциация (American Humane association) и Гуманное Общество Соединенных Штатов (the Humane Society of the United States); в Британии самой крупной организацией остается Королевское общество по предотвращению жестокости к животным (Royal Society for the Prevention of Cruelty to Animals). Возникает закономерный вопрос: почему эти объединения не смогли предотвратить откровенные жестокости, описанные в Главах 2 и 3 этой книги?

Существует несколько причин, по которым верхушка благотворительных организаций не предпринимает решительных действий против самых заметных типов жестокости. Одна из них – историческая. Когда Королевское общество по предотвращению жестокости к животным и Американское общество по предотвращению жестокости к животным только появились, они были радикальными организациями, заметно опережали общественное мнение и выступали против всех форм жестокости к животным, в том числе против жестокости к сельскохозяйственным животным, которые тогда, как и сейчас, становились жертвами самых страшных жестокостей. Но постепенно эти организации становились крупнее, богаче, влиятельнее, поэтому они утратили свою радикальную направленность и стали частью истеблишмента. Они налаживали тесные контакты с правительством,

бизнесменами и учеными. Они пытались использовать такие связи для улучшения положения животных, и это привело к некоторым незначительным улучшениям; но одновременно сотрудничество с теми, кто заинтересован в использовании животных для получения пищи или для исследовательских целей притупило резкую критику эксплуатации животных, которая воодушевляла основателей. Эти общества постоянно шли на компромиссы, связанные с основополагающими принципами, ради малозначительных реформ. Они говорили, что лучше хоть какой-то прогресс, чем никакого; но реформы оказывались неэффективными, когда речь шла об улучшении положения животных; и функционирование этих организаций часто сводилось к убеждению общественности в том, что никакие дальнейшие действия не требуются.[6]

По мере того, как увеличивалось их богатство, обрело важность еще одно соображение. Общества защиты животных имеют статус зарегистрированных благотворительных организаций. Благодаря этому статусу снижаются налоговые вычеты; но и в Великобритании, и в США организация может получить этот статус при условии, что она не участвует в политике. К сожалению, политические действия – это порой единственный способ улучшить положение животных (особенно если организация придерживается умеренных взглядов и не призывает к бойкоту продуктов животного происхождения), но большая часть крупных обществ тщательно избегала всего, что может поставить под угрозу их статус благотворительной организации. По этой причине, вместо того чтобы проводить широкие кампании против систематичной жестокости, они стали делать упор на безопасных действиях, вроде подбирания бездомных животных и возбуждения уголовных дел за конкретные случаи бессмысленной жестокости.

В результате, в какой-то момент времени за прошедшие сто лет крупные общества утратили интерес к сельскохозяйственным животным. Возможно, это было связано с тем, что сторонники и сотрудники этих организаций были родом из городов, поэтому знали больше о собаках и кошках, чем о свиньях и телятах, и беспокоились о них больше. Вне зависимости от причин, на протяжении большей части XX века литература и пропагандистская работа, которую проводили организации с давней историей, очень способствовали укреплению господствовавшей позиции, согласно которой собаки, кошки и дикие животные нуждаются в защите, а все прочие – нет. И люди начали воспринимать защиту животных как занятие для добрых дамочек, которые рехнулись на кошечках, а не как дело, основанное на фундаментальных принципах справедливости и нравственности.

За последние 10 лет произошли изменения. Во-первых, появились десятки новых, более радикальных организаций за права животных. Они, совместно с более старыми организациями, которые до недавнего времени оказывали сравнительно небольшое влияние, значительно повысили уровень осведомленности общества о том, какая жестокость имеет место при интенсивном животноводстве, в лабораториях, в цирках, зоопарках и на охоте. Во, вторых, возможно, благодаря новой волне интереса к положению животных, более авторитетные организации, такие как Королевское общество по предотвращению жестокости к животным в Британии и Американское общество по предотвращению жестокости к животным, а также Гуманное общество Соединенных Штатов, стали гораздо больше выступать против жестокости к сельскохозяйственным и лабораторным животным; они даже призывают бойкотировать продукты вроде телятины,

бекона и яиц, полученных на фермах промышленного животноводства.[7]

Среди факторов, из-за которых бывает трудно пробудить у общественности беспокойство по поводу животных, самым труднопреодолимым, возможно, оказывается предубеждение о том, что «люди важнее», и что любая проблема, связанная с животными, не может быть сопоставима с людскими проблемами, будь то серьезные вопросы морали или политики. По поводу этого предрассудка можно кое-что сказать. Во-первых, он сам по себе служит признаком спесишизма. Как может человек, не изучивший данную тему, знать наверняка, что эта проблема менее важна, чем страдания людей? Об этом можно заявлять лишь в случае, если мы готовы предположить, что животные на самом деле не имеют никакого значения, и что их страдания (какими бы они ни были) менее важны, чем человеческие страдания. Но боль есть боль, и тот факт, что объект не является членом нашего вида, не уменьшает необходимость предотвращения ненужной боли. Как бы мы отнеслись к заявлению, что «белые люди важнее», и по этой причине бедность в Африке не имеет такого значения, как бедность в Европе?

Действительно, многие мировые проблемы стоят нашего времени и энергии. Голод и нищета, расизм, войны, угроза ядерного уничтожения, сексизм, безработица, охрана уязвимой окружающей среды, – все это важные вопросы, и кто может сказать, какой из них важнее прочих? Но как только мы оставим в стороне спесишистские предрассудки, мы поймем, что эксплуатация людьми не-людей занимает свое место в кругу этих вопросов. Мы причиняем не-людям громадные страдания, и цифры тут невероятные: в одних только США через процессы, описанные в Главе 3, ежегодно проходят более 100 миллионов свиней, коров и овец; то же самое касается миллиардов кур; ежегодно, по меньшей мере, на 25 миллионах животных ставят опыты. Если бы в экспериментах, с помощью которых на животных тестируют токсичность бытовой химии, заставили участвовать тысячу человек, это стало бы причиной массовых беспорядков по всей стране. Использование для этих целей миллионов животных должно вызывать, по меньшей мере, столько же беспокойства, особенно с учетом того, что в их страданиях нет никакой необходимости, и их легко прекратить, стоит только захотеть. Большинство здравомыслящих людей хотят остановить войны, расовое неравенство, положить конец нищете и безработице; проблема заключается в том, что мы пытаемся предотвратить эти явления в течение многих лет и теперь вынуждены признать, что, по большому счету, действительно не знаем, как это сделать. Для сравнения: уменьшить страдания животных по воле человека – дело относительно легкое, надо только, чтобы люди решили пойти на этот шаг.

В любом случае, идея «люди важнее» гораздо чаще используется в качестве оправдания, чтобы вообще ничего не делать ни для людей, ни для животных, нежели сознательный выбор между двумя несовместимыми вариантами. Правда заключается в том, что никакой несовместимости здесь нет. Разумеется, у каждого человека есть лишь ограниченный запас времени и сил, и время, уходящее на активную работу в одном направлении, сокращает количество времени для других дел; но ничто не мешает тем, кто отдает свое время и силы решению человеческих проблем, присоединиться к бойкоту продуктов промышленного животноводства. На то, чтобы быть вегетарианцем, уходит не больше времени, чем на потребление мяса животных. Более того, как мы рассмотрели в Главе 4, те, кто хочет заботиться о благополучии людей и об охране окружающей среды, по одним только этим

соображениям должны стать вегетарианцами. Это позволит им увеличить количество зерна, могущего прокормить людей во всем мире, снизить уровень загрязнения, сэкономить воду и энергию, перестать участвовать в вырубке лесов; кроме того, поскольку вегетарианское питание дешевле мясного, они смогут тратить больше денег на борьбу с голодом, контроль за численностью населения и другие социальные и политические проблемы, которые, на их взгляд, они считают наиболее важными. Я не сомневаюсь в искренности вегетарианцев, которые не участвуют в движении за права животных, потому что ставят на первое место другие проблемы; но когда невегетарианцы говорят о «большей важности человеческих проблем», я не перестаю интересоваться тем, что же они делают, если это вынуждает их поддерживать расточительную, безжалостную эксплуатацию сельскохозяйственных животных.

Сейчас будет уместно историческое отступление. Часто из идеи «люди прежде всего» делается вывод о том, что участники движения за права животных больше заботятся о животных, чем о людях. Несомненно, по отношению к некоторым людям это – правда. Но на протяжении истории лидеры зоозащитного движения гораздо больше заботились о людях, чем те, кто ничего не делал для животных. Действительно, у лидеров движений против эксплуатации негров, женщин и движения в защиту животных много общего, настолько много, что это неожиданным образом подтверждает параллель между расизмом, сексизмом и спесишизмом. Среди основателей Королевского общества по предотвращению жестокости к животным были, например, Уильям Уилберфорс (William Wilberforce) и Фауэлл Бакстон (Fowell Buxton), двое лидеров, возглавлявших борьбу против рабства в Британской Империи.[8] Что касается первых феминисток, Мэри Уолстонкрафт (Mary Wollstonecraft) написала, помимо «Защиты прав женщин» (Vindication of the Rights of Women), сборник детских рассказов «Оригинальные истории» (Original Stories), и он был специально задуман, чтобы воспитывать более доброе отношение к животным;[9] также многие ранние феминистки, в том числе Люси Стоун (Lucy Stone), Амелия Блумер (Amelia Bloomer), Сьюзан Б. Энтони (Susan B. Anthony) и Элизабет Кэди Стэнтон (Elizabeth Cady Stanton) сотрудничали с вегетарианским движением. Они вместе с Хорасом Грили (Horace Greeley), редактором «Трибьюн» (The Tribune), выступавшим против рабства и за реформы, могли бы присоединиться к тосту «Права женщин и вегетарианство».[10]

Также благодаря зоозащитному движению началась борьба против жестокого обращения с детьми. В 1874 году Генри Берга (Henry Bergh), основоположника американских обществ по защите животных, попросили сделать что-нибудь для маленького животного, которого жестоко бьют. Маленькое животное оказалось ребенком; тем не менее, Берг привлек к суду опекуна ребенка за жестокое обращение с животным; это было сделано согласно Нью-Йоркскому акту о защите животных. Акт составил сам Берг; он же добился, чтобы власти его приняли. Последовали дальнейшие уголовные дела, и было учреждено Нью-Йоркское общество по предотвращению жестокости к детям (New York Society for the Prevention of Cruelty to Children).[11] Когда новость об этом дошла до Британии, Королевское общество по предотвращению жестокости к животным учредило британского партнера – Национальное общество по предотвращению жестокости к детям (National Society for the Prevention of Cruelty to Children). Одним из основателей этой группы стал лорд Шафтсбери (Shaftesbury). Будучи ведущим общественным реформатором, автором фабричного законодательства (оно положило конец детскому труду и 14-часовому рабочему дню) и заметным активистом

против неконтролируемых экспериментов и других форм жестокого обращения с животными, Шафтсбери, как и многие другие гуманисты, ясно доказал несостоятельность идеи о том, что те, кто защищает животных, не заботится о людях, или что одно мешает другому.

Наши идеи о сущности не-людей и неверные суждения по поводу следствий, вытекающих из наших представлений о природе, также помогают спесишистам удерживать позиции. Нам всегда нравилось считать, что мы менее дикие, чем другие животные. Слова о «человечности» людей означают, что они добрые; а когда мы говорим, что они ведут себя «зверски», «скотски» или просто «как животные», мы подразумеваем, что они мерзкие и жестокие. Мы редко задумываемся о том, что животное, имеющее меньше всего оснований убивать – это человек. Мы считаем львов и волков жестокими, потому что они убивают; но они вынуждены убивать, иначе умрут с голоду. Люди убивают других животных ради спорта, для удовлетворения собственного любопытства, для изготовления украшений и для чревоугодия. Также люди убивают представителей своего собственного вида из-за жадности или жажды власти. Более того, человеческих существ не удовлетворяет одно только убийство. На протяжении всей истории прослеживается тенденция пытаться и мучить как сородичей-людей, так и животных, прежде чем их убить. Ни одно другое существо не проявляет интереса к этому.

Не замечая своего собственного дикарства, мы преувеличиваем его у других животных. Например, тщательные исследования зоологов в дикой природе показали, что волк, имеющий дурную славу, злодей из очень многих народных сказок – это высоко социальное животное, верный и любящий партнер, причем не только на один сезон, а на всю жизнь, преданный родитель и верный член стаи. Волки почти никогда никого не убивают с иной целью, помимо пропитания. Если самцы дерутся между собой, их драка завершается жестом примирения: побежденный подставляет победителю нижнюю часть шеи – самую уязвимый участок тела. Хотя зубы победителя находятся всего лишь в дюйме от яремной вены врага, ему будет достаточно капитуляции, и, в отличие от победителя-человека, он не убивает поверженного соперника.[12]

Когда мы представляем себе мир животных как кровавое поле битвы, мы не замечаем, насколько развита социальная жизнь у иных видов, насколько они рассматривают других членов своего вида как индивидуальности (и относятся к ним соответствующим образом). Когда люди женятся, мы объясняем их близость любовью, и мы переживаем за человека, потерявшего свою вторую половину. Когда другие животные создают пару на всю жизнь, мы говорим, что в этом случае ими движет только инстинкт, и если охотник убивает либо отлавливает животное для проведения исследований или для зоопарка, мы не принимаем во внимание то, что у животного, возможно, есть партнер, который будет страдать из-за внезапного исчезновения погибшего или отловленного животного. Точно так же мы знаем, что разлука матери и ребенка – трагедия для них обоих; но ни фермеры, ни заводчики животных-компаньонов или лабораторных животных не задумываются о чувствах матерей-животных и их детенышей, которых они постоянно разлучают в рамках своего бизнеса.[13]

Интересно, что люди часто сводят сложное поведение животных к простому инстинкту и потому не считают нужным сравнивать его с похожим поведением у людей, но те же самые

люди также игнорируют и упускают из вида самые элементарные, инстинктивные модели поведения, когда им это удобно. Часто приходится слышать, что заточение не причиняет страданий курам-несушкам, телятам и подопытным собакам, содержащимся в клетках, потому что они не знают других условий. Мы узнали в Главе 3, что это неверно. Животные испытывают потребность в движении, они хотят вытянуть конечности или раскинуть крылья, привести себя в порядок и поворачиваться, независимо от того, находились ли они когда-либо в условиях, предоставляющих такую возможность, или нет. Стадные или стайные животных испытывают беспокойство, если их изолируют от сородичей, хотя они, возможно, никогда не знали иных условий, и слишком большая стая может оказать такое же влияние, потому что в ней животное неспособно узнавать других. Эти стрессы выражаются в «пороках» вроде каннибализма.

Массовое незнание природы животных дает возможность тем, кто обращается с ними таким образом, отмахиваться от критики словами о том, что, в конце концов, они не люди. Это правда, но в то же время они и не машины для преобразования корма в мясо и не инструменты для исследования. Если учесть, насколько сильно знание обывателей отстает от новейших открытий зоологов и этологов, которые проводили месяцы и даже годы с записной книжкой и фотоаппаратом, наблюдая за животными, опасность сентиментального антропоморфизма гораздо менее серьезна, чем противоположная опасность удобной и самоподдерживающейся идеи о том, что животные – это куски глины, и мы можем лепить из них, что хотим.

Природа животных служит основой для других попыток оправдать наше отношение к ним. В качестве возражения против вегетарианства часто говорится, что, поскольку животные убивают друг друга для получения пищи, мы тоже можем так поступать. Это сравнение уже было известно в 1785 году, когда Уильям Пейли (William Paley) опровергнул его тем, что для выживания у них нет иного выбора, кроме как убивать, а люди могут обойтись без убийства.[14] Конечно, это правильно в большинстве случаев; есть, быть может, несколько исключений – животные, которые могут прожить без мяса, но иногда его едят (например, шимпанзе) – но они редко относятся к тем видам, которые оказываются у нас на обеденном столе. В любом случае, даже если другие животные, которые могут питаться вегетарианской едой, иногда убивают для получения пищи, это не оправдывает заявление о том, что мы имеем моральное право делать то же самое. Странно, как люди, ставящие себя намного выше других животных, для оправдания своих кулинарных пристрастий используют аргумент, из которого следует, что основой морали для нас должны служить животные. Дело, конечно, состоит в том, что животные неспособны рассмотреть альтернативы или взглянуть с нравственной позиции на правомерность и неправомерность убийства для пропитания; они просто делают это. Мы можем пожалеть, что мир таков, но нет смысла возлагать на животных моральную ответственность либо обвинять их в том, что они делают. С другой стороны, каждый читатель этой книги способен сделать моральный выбор касательно этого вопроса. Мы не можем уклониться от ответственности за наш выбор, подражая существам, которые не могут его сделать.

(Сейчас я уверен, кто-то скажет, что я признал наличие существенного различия между людьми и другими животными и, таким образом, выявил слабое место в доказательстве равенства всех животных. Всем, кто желает подвергнуть меня такой критике, следует более

внимательно прочитать Главу 1. Тогда Вы обнаружите, что неправильно поняли принцип равенства, который я там выдвигаю. Я никогда не делал абсурдного заявления, что между нормальными взрослыми людьми и другими животными не существует большой разницы. Сущность моей идеи заключается не в том, что животные способны на моральные действия, а в том, что моральный принцип одинакового внимания к интересам относится к ним так же, как и к людям. Наше обращение с маленькими детьми и с другими людьми, которые по той или иной причине не могут осознавать сущность морального выбора, подразумевает, что часто бывает правильно включить в сферу одинакового рассмотрения интересов тех, кто сам не может сделать нравственный выбор. Возможно, Бентам сказал бы, что вопрос не в том, могут ли они выбирать, но могут ли они страдать).

Вероятно, будет сделано совсем другое заявление. Как мы видели в предыдущей главе, лорд Честерфильд использовал тот факт, что животные едят друг друга, в качестве аргумента, что это – «общий порядок природы».[15] Он не указывал, почему мы должны предположить, что мы ближе к хищным тиграм, чем к вегетарианцам-гориллам или к шимпанзе – почти вегетарианцам. Но, помимо этого возражения, нам следует с осторожностью апеллировать к природе при рассуждении об этических аргументах. Природа, возможно, часто «знает лучше», но, когда мы решаем, следовать ли природе или нет, то должны рассуждать самостоятельно. Насколько я знаю, война «естественна» для человека – она, вне сомнений, была основным занятием в разных обществах при очень различных обстоятельствах в течение огромного периода истории – но у меня нет намерения идти на войну из-за того, что я хочу действовать в соответствии с природой. У нас есть способность обдумать, как лучше поступить. Мы должны пользоваться этой способностью (и если вам действительно хочется быть близкими к природе, то можете сказать, что это для нас естественно).

Следует признать, что существование хищных животных все же представляет проблему для этики освобождения животных. Вопрос заключается в том, должны ли мы делать что-то по этому поводу. Предположим, если бы люди могли убрать хищные виды с лица земли, благодаря чему их жертвы стали бы страдать меньше, следовало бы нам это сделать?

Короткий и простой ответ заключается в том, что мы должны отказаться от нашей претензии на «владычество» над всеми остальными видами и прекратить вмешиваться в их жизнь. Мы должны их максимально оставить в покое. Нам следует отказаться от роли тирана и не играть в бога.

Хотя доля правды в этом есть, такой ответ слишком короток и прост. Нам может это нравиться или не нравиться, но люди действительно знают больше других животных о том, что может случиться в будущем, и это знание может поставить нас перед ситуацией, когда не вмешаться было бы жестоко. В октябре 1988 года телезрители всего мира аплодировали успеху американцев и россиян, которые спасли двух калифорнийских серых китов, попавших в западную во льдах Аляски. Некоторые критики заметили насмешку, которая заключается в том, что на спасение двух китов были затрачены такие колоссальные усилия, в то время как охотники до сих пор ежегодно убивают 2000 китов, не говоря уже о 125 000 дельфинов, тонущих ежегодно из-за тунцовых сетей.[16] Но только жестокий человек станет утверждать, что спасение – это плохо.

Итак, вероятно, человеческое вмешательство улучшит положение животных и потому оправдано. Но когда мы говорим о проекте вроде уничтожения хищных животных, речь идет о совершенно другом случае. Опыт показывает, что попытка широкомасштабного изменения экологических систем приносит больше вреда, чем пользы. Поэтому правильно сказать, что мы не можем и не должны управлять всей природой, за исключением немногих, очень ограниченных случаев. Мы сделаем достаточно, если откажемся от ненужного убийства и жестокости к другим животным.[17]

Но наше обращение с животными оправдывают еще и тем, что в дикой природе они убивают друг друга. Люди часто говорят, что, какими бы ни были условия на современной ферме, они не хуже, чем в естественной среде обитания, потому что там им приходится сталкиваться с холодом, голодом и хищниками; поэтому мы не должны возражать против условий на современных фермах.

Что интересно, защитники рабства, когда рабами были темнокожие африканцы, часто обращались к такому же аргументу. Один из них писал:

“ «В целом очевидно, что перемещение африканцев из жестокости, убожества и страданий, с которыми они сталкиваются дома, в наш мир света, гуманизма и христианского просвещения – это огромное благо для них; и неправы те, кто говорит о ненужной жестокости в этом деле; а то, что их подчиненность согласуется с законом природы, более не вызывает вопросов».[18]

Сейчас трудно найти примеры более разных условий жизни, чем дикая природа и животноводческая ферма (или жизнь свободных африканцев и рабов на плантациях); но если возникает необходимость сделать такое сопоставление, то, конечно же, предпочтение будет отдано свободной жизни. Животные на промышленной ферме не могут ходить, бегать, свободно лежать, а также быть частью семьи или членом стаи. Действительно, многие дикие животные погибают из-за неблагоприятных условий или от лап хищника; но и на ферме они проживают лишь малую часть отведенного природой срока. Постоянное обеспечение пищей на ферме не есть абсолютное благо, потому что из-за этого животные теряют возможность заниматься самым естественным для себя делом – поиском пищи. В результате, их жизнь становится крайне скучна, им нечего делать, кроме как лежать в загоне и есть.

В любом случае, сравнение между условиями на промышленной ферме и в природе не имеет отношения к вопросу о допустимости таких ферм, потому что мы не стоим перед таким выбором. Запрет на промышленные фермы не означает, что животные, содержащиеся на них, будут возвращены в дикую природу. Животные, живущие в них в наши дни, были выведены человеком для разведения в таких условиях и потребления в пищу. Если бойкотирование продукции промышленных ферм, которое отстаивается в этой книге, окажется эффективным, уровень продаж таких продуктов станет ниже. Это не означает, что за одну ночь ситуация изменится от нынешней до такой, при которой все откажутся от

покупки данных продуктов (у меня оптимистичные взгляды на освобождение животных, но иллюзий я не питаю). Снижение будет постепенным. Из-за этого животноводство станет менее прибыльным. Фермеры перейдут к другим отраслям сельского хозяйства, и гигантские корпорации вложат свои капиталы во что-то иное. В результате, будут разводить меньше животных. Количество животных на промышленных фермах станет снижаться из-за того, что убитых не будут заменять новыми, а не из-за того, что их «возвратят» в дикую природу. И в результате, возможно, (и здесь я даю волю оптимизму) стада «крупного рогатого скота» и свиней можно будет встретить только в крупных заповедниках, вроде наших национальных парков. Таким образом, выбор заключается не между существованием на промышленной ферме и жизнью в дикой природе, а в том, нужно ли вообще рождаться животным, участь которых – жить на ферме, а потом быть убитыми для получения пищи.

Здесь может возникнуть следующее возражение. Если бы мы все были вегетарианцами, то существовало бы гораздо меньше свиней, коров, кур и овец, и некоторые мясоеды заявляют, что они приносят пользу животным, которых едят, потому что лишь благодаря их желанию есть мясо те появляются на свет![19]

В первом издании книги я развенчал эту точку зрения на следующем основании: она подразумевает, что появление какого-то существа означает благо для данного существа – а для этого нам надо считать, что можно облагодетельствовать несуществующий объект. Мне казалось, что это бессмыслица. Но сейчас я не уверен. (Мое прямое отрицание данной точки зрения – это, пожалуй, единственный философский момент из более раннего издания, по которому я изменил свою позицию). В конце концов, мы все согласимся, что было бы неправомерно рожать ребенка, если бы еще до его зачатия мы знали, что у него будет генетический дефект, и из-за него жизнь человека окажется короткой и наполненной страданиями. Зачатие такого ребенка означает причинение ему вреда. И можем ли мы действительно отрицать, что принесение в мир существа, у которого будет приятная жизнь – значит, даровать ему благо? Чтобы отрицать это, нам надо объяснить разницу между этими двумя случаями, а я не могу сделать это должным образом.[20]

Рассматриваемый нами аргумент поднимает вопрос о неправомерности убийства. Поскольку эта проблема гораздо сложнее, чем причинение страданий, я оставлял её в стороне вплоть до настоящего момента. Но краткого обсуждения в конце первой главы было достаточно, чтобы понять, что если у существа есть какие-то желания относительно будущего, то в его убийстве есть нечто определенно дурное, нечто, не уравнивающееся созданием другого существа. Основная проблема возникает тогда, когда речь идет о существах, не способных иметь пожелания на будущее – о таких существах, которые, можно сказать, живут одним моментом, и не имеют непрерывного ментального существования. Но и здесь убийство все же предстает отвратительным. Когда возникает угроза для жизни, животное может бороться, даже если оно не осознает наличие у себя «жизни», в том смысле, при котором требуется понимание того, что существует в течение какого-то времени. Но при отсутствии некой ментальной целостности бывает непросто объяснить, почему при беспристрастном подходе убийство животного не компенсируется созданием другого животного, которое станет вести такую же приятную жизнь.[21]

У меня все еще есть сомнения по данному вопросу. Идея о том, что создание одного животного должно как-то компенсировать смерть другого, выглядит все же странно. Конечно же, если бы у нас были четкие основания сказать, что все чувствительные создания имеют право на жизнь (даже те, у которых нет желаний относительно будущего), тогда было бы легко объяснить, почему убийство чувствующего существа является злом, и создание нового животного не компенсирует его. Но, так же, как я, другие люди показали, что такая позиция связана с глубокими философскими и практическими проблемами.[22]

На чисто практическом уровне можно сказать следующее: убийство животных ради пищи (за исключением тех случаев, когда это необходимо для выживания) заставляет нас относиться к ним как к объектам, которые мы можем постоянно использовать для собственных несущественных целей. А учитывая наши знания о человеческой природе, до тех пор, пока мы будем так думать о животных, мы не сможем изменить установку, которая на практике влечет неуважение к другим существам, и отсюда ведет к жестокому обращению с ними. Поэтому, возможно, лучше всего выдвинуть общий простой принцип – не убивать животных ради пищи за исключением тех случаев, когда это необходимо для выживания.

Аргумент против убийства ради пищи зиждется на прогнозе последствий, которые повлечет за собой позиция спесишистов. Точно доказать его невозможно; он представляет собой нечто такое, о чем мы можем судить, исходя из наших знаний о людях. Если этот прогноз неубедителен, рассматриваемый нами аргумент по-прежнему имеет очень ограниченное применение. Конечно, он не оправдывает потребление мяса животных, выращенных на ферме, потому что их жизнь состоит из скуки и лишений, и они не могут удовлетворить свои самые основные нужды – повернуться, привести себя в порядок, вытянуться, размяться, у них нет возможности поддерживать нормальные взаимоотношения с сородичами, как того требует их вид. Создавать их для такой жизни – это значит делать им не благо, а большое зло. Аргумент, что потребление животных в пищу оправдывается таким благом, как их появление на свет, применим самое большее к животным на свободном содержании (когда речь идет о видах, которые не могут иметь желания на будущее), и при этом они должны вести приятную жизнь в социальной группе, которая соответствует их поведенческим потребностям, а убивать их следует быстро и безболезненно. Я могу испытывать уважение к сознательным людям, которые едят мясо только таких животных, но подозреваю, что, если они не живут на ферме со своими животными, то на практике они в любом случае будут почти вегетарианцами.[23]

И последнее замечание по поводу аргумента о том, что смерть животного компенсируется «созданием» нового. Те, кто столь искусным образом защищают свое желание есть свинину или говядину, редко проявляют последовательность. Если давать жизнь существам – это безусловное благо, то, при условии всеобщего равенства, нам также надо рожать как можно больше людей; а если мы добавим, что человеческая жизнь важнее, чем жизнь животного – такую точку зрения наверняка примет мясоед – довод перевернется с ног на голову, к неудовольствию его первоначальных сторонников. Если мы не станем скормливать зерно животным, то удастся накормить больше людей, и поэтому вывод из этого аргумента такой: становитесь вегетарианцами!

Спесишизм – это настолько распространенное и глубоко въевшееся мировоззрение, что люди, выступающие против одного или двух его проявлений, например, против убийства диких животных охотниками или против жестоких экспериментов или против корриды, сами нередко участвуют в других спесишистских практиках. Это дает возможность тем, в адрес кого направлен протест, обвинять своих оппонентов в непоследовательности. «Вы говорите, что мы жестоки, когда стреляем оленей, – говорят охотники, – но вы едите мясо. И в чем разница, за исключением того, что вы платите кому-то за убийство?» «Вы против убийства животных для изготовления одежды, – говорят меховщики, – но вы носите кожаную обувь». Экспериментаторы спрашивают, почему люди, допускающие убийство животных ради чревоугодия, возражают против убийства для получения знаний; а если человек выступает только против причинения страданий, то они напоминают, что животные, убиваемые ради пищи, также живут не без страданий. Даже любитель корриды может заявить, что смерть быка на арене приносит радость тысячам зрителей, в то время как смерть быка на бойне доставляет удовольствие лишь нескольким людям, которые едят его куски; и, невзирая на то, что в конце боя бык испытывает более острую боль, чем животное, забиваемое для получения пищи, большую часть жизни с первым обращаются лучше.

Обвинение в непоследовательности не дает логической поддержки сторонникам жестоких практик. Как сказала Бриджит Брофи (Brigit Brophy), утверждение о том, что ломать человеку ноги – жестоко, остается верным даже тогда, когда его делают люди, имеющие обыкновение ломать другим людям руки.[24] При этом когда поведение индивида расходится с убеждениями, которые он исповедует, призвать других людей действовать в соответствии с ними, будет непросто. Конечно, всегда можно найти причину, по которой, например, между ношением меха и кожи проводится черта: многие пушные животные умирают лишь по прошествии часов или даже дней, проведенных в стальных зубцах капкана, а животным, из которых изготавливают кожаные изделия, не приходится переживать эту агонию.[25] Но эти тонкие различия имеют тенденцию смягчать остроту изначальной критики; а в некоторых случаях, как мне кажется, такую черту вообще невозможно провести. Например, почему охотник, убивающий оленя для получения мяса, заслуживает большей критики, чем человек, покупающий ветчину в супермаркете? А если говорить в целом, то свинья с промышленной фермы страдала больше.

В первой главе этой книги излагается четкий этический принцип – одинаковое рассмотрение интересов всех животных – и, исходя из него, мы можем определить, как наши практики, связанные с не-людьми, имеют оправдание, а какие – нет. Если мы будем использовать этот принцип в нашей жизни, то, благодаря ему, наши действия станут полностью последовательными. Таким образом, люди, которые игнорируют интересы животных, не смогут обвинить нас в непоследовательности.

Принцип одинакового рассмотрения интересов требует, чтобы мы стали вегетарианцами ради всех практических целей; это касается всех жителей городских и пригородных районов в индустриальных странах. Это самый важный шаг, и я уделил ему наибольшее внимание; но, чтобы быть последовательными, мы также должны отказаться от других продуктов животного происхождения, для получения которых кого-то убивали или подвергали страданиям. Мы не должны носить меха. Нам также не следует покупать кожаную обувь, потому что продажа очень способствует прибыльности мясной

промышленности.

Для первых вегетарианцев XIX века отказ от кожи означал настоящую жертву, потому что тогда очень трудно было найти туфли и ботинки, сделанные из других материалов. Льюис Гомперц (Lewis Gompertz), второй секретарь Королевского общества по предотвращению жестокости к животным, строгий вегетарианец, отказывавшийся даже ездить на конной повозке, предлагал выращивать животных на пастбище, пока они не состарятся естественным путем и не умрут, а после их смерти использовать их кожу.[26] Эта идея свидетельствует больше о гуманизме Гомперца, а не о его предприимчивости, но в наши дни экономика находится совсем в другом состоянии. Во многих дешевых магазинах можно купить туфли и ботинки из синтетических материалов, и стоят они гораздо меньше, чем кожа; а теннисные туфли из материи и резины – это сейчас стандартная обувь современной молодежи. Раньше пояса, сумки и т.д. были только кожаными, а сейчас можно легко найти эти товары, изготовленные из других материалов.

В наши дни исчезли и другие проблемы, которые раньше обескураживали самых последовательных противников эксплуатации животных. Отпала необходимость в свечах, которые некогда изготавливались из животного жира, а тот, кому они нужны, может без труда найти свечи из неживотных материалов. В магазинах здорового питания сейчас можно купить мыло из растительных масел, а не животных жиров. Мы можем обойтись без шерсти, и, хотя овцы обычно бродят на свободе, у нас есть основания отказаться от шерсти из-за многочисленных жестокостей, через которые приходится проходить этим кротким существам.[27] Косметика и духи, которые часто бывают изготовлены из различных частей тел диких животных, таких как мускусный олень и эфиопская виверра, – это не жизненно необходимые товары, но те, кому они нужны, могут купить косметику, не связанную с жестокостью – без продуктов животного происхождения и не тестируемую на животных. Ее можно достать в некоторых магазинах и организациях.[28]

Я говорю об этих альтернативах продуктам животного происхождения, чтобы показать, что отказаться от участия в основных формах эксплуатации животных – дело нетрудное; вместе с тем, я не считаю, что последовательность равнозначна жесткому следованию стандартам и абсолютной бескомпромиссности во всем – в еде и одежде (и подразумевает его). Суть изменения покупательских привычек заключается не в том, чтобы оставаться непричастным к злу, а в том, чтобы оказывать меньшую экономическую поддержку эксплуатации животных и убедить других поступать так же. Поэтому донашивать кожаную обувь, купленную до того, как вы задумались об освобождении животных – это не грех. Когда ваши кожаные ботинки изнасятся, купите некожаные; но, выбросив нынешнюю обувь, вы не снизите прибыльность убийства животных. То же самое с питанием. Гораздо важнее помнить об общих целях, чем беспокоиться о частностях, например, о том, имеются ли яйца с птицефабрики в торте, которым вас угостили на вечеринке.

Мы еще далеки от того времени, когда появится возможность оказывать давление на рестораны и производителей пищи, чтобы они полностью отказались от продуктов животного происхождения. Этот час настанет тогда, когда значительная часть населения начнет бойкотировать мясо и другие продукты промышленного животноводства. До тех пор последовательность требует только того, чтобы мы не вносили значительного вклада в

спрос на животные продукты. Таким способом мы можем продемонстрировать, что у нас нет в них потребности. Нам будет легче убедить других, чтобы они последовали нашему примеру, если мы будем сочетать наши идеалы со здравым смыслом, а не стремиться к чистоте, больше характерной для религиозного закона о пище, чем для этического и политического движения.

Обычно быть последовательными в нашем отношении к животным – дело нетрудное. Нам не нужно жертвовать чем-то жизненно необходимым, потому что в обычной жизни нет серьезного столкновения между интересами людей и животных. Но следует признать, что все же можно представить себе более необычные ситуации, в которых интересы действительно сталкиваются. Например, чтобы прокормить себя, нам надо вырастить урожай овощей и зерновых; но нашему урожаю могут угрожать кролики, мыши и другие «вредители». Здесь мы имеем ярко выраженное столкновение интересов людей и не-людей. Как мы разрешили бы эту ситуацию, если бы действовали в соответствии с принципом одинакового рассмотрения интересов?

Сначала давайте взглянем, что сейчас предпринимается в такой ситуации. Фермер стремится убить «вредителей» самым простым способом. Скорее всего, это яд. Животные съедят отравленные приманки и умрут медленной, мучительной смертью. Интересам «вредителей» не придается никакого значения – кажется, что само слово «вредитель» исключает всякую заботу о животных.[29] Но классификация по принципу «вредитель – не вредитель» составлена нами самими, и кролик-вредитель так же, как мы, способен страдать и заслуживает такого же рассмотрения интересов, как белый кролик – домашний любимец. Проблема заключается в том, как защитить необходимые нам запасы пищи и в то же время максимально принять во внимание интересы этих животных. Наши технологические достижения позволяют нам решить ее пусть и не идеальным образом, но, во всяком случае, с причинением гораздо меньших страданий, чем сейчас. Явным улучшением стало бы использование приманок, которые вместо мучительной смерти вызывают бесплодие.

Когда нам приходится защищать запасы пищи от кроликов или наши дома и здоровье – от мышей и крыс, естественная реакция с нашей стороны – яростно бороться с животными, захватившими нашу собственность, но для животного не менее естественная модель поведения – искать пищу там, где ее можно найти. При нынешнем отношении к животным было бы абсурдом ожидать от людей, что они станут действовать по-другому в данной ситуации. Возможно, со временем, когда удастся преодолеть основные формы жестокого обращения с животными, люди придут к мысли, что даже те животные, которые в каком-то смысле «угрожают» нашему благополучию, не заслуживают жестокой смерти; и поэтому мы, возможно, в конце концов, разработаем более гуманные методы сокращения численности тех животных, чьи интересы явно не совместимы с нашими.

Аналогичный ответ можно дать охотникам и егерям из мест, ошибочно называемых заповедниками. Они заявляют, что во избежание избыточной численности оленей, тюленей и других животных, охотникам необходимо регулярно давать возможность «сбирать урожай» с расплодившейся популяции – якобы, это в интересах самих же животных. Использование термина «урожай» – он часто встречается в публикациях охотничьих организаций – указывает на то, что заявления об убийстве ради блага самих животных

пронизаны ложью. Этот термин говорит о том, что охотник думает об оленях или тюленях так, как будто это зерно или уголь, и они представляют ценность лишь до тех пор, пока служат людям. Эта позиция (которую в большой мере разделяет Служба охраны рыб и диких животных США), игнорирует ключевой факт, что олени и другие объекты охоты способны испытывать удовольствие и боль. Поэтому они являются не средствами для удовлетворения наших потребностей, а существами с собственными интересами. Если при определенных обстоятельствах их популяция действительно разрастется настолько, что они будут наносить вред окружающей среде и представлять угрозу как для собственного выживания, так и для других животных, живущих с ними на одной территории, тогда людям правомерно предпринять какие-то контролирующие действия; но, очевидно, если мы принимаем во внимание интересы животных, за этими мерами не будет стоять убийство охотниками одних животных и неизбежное ранение других. Скорее всего, усилия будут направлены на снижение плодovitости. Если бы мы попытались разработать более гуманные методы контроля за численностью диких животных в заповедниках, то нам было бы нетрудно достичь лучшего результата, чем сейчас. Проблема заключается в том, что у властей, ответственных за дикую природу, «урожайный» менталитет, и они не заинтересованы в поиске таких способов контроля, которые бы снизили число животных, «пожинаемых» охотниками.[30]

Я указывал, что разница между животными вроде оленей или свиней или кур, которых нам не следует рассматривать как урожай, и растениями, которые мы можем собирать в прямом смысле слова, заключается в том, что животные способны испытывать удовольствие и боль, а растения – нет. Сейчас кто-нибудь обязательно спросит: «Откуда мы знаем, что растения не страдают?» Это возражение может возникнуть из-за искренней обеспокоенности о растениях; но в большинстве случаев люди, приводящие такой довод, не намереваются распространять уважительное отношение на растения, если бы выяснилось, что они страдают; вместо этого они надеются доказать, что если бы мы действовали в соответствии с принципом, защищаемых мной, то нам бы пришлось отказаться от потребления в пищу не только животных, но и растений, и, в результате, мы бы умерли от голода. Они делают вывод, что, раз невозможно жить, придерживаясь принципа одинакового рассмотрения интересов, нам вообще не стоит беспокоиться по этому поводу, и мы можем действовать по-прежнему – потреблять в пищу растения и животных.

Это возражение неубедительно как с фактической точки зрения, так и с логической. Не существует убедительных доказательств того, что растения могут испытывать удовольствие и боль. Популярная книга «Тайная жизнь растений» (the Secret Life of Plants), вышедшая несколько лет назад, утверждала, что растения обладают самыми разными уникальными способностями, они в том числе могут читать мысли человека. Самые невероятные эксперименты, о которых рассказывается в этой книге, не проводились в серьезных исследовательских заведениях. Когда ученые в самых крупных университетах попытались повторить те опыты, положительных результатов они не получили. Сейчас показана полная несостоятельность заявлений, сделанных в этой книге.[31]

В первой главе я привел три четких основания, исходя из которых мы можем считать, что не-люди могут чувствовать боль: поведение, природа нервной системы и полезность боли с эволюционной точки зрения. Ни одно из них не дает нам повода считать, что растения

чувствуют боль. При отсутствии достоверных экспериментальных открытий у них не наблюдается поведения, которое бы свидетельствовало о боли; у растений не обнаружено ничего напоминающего нервную систему; и трудно представить себе, почему у видов, которые неспособны уйти от источника боли, либо же, благодаря боли, избежать смерти другими способами, должна развиться способность чувствовать боль. Таким образом, предположение о том, что растения испытывают боль, предстает совершенно несостоятельным.

Это что касается фактической стороны контраргумента о «чувствительности» растений. А теперь давайте взглянем на его логику. Предположим, что, как бы это ни было невероятно, ученые все же установят факты, свидетельствующие о том, что растения испытывают боль. Из этого по-прежнему не следует, что мы должны быть всеядными. Если перед нами стоит дилемма: причинить боль или голодать, нам следует выбрать наименьшее зло. По-видимому, все же было бы правильно считать, что растения страдают меньше животных, и поэтому лучше есть растения, а не животных. Такой вывод напрашивался бы даже в случае, если бы растения оказались такими же чувствительными, как и животные: ведь неэффективность производства мяса означает, что люди, потребляющие его, косвенным образом уничтожают как минимум в 10 раз больше растений, чем вегетарианцы! По-моему, этот момент аргумент о растениях превращается в фарс, и я до сих пор рассматривал его только с одной целью: показать, что люди, выдвигающие его, на самом деле просто ищут оправдание, чтобы продолжать есть мясо.

До настоящего момента мы рассматривали в этой главе позиции, которых придерживаются многие люди в западном обществе, а также стратегии и аргументы, которые обычно используются для оправдания этих позиций. Мы убедились, что с логической точки зрения эти стратегии и аргументы очень слабы. Они скорее представляют собой отговорки и оправдания, нежели достойные логические доводы. Вместе с тем можно подумать, что их слабость связана с тем, что при обсуждении вопросов этики простым людям не хватает специальных знаний. По этой причине в первом издании книги я рассмотрел позиции некоторых ведущих философов 1960-х и начала 1970-х годов, которые рассуждали о моральном статусе не-людей. Результаты не делали чести философии.

Философия должна ставить под вопрос основные идеи своего времени. В моем представлении, основная задача философии заключается в том, чтобы тщательно и критически рассматривать то, что большинство из нас считают само собой разумеющимся, и именно эта задача делает философию стоящим занятием. К сожалению, философия не всегда добросовестно выполняет свою историческую роль. Тот факт, что Аристотель защищал рабство, всегда будет напоминать нам, что философы – это люди, и они подвержены предрассудкам общества, к которому принадлежат. Иногда им удается освободиться от господствующей идеологии; но чаще они становятся ее самыми искусными защитниками.

Именно так обстояло дело с философами периода, который предшествовал появлению первого издания книги. Они не ставили под вопрос всеобщие заблуждения по поводу наших взаимоотношений с другими видами. Труды большинства философов, которые затрагивали данную проблему, показали, что их авторы делают те же неоспариваемые предположения,

что и большинство людей, и что их слова склонны еще больше укреплять удобные спесишистские привычки читателей.

Одновременно в моральной и политической философии обсуждение вопросов равенства и прав почти всегда обозначалось как проблемы равенства людей и прав человека. Это приводило к тому, что перед философами и их читателями вопрос равенства животных никогда не вставал сам по себе – это уже указывает на то, что философия того времени не анализировала общепринятые мнения. Но философам было трудно обсуждать проблемы человеческого равенства, не затрагивая тему статуса не-людей. Причина – это уже может быть очевидно из первой главы книги – имеет отношение к способу, с помощью которого может интерпретироваться и отстаиваться принцип равенства, если его вообще следует защищать.

Для философов 1950-х и 1960-х годов проблема заключалась в том, чтобы интерпретировать идею о всеобщем равенстве людей таким образом, чтобы она не выглядела насквозь фальшивой. Во многих отношениях люди не равны; и если мы поищем какую-то характеристику, которой обладают все, то эта характеристика может служить своего рода самым низким общим знаменателем – таким маленьким, что им обладают все люди. Суть заключается в том, что любая такая характеристика, которой обладают все люди, имеется не только у людей. Например, все люди, и не только люди, способны чувствовать боль; вместе с тем, только люди могут решать сложные математические задачи, но не все представители рода человеческого умеют делать это. Поэтому в тех случаях, когда мы действительно можем констатировать равенство всех людей, по меньшей мере, некоторые другие биологические виды тоже равны с ними.

С другой стороны, если мы решим, как я упоминал в первой главе, что эти характеристики на самом деле не имеют отношения к проблеме равенства, а равенство должно основываться на моральном принципе одинакового рассмотрения интересов, то становится еще сложнее найти какие-либо основания для того, чтобы исключить животных из сферы равенства.

Данный результат представляет собой не совсем то, что изначально намеревались утверждать тогдашние философы, сторонники равенства. Вместо того, чтобы принять результат, к которому их подводили их же собственные рассуждения, они пытались привести в соответствие свои убеждения о равенстве человека и неравенстве животных, используя при этом хитрые либо близорукие аргументы. Например, в тот период был известен своими философскими рассуждениями о равенстве Ричард Уоссерстром (Richard Wasserstrom), тогда он был профессором философии и права в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. В своей статье «Права, права человека и дискриминация по расовому признаку» (Rights, Human Rights and Racial Discrimination) Уоссерстром определяет понятие «права человека» как права, которыми обладают люди, но не обладают животные. Потом он заявляет, что у человека есть право на благополучие и на свободу. Когда Уоссерстром отстаивает идею о праве человека на благополучие, он говорит, что если кого-то не избавить от острой физической боли, то данный субъект не может жить полной и удовлетворяющей жизнью. Затем он продолжает: «На самом деле, наслаждение этими благами отличает человеческое бытие от нечеловеческого».[32] Проблема заключается в

том, что, когда мы еще раз оглядываемся назад и выясняем, к чему относится выражение «эти блага», то приводится лишь один пример: освобождение от острой физической боли. А животные его могут ощутить точно так же, как и люди. Итак, если человек имеет право на избавление от острой физической боли, данное право принадлежит не только ему в том смысле, как это определил Уостерстром. Его также имеют и животные.

Когда философы сталкивались с ситуацией, при которой видели необходимость обосновать моральную пропасть, разделяющую, как все еще считается, людей и животных, но оказывались неспособны найти такое различие между ними, которое бы не подрывало их теории о равенстве людей, эти мыслители проявляли склонность к пустой болтовне. Они прибегали к высокопарным фразам, вроде «внутреннее достоинство человеческого индивидуума».[33] Они рассуждали о «внутреннем достоинстве всех мужчин» (сексизм точно так же не ставился под вопрос, как и спесиизм), о том, что будто бы все мужчины (или люди?) обладают каким-то неопределенным достоинством, которого нет у других существ.[34] Или же они говорили, что люди и только люди представляют собой самоцель, а «все остальные объекты могут представлять ценность лишь для человека».[35]

Как мы видели в предыдущей главе, идея об особом человеческом положении и ценности имеет долгую историю. В XX веке, вплоть до 1970-х годов, философы игнорировали первоначальные метафизические и религиозные корни этой концепции и прибегали к ней, не испытывая потребности оправдать ее каким бы то ни было образом. Почему бы нам не приписать самим себе «внутреннее достоинство» или «внутреннее значение»? Почему бы нам не сказать, что мы – единственные существа во Вселенной, имеющие внутреннюю ценность? Вряд ли другие люди станут отрицать титулы, которые мы им так щедро даем, а те, кому мы в этой чести отказываем, возражать не в состоянии. Действительно, когда мы думаем только о людях, разговоры об их всеобщем достоинстве могут звучать очень либерально и прогрессивно. Делая это, мы безоговорочно осуждаем рабство, расизм и другие нарушения прав человека. Мы признаем, что сами в каком-то фундаментальном смысле находимся наравне с самыми бедными и необразованными представителями нашего собственного вида. Только когда мы начинаем думать о людях как всего лишь о маленькой подгруппе существ, населяющих планету, у нас появляется возможность понять, что, возвеличивая свой собственный вид, мы одновременно понижаем относительный статус других видов.

Правда заключается в том, что обращение к внутреннему достоинству человека, по-видимому, решает проблемы философов – поборников равноправия лишь до тех пор, пока такой подход не оспорят. Как только мы спросим, а почему все люди, в том числе младенцы, умственно неполноценные, преступники-психопаты, Гитлер, Сталин и прочие обладают неким достоинством или ценностью, которая абсолютно недостижима для слона, свиньи или шимпанзе, мы сразу увидим, что на этот вопрос так же трудно ответить, как на наш изначальный вопрос о каком-то значимом факте, который бы оправдывал неравенство людей и других животных. По большому счету, это не два вопроса, а один: разговоры о внутреннем достоинстве или моральной ценности не помогают, так как любые удовлетворительные аргументы в пользу заявления, что все люди и исключительно люди обладают внутренним достоинством, потребовали бы обращения к каким-то важным, чисто человеческим способностям и характеристикам, благодаря которым они имеют это

уникальное достоинство или ценность. Это неправильно – выдвигать идеи о достоинстве и ценности вместо того, чтобы привести причины, по которым следовало бы различать людей и животных. А красивые слова служат последним источником для тех, у кого закончились аргументы.

Если кто-то все еще думает, что можно найти какие-то значимые характеристики, отличающие всех людей от представителей других видов, давайте еще раз взглянем на то, что бывают люди, существенно уступающие многим животным по самосознанию, осведомленности, уму и чувствительности. Я имею в виду больных с серьезным и неизлечимым повреждением мозга, а также младенцев; но, чтобы потенциал младенцев не усложнял задачу, я сконцентрирую внимание на людях с постоянными и неизлечимыми ограничениями.

Философы, которые стремятся найти характеристику, отличающую людей от других животных, редко выбирали следующую стратегию: отделить вышеуказанные категории от основной массы людей и рассматривать их наравне с животными. Понятно, почему они этого не делали: без пересмотра нашего отношения к животным такая стратегия означала бы, что мы имеем право проводить болезненные эксперименты на отсталых людях в тривиальных целях; аналогичным образом из этого следовало бы, что мы имеем право убивать их для получения пищи.

Для философов, обсуждающих проблему равенства, самый простой выход из трудности, которую представляли глубоко и навсегда отсталые люди, заключался в игнорировании ее. Гарвардский философ Джон Роулс (John Rawls) в своей объемной книге «Теория справедливости» (A Theory of Justice) столкнулся с этой проблемой, когда пытался объяснить, почему мы обязаны с уважением относиться к людям, а не к животным, но отмахнулся от нее следующим замечанием: «Я не могу здесь рассматривать этот вопрос, но не думаю, что это бы существенно повлияло на оценку равенства».[36] Это необычный способ решения проблемы равенства: он либо подразумевает, что нам следует обращаться с людьми, страдающими глубокой и пожизненной умственной отсталостью, так же, как мы сейчас обращаемся с животными, либо, вопреки заявлениям Роулса, мы должны с уважением относиться к животным.

Что еще оставалось философам? Если бы они честно взглянули на проблему, возникающую из-за существования людей, чьи значимые с моральной точки зрения характеристики в полном объеме присутствуют и у животных, то было бы невозможно настаивать на равенстве людей и одновременно не предложить кардинально пересмотреть статус не-людей. В отчаянной попытке спасти традиционный взгляд была даже выдвинута идея о том, что нам надо обращаться с тем или иным субъектом скорее в соответствии с тем, что «нормально для его вида», чем в соответствии с его истинными характеристиками.[37] Чтобы понять, насколько это ужасно, представьте себе следующее. В будущем обнаружатся данные о том, что даже при отсутствии культурной необходимости женщины чаще, чем мужчины, вместо того, чтобы идти на работу, оставались дома и присматривали за детьми. Конечно, это открытие будет сочетаться с очевидным фактом, что некоторые женщины меньше склонны к воспитанию детей и больше – к работе, чем иные мужчины. Станет ли какой-нибудь философ утверждать, что к этим женщинам,

представляющим собой исключение, надо относиться, исходя из того, что «обычно для их пола» – и по этой причине, например, не принимать в медицинский университет – а не исходя из их непосредственных характеристик? Я так не думаю. Я не вижу в этом аргументе ничего, кроме отстаивания интересов особей нашего собственного вида, лишь потому, что они – особи нашего вида.

Как и другие философские аргументы, часто встречавшиеся до того, как философы стали воспринимать всерьез идею о равенстве животных, этот довод свидетельствует о той легкости, с которой не только простые люди, но и умеющие лучше других рассуждать о вопросах морали, могут оказаться жертвами господствующей идеологии. Тем не менее, сейчас мне очень приятно сообщить, что философия сбросила идеологические шоры. Многие современные университетские курсы по этике действительно побуждают студентов пересмотреть свою позицию по целому ряду этических вопросов, и значительное место среди них занимает моральный статус животных. Пятнадцать лет назад мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы найти хотя бы несколько работ, в которых академические философы затрагивали бы моральный статус животных; сейчас я мог бы заполнить всю книгу рассказом о том, что было написано на эту тему за последние эти годы. Практически во все хрестоматии, которые используются на курсах по практической этике, включены статьи о том, как нам следует обращаться с животными. А самоуверенные, категорические заявления о моральной незначительности животных стали редкостью.

Действительно, за последние 15 лет академическая философия имела огромное значение для стимулирования и поддержки движения за права животных. Это можно оценить, если взглянуть на недавнюю библиографию по правам животных и соответствующим вопросам, которую составил Чарльз Мейджел (Charles Magel). С античных времен до начала 1970-х годов Мейджел находит лишь 95 работ, достойных упоминания, и лишь две или три из них написаны профессиональными философами. Но он указывает 240 работ, которые были созданы за последующие 18 лет, и авторами многих из них являются философы – преподаватели университетов.[38] Более того, опубликованные работы – это еще не все; на философских факультетах в Соединенных Штатах, Австралии, Британии, Канаде и во многих других странах философы рассказывают студентам о моральном статусе животных. Многие из них активно сотрудничают с организациями за права животных, иногда это происходит в рамках университета, в других случаях — шире.

Конечно, философы не единодушно поддерживают вегетарианство и освобождение животных – когда они проявляли единодушие по какому-либо поводу? Но даже те, кто критично относится к заявлениям в защиту животных, которые делают их коллеги, признают важные аргументы в поддержку перемен. Например, Р.Дж. Фрей (R.G. Frey) из Государственного Университета Боулинг Грин (Bowling Green State University) в штате Огайо, который писал в опровержение моих взглядов больше, чем какой-либо другой философ, начинает одну из своих статей прямым заявлением: «Я не антививисекционист». Но потом он признает:

I

«Я не имею и не знаю ничего такого, что дало бы мне возможность сказать априори, что человеческая жизнь любого, пусть даже низкого, качества, более ценна, чем жизнь животного, пусть даже высокого качества».

В результате, Фрей признает, что «аргументы против вивисекции гораздо сильнее, чем большинство людей думают». Он приходит к выводу, что если кто-то пытается оправдать эксперименты на животных пользой, которую они приносят (по его мнению, это единственный способ оправдать данную практику), то нет никакой внутренней причины, по которой эта польза не оправдывала бы экспериментов на «людях, чье качество жизни ниже, чем у животных, или такое же». Следовательно, он допускает эксперименты на животных, если их результаты достаточно важны, но лишь при условии, если допускается возможность проведения аналогичных экспериментов на людях.[39]

Но еще более драматичным стало изменение позиции канадского философа Майкла Аллена Фокса (Michael Allen Fox). Казалось, что публикация в 1986 году его книги «Доводы в пользу экспериментов на животных» (The Case for Animal Experimentation) уверенно обеспечит ему место на научных конференциях, где он будет выступать как главный философ, защищающий исследования на животных. Наверное, фармацевтические компании и лоббисты экспериментов на животных, полагавшие, что у них, наконец, появился прирученный философ, которого можно использовать для защиты от критики, пришли в уныние, когда Фокс внезапно отрёкся от своей собственной книги. После публикации в журнале «Сайентист» (Scientist) в высшей степени критической рецензии Фокс написал письмо редактору, в котором заявил, что согласен с рецензентом: он увидел, что доводы его книги ошибочны, и с этической точки зрения оправдать эксперименты на животных невозможно. Потом Фокс продолжил свое мужественное переосмысление и стал вегетарианцем.[40]

Подъем движения за освобождение животных, возможно, занимает уникальное место среди современных общественных явлений из-за того, насколько он оказался связан со становлением соответствующих тем для дискуссий в кругах академической философии. Философия сама прошла через серьёзную трансформацию в том, что касается статуса животных: она отказалась от удобного конформизма по отношению к общепринятым догмам и вернулась к выполнению своей древней, сократовской роли.

В основе этой книги лежит постулат о том, что дискриминация по видовому признаку – это форма предрассудка, и она точно так же аморальна и неприемлема, как дискриминация по расовому признаку. Я не ограничился тем, чтобы сделать голословное заявление или преподнести его как свою личную точку зрения, которую другие могут разделять либо не разделять. Я отстаивал свою позицию с помощью аргументов и при этом больше обращался к разуму, чем к чувствам или эмоциям. Я выбрал такой путь не потому, что не понимаю важность добрых чувств и уважения к другим созданиям, а потому что разум более универсален, и его доводы сложнее оспорить. Хотя я очень восхищаюсь теми, кто устранил спесишизм из своей жизни только из-за сострадания ко всем чувствующим существам, я не думаю, что один лишь призыв к равнодушию и милосердию убедит многих людей в неправомерности спесишизма. Даже когда речь идет о человеке, люди странным образом

склонны ограничивать сострадание лишь рамками своей собственной национальности или расы. Вместе с тем, почти каждый, по меньшей мере, теоретически готов слушать рациональные аргументы. Возможно, есть и те, кто «кокетничает» с излишней субъективностью в этике и утверждает, что любая мораль так же хороша, как и другая; но когда тех же самых людей заставляют ответить, одинаково ли хороши моральные правила Гитлера или работоторговцев и мораль Альберта Швейцера или Мартина Лютера Кинга, они обнаруживают, что какие-то принципы все-таки лучше.

Поэтому на протяжении книги я опирался на аргументы разума. Если вы не можете опровергнуть основной постулат книги, то должны признать неправомерность спесишизма; а это означает, что, если вы воспринимаете этику всерьез, то попытаетесь убрать спесишистские практики из своей жизни и везде противостоять им. В противном случае вы не можете критиковать расизм или сексизм так, чтобы это звучало нелицемерно.

В целом я избегал аргумента о том, что нам следует быть добрыми к животным, потому что жестокость к ним ведет к жестокости к людям. Возможно, доброта к людям и другим животным действительно идут бок о бок; но, вне зависимости от правильности этого утверждения, заявлять, подобно Фоме Аквинскому или Канту, что именно по этой причине мы должны быть добрыми к животным, значит занимать глубоко спесишистскую позицию. Мы обязаны принимать во внимание интересы животных потому, что они имеют эти интересы, а исключение их из этической сферы несправедливо; если данное соображение начинает зависеть от пользы для человека, это означает, что интересы животных не гарантируют уважительного к ним отношения ради них самих.

Аналогичным образом я избегал обширной дискуссии о том, полезнее ли вегетарианская пища смешанной. Многие свидетельства указывают на то, что это действительно так, но мне было достаточно показать, что вегетарианец может быть, по меньшей мере, так же здоров, как мясоед. При выходе за эти пределы будет сложно отделаться от впечатления, что, если дальнейшие исследования докажут приемлемость для здоровья мясной пищи, повод стать вегетарианцем исчезнет. Но с позиции освобождения животных, до тех пор, пока мы можем жить, не причиняя им страданий, мы обязаны делать это.

Я считаю, что аргументы в пользу освобождения животных неоспоримы с логической точки зрения и не могут быть опровергнуты; но свергнуть спесишизм на практике – это очень сложная задача. Мы уже удостоверились в том, что спесишизм имеет глубокие исторические корни в сознании современного общества. Мы видели, что ликвидация спесишистских практик представляет угрозу для влиятельных корпораций, занимающихся агробизнесом, а также для профессиональных ассоциаций медицинских исследователей и ветеринаров. Эти корпорации и организации при необходимости готовы потратить миллионы долларов на защиту своих интересов, и в таком случае на общественность обрушится вал рекламных посылов, отрицающих факты жестокости. Более того, люди заинтересованы – или считают, что заинтересованы – в продолжении спесишистских практик, заключающихся в выращивании и убийстве животных для получения пищи, и из-за этого общественность готова принимать заявления о том, что, по меньшей мере, в данном случае имеет место незначительная жестокость. Как мы выяснили, человек также склонен принимать ложные формы аргументации – мы их рассмотрели в этой главе; и их бы никто не

поддерживал, если бы данные заблуждения не оправдывали любимую пищу.

А имеет ли движение за освобождение животных вообще какие-то шансы, с учетом этих давних предрассудков, интересов влиятельных корпораций и глубоко въевшихся привычек? Имеет ли оно еще какие-то козыри, помимо аргументов разума и этики? Десять лет назад не было конкретных оснований надеяться, что наши доводы возьмут верх, за исключением уверенности в конечной победе разума и морали. Но с того времени радикально увеличилось число наших сторонников, движение стало известным в обществе, и, что самое главное, во благо животных было достигнуто немало побед. Десять лет назад многие считали, что движение за освобождение животных – это горстка чокнутых, а в организациях с действительно освободительной философией состояло очень мало людей. В наши дни «Люди за этическое отношение к животным» (People for the Ethical Treatment of Animals - PETA) насчитывает 250000 членов (сейчас – около миллиона. Прим. ред.), а Ассоциация за гуманное сельское хозяйство (Humane Farming Association), которая активно борется против клетей для телят – 45000.[41] «Виды без границ» (Trans-Species Unlimited) превратилась из крошечной группы с одним офисом в центре Пенсильвании в национальную организацию, имеющую отделения в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Филадельфии и Чикаго. Коалиция за отмену теста Драйза и теста «ЛД-50» (The Coalition to Abolish the LD50 and Draize Tests) объединяет организации за права животных и организации за благополучие животных, и суммарное членство в которой исчисляется миллионами. В 1988 году освобождение животных достигло того, что стало свидетельством признания: почтительного рассказа в «Ньюсвик» (Newsweek), иллюстрация к которому была дана на обложке журнала.[42]

При обсуждении конкретных тем мы отмечали некоторые достижения в области борьбы за права животных, но имеет смысл подвести итог. Победы включают в себя запрещение клетей для телят в Великобритании, поэтапный отказ от батарейных клеток в Швейцарии и Нидерландах, а также внедрение перспективных реформ в законодательство Швеции, которые положат конец клетям для телят, батарейным клеткам, загонам для свиней и всем другим приспособлениям, которые не дают животным свободно передвигаться. Также станет незаконным при содержании сельскохозяйственных животных, не давать им возможность пастись на пастбищах в теплые месяцы года. Всемирная кампания против мехов привела к тому, что резко снизились объемы продажи меха, особенно в Европе. В Британии Дом Фрейзера (House of Fraser), ведущая сеть универмагов, из-за продаваемых мехов стала объектом протестов. В декабре 1989 года она объявила, что закрывает меховые салоны в 59 из 60 магазинов и оставляет только один в Хэрродсе (Harrods), знаменитом лондонском универсаме.

В США еще не удалось ничего добиться во благо сельскохозяйственных животных, но там остановлены некоторые особо отвратительные серии экспериментов. Первый успех был достигнут в 1977 году, когда кампания, проводимая Генри Спира (Henry Spira), убедила Американский музей естественной истории (American Museum of Natural History) прекратить бессмысленный цикл экспериментов, в рамках которых кошкам наносили увечья, чтобы посмотреть, как это влияет на их половую жизнь.[43] В 1981 году активист за права животных Алекс Пачеко (Alex Pacheco) сделал достоянием общественности то, в каких ужасных условиях содержались 17 обезьян у Эдварда Тауба (Edward Taub), в Институте поведенческих исследований (Institute for Behavioral Research) в Силвер Спринг, штат

Мэриленд. Национальный институт здравоохранения (the National Institutes of Health) прекратил финансировать Тауба, и этот ученый стал первым в США, кого обвинили в жестокости – правда, в дальнейшем это обвинение было отменено из-за того, что экспериментаторы, получающие финансирование из налоговых отчислений, не обязаны следовать законам о жестоком обращении с животными.[44] Вместе с тем, этот случай принес известность по всей стране новой организации под названием «Люди за этичное отношение к животным» (PETA); а в 1984 году PETA добилась прекращения экспериментов доктора Томаса Дженнарелли (Thomas Gennarelli) в Пенсильванском университете (University of Pennsylvania), в которых обезьянам наносили повреждения головы. Началось все с жутких видеозаписей, снятых самими экспериментаторами, где было запечатлено жестокое обращение с животными – эти записи были украдены во время ночного рейда активистами Фронта освобождения животных. Дженнарелли лишился финансирования.[45] В 1988 году, после того, как организация «Виды без границ» проводила пикетирование в течение многих месяцев, исследователь Корнелльского университета (Cornell University) отказался от гранта на сумму в 530000 долларов, на средства которого планировалось изучать привыкание к барбитуратам у кошек.[46]

Примерно в то же самое время «Бенеттон» (Benetton), сеть модных итальянских магазинов, объявила, что больше не будет тестировать на животных новую косметику и туалетные принадлежности. «Бенеттон» стала мишенью международной кампании, которую координировала организация «Люди за этичное отношение к животным». В ней участвовали активисты за права животных из семи стран. Против корпорации «Нокселл» (Noxell Corporation), американского производителя косметики, такой кампании не проводилось, но она сама приняла решение проверять продукцию на культуре тканей вместо проведения теста Драйза на глазу кролика, чтобы выявить, может ли то или иное средство повредить человеческий глаз. Решение «Нокселл» стало частью устойчивого движения к альтернативам, которое совершали крупные корпорации по производству косметики, туалетных принадлежностей и фармацевтических препаратов – его инициировала и постоянно поощряла Коалиция за отмену теста Драйза и теста «ЛД-50».[47] Годы усердной работы окупилась сторицей в 1989 году, когда «Эйвон» (Avon), «Ревлон» (Revlon), «Фаберже» (Faberger), «Мэри Кей» (Mary Kay), «Амвей» (Amway), Элизабет Арден» (Elizabeth Arden), «Макс Фактор» (Max Factor), «Кристиан Диор» (Christian Dior) и несколько небольших компаний объявили, что прекращают или, по меньшей мере, приостанавливают все эксперименты на животных. В том же году Европейская Комиссия, которая отвечает за тестирование на безопасность в 10 странах Европейского Сообщества, объявила, что примет альтернативы тесту Драйза и «ЛД-50», и призвала все страны, входящие в Организацию Экономического сотрудничества и развития (OECD, Organization for Economic Cooperation and Development), к разработке общей альтернативы тестам на безопасность. В настоящее время правительственное постановление запрещает тест Драйза и «ЛД-50» в Виктории и Новом Южном Уэльсе – самых населенных штатах Австралии, где проводится больше всего экспериментов на животных.[48]

В США был также создан прецедент по протесту против вивисекции в средних школах. Категорический отказ калифорнийской школьницы Дженифер Грехэм (Jennifer Graham) участвовать в препарировании и ее требование не снижать оценки за сознательный протест увенчались тем, что в 1988 году был принят Калифорнийский Билль о правах школьников,

который дает право учащимся калифорнийских начальных и средних школ не участвовать в вивисекции и при этом не получать наказания. В настоящее время аналогичные законы вводятся в Нью-Джерси, Массачусетсе, Мэне, на Гавайях и в нескольких других штатах.

По мере того, как движение становится более заметным и набирает силу, оно обретает поддержку известных людей, успешных профессионалов в различных областях. Рок-музыканты помогают распространению идеи прав животных. Кинозвезды, модели и дизайнеры одежды дали обещание отказаться от мехов. Благодаря международному успеху сети «Боди Шоп» (Body Shop), этичная косметика стала более привлекательной и доступной. Становится все больше вегетарианских ресторанов, и даже невегетарианские рестораны теперь предлагают вегетарианские блюда. Все это помогает новичкам легче присоединиться к тем, кто уже делает все возможное для ограничения жестокости к животным в повседневной жизни.

Вместе с тем, освобождение животных потребует большего альтруизма со стороны людей, чем любое другое освободительное движение. Животные не могут потребовать освобождения сами или выразить протест против своего положения с помощью референдумов, демонстраций или бойкотов. Люди имеют власть для того, чтобы продолжать угнетение вечно (или до тех пор, пока планета не станет непригодной для жизни). Будет ли наша тирания продолжаться, подтверждая тем самым, что этика ничего не значит при столкновении с эгоистическими интересами, как всегда говорили самые циничные поэты и философы? Или мы примем вызов и докажем свою способность на подлинный альтруизм, прекратив безжалостную эксплуатацию других видов, находящихся под нашей властью, причем сделаем это не из-за того, что нас к этому вынуждают восстания или террористы, а потому что признаем аморальность нашей позиции?

Ответ на этот вопрос зависит от того, как ответит на него каждый из нас.

Примечания

Глава 1

1. О моральной философии Бентама можно прочитать во «Введениях в принципы морали и законотворчества». О философии Сиджвика – в *The Methods of Ethics*, 1907 (этот отрывок цитируется по седьмому изданию: London: Macmillan, 1963), p. 382. Вот примеры ведущих современных философов-моралистов, которые говорят о необходимости одинакового рассмотрения интересов: R.M. Hare, *Freedom and Reason* (New York: Oxford University Press, 1963), John Rawls, *A Theory of Justice* (Cambridge: Harvard University Press, Belknap Press, 1972). Чтобы прочитать вкратце общее соглашение по данному вопросу среди философов, придерживающихся этих и других позиций, см. R. M. Hare, "Rules of War and Moral Reasoning", *Philosophy and Public Affairs* 1 (2) (1972).

Примечание редактора. Дополнительные материалы: Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. – С. 372. Переводчик Капустин Б.Г.

2. Письмо Анри Грегуар (Henry Gregoire), 25 февраля 1809.

3. Мемуары Френсис Д. Гейдж (Francis D. Gage), в книге Susan B. Anthony, *The History of Woman Suffrage*, vol. 1; этот эпизод можно найти в Leslie Tanner, ed., *Voices From Women's Liberation* (New York: Signet, 1970).

4. Я взял термин «спесишизм» у Ричарда Райдера (Richard Ryder). За время, прошедшее с момента первого издания книги, он вошел в общее использование, и его можно найти во втором издании Оксфордского словаря английского языка. (*The Oxford English Dictionary*, second edition, Oxford: Clarendon Press, 1989).

5. *Introduction to the Principles of Morals and Legislation*, chapter 17.

6. См. M. Levin, "Animal Rights Evaluated", *Humanist* 37: 14-15 (July/August 1977); M.A. Fox, "Animal Liberation: A Critique", *Ethics* 88: 134-138 (1978); C. Perry and G.E. Jones, "On Animal Rights," *International Journal of Applied Philosophy* 1: 39-57 (1982).

7. Lord Brain, "Presidential Address", in C.A. Keele and R. Smith, eds., *The Assessment of Pain in Men and Animals* (London: Universities Federation for Animal Welfare, 1962).

8. Lord Brain, "Presidential Address", p. 11.

9. Richard Serjeant, *The Spectrum of Pain* (London: Hart Davis, 1969), p. 72.

10. См. Доклады: Комитета по вопросам жестокости к диким животным (Committee on Cruelty to Wild Animals, Command Paper 8266, 1951), абзацы 36-42; Ведомственного комитета по экспериментам на животных (Departmental Committee on Experiments on Animals, Command Paper 2641, 1965), абзацы 179-182; Технического комитета по изучению благополучия животных, содержащихся в системах интенсивного животноводства (Technical Committee to Enquire into the Welfare of Animals Kept under Intensive Livestock Husbandry Systems, Command Paper 2836, 1965), абзацы 26-28 (London: Her Majesty's Stationery Office).

11. См. Stephen Walker, *Animal Thoughts* (London: Routledge and Kegan Paul, 1983); Donald Griffin, *Animal Thinking* (Cambridge: Harvard University Press, 1984); Marian Stamp Dawkins, *Animal Suffering: The Science of Animal Welfare* (London: Chapman and Hall, 1980).

12. См. Eugene Linden, *Apes, Men and Language* (New York: Penguin, 1976). Популярные доклады о некоторых более недавних работах см. Erik Eckholm, "Pygmy Chimp Readily Learns Language Skill", *The New York Times*, June 24, 1985; и "The Wisdom of Animals", *Newsweek*, May 23, 1988.

13. *In the Shadow of Man* (Boston: Houghton Mifflin, 1971), p. 225. Майкл Питерс (Michael Peters) говорит о том же в «Природа и культура» ("Nature and Culture"). Stanley and Roslind Godlovitch and John Harris, eds., *Animals, Men and Morals* (New York: Taplinger, 1972). О примерах некоторых непоследовательностей, которые наблюдаются при отрицании того, что существа без дара речи могут чувствовать боль, можно прочесть в книге Bernard Rollin, *The Unheeded Cry: Animal Consciousness, Animal Pain, and Science* (Oxford: Oxford University Press, 1989).

14. Я здесь не принимаю во внимание религиозные взгляды, например, доктрину, что бессмертная душа есть только у людей, или же они созданы по образу и подобию Бога. Но с исторической точки зрения они очень важны и, вне сомнения, частично из-за них утвердилась идея о том, что человеческая жизнь обладает особой святостью (чтобы прочесть дальнейшее обсуждение истории, см. главу 5). Но с точки зрения логики эти взгляды неудовлетворительны, так как они не дают аргументированного объяснения, почему бессмертная душа есть у людей, а у животных ее нет. Это мнение тоже оказывается под подозрением как одна из форм спесишизма. В любом случае, те, кто отстаивает «святость жизни», обычно с неохотой обосновывают свою позицию лишь религиозными доктринами, потому что эти доктрины уже не принимаются всеми, как раньше.

15. Чтобы познакомиться с общим обсуждением этих вопросов, см. мою книгу *Practical Ethics* (Cambridge: Cambridge University Press, 1979), а более подробно обращение с неполноценными людьми рассматривается в книге Helga Kuhse and Peter Singer, *Should the Baby Live?* (Oxford: Oxford University Press, 1985).

16. Чтобы проследить, как эта тема развивалась, см. мой очерк "Life's Uncertain Voyage", в P. Pettit, R. Sylvan and J. Norman, eds., *Metaphysics and Morality* (Oxford: Blackwell, 1987), pp. 154-172.

17. Противники движения за освобождение животных часто не обращают внимания на предшествующую дискуссию, которая лишь незначительно изменилась со времени первого издания книги. Очень часто для того, чтобы свести к абсурду концепцию прав животных, они утверждают следующее: «Некоторые из этих людей считают, что каждое насекомое, каждая мышь, имеет такое же право на жизнь, как и человек» (эти слова были недавно сказаны одним экспериментатором, доктором Ирвином Вайсманом) (Dr. Irving Weissman, цитируется Кэтрин Бишоп в "From Shop to Lab to Farm, Animal Rights Battle is Felt", The New York Times, January 14, 1989). Было бы интересно, каких известных борцов за права животных, придерживающихся этой точки зрения, назвал бы доктор Вейсман. Конечно же (если предположить, что он говорил о праве на жизнь человека, чьи умственные способности очень отличаются от таковых у насекомого или мыши), я не занимаю описанную позицию. Я сомневаюсь, что ее поддерживает много людей – если вообще кто-то поддерживает – в движении за освобождение животных.

Глава 2

1. U.S. Air Force, School of Aerospace Medicine, Report No. USAFSAM-TR-82-24, August 1982.
2. U.S. Air Force, School of Aerospace Medicine, Report No. USAFSAM-TR-87-19, October 1987.
3. U.S. Air Force, Report No. USAFSAM-TR-87-19, p. 6
4. Donald J. Barnes, "A Matter of Change", in Peter Singer, ed., In Defense of Animals (Oxford: Blackwell, 1985).
5. Air Force Times, November 28, 1973; The New York Times, November 14, 1973.
6. B. Levine et al., "Determination of the Chronic Mammalian Toxicological Effects of TNT: Twenty-six Week Subchronic Oral Toxicity Study of Trinitrotoluene (TNT) in the Beagle Dog", Phase II, Final Report (U.S. Army Medical Research and Development Command, Fort Detrick, Maryland, June 1983).
7. Carol G. Franz, "Effects of Mixed Neutron-gamma Total-body Irradiation on Physical Activity Performance of Rhesus Monkeys", Radiation Research 101: 434-441 (1985).
8. Proceedings of the National Academy of Science 54: 90 (1965).
9. Engineering and Science 33: 8 (1970).
10. Maternal Care and Mental Health, World Health Organization Monograph Series, 2: 46 (1951).
11. Engineering and Science 33: 8 (1970).
12. Journal of Comparative and Physiological Psychology 80 (1): 11 (1972).
13. Behavior Research Methods and Instrumentation 1: 247 (1969).
14. Journal of Autism and Childhood Schizophrenia 3 (3): 299 (1973).
15. Journal of Comparative Psychology 98: 35-44 (1984).
16. Developmental Psychology 17: 313-318 (1981).
17. Primates 25: 78-88 (1984).
18. Цифры, касающиеся исследований, собрал Мартин Стивенс, доктор наук (Martin Stephens, Ph.D.), как сообщается в Maternal Deprivation Experiments in Psychology: A Critique of Animal Models. Этот доклад подготовлен для Американского

антививисекционного общества (American Anti-vivisection Society), Национального антививисекционного общества (National Anti-Vivisection Society) и Антививисекционного общества Новой Англии (New England Anti-Vivisection Society) (Бостон, 1986).

19. Statistics of Scientific Procedures on Living Animals, Great Britain, 1988, Command Paper 743 (London: Her Majesty's Stationery Office, 1989).
20. U.S. Congress Office of Technology Assessment, Alternatives to Animal Use in Research, Testing and Education (Washington, D.C.: Government Printing Office, 1986), p. 64.
21. Hearings before the Subcommittee on Livestock and Feed Grains of the Committee on Agriculture, U.S. House of Representatives, 1966, p. 63.
22. См. A. Rowan, Of Mice, Models and Men (Albany: State University of New York Press, 1984), p. 71; более позднее издание он лично передал в Службу технологической оценки (Office of Technology Assessment); см. Alternatives to Animal Use in Research, Testing and Education, p. 56.
23. OTA, Alternatives to Animal Use in Research, Testing and Education, p. 56.
24. Experimental Animals 37: 105 (1988).
25. Nature 334: 445 (August 4, 1988).
26. The Harvard Bioscience Whole Rat Catalog (South Natick, Mass.: Harvard Bioscience, 1983).
27. Report of the Littlewood Committee, pp. 53, 166; цитируется Ричардом Райдером (Richard Ryder), "Experiments on Animals", в Stanley and Roslind Godlovitch and John Harris, eds., Animals, Men, and Morals (New York: Taplinger, 1972), p. 43.
28. Подсчеты сделаны Лори Груэном (Lori Gruen) исходя из докладов, предоставленных Службой здравоохранения США (U.S. Public Health Service). Об этом сообщает Компьютерный поиск информации по научным проектам (Computer Retrieval of Information on Scientific Projects, CRISP).
29. Journal of Comparative and Physiological Psychology 67 (1): 110 (April 1969).
30. Bulletin of the Psychonomic Society 24: 69-71 (1986).
31. Behavioral and Neural Biology 101: 296-299 (1987).
32. Pharmacology, Biochemistry, and Behavior 17: 645-649 (1982).
33. Journal of Experimental Psychology: Animal Behavior Processes 10: 307-323 (1984).
34. Journal of Abnormal and Social Psychology 48 (2): 291 (April 1953).
35. Journal of Abnormal Psychology 73 (3): 256 (June 1968).
36. Animal Learning and Behavior 12: 332-338 (1984).
37. Journal of Experimental Psychology: Animal Behavior and Processes 12: 277-290 (1986).
38. Psychological Reports 57: 1027-1030 (1985).
39. Progress in Neuro-Psychopharmacology and Biological Psychiatry 8: 434-446 (1984).
40. Journal of the Experimental Analysis of Behavior 19 (1): 25 (1973).
41. Journal of the Experimental Analysis of Behavior 41: 45-52 (1984).
42. Aggressive Behavior 8: 371-383 (1982).
43. Animal Learning and Behavior 14: 305-314 (1986).
44. Behavioral Neuroscience 100 (2): 90-99 and 98 (3): 541-555 (1984).
45. OTA, Alternatives to Animal Use in Research, Testing and Education, p. 132.
46. A. Heim, Intelligence and Personality (Baltimore: Penguin, 1971) p. 150; чтобы прочитать замечательное обсуждение этого феномена, см. Bernard Rollin, The Unheeded Cry:

- Animal Consciousness, Animal Pain, and Science (New York: Oxford University Press, 1989).
47. Chris Evans, "Psychology Is About People", *New Scientist*, August 31, 1972, p. 453.
  48. Statistics of Scientific Procedures on Living Animals, Great Britain, 1988 (London: Her Majesty's Stationery Office, 1989), таблицы 7,8,9.
  49. J. P. Griffin and G. E. Diggle, *British Journal of Clinical Pharmacology* 12: 453-463 (1981).
  50. OTA, *Alternatives to Animal Use in Research, Testing and Education*, p. 168.
  51. *Journal of the Society of Cosmetic Chemists* 13: 9 (1962).
  52. OTA, *Alternatives to Animal Use in Research, Testing and Education*, p. 64.
  53. *Toxicology* 15 (1): 31-41 (1979).
  54. David Bunner et al., "Clinical and Hematologic Effects of T-2 Toxin on Rats", Interim Report (U.S. Army Medical Research and Development Command, Fort Detrick, Frederick, Maryland, August 2, 1985. Цитаты Министерства иностранных дел взяты из Report to the Congress for Secretary of State Alexander Haig, March 22, 1982: Chemical Warfare in S.E. Asia and Afghanistan (U.S. Department of State Special Report No. 98, Washington, D.C., 1982).
  55. M. N. Gleason et al., eds., *Clinical Toxicology of Commercial Products* (Baltimore: Williams and Wilkins, 1969).
  56. PCRM Update (Newsletter of the Physicians Committee for Responsible Medicine, Washington, D.C.), July-August 1988, p. 4.
  57. S. F. Paget, ed., *Methods in Toxicology* (Blackwell Scientific Publications, 1970), pp. 4,134-139.
  58. *New Scientist*, March 17, 1983.
  59. По поводу практолола см. W. H. Inman and F. H. Goss, eds., *Drug Monitoring* (New York: Academic Press, 1977); информацию о зипепроле см. C. Moroni et al., *The Lancet*, January 7, 1984, p. 45. Эти ссылки я взял из книги Роберта Шарпа «Жестокий обман» Robert Sharpe, *The Cruel Deception* (Wellingborough, Northants: Thorsons, 1988).
  60. S. F. Paget, ed., *Methods in Toxicology*, p. 132.
  61. G. F. Somers, *Quantitative Method in Human Pharmacology and Therapeutics* (Elmsford, N.Y.: Pergamon Press, 1959), процитировано Ричардом Райдером (Richard Ryder) в книге *Victims of Science* (Fontwell, Sussex: Centaur Press/State Mutual Book, 1983), p. 153.
  62. Syndicated article appearing in *West County Times* (California), January 17, 1988.
  63. Как сообщается в *DVM: The News magazine of Veterinary Medicine* 9: 58 (June 1988).
  64. *The New York Times*, April 15, 1980.
  65. За дополнительными подробностями см. Henry Spira, "Fighting to Win", in Peter Singer, ed., *In Defense of Animals*.
  66. *PETA News* (People for the Ethical Treatment of Animals, Washington, D.C.) 4 (2): 19 (March/April 1989).
  67. "Noxell Significantly Reduces Animal Testing", News Release, Noxell Corporation, Hunt Valley, Maryland, December 28, 1988; Douglas McGill, "Cosmetics Companies Quietly Ending Animal Tests", *The New York Times*, August 2, 1989, p. 1.
  68. "Avon Validates Draize Substitute", News Release, Avon Products, New York, April 5, 1989.
  69. *The Alternatives Report* (Center for Animals and Public Policy, Tufts School of Veterinary Medicine, Grafton, Massachusetts) 2: 2 (July/August 1989); "Facts about Amway and the

- Environment", Amway Corporation, Ada, Michigan, May 17, 1989.
70. "Avon Announces Permanent End to Animal Testing", News Release, Avon Products, New York, June 22, 1989.
  71. Douglas McGill, "Cosmetics Companies Quietly Ending Animal Tests", The New York Times, August 2, 1989, p. 1.
  72. "Industry Toxicologists Keen on Reducing Animal Use", Science, April 17, 1987.
  73. Barnaby J. Feder, "Beyond White Rats and Rabbits", The New York Times, February 28, 1988, Business section, p. 1; также см. Constance Holden, "Much Work But Slow Going on Alternatives to Draize Test", Science, October 14, 1985, p. 185.
  74. Judith Hampson, "Brussels Drops Need for Lethal Animal Tests", New Scientist, October 7, 1989.
  75. Coalition to Abolish LD50, Coordinators Report 1983 (New York, 1983), p. 1.
  76. H. C Wood, Fever: A Study of Morbid and Normal Physiology, Smithsonian Contributions to Knowledge, No. 357 (Lippincott, 1880).
  77. The Lancet, September 17, 1881, p. 551.
  78. Journal of the American Medical Association 89 (3): 177 (1927).
  79. Journal of Pediatrics 45: 179 (1954).
  80. Indian Journal of Medical Research 56 (1): 12 (1968).
  81. S. Cleary, ed., Biological Effects and Health Implications of Microwave Radiations, U.S. Public Health Service Publication PB 193: 898 (1969).
  82. Thrombosis et Diathesis Haemorrhagica 26 (3): 417 (1971).
  83. Archives of Internal Medicine 131: 688 (1973).
  84. G. Hanneman and J. Sershon, "Tolerance Endpoint for Evaluating the Effects of Heat Stress in Dogs", FAA Report #FAA-AM-84-5, June, 1984.
  85. Journal of Applied Physiology 53:1171-1174 (1982).
  86. Aviation, Space and Environmental Medicine 57: 659-663 (1986).
  87. B. Zweifach, "Aspects of Comparative Physiology of Laboratory Animals Relative to Problems of Experimental Shock", Federal Proceedings 20, Suppl. 9: 18-29 (1961); cited in Aviation, Space and Environmental Medicine 50 (8):8-19 (1979).
  88. Annual Review of Physiology 8: 335 (1946).
  89. Pharmacological Review 6 (4): 489 (1954).
  90. K. Hobler and R. Napodano, Journal of Trauma 14 (8): 716 (1974).
  91. Martin Stephens, A Critique of Animal Experiments on Cocaine Abuse, a report prepared for the American, National and New England Anti-Vivisection Societies (Boston, 1985).
  92. Health Care 2 (26), August 28-September 10, 1980.
  93. Journal of Pharmacology and Experimental Therapeutics 226 (3): 783-789 (1983).
  94. Psychopharmacology 88: 500-504 (1986).
  95. Bulletin of the Psychonomic Society 22 (1): 53-56 (1984).
  96. European Journal of Pharmacology 40: 114-115 (1976).
  97. Newsweek, December 26, 1988, p. 50; "TSU Shuts Down Cornell Cat Lab", The Animals' Agenda 9 (3): 22-25 (March 1989).
  98. S. Milgram, Obedience to Authority (New York: Harper and Row, 1974). Кстати, эти эксперименты подверглись широкой критике из этических соображений, потому что в них участвовали люди, не давшие на то согласия. Действительно неясно, следовало ли Милграму обманывать подопытных в ходе эксперимента; но если мы

сравним происходившее с людьми с тем, что обычно происходит с животными, то сможем понять, насколько большее беспокойство вызывают эксперименты на представителях нашего вида.

99. Monitor, публикация Американской психологической ассоциации (American Psychological Association), March 1978.
- .00. Donald J. Barnes, "A Matter of Change", in Peter Singer, ed., *In Defense of Animals*, pp. 160, 166.
- .01. *The Death Sciences in Veterinary Research and Education*, (New York: United Action for Animals), p. iii.
- .02. *Journal of the American Veterinary Medical Association* 163 (9): 1 (November 1, 1973).
- .03. Адрес – в приложении 3 (в русском переводе этого нет)
- .04. *Journal of Comparative and Physiological Psychology* 55: 896 (1962).
- .05. *Scope* (Durban, South Africa), March 30, 1973.
- .06. Robert J. White, "Antivivisection: The Reluctant Hydra", *The American Scholar* 40 (1971); reprinted in T. Regan and P. Singer, eds., *Animal Rights and Human Obligations*, first edition, (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976), p. 169.
- .07. *The Plain Dealer*, July 3, 1988.
- .08. *Birmingham News*, Birmingham, Alabama, February 12, 1988.
- .09. "The Price of Knowledge", broadcast in New York, December 12, 1974, WNET/13, transcript supplied courtesy of WNET/13 and Henry Spira.
- .10. Цитируется в докладе OTA, *Alternatives to Animal Use in Research, Testing and Education*, p. 277.
- .11. National Health and Medical Research Council, *Code of Practice for the Care and Use of Animals for Experimental Purposes* (Australian Government Publishing Service, Canberra, 1985). недавно был принят исправленный кодекс; см. "Australian Code of Practice", *Nature* 339: 412 (June 8, 1989).
- .12. OTA, *Alternatives to Animal Use in Research, Testing and Education*, p. 377.
- .13. Pat Monaghan, "The Use of Animals in Medical Research", *New Scientist*, November 19, 1988, p. 54.
- .14. Краткое изложение поправок 1985 года, а также законы и правила того времени можно найти в OTA, *Alternatives to Animal Use in Research, Testing and Education*, pp. 280-286.
- .15. OTA, *Alternatives to Animal Use in Research, Testing, and Education*, pp. 286-287.
- .16. OTA, *Alternatives to Animal Use in Research, Testing, and Education*, pp.287, 298.
- .17. National Research Council, *Use of Laboratory Animals in Biomedical and Behavioral Research* (Washington, D.C.: National Academy Press, 1988). Особенно см. the "Individual Statement" by C. Stevens.
- .18. *The Washington Post*, July 19, 1985, p. A10. Более подробно история Дженнаrelli рассказывается в следующей книге: Lori Gruen and Peter Singer, *Animal Liberation: A Graphic Guide* (London: Camden Press, 1987), pp. 10-23.
- .19. "Group Charges Gillette Abuses Lab Animals", *Chemical and Engineering News*, October 6, 1986, p. 5.
- .20. H. Beecher, "Ethics and Clinical Research", *New England Journal of Medicine* 274: 1354-1360 (1966); D. Rothman, "Ethics and Human Experimentation: Henry Beecher Revisited", *New England Journal of Medicine* 317:1195-1199 (1987).

- .21. Из стенограммы "Doctors Trial", Case I, United States vs. Brandt et al. Цитируется В. Л. Ширером (W. L. Shirer), *The Rise and Fall of the Third Reich* (New York: Simon and Schuster, 1960), p. 985. Дополнительное описание этих экспериментов см. в R. J. Lifton, *The Nazi Doctors* (New York: Basic Books, 1986).
- .22. *British Journal of Experimental Pathology* 61: 39 (1980); цитируется Р. Райдером, "Speciesism in the Laboratory", in Peter Singer, ed., *In Defense of Animals*, p. 85.
- .23. I. B. Singer, *Enemies: A Love Story* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 1972).
- .24. See James Jones, *Bad Blood: The Tuskegee Syphilis Experiment* (New York: Free Press, 1981).
- .25. Sandra Coney, *The Unfortunate Experiment* (Auckland: Penguin Books, 1988).
- .26. E. Wynder and D. Hoffman, in *Advances in Cancer Research* 8 (1964); также см. the Royal College of Physicians report, *Smoking and Health* (London, 1962) и исследования, проведенные Департаментом здравоохранения США. Эти ссылки я взял из Richard Ryder, "Experiments on Animals", in Stanley and Roslind Godlovitch and John Harris, eds., *Animals, Men and Morals*, p. 78.
- .27. "U.S. Lung Cancer Epidemic Abating, Death Rates Show", *The Washington Post*, October 18, 1989, p. 1.
- .28. "The Cancer Watch", *U.S. News & World Report*, February 15, 1988.
- .29. *Science* 241: 79 (1988).
- .30. "Colombians Develop Effective Malaria Vaccine", *The Washington Post*, March 10, 1988.
- .31. "Vaccine Produces AIDS Antibodies", *Washington Times*, April 19, 1988.
- .32. "AIDS Policy in the Making", *Science* 239: 1087 (1988).
- .33. T. McKeown, *The Role of Medicine: Dream, Mirage or Nemesis?* (Oxford: Blackwell, 1979).
- .34. D. St. George, "Life Expectancy, Truth, and the ABPI", *The Lancet*, August 9, 1986, p. 346.
- .35. J. B. McKinlay, S. M. McKinlay and R. Beaglehole, "Trends in Death and Disease and the Contribution of Medical Measures" in H. E. Freeman and S. Levine, eds., *Handbook of Medical Sociology* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1988), p. 16.
- .36. См. William Paton, *Man and Mouse* (Oxford: Oxford University Press, 1984); Andrew Rowan, *Of Mice, Models and Men: A Critical Evaluation of Animal Research* (Albany: State University of New York Press, 1984), chapter 12; Michael DeBakey, "Medical Advances Resulting From Animal Research", in J. Archibald, J. Ditchfield, and H. Rowsell, eds., *The Contribution of Laboratory Animal Science to the Welfare of Man and Animals: Past, Present and Future* (New York: Gustav Fischer Verlag, 1985); OTA, *Alternatives to Animal Use in Research, Testing and Education*, chapter 5; and National Research Council, *Use of Animals in Biomedical and Behavioral Research* (National Academy Press, Washington, D.C., 1988), Chapter 3.
- .37. Возможно, одна из лучших работ, в которой опровергаются аргументы в пользу опытов на животных, это книга Роберта Шарпа «Жестокий обман» (Robert Sharpe, *The Cruel Deception*).
- .38. "The Costs of AIDS", *New Scientist*, March 17, 1988, p. 22.

Глава 3

1. The WashingtonPost, October 3, 1971; см. также свидетельство в сентябре-октябре 1971 года перед Подкомиссией по монополиям (Subcommittee on Monopoly) при Избранной Комиссии по малому бизнесу, принадлежащей Сенату США (Select Committee on Small Business of the U.S. Senate) в ходе Слушаний о роли гигантских корпораций (Hearings on the Role of Giant Corporations). Особое внимание следует обратить на выступление Джима Хайтауэра (Jim Hightower), Проект отчетности агробизнеса (Agribusiness Accountability Project). О масштабах производителей яиц можно прочитать в Poultry Tribune, June 1987, p. 27.
2. Ruth Harrison, *Animal Machines* (London: Vincent Stuart, 1964), p. 3.
3. *Broiler Industry*, December 1987, p. 22.
4. Konrad Lorenz, *King Solomon's Ring* (London: Methuen and Company, 1964), p. 147.
5. *Farming Express*, February 1, 1962; цитируется в книге Ruth Harrison, *Animal Machines*, p. 18.
6. F. D. Thornberry, W. O. Crawley, and W. F. Krueger, "Debeaking: Laying Stock to Control Cannibalism", *Poultry Digest*, May 1975, p. 205.
7. Как сообщается в *The Animal Welfare Institute Quarterly*, Fall 1987, p. 18.
8. Report of the Technical Committee to Enquire into the Welfare of Animals Kept Under Intensive Livestock Husbandry Systems, Command Paper 2836 (London: Her Majesty's Stationery Office, 1965), paragraph 97.
9. A. Andrade and J. Carson, "The Effect of Age and Methods of Debeaking on Future Performance of White Leghorn Pullets", *Poultry Science* 54: 666-674 (1975); M. Gentle, B. Huges, and R. Hubrecht, "The Effect of Beak Trimming on Food Intake, Feeding Behavior and Body Weight in Adult Hens", *Applied Animal Ethology* 8: 147-159 (1982); M. Gentle, "Beak Trimming in Poultry", *World's Poultry Science Journal* 42: 268-275 (1986).
10. J. Breward and M. Gentle, "Neuroma Formation and Abnormal Afferent Nerve Discharges After Partial Beak Amputation (Beak Trimming) in Poultry", *Experientia* 41:1132-1134 (1985).
11. Gentle, "Beak Trimming in Poultry", *World's Poultry Science Journal* 42: 268-275 (1986).
12. U.S. Department of Agriculture Yearbook for 1970, p. xxxiii.
13. *Poultry World*, December 5, 1985.
14. *American Agriculturist*, March 1967.
15. C. Riddell and R. Springer, "An Epizootiological Study of Acute Death Syndrome and Leg Weakness in Broiler Chickens in Western Canada", *Avian Diseases* 29: 90-102 (1986); P. Steele and J. Edgar, "Importance of Acute Death Syndrome in Mortalities in Broiler Chicken Flocks", *Poultry Science* 61: 63-66 (1982).
16. R. Newberry, J. Hunt, and E. Gardiner, "Light Intensity Effects on Performance, Activity, Leg Disorders, and Sudden Death Syndrome of Roaster Chickens", *Poultry Science* 66: 1446-1450 (1987).
17. Trevor Bray, как сообщается в *Poultry World*, June 14, 1984.
18. См. исследования Riddell and Springer, а также Steele and Edgar, см. ссылку 15 выше.
19. D. Wise and A. Jennings, "Dyschondroplasia in Domestic Poultry", *Veterinary Record* 91: 285-286 (1972).
20. G. Carpenter et al., "Effect of Internal Air Filtration on the Performance of Broilers and the Aerial Concentrations of Dust and Bacteria", *British Poultry Journal* 27: 471-480 (1986).
21. "Air in Your Shed a Risk to Your Health", *Poultry Digest*, December/January 1988.

22. The Washington Times, October 22, 1987.
23. Broiler Industry, December 1987, and Hippocrates, September/October 1988. В письме мне Пердю (Perdue) подтвердил, что его цыплятам обрезают клювы. Также см. социальную рекламу организации Animal Rights International «Фрэнк, говорите ли вы правду о цыплятах?» ("Frank, are you telling the truth about your chickens?") The New York Times, October 20, 1989, p. A17.
24. F. Proudfoot, H. Hulan, and D. Ramey, "The Effect of Four Stocking Densities on Broiler Carcass Grade, the Incidence of Breast Blisters, and Other Performance Traits", Poultry Science 58: 791-793 (1979).
25. Turkey World, November/December 1986.
26. Poultry Tribune, January 1974.
27. Farmer and Stockbreeder, January 30, 1982; цитируется в книге «Животные машины», Руфь Харрисон (Ruth Harrison, Animal Machines, p. 50.)
28. Feedstuffs, July 25, 1983.
29. American Agriculturist, July 1966.
30. Статистика Департамента сельского хозяйства США свидетельствует о том, что в 1986 году численность несушек составляла 246 миллионов. С учетом того, что при вылуплении приблизительное соотношение особей мужского и женского пола составляет 50 процентов, и что птиц заменяют примерно через 18 месяцев, вышеприведенная цифра – минимальная.
31. American Agriculturist, March 1967.
32. Upstate, August 5, 1973, report by Mary Rita Kiereck.
33. National Geographic Magazine, February 1970.
34. Poultry Tribune, February 1974.
35. Federal Register, December 24, 1971, p. 24926.
36. Poultry Tribune, November 1986.
37. First report from the Agriculture Committee, House of Commons, 1980-1981, Animal Welfare in Poultry, Pig and Veal Production (London: Her Majesty's Stationery Office, 1981), paragraph 150.
38. B. M. Freeman, "Floor Space Allowance for the Caged Domestic Fowl", The Veterinary Record, June 11, 1983, pp. 562-563.
39. Poultry Tribune, March 1987, p. 30; "Swiss Federal Regulations on Animal Protection", May 29, 1981.
40. Данные по Нидерландам предоставлены организацией «Сострадание в мировом животноводстве» (Compassion in World Farming) и посольством Нидерландов в Лондоне. (См. также Farmer's Guardian, September 29, 1989.) Данные по Швеции можно получить в следующем источнике: Steve Lohr, "Swedish Farm Animals Get a New Bill of Rights", The New York Times, October 25, 1988.
41. Poultry Tribune, March 1987.
42. European Parliament, Session 1986/7, Minutes of Proceedings of the Sitting of 20 February 1987, Document A2-211/86.
43. Poultry Tribune, November 1986.
44. Upstate, August 5, 1973.
45. Animal Liberation (Victoria) Newsletter, May 1988 and February 1989.

46. Roy Bedichek, *Adventures with a Naturalist*, quoted by Ruth Harrison, *Animal Machines*, p. 154.
47. Upstate, August 5, 1973.
48. *Der Spiegel*, 1980, no. 47, p. 264; quoted in *Intensive Egg and Chicken Production*, Chickens' Lib (Huddersfield, U.K.)
49. I. Duncan and V. Kite, "Some Investigations into Motivation in the Domestic Fowl", *Applied Animal Behaviour Science* 18: 387-388 (1987).
50. *New Scientist*, January 30, 1986, p. 33, reporting a study by H. Huber, D. Folsch, and U. Stahli, published in *British Poultry Science* 26: 367 (1985).
51. A. Black and B. Hughes, "Patterns of Comfort Behaviour and Activity in Domestic Fowls: A Comparison Between Cages and Pens", *British Veterinary Journal* 130: 23-33 (1974).
52. D. van Liere and S. Bokma, "Shortterm Feather Maintenance as a Function of Dustbathing in Laying Hens", *Applied Animal Behaviour Science* 18:197-204 (1987).
53. H. Simonsen, K. Vestergaard, and P. Willeberg, "Effect of Floor Type and Density on the Integument of Egg Layers", *Poultry Science* 59: 2202-2206 (1980).
54. K. Vestergaard, "Dustbathing in the Domestic Fowl—Diurnal Rhythm and Dust Deprivation", *Applied Animal Behaviour Science* 17: 380 (1987).
55. H. Simonsen, K. Vestergaard, and P. Willeberg, "Effect of Floor Type and Density on the Integument of Egg Layers."
56. J. Bareham, "A Comparison of the Behaviour and Production of Laying Hens in Experimental and Conventional Battery Cages", *Applied Animal Ethology* 2: 291-303 (1976).
57. J. Craig, T. Craig, and A. Dayton, "Fearful Behavior by Caged Hens of Two Genetic Stocks", *Applied Animal Ethology* 10: 263-273 (1983).
58. M. Dawkins, "Do Hens Suffer in Battery Cages? Environmental Preferences and Welfare", *Applied Animal Behaviour* 25: 1034-1046 (1977). Также см. M. Dawkins, *Animal Suffering: The Science of Animal Welfare* (London: Chapman and Hall, 1980), chapter 7.
59. *Plain Truth* (Pasadena, California), March 1973.
60. C. E. Ostrander and R. J. Young, "Effects of Density on Caged Layers", *New York Food and Life Sciences* 3 (3) (1970).
61. U.K. Ministry of Agriculture, Fisheries and Food, *Poultry Technical Information Booklet No. 13*; quoted from *Intensive Egg and Chicken Production*, Chickens' Lib (Huddersfield, U.K.).
62. *Poultry Tribune*, March 1974.
63. Ian Duncan, "Can the Psychologist Measure Stress?" *New Scientist*, October 18, 1973.
64. R. Dunbar, "Farming Fit for Animals", *New Scientist*, March 29, 1984, pp. 12-15; D. Wood-Gush, "The Attainment of Humane Housing for Farm Livestock", in M. Fox and L. Mickley, eds., *Advances in Animal Welfare Science* (Washington, D.C.: Humane Society of the United States, 1985).
65. *Farmer's Weekly*, November 7, 1961, quoted by Ruth Harrison, *Animal Machines*, p. 97.
66. R. Dantzer and P. Mormede, "Stress in Farm Animals: A Need for Reevaluation", *Journal of Animal Science* 57: 6-18 (1983).
67. D. Wood-Gush and R. Beilharz, "The Enrichment of a Bare Environment for Animals in Confined Conditions", *Applied Animal Ethology* 20: 209-217 (1983).
68. U.S. Department of Agriculture, *Fact Sheet: Swine Management*, AFS-3-8-12, Department of Agriculture, Office of Governmental and Public Affairs, Washington, D.C.

69. F. Butler, quoted in John Robbins, *Diet for a New America* (Walpole, N.H.: Stillpoint, 1987). p. 90.
70. D. Fraser, "The Role of Behaviour in Swine Production: a Review of Research", *Applied Animal Ethology* 11: 332 (1984).
71. D. Fraser, "Attraction to Blood as a Factor in Tail Biting by Pigs", *Applied Animal Behaviour Science* 17: 61-68 (1987).
72. *Farm Journal*, May 1974.
73. Обобщение подобных исследований сделано Майклом В.Фоксом (Michael W. Fox), в книге *Farm Animals: Husbandry, Behavior, Veterinary Practice* (University Park Press, 1984), p. 126.
74. *Farmer and Stockbreeder* January 22, 1963; цитируется в книге Ruth Harrison, *Animal Machines*, p. 95.
75. "Swine Production Management", Hubbard Milling Company, Mankato, Minnesota, 1984.
76. William Robbins, "Down on the Superfarm: Bigger Share of Profits", *The New York Times*, August 4, 1987.
77. *Feedstuffs*, January 6, 1986, p. 6.
78. *Hog Farm Management*, December 1975, p. 16.
79. Bob Frase, цитируется в Orville Schell, *Modern Meat* (New York: Random House, 1984), p. 62.
80. *Farmer and Stockbreeder*, July 11, 1961; цитируется в Ruth Harrison, *Animal Machines*, p. 148.
81. J. Messersmith, цитируется в J. Robbins, *Diet for a New America* p. 84.
82. Agscene (Petersfield, Hampshire, England), June 1987, p. 9.
83. *Farm Journal*, March 1973.
84. "Mechanical Sow Keeps Hungry Piglets Happy", *The Western Producer*, April 11, 1985.
85. *National Hog Farmer*, March 1978, p. 27.
86. U.S. Department of Agriculture, Fact Sheet: Swine Management, AFS-3-8-12, Department of Agriculture, Office of Governmental and Public Affairs, Washington, D.C.
87. U.S. Department of Agriculture, Fact Sheet: Swine Housing, AFS-3-8-9, Department of Agriculture, Office of Governmental and Public Affairs, Washington, D.C.
88. G. Cronin, "The Development and Significance of Abnormal Stereotyped Behaviour in Tethered Sows", Ph.D. thesis, University of Wageningen, Netherlands, p. 25.
89. Roger Ewbank, "The Trouble with Being a Farm Animal", *New Scientist*, October 18, 1973.
90. "Does Close Confinement Cause Distress in Sows?" Scottish Farm Buildings Investigation Unit, Aberdeen, July 1986, p. 6.
91. Farm Animal Welfare Council, *Assessment of Pig Production Systems* (Farm Animal Welfare Council, Surbiton, Surrey, England, 1988), p. 6.
92. A. Lawrence, M. Appleby, and H. MacLeod, "Measuring Hunger in the Pig Using Operant Conditioning: The Effect of Food Restriction", *Animal Production* 47 (1988).
93. *The Stall Street Journal*, July 1972.
94. J. Webster, C. Saville, and D. Welchman, "Improved Husbandry Systems for Veal Calves", Animal Health Trust and Farm Animal Care Trust, no date, p. 5; также см. Webster et al., "The Effect of Different Rearing Systems on the Development of Calf Behavior", and "Some Effects of Different Rearing Systems on Health, Cleanliness and Injury in Calves", *British Veterinary Journal* 1141: 249 and 472 (1985).

95. J. Webster, C. Saville, and D. Welchman, "Improved Husbandry Systems for Veal Calves", p. 6.
96. J. Webster, C. Saville, and D. Welchman, "Improved Husbandry Systems for Veal Calves", p. 2.
97. The Stall Street Journal, November 1973.
98. The Stall Street Journal, April 1973.
99. The Stall Street Journal, November 1973.
100. Farmer and Stockbreeder, September 13, 1960, цитируется в Ruth Harrison, *Animal Machines*, p. 70.
101. The Stall Street Journal, April 1973.
102. G. van Putten, "Some General Remarks Concerning Farm Animal Welfare in Intensive Farming Systems", unpublished paper from the Research Institute for Animal Husbandry, "Schoonoord", Driebergseweg, Zeist, The Netherlands, p. 2.
103. G. van Putten, "Some General Remarks Concerning Farm Animal Welfare in Intensive Farming Systems", p. 3.
104. The Vealer, March/April 1982.
105. U.K. Ministry of Agriculture, Fisheries and Food, *Welfare of Calves Regulations, 1987* (London: Her Majesty's Stationery Office, 1987).
106. J. Webster, "Health and Welfare of Animals in Modern Husbandry Systems—Dairy Cattle", *In Practice*, May 1986, p. 85.
107. Gordon Harvey, "Poor Cow", *New Scientist*, September 29, 1983, pp. 940-943.
108. The Washington Post, March 28, 1988.
109. D. S. Kronfeld, "Biologic and Economic Risks Associated with Bovine Growth Hormone", Conference on Growth Hormones, European Parliament, December 9, 1987, unpublished paper, p. 4.
110. D. S. Kronfeld, "Biologic and Economic Risks Associated with Bovine Growth Hormone", p. 5.
111. Bob Holmes, "Secrecy Over Cow Hormone Experiments", *Western Morning News*, January 14, 1988.
112. Keith Schneider, "Better Farm Animals Duplicated by Cloning", *The New York Times*, February 17, 1988; также см. Ian Wilmut, John Clark, and Paul Simons, "A Revolution in Animal Breeding", *New Scientist*, July 7, 1988.
113. The Peoria Journal Star, June 5, 1988.
114. "Is Pain the Price of Farm Efficiency?" *New Scientist*, October 13, 1973, p. 171.
115. *Feedstuffs*, April 6, 1987.
116. *Farm Journal*, August 1967, March 1968.
117. S. Lukefahr, D. Caveny, P. R. Cheeke, and N. M. Patton, "Rearing Weanling Rabbits in Large Cages", *The Rabbit Rancher*, приводится в *Australian Federation of Animal Societies, Submission to the Senate Select Committee of Inquiry into Animal Welfare in Australia*, vol. 2, Melbourne, 1984.
118. *The Age* (Melbourne), May 25, 1985.
119. Такой размер клеток рекомендует Финская Ассоциация звероводов (Finnish Fur Breeders Association). Ассоциация звероводов Великобритании (U.K. Fur Breeders Association) рекомендует для норок клетки размером 30 на 9 дюймов. See *Fur Trade Fact Sheet*, Lynx (1986), Great Dunmow, Essex.

- .20. Report of the Technical Committee to Enquire into the Welfare of Animals Kept Under Intensive Livestock Husbandry Systems, appendix.
- .21. Report of the Technical Committee to Enquire into the Welfare of Animals Kept Under Intensive Livestock Husbandry Systems, paragraph 37.
- .22. См. стр. 120 выше.
- .23. Joy Mensch and Ari van Tienhove, "Farm Animal Welfare", American Scientist, November/December 1986, p. 599, здесь цитируется следующий доклад: D. W. Folsch, "Egg Production—Not Necessarily a Reliable Indicator for the State of Health of Injured Hens", in Fifth European Poultry Conference, Malta, 1976.
- .24. B. Gee, The 1985 Muresk Lecture, Muresk Agricultural College, Western Australian Institute of Technology, p. 8.
- .25. European Parliament, Session 1986/7, Minutes of proceedings of the sitting of February 20, 1987, Document A2-211/86.
- .26. D. W. Folsch, et al, "Research on Alternatives to the Battery System for Laying Eggs", Applied Animal Behaviour Science 20: 29-45 (1988).
- .27. Dehorning, Castrating, Branding, Vaccinating Cattle, Publication No. 384 of the Mississippi State University Extension Service, cooperating with the USDA; также см. Beef Cattle: Dehorning, Castrating, Branding and Marking, USDA, Farmers' Bulletin No. 2141, September 1972.
- .28. Progressive Farmer, February 1969.
- .29. Pig Farming, September 1973.
- .30. Hotiron Branding, University of Georgia College of Agriculture, Circular 551.
- .31. Beef Cattle: Dehorning, Castrating, Branding and Marking.
- .32. R. F. Bristol, "Preconditioning of Feeder Cattle Prior to Interstate Shipment", Report of a Preconditioning Seminar held at Oklahoma State University, September 1967, p. 65.
- .33. U.S. Department of Agriculture Statistical Summary, Federal Meat and Poultry Inspection for Fiscal Year 1986.
- .34. The Washington Post, September 30, 1987.
- .35. Colman McCarthy, "Those Who Eat Meat Share in the Guilt", The Washington Post, April 16, 1988.
- .36. Farm Animal Welfare Council, Report on the Welfare of Livestock (Red Meat Animals) at the Time of Slaughter (London: Her Majesty's Stationery Office, 1984) paragraphs 88, 124.
- .37. Harold Hillman, "Death by Electricity", The Observer (London) July 9, 1989.
- .38. "Animals into Meat: A Report on the Pre-Slaughter Handling of Livestock", Argus Archives (New York) 2: 16-17 (March 1970); описание сделано Джоном Макфарланом (John MacFarlane), вице-президентом Livestock Conservation, Inc.
- .39. Farm Animal Welfare Council, Report on the Welfare of Livestock When Slaughtered by Religious Methods (London: Her Majesty's Stationery Office, 1985), paragraph 50.
- .40. Темпл Грандин (Temple Grandin), письмо, датированное 7 ноября 1988 года.
- .41. Farm Animal Welfare Council, Report on the Welfare of Livestock When Slaughtered by Religious Methods, paragraph 27.
- .42. Science 240: 718 (May 6, 1988).
- .43. Caroline Murphy, "The 'New Genetics' and the Welfare of Animals", New Scientist, December 10, 1988, p. 20.
- .44. "Genetic Juggling Raises Concerns", The Washington Times, March 30, 1988.

Глава 4

1. Oliver Goldsmith, *The Citizen of the World*, in *Collected Works*, ed. A. Friedman (Oxford: Clarendon Press, 1966), vol. 2, p. 60. Но, очевидно, Голдсмит сам попадает в эту категорию – согласно книге Ховарда Уильямса (Howard Williams) «Этика пищи» *The Ethics of Diet* (abridged edition, Manchester and London, 1907, p. 149), у Голдсмита разум оказывался сильнее самоконтроля.
2. Пытаясь опровергнуть аргументы в пользу вегетарианства, которые приводились в первом издании этой книги, Р. Дж. Фрей (R.G. Frey) описывал реформы, предложенные в 1981 году Сельскохозяйственной Комиссией при Палате Общин, и писал следующее: «В целом Палата Общин еще должна принять решение по поводу этого доклада, и, возможно, в конце концов его смягчат; но даже в этом случае он, несомненно, представляет собой важнейший шаг в борьбе с жестокостями промышленного скотоводства». Далее Фрей утверждает, что, как показывает тот доклад, эти жестокости можно победить с помощью тактик, при которых бойкот продуктов животного происхождения не требуется. (R.G. Frey, *Rights, Killing and Suffering*, Oxford: Blackwell, 1983, p. 207.) Мне бы очень хотелось, чтобы мой оппонент оказался здесь прав, но Палата Общин не потрудились «смягчить» доклад Комиссии по сельскому хозяйству: она просто проигнорировала его. И восемь лет спустя для большинства животных Великобритании, которые выращиваются интенсивными методами, ничего не изменилось. Исключение составляют телята, которых растят на «бледную телятину», и потребительский бойкот здесь сыграл колоссальную роль.
3. Frances Moore Lappe, *Diet for a Small Planet* (New York: Friends of the Earth/Ballantine, 1971), pp. 4-11. Эта книга представляет собой самое лучшее краткое введение в данную тему, и из нее взяты цифры, которые иначе не попали бы в этот раздел. (Исправленное издание было опубликовано в 1982 году). Основными первоначальными источниками являются следующие: *The World Food Problem*, a Report of the President's Science Advisory Committee (1967); *Feed Situation*, February 1970, U.S. Department of Agriculture; and *National and State Livestock-Feed Relationships*, U.S. Department of Agriculture, Economic Research Service, Statistical Bulletin No. 446, February 1970.
4. Более высокое соотношение взято из Folke Dovring, "Soybeans," *Scientific American*, February 1974. Кит Экерс (Keith Akers) в главе 10 книги *A Vegetarian Sourcebook* (New York: Putnam, 1983) приводит другие цифры. В его таблицах сравниваются пищевая отдача от овса, брокколи, свинины, молока, домашней птицы и говядины. Несмотря на то, что овес и брокколи не относятся к высокобелковой пище, никакие продукты животного происхождения не дают и половины от того количества белка, какое можно получить из растительных пищи. Экерс пользовался следующими источниками: United States Department of Agriculture, *Agricultural Statistics*, 1979; United States Department of Agriculture, *Nutritive Value of American Foods* (Washington, D.C., U.S. Government Printing Office, 1975); and C. W. Cook, "Use of Rangelands for Future Meat Production," *Journal of Animal Science* 45:1476 (1977).

5. Keith Akers, *A Vegetarian Sourcebook*, pp. 90-91, автор использовал вышеуказанные источники.
6. Boyce Rensberger, "Curb on U.S. Waste Urged to Help World's Hungry," *The New York Times*, October 25, 1974.
7. *Science News*, March 5, 1988, p. 153, citing *Worldwatch*, January/February 1988.
8. Keith Akers, *A Vegetarian Sourcebook*, p. 100, основывается на D. Pi-mental and M. Pimental, *Food, Energy and Society* (New York: Wiley, 1979), pp. 56, 59, and U.S. Department of Agriculture, *Nutritive Value of American Foods* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1975).
9. G. Borgstrom, *Harvesting the Earth* (New York: Abelard-Schuman, 1973) pp. 64-65; cited by Keith Akers, *A Vegetarian Sourcebook*.
10. "The Browning of America," *Newsweek*, February 22, 1981, p. 26; quoted by John Robbins, *Diet for a New America* (Walpole, N.H.: Stillpoint, 1987), p. 367.
11. "The Browning of America," p. 26.
12. Fred Pearce, "A Green Unpleasant Land," *New Scientist*, July 24, 1986, p. 26.
13. Sue Armstrong, "Marooned in a Mountain of Manure," *New Scientist*, November 26, 1988.
14. J. Mason and P. Singer, *Animal Factories* (New York: Crown, 1980), p. 84, citing R. C. Loehr, *Pollution Implications of Animal Wastes—A Forward Oriented Review*, *Water Pollution Control Research Series* (U.S. Environmental Protection Agency, Washington, D.C., 1968), pp. 26-27; H. A. Jasiorowski, "Intensive Systems of Animal Production," in R. L. Reid, ed., *Proceedings of the II World Conference on Animal Production* (Sydney: Sydney University Press, 1975), p. 384; and J. W. Robbins, *Environmental Impact Resulting from Unconfined Animal Production* (Cincinnati: Environmental Research Information Center, U.S. Environmental Protection Agency, 1978) p. 9.
15. "Handling Waste Disposal Problems," *Hog Farm Management*, April 1978, p. 17, цитируется в J. Mason and P. Singer, *Animal Factories*, p. 88.
16. Информация взята из Rainforest Action Network, *The New York Times*, January 22, 1986, p. 7.
17. E. O. Williams, *Biophilia* (Cambridge: Harvard University Press, 1984), p. 137.
18. Keith Akers, *A Vegetarian Sourcebook*, pp. 99-100; основывается на H. W. Anderson, et al., *Forests and Water: Effects of Forest Management on Floods, Sedimentation and Water Supply*, U.S. Department of Agriculture Forest Service General Technical Report PSW-18/ 1976; and J. Kittridge, "The Influence of the Forest on the Weather and other Environmental Factors," in United Nations Food and Agriculture Organization, *Forest Influences* (Rome, 1962).
19. Fred Pearce, "Planting Trees for a Cooler World," *New Scientist*, October 15, 1988, p. 21.
20. David Dickson, "Poor Countries Need Help to Adapt to Rising Sea Level," *New Scientist*, October 7, 1989, p. 4; Sue Wells and Alasdair Edwards, *Gone with the Waves*, " *New Scientist*, November 11, 1989, pp. 29-32.
21. L. and M. Milne, *The Senses of Men and Animals* (Middlesex and Baltimore: Penguin Books, 1965), chapter 5.
22. Report of the Panel of Enquiry into Shooting and Angling опубликован группой специалистов в 1980 году; его можно получить в Королевском обществе по предотвращению жестокости к животным (Соединенное Королевство), абзацы 15-57.

23. Geoff Maslen, "Bluefin, the Making of the Mariners," *The Age* (Melbourne), January 26, 1985.
24. D. Pimental and M. Pimental, *Food, Energy and Society* (New York: Wiley, 1979), chapter 9; я взял эту ссылку из Keith Akers, *A Vegetarian Sourcebook*, p. 117.
25. См. J. R. Baker: *The Humane Killing of Lobsters and Crabs*, The Humane Education Centre, London, no date; J. R. Baker and M. B. Dolan, "Experiments on the Humane Killing of Lobsters and Crabs," *Scientific Papers of the Humane Education Centre 2*: 1-24 (1977).
26. Я изменил мнение по поводу моллюсков после разговоров с Р.И. Сикорой (R.I. Sikora).
27. См. с. 230-231 ниже.
28. Это совсем не шутка. Согласно сравнительному исследованию, опубликованному в *The Lancet* (December 30, 1972), у невегетарианцев, которые питаются типичной западной пищей, время прохождения пищи через пищеварительную систему составляет от 76 до 83 часов; у вегетарианцев – 42 часа. Авторы также предполагают, что время, в течение которого экскременты находятся в толстой кишке, связано с раком и другими заболеваниями – частота их возникновения быстро увеличилась в странах, где возросло потребление мяса, но они практически не встречаются в сельских районах Африки, жители которых едят мало мяса, но много клетчатки.
29. David Davies, "A Shangri-La in Ecuador," *New Scientist*, February 1, 1973. Исходя из других исследований, Ральф Нельсон (Ralph Nelson) из Медицинской школы Майо (Mayo Medical School) предположил, что из-за большого потребления белка «наша метаболическая машина начинает работать вхолостую на большей скорости». (*Medical World News*, November 8, 1974, p. 106). Этот факт объясняет связь между долголетием и отсутствием мяса либо малым его количеством.
30. *The Surgeon General's Report on Nutrition and Health* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1988).
31. Согласно докладу, приведенному в *Vegetarian Times*, November 1988.
32. *The New York Times*, October 25, 1974.
33. N. Pritikin and P. McGrady, *The Pritikin Program for Diet and Exercise* (New York: Bantam, 1980); J.J. McDougall, *The McDougall Plan* (Piscataway, N.J.: New Century, 1983).
34. Francis Moore Lappe, *Diet for a Small Planet*, pp. 28-29; также см. *The New York Times*, October 25, 1974; *Medical World News*, November 8, 1974, p. 106.
35. Цитируется в F. Wokes, "Proteins," *Plant Foods for Human Nutrition*, 1:38 (1968).
36. В первом издании книги *Diet for a Small Planet* (1971), Фрэнсис Мур Лаппе (Frances Moore Lappe) особое внимание уделяет белковой дополняемости, чтобы показать, что вегетарианское питание может обеспечить достаточное количество белка. В исправленном издании (New York: Ballantine, 1982) этот акцент исчез, на смену ему пришли указания на то, что правильное вегетарианское питание дает достаточно белка без дополняемости. Более подробную информацию о полноценности растительной пищи в том, что касается белка, можно получить во второй главе книги Keith Akers, *A Vegetarian Sourcebook*.
37. F. R. Ellis and W. M. E. Montegriffo, "The Health of Vegans," *Plant Foods for Human Nutrition*, vol. 2, pp. 93-101 (1971). Некоторые веганы заявляют, что в добавках B12 нет необходимости, потому что человеческий кишечник может синтезировать его

из других витаминов группы В. Но вопрос заключается в том, происходит ли этот синтез в процессе пищеварения настолько рано, что В12 всасывается, а не выводится из организма. В настоящее время полноценность растительной пищи без добавки В12 остается открытым вопросом в науке, и, соответственно, для перестраховки представляется более безопасным принимать этот витамин в виде добавки. Также см. F. Wokes, "Proteins," *Plant Foods for Human Nutrition*, p. 37.

Глава 5

1. Книга Бытия, глава 1, стихи 24-28.
2. Книга Бытия, глава 9, стихи 1-3.
3. *Politics*, Everyman's Library, (London: J. M. Dent & Sons, 1959), p. 10.
4. *Politics*, p. 16.
5. W. E. H. Lecky, *History of European Morals from Augustus to Charlemagne* (London: Longmans, 1869), 1: 280-282.
6. Евангелие от Марка, глава 5, стихи 1-13.
7. Послание к Коринфянам, глава 9, стихи 9-10.
8. Saint Augustine, *The Catholic and Manichaeon Ways of Life*, trans. D. A. Gallagher and I. J. Gallagher (Boston: The Catholic University Press, 1966), p. 102. I owe this reference to John Passmore, *Man's Responsibility for Nature* (New York: Scribner's, 1974), p. 11.
9. *History of European Morals*, vol. 1, p. 244; особенно см. очерк Плутарха «О мясоедении» в его «Моральных очерках» (*Moral Essays*).
10. Информацию о Василии (Basil) можно получить в John Passmore, "The Treatment of Animals," *The Journal of the History of Ideas* 36: 198 (1975); информацию о Хризостоме (Chrysostom) – в Andrew Linzey, *Animal Rights: A Christian Assessment of Man's Treatment of Animals* (London: SCM Press, 1976), p. 103; а о святом Исааке Сирианине (Saint Isaac the Syrian) – в A. M. Allchin, *The World is a Wedding: Explorations in Christian Spirituality* (London: Darton, Longman and Todd, 1978), p. 85. Я взял эти ссылки из R. Attfield, "Western Traditions and Environmental Ethics," in R. El-liot and A. Gare, eds., *Environmental Philosophy* (St. Lucia: University of Queensland Press, 1983), pp. 201-230. За дальнейшей информацией обращайтесь к следующим книгам: R. Attfield, *The Ethics of Environmental Concern* (Oxford: Blackwell, 1982); K. Thomas, *Man and the Natural World: Changing Attitudes in England 1500-1800* (London: Allen Lane, 1983), pp. 152-153; и R. Ryder, *Animal Revolution: Changing Attitudes Towards Speciecism* (Oxford: Blackwell, 1989), pp 34-35.
11. *Summa Theologica* II, II, Q64, art. 1.
12. *Summa Theologica* II, II, Q159, art. 2.
13. *Summa Theologica* I, II, Q72, art. 4.
14. *Summa Theologica* II, II, Q25, art. 3.
15. *Summa Theologica* II, I, Q102, art. 6; с похожей точкой зрения можно также ознакомиться в *Summa contra Gentiles* III, II, 112.
16. E. S. Turner, *All Heaven in Rage* (London: Michael Joseph, 1964), p. 163.
17. V. J. Bourke, *Ethics* (New York: Macmillan, 1951), p. 352.

18. John Paul II, *Sollicitudo Rei Socialis* (Homebush, NSW: St. Paul Publications, 1988), sec. 34, pp. 73-74.
19. St. Francis of Assisi, *His Life and Writings as Recorded by His Contemporaries*, trans. L. Sherley-Price (London: Mowbray, 1959), особенно см. с. 145.
20. Picola della Mirandola, *Oration on the Dignity of Man*.
21. Marsilio Ficino, *Theologica Platonica* III, 2 and XVI, 3; также см. Giannozzo Manetti, *The Dignity and Excellence of Man*.
22. E. McCurdy, *The Mind of Leonardo da Vinci* (London: Cape, 1932), p. 78.
23. "Apology for Raimond de Sebonde," in his *Essays*.
24. *Discourse on Method*, vol. 5; также см. его письмо к Генри Мору (Henry More) от 5 февраля 1649. Я привел стандартное толкование позиции Декарта, то, как читатели воспринимали его взгляды тогда и вплоть до нынешних времен; но недавно было сделано утверждение, что такое стандартное понимание ошибочно. Декарт не намеревался отрицать тот факт, что животные способны к страданиям. За более подробной информацией обращайтесь к "'A Brute to the Brutes?' Descartes' Treatment of Animals," *Philosophy* 53: 551-559 (1978).
25. Джон Пассмор (John Passmore) говорит, что вопрос о том, почему животные страдают, «в течение веков представляет собой проблему из проблем. Она порождала очень искусные решения. Мальбранш (Malebranche, современник Декарта) ясно говорит, что чисто из теологических соображений необходимо отрицать, что животные страдают: все страдания являются результатом греха Адама, а животные произошли не от Адама». См. John Passmore, *Man's Responsibility for Nature*, p. 114n.
26. Письмо к Генри Мору (Henry More) от 5 февраля 1649.
27. Nicholas Fontaine, *Memories pour servir a l'histoire de Port-Royal* (Cologne, 1738), 2: 52-53; цитируется в L. Rosenfield, *From Beast-Machine to Man-Machine: The Theme of Animal Soul in French Letters from Descartes to La Mettrie* (New York: Oxford University Press, 1940).
28. *Dictionnaire Philosophiaue*, s.v. "Betes."
29. *Enquiry Concerning the Principles of Morals*, chapter 3.
30. *The Guardian*, May 21, 1713.
31. *Elements of the Philosophy of Newton*, vol. 5; также см. *Essay on the Morals and Spirit of Nations*.
32. *Emile, Everyman's Library* (London: J. M. Dent & Sons), 1957 2:118-120.
33. *Lecture on Ethics*, trans. L. Infield (New York: Harper Torch-books, 1963), pp. 239-240.
34. *Hansard's Parliamentary History*, April 18, 1800.
35. E. S. Turner, *All Heaven in a Rage*, p. 127. Другие подробности раздела взяты из глав 8 и 9 этой книги.
36. Считается, что первое законодательство, защищающее животных от жестокости, было введено в колонии Массачусетский залив (Massachusetts Bay Colony) в 1641 году. Раздел 92 «Перечня свобод» ("The Body of Liberties"), который был опубликован в том году, гласит: «Ни один человек не должен быть тираном или проявлять жестокость по отношению к животным, которых люди содержат для своей пользы»; и данный пункт требует периода отдыха для тягловых животных. Это исключительно прогрессивный документ: можно спорить по поводу того, являлся ли

- он с технической точки зрения законом, но Натаниэль Уорд (Nathaniel Ward), автор «Перечня свобод» заслуживает того, чтобы его упоминали как первопроходца в области зоозащитного законодательства, наряду с Ричардом Мартином. За дальнейшей информацией см. Emily Leavitt, *Animals and Their Legal Rights* (Washington, D. C: Animal Welfare Institute, 1970).
37. Цитируется в E. S. Turner, *All Heaven in a Rage*, p. 162. Чтобы ознакомиться с ценным дополнением к дискуссии, которое поможет углубиться в суть этого высказывания, см. James Rachels, *Created From Animals: The Moral Implications of Darwinism* (Oxford: Oxford University Press, 1990).
  38. Charles Darwin, *The Descent of Man* (London, 1871), p. 1.
  39. Charles Darwin, *The Descent of Man*, p. 193.
  40. См. Lewis Gompertz, *Moral Inquiries on the Situation of Man and of Brutes* (London, 1824); H. S. Salt, *Animals' Rights* (London, 1892; new edition, Clark's Summit Pennsylvania, Society for Animal Rights, 1980) и другие труды. Я взял из книги *Animals' Rights* некоторые цитаты, которые можно прочесть на последующих страницах.
  41. Book 2, chapter 11; та же самая идея проходит в книге Francis Wayland, *Elements of Moral Science* (1835), reprint, J. L. Blau, ed. (Cambridge: Harvard University Press, 1963), p. 364, возможно, это наиболее часто используемая работа по моральной философии в Америке XIX века.
  42. Цитируется С. Годловичем (S. Godlovitch), "Utilities," in Stanley and Roslind Godlovitch and John Harris, eds., *Animals, Men and Morals* (New York: Taplinger, 1972).
  43. Цитируется в книге H. S. Salt, *Animals' Rights*, p. 15.
  44. Benjamin Franklin, *Autobiography* (New York: Modern Library, 1950), p. 41.
  45. Цитируется в книге H. S. Salt, *Animals' Rights*, p. 15.
  46. La Bible de l'humanite, цитируется в книге H. Williams, *The Ethics of Diet* (abridged ed., Manchester and London, 1907), p. 214.
  47. On the Basis of Morality, trans. E. F. J. Payne (Library of Liberal Arts, 1965), p. 182; see also Pargera und Paralipomena, chapter 15.
  48. См. E. S. Turner, *All Heaven in a Rage*, p. 143.
  49. E. S. Turner, *All Heaven in a Rage*, p. 205.
  50. T. H. Huxley, *Man's Place in Nature* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1959), chapter 2.

Глава 6

1. Dean Walley and Frieda Staake, *Farm Animals* (Kansas City: Hallmark Children's Editions, no date).
2. M. E. Gagg and C. F. Tunnicliffe, *The Farm* (Loughborough, England: Ladybird Books, 1958). 3. Вот пример: Лоренс Кольхерг (Lawrence Kohlberg), гарвардский психолог, известный своими работами об этическом развитии, рассказывает, как его сын в возрасте четырех лет впервые заявил о своих нравственных взглядах, отказавшись есть мясо, потому что, как он сказал, «убивать животных – плохо». Кольхергу потребовалось 6 месяцев на то, чтобы разубедить сына; как говорит Кольхерг, ошибочность позиции ребенка заключалась в том, что он не делал должного различия между оправданным и неоправданным убийством, и этот случай

указывает лишь на то, что его сын находился на самой примитивной стадии нравственного развития. (L. Kohlberg, "From Is to Ought," in T. Mischel, ed., *Cognitive Development and Epistemology*, New York: Academic Press, 1971, pp. 191-192.) Мораль: если вы отрицаете распространенный предрассудок, то вы просто не можете развиваться в нравственном отношении.

3. W. L. Gay, *Methods of Animal Experimentation* (New York: Academic Press, 1965), p. 191; цитируется в Richard Ryder, *Victims of Science* (London: Davis-Poynter, 1974).
4. Bernhard Grzimek, "Gequalte Tiere: Unglück für die Landwirtschaft," in *Das Tier* (Bern, Switzerland), special supplement.
5. Примерами служат Британский Акт о жестокости по отношению к животным (Cruelty to Animals Act) 1876 года и Акт о благосостоянии животных (Animal Welfare Act) в Соединенных Штатах 1966-1970 годов. Оба были приняты для защиты животных, используемых в лабораторных опытах, но мало чем повлияли на их судьбу.
6. Список более радикальных организаций см. в приложении 3 (в русском переводе этого нет).
7. E. S. Turner, *All Heaven in a Rage* (London: Michael Joseph, 1964), p. 129.
8. E. S. Turner, *All Heaven in a Rage*, p. 83.
9. Gerald Carson, *Cornflake Crusade* (New York: Rinehart, 1957), pp. 19, 53-62.
10. E. S. Turner, *All Heaven in a Rage*, pp. 234-235; Gerald Carson, *Men, Beasts and Gods* (New York: Scribner's 1972), p. 103.
11. See Farley Mowat, *Never Cry Wolf* (Boston: Atlantic Monthly Press, 1963), and Konrad Lorenz, *King Solomon's Ring* (London: Methuen, 1964), pp. 186-189. I owe the first reference to Mary Midgley, "The Concept of Beastliness: Philosophy, Ethics and Animal Behavior," *Philosophy* 48:114 (1973).
12. Помимо вышеуказанных ссылок, см. работы Нико Тинбергена (Niko Tinbergen), Джейн ван Лавик-Гудолл (Jane van Lawick-Goodall), Джорджа Шаллера (George Schaller), и Иренаус Эйбл-Эйбесфельдт (Irenaus Eibl-Eibesfeldt).
13. См. стр. 207-208 выше.
14. См. стр. 208.
15. См. Judy Mann, "Whales, Hype, Hypocrisy," *The Washington Post*, October 28, 1988.
16. Меня часто спрашивают: «Что нам делать с собаками и кошками?» Некоторые вегетарианцы покупают мясо и по понятной причине делают это, скрепя сердце. Но это все же поддерживает эксплуатацию животных. На самом деле, содержать собаку на вегетарианском питании нетрудно – ирландские крестьяне, которые не могут позволить себе мясо для домашних животных, в течение веков кормят их хлебом и картошкой. С кошками ситуация сложнее, потому что им нужен таурин, а этой аминокислоты нет в растениях. Но в американской компании Harbingers of a New Age можно приобрести тауриновую добавку неживотного происхождения. Считается, что благодаря ей кошки остаются здоровыми и при вегетарианском питании, но за их физическим состоянием при такой диете необходимо тщательно следить. Адреса см. в приложениях 2 и 3 (в русском переводе этого нет).
17. "On the Legality of Enslaving the Africans," by a Harvard student; цитируется в Louis Ruchames, *Racial Thought in America* (Amherst: University of Massachusetts Press, 1969), pp. 154-156. 19. См. Leslie Stephen, *Social Rights and Duties* (London, 1896) цитируется Генри Солтом (Henry Salt) в "The Logic of the Larder," которая появилась в труде Солта *The Humanities of Diet* (Manchester: The Vegetarian Society, 1914), pp. 34-38, и была перепечатана в книге: T. Regan and P. Singer, eds., *Animal Rights and Human*

Obligations (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1976).

18. С.Ф. Сапонтзис (S. F. Sapontzis) доказывал, что счастливая жизнь нормального ребенка и несчастная жизнь ребенка-инвалида становятся основаниями для того, чтобы иметь или не иметь детей, лишь когда ребенок уже зачат; таким образом, здесь нет дискредитации. (S. F. Sapontzis, *Morals, Reason and Animals*, Philadelphia: Temple University Press, 1987, pp.193-194.) Но это означало бы, что решение зачать несчастного ребенка не неправильно, хотя решение сохранить жизнь такому ребенку, когда он уже существует – неправильно. А что если человек будет знать в момент зачатия, что не сможет сделать аборт или подвергнуть ребенка эвтаназии при рождении? В этом случае появится несчастный ребенок, поэтому будет казаться, что было совершено нечто неправильное. Но, по мнению Сапонтзиса, ситуация, при которой могло бы быть совершено это зло, невозможна. Я не считаю, что такое предложение решает проблему.
19. См. мою книгу *Practical Ethics* (Cambridge: Cambridge University Press, 1979) главы 4 и 6. Чтобы ознакомиться с дальнейшей дискуссией, см. Michael Lockwood, "Singer on Killing and the Preference for Life," *Inquiry* 22 (1-2): 157-170; Edward Johnson, "Life, Death and Animals," and Dale Jamieson, "Killing Persons and Other Beings," both in Harlan Miller and William Williams, eds., *Ethics and Animals* (Clifton, N. J.: Humana Press, 1983); Очерк Джонсона был впоследствии напечатан в книге T. Regan and P. Singer, eds., *Animal Rights and Human Obligations* (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall, 2nd edition, 1989). Также см. S. F. Sapontzis, *Morals, Reason and Animals*, chapter 10. Чтобы понять аргументы, кроющиеся за всей этой дискуссией, можно обратиться к следующему важному (но не простому) источнику: Derek Parfit, *Reasons and Persons* (Oxford: Clarendon Press, 1984), part IV.
20. Ведущий защитник прав животных – Том Риган (Tom Regan); см. его книгу *The Case for Animal Rights* (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1983). О том, почему я сменил точку зрения, я указываю в следующих работах: "Utilitarianism and Vegetarianism," *Philosophy and Public Affairs* 9: 325-337 (1980); "Ten Years of Animal Liberation," *The New York Review of Books*, April 25, 1985; and "Animal Liberation or Animal Rights," *The Monist* 70: 3-14 (1987). Чтобы подробно ознакомиться с аргументами в пользу того, что существо, которое неспособно осознавать себя существующим в течение определенного времени, не имеет права на жизнь, см. следующую книгу: Michael Tooley, *Abortion and Infanticide* (Oxford: Clarendon Press, 1983).
21. Обоснование такой позиции представлено в статье Р.М. Хэа (R.M. Hare) «Почему я вегетарианец только наполовину» ("Why I Am Only a Demi-vegetarian", 1993)
22. Brigid Brophy, "In Pursuit of a Fantasy," in Stanley and Roslind Godlovitch and John Harris, eds., *Animals, Men and Morals* (New York: Taplinger, 1972), p. 132.
23. См. Cleveland Amory, *Man Kind?* (New York: Harper and Row, 1974), p. 237.
24. Lewis Gompertz, *Moral Inquiries on the Situation of Man and of Brutes* (London, 1824).
25. Обширную информацию о том, какая жестокость связана с производством австралийской шерсти, можно получить из следующего источника: Christine Townend, *Pulling the Wool* (Sydney: Hale and Iremonger, 1985).
26. См. приложение 2 (в русском переводе этого нет).
27. Примеры того, каким жестоким и болезненным может быть убийство «вредителей», приведены в следующем источнике: Jo Olsen, *Slaughter the Animals, Poison the Earth*, (New York: Simon and Schuster, 1971) pp. 153-164.

28. Отдельные ученые начали работать над проблемой стерилизации диких животных; и обзор такой работы сделан в следующем источнике: J. F. Kirkpatrick and J. W. Turner, "Chemical Fertility Control and Wildlife Management," *Bioscience* 35: 485-491 (1985). Но в эту сферу вкладываются ничтожные средства по сравнению с тем, сколько денег тратится на потравы, отстрел и ловлю капканами.
29. *Natural History* 83 (3): 18 (March 1974).
30. In A. I. Melden, ed., *Human Rights* (Belmont, Calif.: Wadsworth, 1970), p. 106.
31. Frankena, in *Social Justice*, p. 23.
32. H. A. Bedau, "Egalitarianism and the Idea of Equality," in J. R. Pennock and J. W. Chapman, eds., *Nomos IX: Equality* (New York, 1967).
33. G. Vlastos, "Justice and Equality," in *Social Justice*, p. 48.
34. J. Rawls, *A Theory of Justice* (Cambridge: Harvard University Press, Belknap Press, 1972), p. 510. Об еще одном примере можно прочитать в следующем источнике: Bernard Williams, "The Idea of Equality," in P. Laslett and W. Runciman, eds., *Philosophy, Politics and Society*, second series, (Oxford: Blackwell, 1962), p. 118.
35. Пример см. Stanley Benn's "Egalitarianism and Equal Consideration of Interests," *Nomos IX: Equality*, pp. 62ff.
36. См. Charles Magel, *Keyguide to Information Sources in Animal Rights* (Jefferson, N.C.: McFarland, 1989). Работы лишь некоторых из этих философов указаны в приложении 1 (в русском переводе этого нет).
37. R. G. Frey, "Vivisection, Morals and Medicine," *Journal of Medical Ethics* 9: 95-104 (1983). Фрей критикует мой труд, прежде всего, в книге *Rights, Killing and Suffering* (Oxford: Blackwell, 1983), но также см. его *Interests and Rights: The Case Against Animals* (Oxford: Clarendon Press, 1980). Я даю ответ (совсем кратко) по поводу этих книг в "Ten Years of Animal Liberation," *The New York Review of Books*, April 25, 1985. 40. См. M. A. Fox, *The Case for Animal Experimentation* (Berkeley: University of California Press, 1986) и письмо Фокса от 15 декабря 1986 года в журнал *The Scientist*; также см. Fox's "Animal Experimentation: A Philosopher's Changing Views," *Between the Species* 3: 55-60 (1987), и интервью с Фоксом в журнале *Animals' Agenda*, March 1988.
38. Katherine Bishop, "From Shop to Lab to Farm, Animal Rights Battle is Felt," *The New York Times*, January 14, 1989.
39. "The Battle Over Animal Rights," *Newsweek*, December 26, 1988.
40. См. Henry Spira, "Fighting to Win" in Peter Singer, ed., *In Defense of Animals* (Oxford: Blackwell, 1985), pp. 194-208.
41. См. Alex Pacheco with Anna Francione, "The Silver Spring Monkeys," in Peter Singer, ed., *In Defense of Animals*, pp. 135-147.
42. См. главу 2, ссылку 118.
43. *Newsweek*, December 26, 1988, pp. 50-51.
44. Barnaby J. Feder, "Research Looks Away From Laboratory Animals," *The New York Times*, January 29, 1989, p. 24; for an earlier picture of the work of the Coalition to Abolish the LD50 and Draize Tests, see Henry Spira, "Fighting to Win" in Peter Singer, ed., *In Defense of Animals*.
45. Government of Victoria, *Prevention of Cruelty to Animals Regulations*, 1986, no. 24. Этот регламент охватывает тестирование всех веществ, используемых в косметике, в гигиенических средствах, в бытовой химии и в промышленности. Он запрещает эксперименты на конъюнктивальном мешке глаза кролика, а также все тесты, в которых животные подвергаются воздействию различных доз, чтобы с помощью

количества смертных случаев получить статистически достоверный результат. Для получения информации о Новом Южном Уэльсе см. *Animal Liberation: The Magazine* (Melbourne) 27: 23 (January-March 1989).